

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Александр ТРАПЕЗНИКОВ
Люди и призраки. Повесть 7
- Андрей ВОРОНЦОВ
По ту сторону жизни
Рассказы 66
- Виктория ЧИКАРНЕЕВА
Окно на пятом этаже. Рассказ 76
- Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Счастье. Рассказ 83
- Андрей БЕЛОЗЁРОВ
Бендерский снайпер
Рассказ 92
- Анатолий РОГОВ
Китайская ваза. Рассказ 103

Поэзия

- Новелла МАТВЕЕВА
Песнь осенних дней 3
- Нина ХРУЩ
Легко ли жить в моей России?.. .. 63
- Елена БАЛАШОВА
Живая! 74
- Виктор ВЕРСТАКОВ
Очертания русской тоски 80
- Анатолий ГРЕБНЕВ
По вечной реке 89
- Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ
Крутить любовь напропалую 99

Дневник современника

- Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в тупик 130

Очерк и публицистика

- Михаил НИКОЛАЕВ
На полях великой реформы 151
- Ирина МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ШИШОВА
Старые песни на новый лад 167
- Владимир ПОПОВ
Россия: модернизация
или утилизация? 177
- Валерий ГАНИЧЕВ
Итак, о русском
Размышления 194

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Ольга СВЕРДЛОВА
Не хлебом единым 212

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий отпрыск
Аввакума...” 109

Геннадий ГУСЕВ
“Трудовичком
не отделаешься!” 118

Анна ГРОДЕЦКАЯ
Вспоминая отца 256

Слово читателя

Читатель продолжает разговор 219

Критика

Игорь ИЛЬИНСКИЙ
Белая правда Бунина 232

Андрей РУМЯНЦЕВ
Вечные письма 250

Нина КАТАЕВА
Юбилей на фоне беспредела 259

Елена ПАПКОВА
Вожди, критики, читатели... 267

Книжный развал

Лев КОТЮКОВ
Единственный путь 275

Виталий СЕРКОВ
“И прошла земная ось
через сердце это” 279

Письмо в номер

А судьи — кто? 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 01.03.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,3. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ № 981. Тираж 10500 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ДАНАЙСКИЕ ПРАВЕДНИКИ

Что за вещи вдруг случились?
Отчего в сей день
В “Конституцию” влюбились
Все, кому не лень?

Вспомнился ли шеф поддатый?
Или всех пленил
Этот странный, красноватый,
Бурый цвет чернил?

Нет, не каждый даст присягу
Чтить подобную бумагу,
Как Святой Завет!
Ибо помнит свет:

Документ игривый этот
Писан — *кровью*. Чьей?
Кровью — за последний пост Советов
Павших — москвичей.

СВОБОДОЛЮБЦЫ-ЗАПРЕТИТЕЛИ

Для виду
Нападая на запреты,
Но тут же *запрещая* то портреты,
То книги, то плакаты, то газеты,
То “Жития святых”, то минареты,
Клеймя “тирана” с трубкой и усами, —
Вы первые тиранствуете сами;
На пробующих робко спорить с вами —
Бросаетесь клокочущими псами!
Но... топая ногой, но лбом тараня,
Ассаргадонствуя и тамерланя,
Желая подчинить себе Россию,
Не напроситесь на тиранию,
Вам встречную! Настроенную грозно!
Уймись же, эй, вы! — пока не поздно.

РАЗБИРАТЬСЯ НЕКОГДА!

Пока мы ждём (ведь нам —
реестрик выставь;
Ктó у них ведьмы там, а ктó — наяды),
Шахидки (прямо жёны декабристов!)
От ненависти к нам погигнуть рады!

Пока мы медлим их обезоружить,
Ударив наконец по их достатку,
И мямлим: “Их детишкам нужно
кушать, —
Оставьте ж им на хлеб и на взрывчатку!”

Они-то — не колеблются нимало;
Вишь, самидохнут, — лишь бы нас не стало!
А вы, что так размякли им в угоду,

Взгляните-ка на вещи деловито;
Отдайте им картошку, хлеб и воду.
Лишите их икры и динамита!

ПЕСНЬ ОСЕННИХ ДНЕЙ

О, сколько тонкости у летних
башмаков!
Красно́, да не тепло в осинниках
огнистых.
А на баяны пней, как пальцы
баянистов,
Опёнки смуглые запрыгнули с боков.

И песнь осенних дней —
небрежный дар богов —
Вдруг возрождается! — и в шелестах
волнистых
Листвы... И в топоте — вдоль рыжих
берегов —
Стад шумнодышащих... И в редких
птичьих свистах...

А вечер звёздами насытит небосвод
(Вот тоже был бы звук, — протяжный
и прозрачный...):
Но яблок — диковат по кровле бой
кулачный.
И авиаторов так низок здесь полёт,
Что крыша кажется аэродромом
рваным,
Откуда их ряды взмывают в рёве рьяном.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗИМЫ

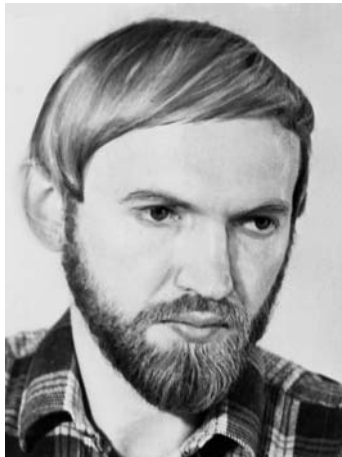
Старой крыши контур теневой
Высветился белым.
И зимы набросок черновой
Наконец-то стал рисунком целым!
Весело, как на другой звезде!
Ибо — вслед зарвавшейся воде —
Приостановились автобазы.
Там, в Европы дикой слободе
Водоросли выросли везде...
А у нас — морозные алмазы!
Но злорадства нет в душе моей;
Недостойно скальда чувство это.
Пусть Москве, где днесь царит Борей,
Подражает нынче вся планета;
Пусть Европу хлопьями обдаст;

Пусть из *добровольных** потоплений
Выберется мир на прочный наст,
Не страшась *глобальных потеплений*.
Автогонщик поднял крик и плач,
Приливает жар к буржуйским щёчкам;
— Где Автозавод?! — вопит лихач.
— Господин лихач, — пройдишь пешочком!
...Старой крыши контур теневой
Дед Мороз обвёл как будто мелом,
И зимы набросок черновой
Стал рисунком целым,
Белым-белым!

---

* Потому что парниковый эффект — есть ручная работа многих.

АЛЕКСАНДР ТРАПЕЗНИКОВ

ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

ПОВЕСТЬ

1

Он был просто человеком небольшого роста.

— Короткий ты, — с укоризной говорила ему жена. Да еще и добавляла при этом: — Мало что короткий, так еще и тупой.

А с ней не поспоришь. Она в семье всегда занимала главенствующее положение. Во-первых, зарабатывала гораздо больше, а во-вторых, и физически была намного крупнее. А он — что? Фитюлька, замухрышка, да к тому же, в связи с глобальным кризисом, отправленный в бессрочный отпуск без сохранения заработной платы и пособия.

По профессии Вася был фотографом, но газета, с которой он сотрудничал, и так-то дышавшая на ладан, временно вообще заглохла. А до пенсии оставалось еще десяток лет. До ухода из жизни, по российской статистике, и того меньше. Что делать? Вопрос вопросов.

Перед лицом вечности надо постараться прожить оставшиеся годы с максимальным толком и пользой для души. Это Василий Аверьянович смутно понимал, но не соображал — как? И тут вспомнил о своей мечте из счастливого, “проклятого” советского детства. Когда он играл в разведчиков и хотел стать шпионом. Или следователем, детективом.

Вот и пришло его время. Всё возвращается на круги своя, старый становится малым. Так не только в Библии сказано, так вообще в жизни. Птицы стремятся туда, откуда они улетали, рыбы нерестятся там, где сами ро-

---

ТРАПЕЗНИКОВ Александр Анатольевич родился в 1953 г. в Хабаровске. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института. Автор книг «Тень Луны», «Механический рай», «Игры идиотов» и многих других. Выступает в периодической печати как публицист и критик. Живет в Москве.

дились, и даже людей-злодеев тянет на место преступления. Что уж говорить о восходе и закате солнца, о круговороте воды в природе. А детективы-мыслители призваны во всей этой тайнописи разобраться.

Фотографом Вася был справным, на хорошем счету. И, несмотря на малый рост, прыгал выше головы, чтобы поймать ракурсы и сделать удачный снимок. Это ему удавалось. Он даже имел некое преимущество перед другими, более дылдыстыми фотокорами. В любую щель мог пролезть.

А вот каким станет детективом? Тут ведь порой и кулаками приходится поработать. Так, по крайней мере, следует из всех книжек и фильмов. Уж их-то Вася читался и посмотрелся вдоволь. Собственно говоря, всё свободное время на эту ерунду и тратил. От Агаты и Донцовой до Бонда и Глухаря.

Но надо признать, что профессии детектива и фотографа чем-то схожи. Оба выжидают, выслеживают, анализируют ситуацию, ищут подходящий момент, когда предмет наблюдения наиболее открыт и пребывает в подлинном своем естестве. Тогда только щелкают и предъявляют ему и публике свои доказательства. Ведь снимок — это та же улика.

На нем человек не хорош и не плох, он просто “схвачен за руку” в нужную секунду, от которой уже не отвертеться, застигнут на месте “преступления”. Если преступлением можно назвать саму жизнь, особенно вредную и бестолковую.

Не скажет тогда: “Не моя это секунда, не мое время, не я это вообще и не было меня тут. Я другой”. Нет, милый. Ты это, и только ты, и ты ответишь за всё, что сотворил. Не успел спрятаться за кадром. Вот доказательства.

Однако с работой в газете Василий Аверьянович расстался без сожаления. Уж больно она в последнее время пожелтела и поглупела. Туда ей, в компостную яму, и дорога, спасибо мировому финансовому кризису. Ему и самому уже надоело щелкать гламурно-глянцевых звезд, да еще и получать порой от их охранников по мордам.

Ну какие “доказательства” ущербности, в свете вышесказанного, можно им предъявить? То, что они пусты, как турецкий бубен, и так же громко и бестолково гремят? Да это и без фотоснимков ясно. Вот уж действительно жизнь их, бытие — настоящее преступление перед родом человеческим, перед его вековыми духовными чаяниями, надеждами и стремлением к “умному деланию” и самосовершенствованию.

Человек, так, по крайней мере, нас учат святые отцы, вроде бы носит в себе “образ Божий”. Но тут-то он где? В искаженных похотью лицах, в дергающихся от сатанинской пляски телах, в смрадных словах и звуках, в обезумевших от жажды поклонения и денег глазах? Это личина беса. Его образ.

Он теперь и на сцене, и в кино, и на экране телевизора, и в книжке, и на высокой трибуне. И всё чаще можно столкнуться с ним на улице. Даже в своем собственном доме. А то и в зеркале прячется. Когда глядишь на себя с грязными мыслями.

Василий сам хотел уйти из газеты, не так давно начав размышлять на подобные темы. Видно, время пришло, Господь управил. Но как начать новое дело, а по сути новую жизнь, не обремененную порочными страстями и душевными муками? Как отринуть от себя губительные соблазны и бесцельные метания?

И чем лучше детектив-следопыт фотографа-хроникёра? Не скатится ли он опять в ту же бездонную духовную пропасть? Сомнения и нерешительность совсем загрызли его, но заветная мечта детства оказалась сильнее.

Как ясно выразилась жена, когда он объявил ей этим июньским утром о том, что хочет заняться частным сыском:

— Сбылась мечта идиота, не прошло и сорока лет. Денег не дам, не надейся.

Она была бизнесумен, правда, среднего масштаба, но наличность в банке имела. А Вася на ее капитал и рассчитывал, хотя бы на часть, хотя бы на ссуду, чтобы открыть детективное агентство и получить лицензию. Сорвалось. Можно было не продолжать. Но безработный ныне супруг всё же рискнул:

— А взаймы, Варя, не дашь? Под расписку. Хочешь, напишу кровью.

— Под такое тупое дело тебе никто не даст, хоть семенем своим безродным пиши. И лицензию никогда не получишь. Ты же не специалист. Не мент бывший, не юрист. Был самым коротким в мире фотографом, а теперь решил стать самым укороченным детективом? Идиот, одно слово.

— Зачем ты так, Варя? Я ниже тебя всего на пятнадцать сантиметров.

— Ты ниже меня на сто метров по уму. Иначе бы не клячил сейчас деньги. И вообще, если не найдешь в ближайшее время нормальную работу по специальности, я еще подумаю, терпеть ли тебя дальше в моей квартире. Не проще ли дать пинка под зад? Ищи тогда объедки на улице. В мусорном баке открывай свою детективную контору, крысы будут твоя самая лучшая клиентура.

— Злая ты, Варенька, стала. Прежде не была такой.

— Прежде солнце иначе всходило.

— А теперь как? На Западе?

— Вот именно. Пора бы это уже уразуметь. Не маленький. Хотя вру. Мал до предела, — подытожила супруга.

Она постоянно тыкала ему его ростом, но Василий к этому давно привык. Не комплексовал. Сейчас он попробовал предпринять еще одну, последнюю попытку смягчить сердце жены. Решил жать на чувства.

— А помнишь, — задумчиво начал он, обнимая её, — как мы с тобой впервые встретились у Горячкиных? Ты тогда была в красном платье и белых туфельках, с распущенными светлыми волосами...

— Охолони, — ответила бизнес-леди, сбрасывая его руки с плеч. — Я уже давно не блондинка, а брюнетка, если ты заметил. Поезд ушел. Скажи спасибо, что ты сам еще куда едешь в его последнем вагоне.

Однако далекие воспоминания вдруг кольнули и ее душу.

— Ладно, — подумав немного, сказала она. — Поступим так. Если тебе, Вася, столь невтерпёж, то распутай мне какое-нибудь самое темное преступление, а я тогда уж и решу: давать тебе на агентство деньги или нет? И вообще, стоишь ли чего-то в этом деле или, как обычно, занимаешься дуракавалянием. Петришь, короче, либо по-прежнему самый короткий в мире идиот. Всё, разговор окончен.

— А какое преступление-то, Варя? Намекни хоть. Есть ведь такие древние, что с библейских времен тянутся и до сих пор не раскрыты. А есть свеженькие, только намедни испеченные. Какое блюдо изволите подать к ужину?

— А какое хошь. Какое на тебя смотрит.

— На меня сейчас ты смотришь.

— Вот мной можешь и заняться, — усмехнулась Варя. — Попробуй, выясни, что за скелет я в шкафу прячу? И кончим на этом. Меня персонал ждет, мне действительно на работу пора, в отличие от некоторых коротышек.

— А срок-то какой даешь на раскрытие? — крикнул ей вдогонку Василий.

— Две недели! — откликнулась жена, помахав ручкой. — А не раскроешь ничего — высажу из поезда, так и знай. Мне безбилетные лопухие зайцы ни к чему.

Ей можно было верить. Бизнесвумен слово свое держать умела. Купеческой крови была, предки ее мукой торговали по всей Москве. Да и сейчас она по их стопам хлебобулочными изделиями занималась. Дело крепко поставила. Марка своя была, короче. Бренд, по-новому, по-аглички.

А Вася не только дедушек, отца-то с матерью не знал. Подкидыши, словом. В детдоме сначала рос, потом интернат был. Но даже там всё равно жизни радовался и терпел пинки да плевки, иначе бы быстро озлобился и сломался. А другие с тех пор уже давно кто на зоне привычно шконку давят, кто спился и божуется по необъятным просторам России, кто занаркоманил и занохался клеем да и испустил дух.

Жили они в Сокольниках, на одной из Ширяевских улиц, которых тут было несколько. В родовом гнездышке супруги. Это был еще один козырь в

ее руках. Главный, квартирный. Все лучшие карты у нее, все короли и тузы, а у Васи что? Только фотоаппараты да детская мечта стать детективом.

Но она-то и может когда-нибудь, история тому учит, превратиться однажды в джокера. В любой игре, особенно — в жизнь. Хотя не игра это во все, а само судейство ее, и ты не зритель или участник партии, а сам главный арбитр и есть. И нужно лишь суметь не предать свою детскую мечту хотя бы в зрелые годы. Иначе уж всё продавай — ум, талант, почку, тело. Душу тоже. Покупатели всегда сыщутся.

2

Первым делом Василий Аверьянович отправился на прогулку в парк, чтобы всё хорошенько обдумать и постараться выполнить требование любимой жены. Рассчитывая только на свой аналитический ум, как на пушкинскую золотую рыбку. А Варвара в последнее время всё больше напоминала ту сварливую старуху из сказки. Стремительно движущуюся к своему изначальному корыту.

Нет, внешне она по-прежнему оставалась привлекательной молодящейся дамой среднего возраста. Дашь сорок, хотя было больше. Следила за собой, посещала фитнес-клуб, косметолога, делала “подтяжки” и пару раз пластические операции. Так что с фасадом этого хлебного здания всё было в порядке. Но вот внутри, в закромах и в подсобках...

Злаковый бизнес совсем заглохнул, дожёвывал. Одно желание следовало за другим. Она все расширялась и расширялась. Не по фигуре и фактуре, а в кондитерском смысле. Прежде такой цинично-расчетливой не была. Была воздушной, веселой и беззаботной принцессой, как на вечере у Горюхиных.

Где сейчас эта радужная девушка? Вся вышла. Где её-то мечты? Не ужились с рынком. Сменила красное платьице на строгий деловой костюм, а туфельки растеряла, убегая со сказочного бала юности. В погоне за хлебной прибылью. За брендом, бизнесом с инновациями и прочей требухой.

И превратилась Золушка в Мачеху. А пасынок при ней — он, Вася. Как всё тот же малец из детдома, горькая сирота казанская. Без роду и племени. Сказка кончилась. Да и была ли она когда?

А обратно в утреннюю свежесть путь труден и долг, не всякий на него и решится-то. Обернуться вновь из гагары ласточкой не легко. Тут требуются душевные усилия, по мановению волшебной палочки с базара в каретке на чудесный бал не вернешься. Уж проще плыть в мутном потоке вместе со всеми остальными щепками и прочим мусором в Никуда и в Ничто. В шлюзы отстойные.

Открывала Варвара теперь в отдаленных уголках столицы булочные, филиалы, передвижные киоски. Какой только продукции не выпускала! Батоны, плюшки, сдобы, сухарики, кексы, крекеры, чипсы и прочее, прочее. Это бы и не плохо, дело-то полезное, важное и даже благородное.

Хлеб — точно всему голова. А вот зрелища во все времена и в любых странах — это низ низов, мозоли на пятках. Нельзя эти два слова рядом ставить. Древние римляне совместили их в своей ненасытной утробе, потому и исчезли с лица земли. Как бы и с русскими того же не произошло.

Человек ведь, верно мудрецы говорят, есть то, что он ест. Будет уминать за обе щеки гамбургеры — превратится в американца-обжору, в большой ходячий биг-мак с бездумным чизовским разрезом-ухмылкой до ушей. А станет есть русский хлеб — останется русским. Ржаным, ситным да бородинским человеком.

Караваем, одним словом. С душой, пахнущей настоящим хлебом. Готовым вновь засеять поле, вспахать его и вырастить урожай. И отстоять, если понадобится, Куликовы, Бородинские и Прохоровские поля от недругов.

Василий видел, что супругу всё больше обуревают не чистое стремление к окормлению людей хлебом, а жажда наживы, бессмысленная тяга к Мамоне. Цены на свои дрожжевые булки всё повышала и повышала, а качество становилось всё хуже и хуже.

Изготавливали их в турецких мини-пекарнях, и хлеб этот не утолял голод, а лишь имитировал сытость, разбухая в желудках как вата. Или даже как стекловата, поскольку потом резало внутри и пучило. Не переваривался он, не усваивался организмом.

Но люди-то об этом не догадывались, а если и знали, то всё равно покупали, поскольку другого-то не было. А главное здесь — красивая обёртка. Как упакуешь, так и продашь. Словно бумажка, форма важнее самого содержания, сути.

Это теперь повсеместно, с другими продуктами тоже. И не только с ними, с едой, но и помимо пищи — с тем, что глотают из телеящика, широко раскрыв рты. А также глаза и уши. Чтобы насытиться, обожаться просто из этой самой большой и доступной “продуктовой корзины” лжи.

Да тут супруга еще и какой-то кошерный хлеб надумала печь, по талмудистским рецептам, заручившись согласием синагоги. Лишь бы еще часть рынка отхватить, клиентуру расширить. Совсем умом двинулась. Вот кто короток-то, по большому, пусть даже гамбургскому счету. Предки ее на такое не пошли бы. Нет, не стали бы своих соотечественников чужеродной турецкой да прочей отравой потчевать.

...Сокольники им были исхожены вдоль и поперек. Это было его любимое место отдыха, да и работы тоже. А сколько он сделал здесь прекрасных снимков, какие чудесные, необыкновенные человеческие лица поймал в кадр! А какое волшебство эти зимние, припорошенные снегом и обвешанные хрустальными сосульками деревья, и овальные Оленьи пруды, покрытые тонкой прозрачной коркой льда, и весенние радужные проталины, и летние разноцветные изумрудно-агатовые клумбы, и багряное осеннее увядание листьев, и суета милых доверчивых белок, кормящихся из детских ладошек...

И ветхие старики с орденскими планками на затертых лацканах, и влюбленные до небес в своих чад мамы с колясками, и донельзя серьезные мужчины с газетами на лавочках, и гурьбой бегущие школьники, и горделиво вышагивающие изумительно красивые кони, ведомые под уздцы, и брошенные на произвол судьбы, отринутые от жизни бомжи и бомжихи, и многое-многое другое.

Он знал парк Сокольники как свои пять пальцев. Изучал его историю, искал приметы и черты былых времен, знаки и символы, оставленные здесь предыдущими поколениями.

И всегда находил что-то новое. Неизведанное, по крайней мере, для него самого. А это ведь тоже чем-то напоминает добровольную работу любителя-детектива, исследователя прошлых тайн. Разгадывателя исторических кроссвордов.

3

Что представлял из себя этот огромный, сосновый преимущественно парк, в те далекие годы? В четырнадцатом и пятнадцатом веках — густой девственный лес, тянувшийся к востоку до села Черкизова, а к северу уходивший на десятки километров к Троице-Сергиеву монастырю. Через лес этот проходила важная Стромьнская дорога из Москвы в Суздаль. По ней шел собирать свои войска Димитрий Донской, когда к столице подступил Тохтамыш.

А в шестнадцатом веке здесь уже любил охотиться Иоанн Васильевич Грозный, которого столь невзлюбили и по-школярски подло вымазали одним лишь чёрным дёгтем будущие и советские, и либерально-демократические историки. Когда ему-то воздадут должное, его монаршему величию и мудрости, без прикрас и очернения? Распутают клубок тайн души первого на Руси Удерживающего?

Здесь же, в Сокольниках, лежала деревенька Возниковская, где жил знаменитый наш победитель Смуты князь Димитрий Пожарский. А неподалеку от нее, в середине семнадцатого века, на берегу Яузы, “Тишайший” царь Алексей Михайлович построил себе деревянный Преображенский дво-

рец. В местности, носившей название “Собачья мельница”. Тоже был заядлым охотником.

В то время предпочитали охотиться главным образом с помощью собак или соколов да кречетов. С псами преследовали лося или кабана, которых гнали до тех пор, пока они не падали от изнеможения. Тогда уж охотник шел на лай и приканчивал зверя кинжалом. Так и название возникло — Ло-сино-Поганый остров, к северу в Сокольниках.

А соколов, завидя бегущую добычу или летящую в небе птицу, подбрасывали с руки вверх. Те стремительно взмывали в высоту и оттуда камнем падали на намеченную жертву. Убивали ее своим железным клювом и приносили своему хозяину-сокольнику. Есть предание, что любимый сокол “Тишайшего” — Ширяй — бросился на лису, но не рассчитал удара и сам разбил насмерть. В память о нем и появились Ширяево поле, Ширяевы улицы и проезды.

А вот Петр I охоту не любил, увлекался игрой “в солдатики”. Наталья Кирилловна, матушка его, и все бояре считали эту забаву унижительной и недостойной юного царя. И однажды уговорили-таки Петра поехать вместе с ними поохотиться. Что же из этого вышло? А ничего хорошего для самих бояр.

В лесу царь велел отпустить псарей, которые держали в руках бечеву от своры управляемых ими собак. И взять эту бечеву боярам. Те повиновались. Но делать-то правильно не умели. Тут особый навык нужен. Собаки перепутались в бечеве, полезли под лошадей. Кони испугались и понесли. Бояре попадали и побились. Собаки разбежались, а Петр остался доволен. Охота не состоялась.

А уже на следующий день он решил позвать бояр на соколиную охоту. “Опять что-нибудь нехорошее затевает”, — подумали, не без основания, они, и сказались больными. Петр I в назидание изрек: “Аще светлая слава есть в оружии, то почто же мя ко псовой охоте от дел царских отвлекаете и от славы к безславию приводите? Аз царь есмь и подобает ми быти воину, а охота оная принадлежит псарям и холопам”. Так с тех пор охота в Сокольниках перевелась и заглохла.

Много о чем вспоминал Василий Аверьянович, прогуливаясь по летнему парку и мысленно переворачивая страницы Истории. О супруге своей и ее требовании он покуда не размышлял. Всему своё время. Две недели еще есть.

За такой срок, при желании, можно тайну “Янтарной комнаты” раскрыть, а в ней и библиотеку Ивана Грозного обнаружить, где загадки египетских пирамид хранятся и все сведения об исчезнувшей Атлантиде и даже инопланетянах, с грифом: “Строго для служебного пользования. Вскрыть токмо лишь Васе Соколкину”.

Кстати, жена так и не захотела сменить свою охотничье-собачью фамилию Борзых, с ударением на первом слоге (это она всегда подчеркивала, как бы всецело оправдывая ее глубинный смысл), на его птичью. Но зато столь близкую и родственную именно их месту проживания. Сокольникам.

А пока так приятно идти в разумном молчании по аллеям среди ветвистых кленов, где, конечно же, прогуливались когда-то царицы — и Анна Иоанновна, и Елизавета Петровна. Где на Сокольничьем поле в такой же, должно быть, солнечный июльский месяц, становился лагерем карабинерный полк и происходили войсковые маневры.

Где в коронацию Александров и Николаев устраивались “народные гулянья”. На даче знатного купца Буркина, старшего, к слову, компаньона Борзых, в саду, иллюминированном тысячами разноцветных фонарей, в превосходной и с редким вкусом построенной галерее играл оркестр. А что же он тогда исполнял?

Василий осознавал это видение столь реально, будто сам мальчишкой-половым из местного трактира находился в задних рядах праздной шатающейся толпы. И тянулся, подпрыгивал выше собственной головы, стараясь лучше разглядеть полковых музыкантов.

Вглядывался мысленно, внутренним зрением в их парадные начищенные мундиры, доломаны, аксельбанты с серебряной канителью, золотые галуны

и шевроны, ментики, блестящие нагрудные бляхи, пуговицы и лядунки, сверкающие на солнце духовые трубы, рожки, горны.

Сводный оркестр из преображенцев, измайловцев, финляндцев играл не только вальсы и польки, для развлечения гражданской и чиновной публики, но и волшебную музыку Моцарта, Чайковского, Бартольди. Что это были за чарующие звуки! Какие несравненные душевные мелодии лились, казалось, с самих небес... Заслушаешься.

Московские газеты не зря писали в то время: “Из всех прелестных окрестностей столицы любимейшее гулянье — Сокольники. В “Волчьей долине” и в парке — всегда большое общество. Для уединения — 6—8 верст тенистых тропинок заведут в глушь. Живописные берега Яузы — с белеющими купальнями, где можно освежиться...”. Да что листать пожелтевшие страницы, надо видеть и слышать. Чувствовать аромат времени.

Во второй половине девятнадцатого века Сокольничья и Оленья рощи вместе с прудами были куплены у казны городом, и в них устроен общедоступный парк для всех жителей. Для таких даже простых бедолаг, как безродный Вася Соколкин. В центре, на так называемом “кругу”, была воздвигнута деревянная ротонда, позже здесь же устроена открытая сцена, на которой за умеренную плату давались не только серьезные концерты, но ставились порой и целые оперы русских классиков.

На живописных прудах катались с дамами в лодках, бойко шла торговля в купеческих лавках Буркина и Борзых, приглашал под свою сень ресторан. Но рабочий люд предпочитал приходить в Сокольники со своим самоваром и распивать семейно чай на зеленой, изумрудной травке.

Мусора после себя, между прочим, не оставлял. Вот вам и “царское время”, вот вам и “тюрьма народов”, “империя зла”. Здесь же и первую линию конки провели. А еще устроили специальный питомник деревьев, предназначенных для посадки в других парках и на улицах Москвы.

Ну а в начале двадцатого века пошли тут митинги да маёвки, нелегальные сборища да столкновения с полицией и баррикады, а потом... Не хочется даже и вспоминать. Василий и не вспоминал, эта тема ему была не интересна.

Хотя и в ней много еще чего загадочного. Как так вышло, что, побросав медные самовары, русский рабочий люд взялся за булыжник? Да изгадил не только Сокольники, а и всю Россию?

Кто тайно вёл его на это чудовищное преступление? И хотя предки Соколкина, судя по всему, сами принадлежали к той же среде, обмшуренной иноплеменными поводырями, но сотворённую ими мерзость запустения и беззаконие он не только не одобрял, а просто-таки ненавидел. Как и нынешних их духовных, а лучше сказать — бездушных идейных соратников-нелюдей, завладевших на российской земле всем ради собственной утробы.

Вот уж кто действительно самые короткие на земле люди, людишки даже, сколько бы ни было у них денег и власти. Не ведают, не хотят знать, что за всё придется ответ держать. И муки их будут страшные, вечные, со скрежетом зубным, как сказано в Библии.

Никакой дантист тебе там уже не поможет, в геенне огненной. У него на своей сковороде те же проблемы. А Господь за всё спросит. Он не Тимошка, всё видит в окошко. Что толку в неге жить, коли душа твоя омертвела? Пропать тогда твоя жизнь, пропась бесконечная.

А ведь Варвара его уже совсем на краю этой бездны стоит. Еще шаг, шажок — и полетит вниз. Попробуй тогда, верни назад. Василий даже сам остановился, ужаснувшись этой мысли. Осознав вдруг, что не только его семейный корабль дал течь, судно это давно на мель село, но самый близкий и родной ему человек погибает, не ведая, что творит.

Нравственно калечит себя, будто добровольно ложится под нож умелого и опытного, надо в том согласиться, дьявольского ловца-хирурга. А тот в охотку и режет, делает “подтяжки” души и сердца, да пластические операции в полушариях мозга.

Все его пациенты — целый легион слуг — по ту сторону любви, добра и милосердия. Безобразны они, по сути, как сам отец лжи, обезьяна Бога, “хирург” этот.

Фотограф-детектив сел на свободную лавочку, задумавшись в печали и грусти. Что же с Варей-то делать, как помочь ей? Глаза ей открыть, совсем ведь слепая стала. Вот уж действительно стоит у нее в шкафу скелет, тянет к себе, стучит костяшками, зовет. Чтобы в брачном танце слиться. И погубить окончательно.

Не видит она его, потому что не зряча ныне. А хорошо бы было скелет этот поймать в объектив, шелкнуть да показать снимок ей: гляди, вот он, тот, кто тебя гложет, изгрыз уже изнутри всю, иди к доктору, настоящему, ступай в Церковь.

Сам Василий принял крещение уже в осознанном возрасте. В детдоме бы кто крестить стал? Был верующим, но не так чтобы очень уж воцерковленным, а тайно, как первые христиане. Вначале, при атеистической Советской власти, было это со всех сторон гонимо и осуждаемо, опасно даже, а жена так и вовсе шпыняла, когда он осенял себя украдкой крестным знаменем.

Теперь модным стало, сверху донизу, от кремлевской верхушки до последнего лавочника. Бродят со свечками по храму, глаза выпучив да крестясь то левой, то правой рукой, словно от мух отмахиваясь. Что еще хуже, поскольку не вера это, а лишь стадное баранье чувство. Когда о шерсти своей печешься больше, чем о спасении души.

Вот и приходилось как-то тайно исповедовать. И тогда, и сейчас. В церковь ходить от случая к случаю, а в непогоду и вовсе под крышей дома укрываться. Стыдливо креститься при чужих людях. Малодушно молчать, когда при тебе богохульствуют или сквернословят. Слушать анекдоты пошлые и хохотать вместе со всеми над всякой дурью, а то и над прямым кощунством. Молиться рассеянно, думая о чем-то другом, земном.

По глупой традиции поминать родных с водкой. Посты не блюсти, заботясь о том, как же можно прожить без колбасы и пельменей? Причащаться редко, всё потом, потом, успеется. Торопливо уходить из церкви до окончания службы или проповеди.

А куда спешить-то? От света горнего и всеблаженства опять во тьму и суету мирскую? Чтобы побыстрее выгнуться в телевизор, да гороскопы с "пророчествами" Нострадамуса полистать?

Так и жизнь свою всю перелистаешь в один миг, не заметишь, как закончится. Журнал этот в пошлом глянце, с уродливыми фотками и страницами твоей судьбы, тобою же самим второпях, коряво исписанный. И не успеется тогда уже ничего. Поздно.

Не дело это, вроде как трус ты, готов в опасной для себя ситуации отречься от Христа, только поведут тебя на суд синедриона. Даже палачей еще нет с плетьюми, а ты уж и не исповедуешь, продать горазд. Страх этот всё еще жил в его душе и сердце, а больше в голове, в мозгах. Что ж... Грешен. А кто свят-то? Свят тот, кто ничего и никого не боится, кроме Господа.

А еще и такая, вроде бы, на первый взгляд, мелочь, но дьявол ведь не случайно в деталях прячется. Вот надел ты с утра башмаки и вышел за кефиром на улицу. А и не заметил, что на подошве у тебя кресты. Теперь "обувщики" такими мастерами-хитрецами стали, что враз обуют душу христианскую по своей нечестивой мерке.

Идешь ты, значит, по улице, и с каждым шагом крест попираешь. Да еще и на брошенную копейку наступишь, а на ней изображение святого Георгия Победоносца. Он змия копьём поражает, а ты на его облик — в сапогах. Много у бесов уловок.

Каялся Василий, думал обо всем этом, исправлялся в последнее время. Особенно, когда остался без работы. А теперь еще, может быть, по воле жены, и на улице окажется. Совсем свободным станет. Уже не боялся он открыто при всех креститься на купола встретившихся по пути церквей.

Излечивался от страха иудейского. От болезни этой, проказы, поразившей весь мир пострашнее всякого там свинячьего гриппа, в самом же синедрионе и выпестованного, вкупе с толерантностью и экуменизмом.

Ведь поди ж ты до чего докатилось: скажешь кому громко, что “я — православный русский”, так тебя тут же в ксенофобии обвинят. Ага, ки-чишься, другие нации и конфессии ненавидишь! Ату его, чтобы другим неповадно было! А то, что “я — француз и католик”, “я — еврей, пострадавший во всех коленах от дефолта и Холокоста”, “я — баптист и иеговист в одном пузырьке”, “я — гей с парада”, так это ничего, это нормально, это приветствуется. Одним русским на родной земле капканы да рогадины.

Была еще одна тайная мечта у Василия Аверьяновича. Побывать на Афоне, совершить паломничество на эту Святую для православных христиан Гору. Тянуло его туда сейчас изо всех сил, всем духом его. Так и исходил бы Афон вдоль и поперек, хоть босыми ногами. Вот где всё родное, всё близкое и все — свои. Ни один древний монастырь бы не пропустил, ни один скит, келлию или каливу. Однако денег на эту поездку не было.

Обязательно бы хоть одним глазком заглянул в Хиландар, Костамонит, Пантократор, Каракал, Ксилургу, Пантелеимон, Ватопед, Дохиар и другие монашеские общежития. Карту Афона он наизусть выучил, были у него и паломнические книги о Святой Горе. Но он их от жены прятал, на загородной даче, в оборудованном им под крышей тайнике. Иначе стала бы опять насмехаться, а то и сгребла бы всё в кучу да выбросила.

А вот свою-то оккультную литературу по магии, хиромантии, сонникам разным и религиям Востока с учениями всяких блаватских и рерихов на виду держит. И не боится ведь ничего. Ну, его, Васю, ладно. Знает, что он не посмеет даже дотронуться до них.

Что её, она так поставила, то — её, “и что твоё — тоже моё, потому что своего у тебя, коротыш несчастный, ничего нет”. Да и не надо, не очень-то и хотелось! А Бога-то не боишься? Даром, что ли, тебе это увлечение пройдет?

А еще читает книги каких-то экстрасенсов, колдунов и ворожей — Клизовского, графиню Маковий, Владимира Мегре, Анастасию, Асауляк, Джуну, Лонго, Таранова, Свияж, Малахова, прочую муть, ну и, конечно же, “Розу мира” Андреева. Как без нее. Без нее карма и аура не того цвета будут.

Одно время йогой занималась и медитацией, а еще прежде — обливанием “по Иванову”. С “Деткой” под подушкой спала. Про карты “таро” и говорить нечего. Любимое занятие. Уже не отучишь, сколько ни пробовал. Василий тяжело вздохнул.

5

Он сидел сейчас на лавочке и думал об этом. Болтая ногами и не доставая ими до травки. А мимо народ шел. И все — чужие. Странно как. Здесь, на родине, в милых сердцу Сокольниках, где прожил четверть века, люди всё больше мутнеют и желтеют, как на выцветших фотографиях, а там, на неизведанном им пока Афоне, они — именно что свои, и обретают в его душе невиданную четкость, неземной ракурсе и провиденциальный смысл. Здесь кто-то спешил куда-то, кто-то просто прогуливался, но до него никому не было дела. А там — ждали.

Может быть, дело в том, что мы, поспешные христиане (так размышлял Василий), ищем Бога на земле, и чаще всего не в пустыни или в других заповедных и труднородных уголках, а среди монолитов цивилизации. Нам кажется, что где материальный рай, где комфортней жить — там и Бог.

Ну, и там, конечно, тоже, но только с наказующим и вразумляющим перстом. Потому что земного рая, в нашем практичном понимании, вообще нет и не может быть. Обман это. Человечество сотни раз строило его, запутывалось в нем и кончало страданиями. Лишь ненависти в мире прибавлялось.

Но есть отблеск его, рая небесного — в намоленных храмах, монастырях, лаврах. Там, где положен предел всему суетному и преходящему. Всем цивилизационным искусам. И одно из таких самых горных мест — Афон. Вот где подлинное чудо из чудес. Вот где тайна великая. Только достоин ли он туда попасть, приблизиться к нему хотя бы? Услышит ли в своей душе этот зовущий его греческий возглас — “Аксиос!” Достойн...

Потом мысли его переключились опять на супругу. И на предстоящее расследование. Конечно, эту его мечту об Афоне и сравнить-то нельзя было с детским желанием стать детективом. Совершенно разные весовые (или не-весомые?) категории.

Но ведь есть и что-то относительно, отдаленно общее. Тайна, вот что. Загадки человека, его дел и деяний. Святых и грешных. Загадки Божественного промысла и чудодейственных явлений. В одном случае это тайны земные, а в другом — таинства небесные.

И если первое вполне естественно подлежит всестороннему исследованию, распутыванию клубка, то второе — неохватно и непостижимо человеческим разумом. Как объяснить, скажем, схождение ежегодно на Пасху Святого Огня в Храме Господнем в Иерусалиме? Или Троицество Отца, Сына и Святого Духа? Или Мироточение икон? Или Туринскую Плащаницу с обликом Спасителя на полотне, словно это отпечатанный снимок, исполненный неведомым ангельским фотографом?

Наука тут бессильна со всеми своими нобелевскими лауреатами и радиационными анализами. Детективы тоже отдыхают. Надо просто верить, а не копаться в Истине, словно в мусорном для тебя ведре, подвергая ее сомнению и пытаясь найти какие-то опровергающие ее следы. В ней преступных улик нет. Она не нуждается в алиби. Истина и есть Бог.

Но большинство людей, вполне, кстати, нормальных, добрых и честных, по-прежнему продолжают искать для себя каких-то непреложных доказательств чуда. “Вот если увижу собственными глазами, тогда...”. Да весь мир вокруг тебя и ты сам — это и есть Божье творение, неразгаданная тайна и чудо. Каких тебе еще свидетельств надо?

Василий вспомнил состоявшийся полгода назад разговор с женой на эту тему. Время от времени он предпринимал подобные попытки, но всё реже и реже. Поскольку наткнулся на глухую стену равнодушия и отчуждения. А то и на нервные, невразумительные отклики, граничащие с истероидными припадками. Словно уже экзерсис для нее требовался. А речь тогда пошла вот о чём.

В Ионическом море, не так далеко от Афона, лежит остров Кефалония. Там в Средние века возле деревни Макропуло находился женский монастырь. Однажды все мужчины из поселка отправились на рыбную ловлю, а в это время на горизонте показался пиратский корабль. Монахини понимали, что их ждет. В отчаянии они стали горячо молиться перед иконой Божией Матери, именуемой Лангабарской, то есть Змеевидной, взывая к Её заступничеству.

И что же? Спасения, казалось, уже нет. Пиратский корабль пристал к берегу. Разбойники начали ломиться в ворота обители. Когда те рухнули и негодяи ворвались внутрь, то их охватил ужас. Они увидели... больших черных змей. Нечестивцы в страхе бежали прочь, а с тех пор на этом острове происходят удивительные чудеса.

Каждый год, в день Успения Богородицы, после захода солнца, со всех окрестных гор на место монастыря, где теперь стоит часовня, сползают ядовитые змеи. Они становятся совершенно ручными и никого не жалят. Хотя в иное время их укусы смертельны. Во время литургии они ползут к Лангабарской иконе Божией Матери. Со змеями можно играть, ласкать их, гладить, обвивать вокруг шеи. Так все и делают.

Всех охватывает какая-то просветленная радость, особенно детей. Это удивительное состояние, словно ты попадаешь в рай. Такого больше нигде нет, ни в каком месте земного шара. Но на следующий день змеи уползают обратно в горы. И вот тогда уже они опять становятся смертельно ядовитыми. Что же это такое, как объяснить?

Супруг, рассказывая Варваре об этом ежегодном кефалонском чуде, пытался донести до нее ту простую мысль, что Господь держит перед нашими глазами открытую Книгу, перелистывая страницы жизни и мира, а мы либо зажмуриваемся, либо пытаемся всё истолковать по-своему, списывая явление чудес на сущность невероятного и невозможного, а потому и не реального. А это Область Тайнственного. Ведь даже мистика, по словам отца Сергия Булгакова, есть воздух Православия.

Мысль свою Василий до жены так и не донёс, расплескав по дороге. Вернее, чашу эту с Истиной она выбила из его рук и закричала в ответ что-то истеричное. Мол, хватит поповских сказок, махровый ретроград, черносо-тенец (это-то тут при чем?), безродный ублюдок и вообще — тварь подза-борная. Слово бес в нее вселился.

Он даже не ожидал от нее такого буйного напора и натиска с метанием из глаз шаровых молний и разбрызгиванием ядовитой слюны. Будто превра-тилась в миг не в кефалонскую, а в обычную болотную гадоку. Предпочел за благо умолкнуть и уйти в сторону.

Понял одно: чужие они становятся друг для друга всё больше и больше. А в чём причина этого отчуждения? Вот что надо расследовать. Кто и когда преступил Закон. Кто тут противостоит друг другу: муж ли жене, жена ли мужу, их обиды, мысли, взгляды на мир, ценности в душе и кармане, а может, просто два вида жизни, за каждым из которых свое войско — живых и мёртвых?

6

И тут вдруг Василий Аверьянович почувствовал, что близок к разгадке тайны своей супруги. Будто озарение какое пришло. Нет, не пришло еще, а только мелькнуло перед глазами, как бабочка-махаон. Вот и опять кружит-ся, а в руки не дается. Эх, поймать бы...

Да сачка такого нет, чтобы вот так просто изловить порхающую вокруг тебя и дразнящую мысль. Потрудиться надо. Главным образом духовно, серд-цем и разумом. Так оно и называется в святоотеческих книгах — “умное делание”. Исихазм то есть.

Заняты им как раз монахи на Святой Горе, да не все общежительству-ющие, а лишь ведущие уединенное существование, безмолвные. Глубоко по-груженные в личную молитву. Когда внутренний мир становится главным в процессе управления и овладения миром физическим.

Когда человек словно бы выходит из этого мира, из его быта, из его ис-тории, и с помощью этого “умного делания” приобщается к существующему над реальным бытом и реальной историей вечному “умному миру”. Та же йо-га, если рассудить по-простому, только христианская, средоточие православия.

Герой наш даже с лавочки ветал, готовый тут же броситься что-то сде-лать, чтобы поймать эту ускользящую мысль-бабочку, на крылышках кото-рой словно бы отпечатались два прекрасных и безжизненных волооко-синих лица Варвары. Но стоял недвижно, страхась и любуясь ими.

Есть такая манящая красота, что сковывает тебя по рукам и ногам, ко-торой почти не в силах противиться. Будто заморожен ею. И знаешь ведь, что ведёт она напрямик к гибели, но подчинен ей полностью, как оседлав-шей тебя сладкой панночке-ведьме.

Если не сбросишь с себя эту нечисть, то пропадешь. Глянуть надо откры-то, не страхась, тогда и спасешься. Даже если умрешь. Не прятать голову, а смотреть в лица и личины этим чудищам, как подобает православному ры-царю. Витязю русскому.

Ведь и смерть вовсе не обязательно означает твое поражение, если речь идет о духовной брани. Погибли и многие мученики за веру, в том числе и апостолы Христа. И гоголевский Хома Брут, скажем, сделал самый важный в своей жизни выбор: не послушался заботливого внутреннего голоса само-сохранения, не спрятался от врагов. Не испугался, нет, а “не вытерпел и глянул”, приняв бой.

И в итоге своей короткой и весёлой, вовсе не святой жизни, обнаружил в себе вдруг такую прочность, какой, должно быть, и сам не подозревал. Но для уничтожения нечистой силы в решающую минуту сделал всё, что мог. Почитайте внимательней Гоголя.

Внес свою “небольшую лепту”, как евангельская вдова. Бедный, безрод-ный, может быть, такой же малый ростом, как и Василий, он погиб жуткой смертью. Но с ним вместе стинули и все эти навьи чары, колдовские полчи-ща с Виём во главе, включая панночку-ведьму. Вот что главное.

А не приторговывала ли и она среди заезжих бурсаков хлебом? Как Варвара. Подумав об этом, сначала в шутку, Василий Аверьянович стал припоминать некоторые странности, замеченные за его супругой в последнее время. И чем больше он вспоминал, тем жутковатее ему становилось. Даже морозец по коже пробежал в этот теплый летний день.

Ну, то что она книжки разные вредные почитывает да медитирует — это ладно, будем считать бабским вздорным увлечением, кризисом среднего возраста. То, что в церковь носа не кажет и от молитвы воротится — похуже будет, но и это поправимо. Всякому овощу свое время, плод созреть должен, а насильно мил не станешь. Веру навязать — что петлю на шею набросить. Самому надо прийти к вратам и постучаться.

Но вот появились у нее за эти полгода какие-то совершенно странные друзья-товарищи, подруги-наперсницы. Вроде люди как люди, но что-то непонятное. Говорят тихо, шепотом, с придыханием. Смотрят искоса, мимо или сквозь тебя, словно не видят вовсе. Ходят крадучись, с оглядкой. Одежды не броско, по большей части в серое или темное. Лица напряженные, как будто готовятся к теракту.

“И тени не отбрасывают”, — чуть было не решил Вася, совсем уж охолодев от подкатившего ужаса. Но нет, пустое. Чего нет, того нет. Вернее, что есть, то есть. Тень на месте. Не вампиры это никакие и не террористы. Те в Трансильвании торчат, а эти на Кавказе. До Сокольников покуда не добрались. По крайней мере, не такой большой кучей, что прислонилась-присосалась за эти полгода к Варваре.

И что еще странно: Василия в свою компанию они принимать никак не хотели. Сторонились. Когда он приходил домой — они все затворялись вместе с супругой в одной из комнат и что-то бубнили там да шушукались. Бубу, шу-шу. Ничего разобрать нельзя. Он и не пытался.

Или торопливо расходились. Только “здрасьте — до свиданьица”. А проследить за ними он и не додумался. Тогда еще давняя мечта стать детективом лишь вновь вызревала в нем. Ну вот и пришло время. Теперь можно за них всерьез взяться. Нечисто тут что-то. Мрак, одним словом. “Скелет в шкафу”, — как сказала бы сама Варвара.

Однажды, правда, месяца два назад, он спросил ее об этой публике напрямки:

— Что за люди такие? Из каких краев, какого роду-племени и чего от тебя хотят?

— Не твоего короткого ума дело, — в свойственной ей хозяйской манере ответила супруга. — А будешь допытывать — сживу со свету.

— Но все-таки... Может, помочь надо?

— Отстань, идол!

Вася и отстал. Черт с ними, не к месту (а может, как раз-то и к месту!) рогатый будет помянут, пусть сами с ним и с собой разбираются. А так сидят себе тихо, секретничают, туману напускают, ну и ладно. Никого не трогают, и то хорошо. Но в тихом омуте... Известно, что там за рыба с клешнями водится.

Признаться, он уже подумывал о том, что это какая-то секта. Много их сейчас по всей России. Варя ведь не случайно всякой там теософией да колдунами увлекалась. Но чтобы дойти до прямого попадания в сети? Так уловиться?

Нет, она женщина трезвая, разумная, бизнес-леди к тому ж. Для нее главное — дело делать, булки печь да торговать ими по всей Москве. А блаватские с прочей ворожбой потом, к вечеру, в виде отдыха и разгрузки, на десерт, перед сном.

Но что-то слишком часто в последнее время эти люди-нелюди начали появляться в их доме. И еще. Сама она также стала каждый месяц, хотя бы на один-два дня, куда-то исчезать. То говорила, что на дачу надо съездить, то филиалы хлебные в Подмосковье проверить, то еще какую-нибудь себе командировку выдумывала. А впрочем, особо отчетами себя перед мужем не утруждала.

Василий сперва решил даже, что она милого дружка себе завела. А его бокову. Но зря грешил на нее. Подумав как следует, понял, что ошибается. Не та она женщина, чтобы таиться по такому поводу, обманывать. Чего тут скрывать? Да и времени лишнего на амуры нету.

Характер у нее другой, не подлый. Если бы полюбила кого — так пошла бы в открытую, честно. Тоже мне, секрет Полишинеля. Сама бы призналась. И разругала бы с ним, с Васей, в тот же час. За это он ее, между прочим, и уважал. И не было у них еще за всю семейную жизнь ничего подобного. Измены то есть.

А сейчас тогда что? Что за напасти такие на нее напали? Может, кредиторы толкуются, присосались как клещи. Или шантажисты втихаря орудуют. Или того хуже — рейдеры. Да тоже вряд ли. Вели бы они себя более нагло, грубо. Вмиг бы все булочные оттяпали.

Но и в этом случае Варя также не стала бы от него тайну за семью печатями держать. Посоветовалась бы, как поступить дальше? Что ни говори, а к его мнению она иногда прислушивалась. Особенно в столь серьезных вопросах. Голова-то у него светлая.

— А не связаны ли, допустим, ее отлучки из дома с лунным календарем, с приливами и отливами? — осенившись новой идеей, произнес он вслух и рубанул рукой воздух. Так увлекся своими размышлениями.

И не заметил даже, что уже не один на лавочке, а еще какая-то юная сладкая парочка сидит. Те вздрогнули, отодвинулись подальше, а потом и вовсе поспешно удалились. От этого странного, взбешенного, с лихорадочным блеском в глазах городского сумасшедшего-коротышки.

— Итак, — продолжил бормотать Василий Аверьянович, оставшись один и уже никем более не сдерживаемый, не ограничиваемый в своей свободе рассуждать в полный голос. — Рассмотрим три версии. Три скелета в шкафу. Первое — неприятности по работе. Наезд криминала, рейдеров, чиновничий беспредел и тому подобное. Назовем эту гипотезу “Хлебная выпечка”. Второе. Нечто личное. Возможно, связанное с далеким прошлым. Или с внезапно вспыхнувшей страстью. Дадим условное название “Милый друг”. Ведь исключать ничего нельзя, хороший следователь должен проверять все версии, даже самые неправдоподобные. И третье. Что-то оккультное, inferнальное, мистическое. Озаглавим этот скелет “Доктор Фауст”.

Определившись, таким образом, в центральных направлениях своего предстоящего расследования, Вася Соколкин, самый короткий и почти воздушный детектив в мире, облегченно вздохнул и, оправив перышки, взмыл в небеса. То есть приступил к делу.

7

В последующие три часа он достаточно преуспел. А еще приключились два события, которые не только повлияли на дальнейший ход детективады, но и, как показало ближайшее будущее, круто изменили его жизнь. Да и судьбы других людей. Однако обо всем по порядку.

Начать с того, что Василий Аверьянович, вернувшись на короткое время домой, достал из-под платяного шкафа свой заветный дневник, который также прятал от жены, как и книги про Афон. И начал читать записи, сделанные за последние полгода. Особое внимание уделял датам. Сверял их с положенным рядом астрономическим календарем.

Надо сказать, что летопись свою он вёл давно, еще с детства, с сиротского приюта. И всегда очень обстоятельно, убористым почерком, стараясь ничего не пропустить. Не хуже Нестора. Хотя и не в таком историческом размахе. Не касаясь высоких сфер, а только сугубо личных. С бюрократическим упорством фиксируя каждое мало-мальски значимое событие, которое с ним произошло. И даже погодные явления.

Собственные настроения утром и вечером, материальные покупки и духовные приобретения, мирные походы в театр с женой и будничные ссоры с нею же, прочитанную славную книжку и огорчительную сцену на улице, увиденную вдруг в вышине радугу и жёсткий град с небес, и многое-многое

другое. Даже скрупулёзно отмечал температуру воздуха за окном в то или иное время суток. Не говоря уж о долготе светового дня, а также о восходах и заходах луны и солнца.

Некоторые, особо остроумные, циничные и насмешливые, сочтут эту долготлетнюю привычку признаком латентной либо шубообразной шизофрении и попросту посмеются. Но это потому, что у них у самих всегда и всё в полном порядке. И никаких своих душевных проблем нет, а чужие их не волнуют. Мало ли на свете чудаков-коротышек со свихнувшимися мозгами! Всех не перестреляешь.

А для Васи его дневник являлся просто жизненно необходимой отдушиной. Это было как своеобразное хобби, поскольку других-то и не имелось вовсе. А так хоть какое-то развлечение в жизни. В унылой серости дней. В тягостном однообразии будней. Да еще в роли камер-пажа при властной и своенравной супруге, судьба которого полностью зависит от ее воли и хотения.

Главное, чтобы не нашла дневник. А то совсем взбесится.

Есть в одной из русских сказок такой персонаж, который, не имея ни родни, ни друзей, бегал зимой в морозный лес и выговаривался в дубовое дупло, доверяя лишь ему свои тайные откровения и душевные помыслы. Так же и Василий со своими тетрадами, большую часть из которых прятал в стропилах на даче, а свежеспеченные — под платяным шкафом в Сокольниках.

И в данном случае бумага и тонкий маркер заменяли дупло. Цивилизационный прогресс не остановишь, он налицо. Возможно, и Колобок теперь не по земле катится, а в “лексусе” ездит. И Емеля не на русской печи загорает, а в Анталии лень мает. Да и сам Иван-дурак нынче офисным планктоном командует. На пару с Василисой Премудрой. Топ-менеджер и бизнес-леди, по-ихнему. Ничего уже от России не осталось, даже своих героев.

Правда, в конце той самой сказки все наболтанные слова волшебным образом оттаяли и зазвучали сами собой, раскрывая окружающим замороженные секреты и мысли их владельца. Но это, если вдуматься, не столь уж плохо и страшно. Напротив. В высшей степени законно и промыслительно. Не было бы лишь слишком поздно.

Когда-то же ведь должно открыться людям то, что хотел поведать им, но никак не решался это сделать маленький человек, скрывавший свою боль, муки и прозрения? Претерпевший в собственной жизни столь много обид и несправедливости. Как Вася. И всё тайное в финале любой сказки, будь то хоть самая разреальная жизненная быль, обязательно становится явью.

Но вернемся к летописному дневнику. Тщательно просматривая последние записи, Соколкин сделал следующие выводы, которые касались супруги и появившихся в ее жизни таинственных черно-серых людей с ускользающими от прямого взгляда лицами. И выводы эти укладывались во все три плана расследования. В “Хлебную выпечку”, в “Милого друга” и в “Доктора Фауста”.

По первому пункту. У Варвары был младший компаньон в хлебном бизнесе. Имел свою долю, небольшую, правда, процентов двадцать пять — тридцать. Вложил средства, когда еще только открывались. Тот самый Горячкин, который их и познакомил и стал потом свидетелем на свадьбе. Это был ее старший школьный приятель.

Одно время они крепко заружили семьями, да и общее дело налаживали. Встречались, короче, часто. Но потом как-то отделились друг от друга. Может быть, между Варварой и Петром Горячкиным черная кошка пробежала? Нет. Отзывалась она о нем по-прежнему хорошо. Просто он другим бизнесом увлекся. Туристическим. И все силы на него бросил.

Но вот в последнее время, нет-нет, а тоже стал вдруг появляться в доме Борзых-Соколкиных. О том имелись конторские записи в дневнике Васи. Был, как и прежде, моложав, остроумен, энергичен. И высоким ростом не поубавился. Но однажды Варя обронила невзначай наедине с мужем, что дела его тупооператорские идут неважно. Конкуренты заели. Теперь ведь этих агентств пруд пруди, как грибы после либертарианского ливня вылезли.

Василий и сам с усмешкой замечал, когда шел по улицам: через каждый дом, сплошь и рядом, одни парикмахерские, аптеки, туристические офисы и продажа надгробных плит. Будто действительно российский люд только для этих целей теперь и нарождается на белый свет. Побриться-постричься, вылечить геморрой, съездить в Турцию да установить над собой памятник бесцельно прожитым годам.

А в хлебном бизнесе у Варвары тоже что-то приключилось. Какая-то структурная пауза или откат назад. Сама она об этом не распространялась, но Вася чувствовал. За годы супружеской жизни он хорошо изучил ее характер и психо-физиогномику. Когда у нее что-то не залаживалось, шло скверно, то и дома всё из рук валялось. Настроение резко менялось. Становилась злой, вздорной, необузданной просто.

В последние полгода именно такой и стала. Не потому ли и за кошерный хлеб ухватилась, как за последнюю соломинку? А не Горячкин ли ей и посоветовал за него взяться? Он ведь полукровка, как она однажды сказала мужу. И гешефтами еще со школьных лет промышлял. Давал одноклассникам деньги в рост, под проценты. Рубль за полтора.

Конечно, все превратности бизнеса, и туристического и хлебного, можно объяснить глобальным кризисом. Который никого не пощадил, ни своих, ни чужих. Больше-то, конечно, чужих. Доллары еще напечатают, сколько угодно, бумаги не жалко. Но так-то на эту рукотворную причуду можно всё свалить, хоть наводнение в Европе или извержение вулкана Эйяфьятлайкудль в Исландии.

Кризис когда начался? Года два-три назад. А неприятности у Варвары пошли совсем недавно, с тех пор, как стали появляться в их доме люди-не люди и Петя Горячкин. А это шесть месяцев назад. Вот и делай выводы. Наматывай на ус, Вася, детектив короткий.

Теперь второй пункт. “Милый друг”. Тема была столь важная и болезненная, что Соколкин решил сделать небольшой перерыв. Он закрыл дневник, в который сейчас старательно записывал все свои рассуждения, сунул тетрадь за пазуху и вновь отправился в милый его сердцу парк, чтобы поразмышлять на природе, а не в душной комнате, где с некоторых пор ему стало так не хватать чистого воздуха.

А Сокольники будто нетерпеливо ждали его с распростертыми объятиями и ароматом цветов.

8

Василий вновь удобно устроился на облюбованной им лавочке, напротив передвижного ларька, с которого шла бойкая торговля пирожками и пончиками. Не иначе как Варвариными. Итак, есть ли у нее милый, да пусть даже и не милый, а просто дежурный “друг”? Завелся ли кто, как хорь в курятнике?

Мнения своего по поводу возможной, внезапно вспыхнувшей у супруги к кому-либо страсти и любви, он не изменил. Она бы тогда сама ва-банк пошла. Но вот ежели обычный, стандартный по ГОСТу любовник, жиголо? Да, прежде и такое было бы не реально. Но времена-то меняются. И мы вместе с ними.

А что если она последовала примеру своих бизнес-подруг, у которых вкупе подобных альфонсов пруд пруди, по две-три штуки на каждую? Наверняка советуют и ей сделать то же самое, знакомят, сватают. Тем более что все они относились к Васе пренебрежительно, насмешливо, свысока.

Удивлялись: как такой невзрачный коротыш, да еще без “зелени”, без связей и имени, простой фотограф, не только звезд с небес, но вообще ничего не умеющий хватать, заточал занозой столь надолго возле нее, королевы кексов? И почему она сама не погонит его прочь веником, как приبلудную собаку? А жалеешь, так тогда хоть любовника заведи.

Василий знал об этих разговорах гламурно-деловых див с Варварой, довелось как-то невзначай подслушать. Именно полгода назад. Когда он по коридору мимо гостиной, где они девичник свой проводили, шел. Супруга в тот

вечер их не осадила, а всего лишь промолчала. Будь он на ее месте, то уж не стерпел бы подобных заливаний. Вмиг бы указал на дверь.

А она, кажется, только посмеялась. Но ведь этот смех и молчание выглядели как первый шаг к сдаче “своих” врагу. Предательство с малого начинается. Незаметно, исподволь. Вползает змием-искусителем, соглашателем. Молча ползет. В ту трещину в душе, которая едва приметна.

Сперва примешь на слух чужие, вредные, ничемные слова, не возражишь ничем, потолерантствуешь за компанию. Похочешь, когда, может быть, и не тянет вовсе. Осудишь безмолвно вместе со всеми того, кто тебе близок и дорог. Потом пустишь эти коварные слова в сердце, они там и расцветут, как крапивное семя.

Неприятный у него остался осадок. Но и он сам тоже после этого случайно услышанного разговора ни слова жене не сказал, не упрекнул. Пусть сама решает. Готов и добровольно уйти. Без веника. Да и собаки ничем не хуже людей всегда были. Даже намного лучше. А уж преданность свою ни сколько не растеряли. Вот с кого пример брать.

Но вернемся к “милому другу”, кто он? Ежели есть. И где встречи проходят, если таковые имеют место быть? Отъезды жены из дома, судя по дневнику, происходили раз в месяц. Но тут, Василий доверял своему шестому чувству, совсем другая история. Некая настолько мистическая и таинственная, что он не решался пока и думать о ней. Отложил напоследок.

А эта бытовая, обычная, даже обывательская. Мещанская история-то. Операция “Хлебная выпечка” и то рангом выше стоит. Там хоть всё вокруг денег вертится, а тут просто с похотью связано. Правда, одно другого не лучше. Жажда злата да прелободейство — та еще сладкая парочка.

И мысли его вновь остановились на Петре Горячкине. Других кандидатур, сколько он ни перебирал в уме, не было. Во-первых, возник тот на горизонте опять же в обозначенный следствием период. Стал с тех пор часто бывать в их доме. Слов нет, гостем он был приятным, но что ж прежде-то игнорировал?

Во-вторых, старый школьный приятель Варвары. А юные годы чудесные, незабываемые. Может, тогда у них еще изначально чувства друг к другу проснулись. И первая любовь, как известно, не ржавеет. Ностальгия по прошлому порой так прихватит, что всё настоящее по боку.

Ну, и в-третьих, в разводе теперь Петя. Разбежались год назад. Сам о том весело и беззаботно говорил. Причем эта была не та, которая у них на свадьбе гуляла, а уже вторая. Или третья? Горячкин не уточнял. Сам, наверное, запутался в счете. Но теперь очередную спутницу жизни ищет.

А чем именно Варвара ему пара, чтобы сидеть у семейного самовара? “Вот, — усмешливо подумал Василий. — Даже в рифму сошлось. А стихи лгать не станут, материя тонкая, не проза жизни”. Не за тем ли Петр Авиэзерович и обозначился в их доме? Выскочил вдруг ниоткуда, как черт из табакерки. И всегда с цветами, с конфетами.

Ведь если разобраться, то лучше Вари ему и не найти. Женщина молодая, миловидная, за собой следит. Культурная, деловая. Чуть ли не с яслей знакомая и в быту проверенная. К тому ж компаньоны. Общие интересы, а теперь и совместные капиталы будут.

Это называется — слияние бизнеса, модернизация производства. Как насчет душ — не известно, но слияние дел и тел имеет практический смысл. Мамона в этой большой карточной игре бьет любовь.

Но, может быть, Варя о том не догадывается, а Петя просто искусный шулер? С козырями да тузами в рукаве. Жульничает, прижатый обстоятельствами, чтобы сорвать кон. Вот и обхаживает его супругу, обольщает. Партия-то завидная.

Ставка уж больно хлебная. Все Варварины булочные и пекарни можно прибрать, сами в руки просятся. Чего ж не взять то, что плохо лежит и сторожа рядом нет? Всегда так с гоями поступали. Потому что не человеки они, а ослы.

А потом, когда дельце выгорит, когда все на себя перепишет, не зазор и четвертую супругу поискать, следующую бизнесвумен. А эту — на улицу, к

Васе, пусть теперь вместе бомжуют. Или в колодец, головой вниз. Там видно будет. Чего с дураками церемониться.

Страшная картина вырисовывалась перед Соколкиным, абракадабрная, с грязными разводами и пятнами, в которых угадывались фантазмагорические лица и личины, словно рисовал ее безумный постмодернист. Глядя на нее, хотелось завьть волком в полнолуние. Взмыть в небо и улететь отсюда быстрым соколом, в синь ясную.

Но луны не было, светило ласковое июньское солнце. Да и Вася еще не стал оборотнем. Рядом прогуливались хорошие люди с добрыми лицами, цвели на клумбах пионы и настурции, продолжала торговать с лотка пирожками да пончиками милая девушка.

И он понемногу успокоился. Пошел и купил себе тоже кренделек.

Но, продолжая рассуждать на эту тему, преображаясь в скрытое и подлинное естество Петра Авиэзеровича, Василий Аверьянович чувствовал, как его вновь охватывает какая-то лихорадочная горячка от Горячкина. Действовать надо, спасти Варю, а не сидеть тут. Опасность ей грозит. Если всё так, как он понимает.

Не следить за ней по пунктам “А” и “Б”, не распутывать “Хлебную выпечку” и “Милого друга”, а увести от беды. Пока не поздно, пока еще есть время. Но как всё это объяснить Варваре? Как сбросить коварную пелену, которая ей глаза застит? А ведь еще неизвестно чего от “Доктора Фауста” ждать. Уж точно не добра.

9

Лишь вспомнил он об этих странных шепчущихся людях с безликими лицами, словно сползшими с того абракадабрного полотна, попрыгавшими из чертова холста в их реальную земную жизнь, так его уже не малярийная дрожь пробила, а остекленелость какая-то взяла. Все члены окаменели, руки поднять не может.

Ну точно, их-то авангардный художник и изобразил! В образе темных разводов и пятен. В виде испорченной амальгамы в кривом зеркале. В роли мечущегося, злобного и бесплотного духа мира сего. А иначе и не запечатлеть. Не поймать в фокус. Не схватить за шиворот и не дать по рогам.

Василий как-то раз и сам украдкой пытался их сфотографировать, издав лека, когда те шли в Сокольниках, обступив Варвару. Спрятался за деревом да и щелкнул несколько раз. И что же вышло? А ничего. Супруга на снимках есть, а их — нету. Только тени какие-то размытые. Одно слово — нечисть. Странно всё это, очень странно.

Не по законам физики тут всё, не по небесному уложению, а по подземному кодексу и тамошней конституции. Серой пахнет. Вот и сейчас будто где-то ее запах появился, оскверняя чистоту свежего воздуха и нарушая пасторальную буколку. А вот и черный пуделёк, предвестник Мефистофеля, откуда-то выскочил, подбежал к Васе, стал к ноге принюхиваться.

“Операция “Доктор Фауст” начинается”, — успел подумать Соколкин, всё еще не в силах пошевелиться. А люди эти, попрыгунчики да ползунки, уже тоже вдруг рядом обозначились. Сошли наконец с картины Босха. Начали приглядываться к нему: не раскрыл ли еще их тайну? Не пора ли и его — в колодец, вниз головой?

Материализовались, словом. И уже медленно двинулись к Васе, обступив норвят. А один из них, самый короткий и костистый, весь в ветоши и бородавках, дюже грозный и страшный, не иначе как предводитель их, немые указания дает. Пальцами у рта вертит, словно спецназовец в кино. Вылитый Вий. Только почему-то в бейсболке козырьком назад.

Несчастный фотограф сначала оробел сильно, бежать наострил, но окаменелость не пускала. Чудом каким-то сумел ее преодолеть, обратившись мысленно к Иисусовой молитве. Прочёл ее несколько раз. Потом с трудом поднял правую руку, сложил троеперстие и перекрестился.

Нечисть недовольно заворошилась, заскрипела зубами, залаяла, заклацала. Но таять начала. То лапы, то хвосты отваливаются и исчезают. А когда

он и на неё наложил крестное знамение, то и вовсе истлела на солнышке. С пузыристым пшиком. Быстро навьи чары развеялись.

Глядит: те же милые люди прогуливаются, старичок с палочкой ковыляет, две молодые мамы с колясками катят, девушка Варварины булки распродает. А рядом с ним на лавочке мальчишка какой-то сидит. Оборванец лет десяти. Худой, грязный, в ветхой куртяшке и замусоленной бейсболке задом наперед.

Вот кого он за Вия принял. А паренек с любопытством на него поглядывал и ногами беззаботно болтал. Славный такой пацанчик. С умной мордашкой, а главное — веселый и неунывающий в своих невзгодах. А действительно, чего горевать-то? Лето, солнце, можно пойти да искупаться в Оленьих прудах. Жизнь продолжается.

“Либо родители у него запоем пьют, либо вообще беспризорник, — подумалось Василию Аверьяновичу. — Жаль мальчишку. Смешленный, сразу ясно. Пропадет ведь ни за грош. Эх, медведи путные, не тем вы в царских палатах заняты, не видите в упор детей своих, будущее России. Но Божие дело не стоит на месте, оно и без вас всегда делается. Можете и дальше отдыхать на перинах да словоблудить. Справимся и сами, без уцербных совестью”.

Посидели они так некоторое время, поглядывая друг на друга, а потом паренек вдруг возьми и спроси:

— Ты кто, дядя?

Фотограф словно ждал этого вопроса, даже ответ заранее подготовил:

— Детектив Короткий.

— О! Здорово! — восхитился малец. — Вроде Пинкертон, значит. А не врешь?

— Нет, вот те крест! — и Соколкин снова перекрестился.

Мальчишка, конечно же, не истаял как прежний Вий, поскольку был из настоящей плоти и крови. И снова спросил:

— А тут следишь за кем или так, без дела маешься, время мотаешь?

— Секрет это, — важно отозвался Аверьяныч, подпуская туману. — Задание одно важное выполняю. А ты откуда про Пинкертон знаешь?

— Читал. Я какую книжку найду — сразу прочту, от корки до корки. Жаль только, что в некоторых страниц не хватает, вырваны. А то и вообще половина попадется. Хуже, когда конца нет. Но я сам додумываю. Сам конец сочиняю. А про Пинкертон целиком была. Это моя любимая книжка.

— А где ты их находишь?

— Да там! — махнул куда-то рукой. — На мусорной свалке. Где старье выбрасывают. Или здесь, на лавочках оставляют. Книжки всюду валяются, надо уметь искать, — добавил он тоже с важностью и со значением. — А детективы я люблю. А почему у тебя такая фамилия странная?

— Потому что я и сам ростом не вышел.

— Как и я, стал быть. Мне уже двенадцать, а больше десяти никто не дает. Обидно.

— Вырастешь еще, — ободрил его фотограф.

— Нет, вряд ли. Врач какой-то однажды осмотр делал, сказал — поддержка физического развития. Из-за неправильного питания. Недостаток витаминов. Калорий.

— Ты ешь больше.

— Смеешься, да? Много ли найдешь? Продукты — не книги, если и выбрасывают, то гниль всякую.

— И что, так и скитаешься по помойкам?

— А чего еще делать-то? — беспечно усмехнулся паренек.

У Василия Аверьяновича заньло где-то в груди, под сердцем. Мальчишка нравился ему всё больше и больше, но он не представлял, что сделать, предпринять, чтобы помочь ему.

— Тебя-то самого как звать?

— А Коля. Меня тут все знают, вся местная шантрапа. Я у них даже вроде предводителя. Это моё войско. Не веришь?

— Верю, верю. Кого ж еще в вожди выбирать, коли не самого начитанного? Ну а отчество есть?

— Зачем тебе?

— Ну как же! Чтобы со всем уважением. К генералу песчаных карьеров.

— Да я и сам не знаю! Нету его. И не нужно! — ответил с королевским взмахом руки маленький командир Сокольников. — И так проживем.

Но в голосе его чувствовалась застарелая горькая тоска и разочарование. И в васильковых глазах тоже эта мука и обида угадывались. На кого? Тайны тут особой нет. Расследовать да расспрашивать нечего, только лишнюю боль чинить, теревить рану. Конечно же, на родителей. Может, их и не было вовсе.

Быть-то они физиологически были, по законам природы. Но не по законам людским. Не по Божьим заповедям. А это всё равно что и нету, не было. Биоробот — не человек.

Родить может, а вырасти и воспитать — увольте. Душой своей поделиться с сыном не в состоянии. Потому как у самого ее нет. Пружинки и колёсики одни. Ну, шестерке ничего кроме шестеренок и не дано.

— Фамилия-то твоя как? — спросил еще на всякий случай Василий Аверьянович.

— Как, как! — нахохлился вдруг юнец. — Не скажу. Ты же детектив, еще запишешь и в ментовскую сообщишь. А мне неприятности. Выловят и опять в интернат отправят.

— Так ты беглый? — спросил фотограф, хотя сам уже давно догадался об этом.

Сказал так, словно Коля был крепостным и удрал от какого-то помещика-самодура. Но, впрочем, нынешняя жизнь в обществе такова, что кругом сплошь одни фабриканты, латифундисты, планктон офисный, чинуши, да стражники, лакеи и чернь с холопами. Самодурная жизнь-то. От такой и сбежать не грех.

— Ну! — коротко и с вызовом отозвался мальш.

— Ты меня не бойся. Я другой детектив, не мусорской. У меня не длинные руки, а короткие. Я тебя не трону.

— А я и не боюсь! Попробуй, тронь только.

— А из какого ты интерната? — дружелюбно поинтересовался Василий Аверьянович. И добавил: — Просто любопытно. Никому не скажу.

— Ну из тринадцатого, — нехотя ответил он. — Тут, за Сокольниками, на Малиноостровской.

— Ого! — настал черед изумиться фотографу. — А не заливаешь?

— Вот те крест! — точно так же откликнулся бездомный паренек, как прежде сам Соколкин. Самообучаемость хорошая, в норме. Правда, не перекрестился. Не умел еще, видно. Не было рядом человека, кто бы подсказал.

А ведь это номер того интерната, где прошло детство самого Василия. И местоположение то же. Удивительные, неожиданные встречи порой задумывает и назначает к исполнению судьба. Старого и малого. Двух отринутых и беспризорных. Словно свидание прошлого с настоящим. Такое в книжках про Пинкертона не найдешь.

Но и это было еще не всё. Не всё самое невероятное в этот день.

— Так как всё же твоя фамилия? — вновь повторил Василий Аверьянович. Боясь ошибиться, но уже угадывая.

— У нас в интернате всей безотцовщине птичьи фамилии дают, — сказал-пояснил мальчик. Но о том Вася и сам знал, потому что свою тоже точно так же получил.

А беспризорник не без гордости добавил:

— Меня вот Соколиком кличут. Наверное, в честь этого парка назвали. Коля Соколик я. Понял теперь?

Василий Аверьянович понял. И еще сильнее порадовался. Чему? Наверное, просто вот этой неожиданной встрече с мальчишкой, который напомнил ему себя в детстве. Что бы для него такого сделать полезного? Не возвращать же обратно в интернат. Снова сбежит. Вот до чего либералы демоклятые страну довели, почище большевичков будут.

А паренек вытащил из кармана мятую пачку сигарет, почиркал зажигалкой и пустил дым в его сторону. Вот этого фотограф уже стерпеть не мог. Хотя в детстве сам табачком баловался.

— А ну брось! — строго сказал он.

— Чего вдруг?

— Да вредно же.

— Кто сказал?

— Я. Тебе моего слова мало?

— А кто ты такой? Будет мне тут всякий указывать! Дефектив короткий.

Коля Соколик прямо на глазах превращался в нахохлившегося галчонка. Он соскочил с лавочки и вразвалочку направился к лотошнице, на ходу бросив:

— Пора мне, дядя. Не парься.

— Поймай, — позвал его Василий Аверьянович, но тот только рукой махнул.

А проходя мимо девушки с пирожками, чуть замедлил шаг, схватил с блюда сколько в руку уместилось и стремительно помчался прочь, сверкая кроссовками. Продащица даже ахнуть не успела. Лишь спустя пару секунд заголосила. А малышки и след простыл. Да и кто ловить будет?

— Не кричите вы так, — подошел к ней Вася. — Я оплачу. Это он пошутил просто. Со мной на спор.

— Сынок ваш? — успокоилась лотошница. — То-то, смотрю, похожи. Вы его получше воспитывайте. А то так до инфаркта довести может.

— Да ладно, всего-то три пирожка схватил. Вы уж извиняйте. Тут и я, конечно, виноват, вы правы.

— Ну, чего уж.

Расстались они лобезно. Василий Аверьянович даже для себя еще один пончик прикупил. И пошел по аллее в сторону Оленьих прудов. Он знал, где паренек может прятаться. Возле водоемов в глубине лесного массива был старый деревянный дом на снос. Там у него и лежбище. Самое удобное место.

Это полуразвалившееся строение, похожее то ли на барскую усадьбу, то ли на пожарную часть с каланчой, сохранялось в Сокольниках с незапамятных времен. Всё никак не сметут с глаз долой, из сердца вон. А может, не хотят. Сами в душе противятся, вот и не слишком усердствуют.

Ломают, ломают, но доломать не могут. Не выходит что-то. Останавливаются, прекращают работы, делают перерыв. И вроде как забывают о нем. На год-другой, а то и на десятилетия. Потом вновь за дело принимаются. Снова от стен треск стоит. А затем опять долгая пауза.

Что-то чудное было в этом доме, волшебное. Будто он сам никак не желал покидать Сокольники. Не выкорчёвывался. Его уже и поджигать пробовали. И сами рабочие, которым тоже надоело с ним из года в год маяться, и бомжи, засыпающие, как водится, с сигаретой во рту, и подростки, просто так, чтобы на пожар поглазеть, но...

Всё впустую. Гореть горел, но не выгорал. Огонь занимался, даже вроде бы и полыхал всюю, а потом вдруг прекращался.словно какой-то незримый дождь начинал лить и тушил пламя. Будто кто невидимый с ведрами вокруг бегал и тушил. На небе ни облачка, крутом сухо, а спички вдруг сырели. Странно это, загадочно.

В девятые годы, когда пошел самый разгул всяческой экстрасенсорики и биоэнергетики, расцвет белой, черной и зеленой магии, сюда даже важные комиссии наезжали, пытались определить природу этого явления. Считали, что тут какая-то астральная дыра, выход в потусторонний мир, в иное измерение.

Но дыру эту так и не нашли. Отправлялись восвояси, не солоно щей нахлебавшись. Потом вовсе ездить перестали, плюнули. Гори оно, строение то есть, синим пламенем. Однако не горело. Не ломалось до конца, не разваливалось. А так в полузапущенном виде и существовало. Как приют для бездомных собак, кошек и беспризорников.

Василий почему об том столь хорошо знал? Да потому что сам в конце шестидесятых годов здесь часто укрывался, сбегая из интерната. Все закут-

ки в этой усадьбе были излазаны, все чердачные и подвальные помещения исхожены, вся пожарная каланча снизу доверху пройдена. Торчала она как шпиль в небо, будто собиралась его проткнуть. Похожая на купол церкви, только без креста.

И вот что еще любопытно. Дом этот было не так просто найти. Ну, то что его из картографической схемы Сокольников давно вычеркнули, об этом и говорить нечего. Но и знающим о его местоположении людям он не сразу в руки давался. Как заколдованный. Ведь не всё, что повычеркано на бумаге, сразу и из жизни испаряется.

Вроде бы чего тут трудного: отойди от Оленьих прудов налево с сотню метров, сверни на восток, углубись в ельник, перепрыгни через ручеек и — вот она, почерневшая и изъеденная временем и людьми усадьба с каланчой. Ан нет. Порой и поплутать приходилось. Постранствовать. Пока не обнаружишь, не откроется она тебе.

Ходишь, бродишь, всё выйти на старинный дом не можешь. Кажется, даже мелькнуло что-то за зарослями, пустая оконная рама или бревенчатая стена. Вон и карниз с резными узорами. Крыльцо деревянное с тремя ступеньками. Даже шпиль уже видишь. Лучи солнца на нем играют.

А рванешь к ним — и опять мимо цели проскочишь. Да еще и за корягу зацепишься, в овраг свалишься, крапива всё лицо и руки обожжет. Как в наказание за торопыжество. Вылезешь, отряхнешься, пойдешь с грехом пополам дальше и снова у водоема окажешься. Просто чудеса какие-то. Из русских сказок.

Но Соколкин всегда находил этот дом не то чтобы очень уж легко, а без долгого плутания и главное — без плутовства в душе. Может, потому-то и набредал на него быстро. И в те дальние времена, когда был просто Васей, и в наши окаянные дни, когда стал Василием Аверьяновичем.

Почему-то он на сто процентов был уверен, что и Коле Соколику Дом этот тоже “открывается” без излишних хлопот. Не могло иначе, потому что чувствовал какое-то духовное родство с ним. Представил себе даже, словно увидел вдруг внутренним зрением: сидит сейчас паренек там, внутри, возле развалившейся печки, ногами покачивает, пирожки доедает да поплевывает на дощатый пол.

Однако спешить детектив-фотограф не стал. Чего мальчишку пугать своим навязчивым преследованием? Еще подумает, что пришел его в контору уволочь за воровство с лотка. Нет, обождать надо. Чуть попозже придет, буд-то невзначай. Словно заглянул в гости, на огонек. Тогда и продолжим разговор. Тогда и решим вместе — как жить дальше?

А пока Василий неторопливо прогуливался, осмысливая по пути “Доктора Фауста”. Да не того, гётевского, а своего собственного изготовления, где вместо Маргариты — Варвара. Словом, распутывание клубка жениных тайн продолжалось. Детектив Короткий, как он уже сам стал себя не без удовольствия величать, брал верный след.

11

Оккультные секты, колдуны, ворожеи — сколько их развелось за последнее время! Одно перечисление заняло бы целую книгу. И многие ведь в православие рядятся. Магический камуфляж, и только. Они возвещают вероломство под предлогом веры, прикрываясь правдоподобием, уничтожают истину. Все эти “народные целители”, бабушки Любы и Серафимы.

Иконками и свечками обставляются, а под видом креста, перевернутого, конечно, или вращающегося, огненного, подсовывают людям нечто совершенно несообразное с Православием. Молитвы читают, нарочно искажая их смысл, или тайно про себя бесовские слова наговаривают. Порчу наводят.

А всё для того, чтобы к человеку, пришедшему по неразумию своему к ним за помощью, подселить демона, “куратора” (или Кураева с Охлобыстиным) всей его дальнейшей жизни. Вложить в большого, или в ученика своего, или в адепта новой секты код собственной пропащей души. Посвятить и его тоже в свое тайное ремесло.

Вспомним, как дьявол искушал и соблазнил Адама и Еву: “Съешьте плод и будете аки боги”. Вот они и называют себя то пророками, то апостолами, дескать, развиваем в себе божественные энергии, а то и, совсем ополоумев, вновьявленными воплощениями Христа и Девы Марии. Чёрен их мир, наполнен духами злобы. А Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы.

Ну как бесы могут пробудить в человеке что-то необычное? А на самом деле лишь ретранслируют через него свою сущность. Только развив в нем все смертные грехи: гордыню, жадность, сребролюбие, тщеславие, богохульство... Тут и пьянство, тоска, уныние, хохот беспричинный, когда тебе лишь Петросяна в ящичке покажут, да и всё остальное вкупе.

Гипноз и зомбирование. В науке это называется — измененное состояние сознания, ИСС. Вот и Варвара к нему уже близка. Окручивают её и перекодируют эти люди-нелюди. Так думал Василий, продолжая потихоньку двигаться к Оленьим прудам. Приближаться к заветной усадьбе, прячущейся в лесной чаще. Давно он там не был, но не сомневался, что отыщет.

Техника работы с сознанием ушла далеко вперед. Тут тебе и галлюциногены разные, и психотропные вещества с так называемыми “молекулами мистики” — мескалином и псилоцибином, и нейролингвистическое программирование, и сам Кашпировский собственной персоной, как чертяка за левым плечом, маячит. Куда мир катится?

Вот уж поистине, когда вспомнишь, как говорил Марк Твен, что все мы сумасшедшие, странное в жизни исчезает, и всё отныне понятно. Таким “ясным” и становится теперь этот безумный мир. Искусственно сотворяется лжепророками. Но в нем жить не хочется. Нормальным людям.

Ведь эта мнимая ясность всех событий делает их еще более таинственными. “Получается как сон”, — подумал Вася. Когда всё видишь, но не ухватишь, расплывается. Можно пребывать в сновидении, но не надо превращаться в сновидение самому. Тогда уже не просудишься.

Василий Аверьянович много размышлял на эту тему в последние месяцы, когда Варвара прямо на глазах начала меняться. Когда ИСС этот в ней стал происходить. Искал ответов в богословских трудах, в святоотеческих писаниях. Украдкой даже в оккультные книжки супруги заглядывал, чтобы противника изучить. Словно знал, что придет время ее спасти. Сейчас вот и пришло.

Что, допустим, матронесса теософии Блаватская пишет в своей “Разоблаченной Изиде”? А так прямо и заявляет, что “магия — ведет к познанию триединства природы и человека, при помощи которых всеведение и всемогущество духа и власть над силами природы могут быть приобретены существом, находящимся еще в теле”. Но если “триединство”, то что третье-то? Сатана?

И еще одно ее откровение: “Адепт или маг способен властвовать над ощущениями других лиц и изменять условия существования тел физических и астральных (духовных), а также управлять стихийными духами”. То есть, на русский переводя, завоевывать власть над другими людьми, приобретать силу и могущество в обмен на ритуальное отдание души дьяволу. Как сделал это доктор Фауст.

Но эту магическую науку можно легко развенчать, если понимать иное. Вся видимая Вселенная имеет невидимый аналог, высшей плоскостью которого являются добрые люди и добрые духи. Низшие же плоскости, темные и дурные, представляют собой обиталище злых духов и демонов, во главе которых стоит падший ангел и десять его князей.

И с ними со всеми, безусловно, с помощью таинственных и секретных процессов церемониальной магии можно входить в контакт, получать от них помощь в своих делах. Даже отчасти, заключая фаустовские соглашения, управлять ими в земной жизни. Но уж после смерти своей колдун или его адепты сами служат этому злему духу навсегда.

Сначала всё Шамбалу ищут, шаманят, в транс впадают, изучают наследия эзотериков, постигают эниопсихологию, чтобы наладить обмен между духовными субстанциями внутри человека, а потом вечно на сковородах парят. Принимавши всю жизни желаемое за действительное. Был сновидением — стал привидением.

Вот уж поистине в прямом смысле исполняются слова апостола Павла, сказанные им почти две тысячи лет назад: “Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским... Негодных же и бабьих басен отвращайтесь”. И не надо, господа чародеи и экстрасенсы, обманывать, что вы служите доброму и богоугодному делу.

Вы и тогда и сейчас очарованно продолжаете служить одному лишь дьяволу. Ну и Мамоне тож. Одно без другого не ладится. А в Послании к Галатам ясно сказано, что волшебники, как и прелюбодеи, идолослужители, еретики и прочие, над золотом чахнувшие, “Царствия Божия не наследуют”. Задумайтесь, олигархи да власть предрекающие.

Вы уже и Россию делаете оккультной страной гадалок и звездочётов, мерзостных перед Господом. На каждые пятьсот жителей по одному колдуну приходится. Губите малые души. А по сути, превращаете их в бесхозное поле, с которого уже вывезли всё зерно. Весь чернозём даже. Хлеба больше не вырастить. Одни беспризорники и останутся.

Василий Аверьянович, приближаясь к Оленьим прудам, вспомнил вдруг древнюю легенду. В Антиохии жила некая девушка-христианка, Иустина. Может быть, похожая на Варвару в юности, еще до того, как та стала торговать своими первыми пирожками и изменилась. А Иустина с малых лет всю свою жизнь посвятила Иисусу Христу.

Но вот однажды встретил ее распутный юноша Аглаид (Вася таким никогда не был, сделал он мысленно сноску) и, разжигаемый плотской похотью, решил совратить девушку. Но все его старания ни к чему не приводили. Иустина хранила чистоту и верность одному Христу.

Тогда Аглаид обратился за помощью к известному чародею Киприану, который, по его же словам, общался накоротке с самим князем тьмы, вроде Лонго. Маг согласился. Плёвая, дескать, штука. Сама к тебе прибежит и будет искать твоей любви. Делов-то! Вызвал скоренько знакомого беса и велел ему распалить сердце Иустины страстью.

Чертяка пообещал это дело уладить быстро. Но как ни старался, к каким только дьявольским ухищрениям ни прибегал, ничего не выходило. Иустина молилась и отгоняла от себя все бесовские наваждения крестом. Удивленный Киприан послал к девушке другого потустороннего духа, еще более злобного и яростного. Но и тот бежал, посрамленный.

Тогда чародей вызвал самого князя тьмы. Тот явился к Иустине в образе ее подруги и стал искушать беседой, склонять к Аглаиду. Но девушка разгадала хитрый замысел и вновь осенила себя крестным знаменем. И трепещущий князь тьмы также еле унес ноги. А оглоед остался ни с чем.

Пораженный Киприан задумался. Ведь выходит, что вся сила и коварство бесов против веры столь хрупкой и слабой девы ничего не значат. Так он пришел к святому Крещению, а после стал епископом в этом городе. И затем принял мученическую смерть за веру Христову вместе со святой девой Иустиной.

...Оленьи пруды лежали перед Василием чистой прозрачной гладью, словно покрывало, вышитое кувшинками и лилиями. Накинь кусочек этой лазурной ткани на плечи, как мантию, и иди дальше.

12

Он хорошо помнил, как надо идти. С сотню метров влево от Оленьих прудов, затем прямо на восток по еле различимой тропке (делать это лучше всего на рассвете, когда солнце всходит, тогда уж точно не заплутаешь), дальше углубиться в разлапистый ельник, продрасться сквозь него (и не свалиться при том в овраг), а там и ручеек зажурчит, услышишь. За ним — Дом.

Ждет тебя, если и ты еще ждешь чего-то. Но Василий всё медлил. Не давала ему покоя одна мысль. Он ведь не случайно, когда изучал свой дневник, рядом астрономический календарь положил. И сверял даты. В какие дни Варя ездила в свои “командировки”, и как вели себя в то время небесные светила. Главное, луна. И вот что выходило.

За прошедшие полгода необходимость в подобных отлучках у супруги возникала шесть раз. И всякий раз в полнолуние. Он бы никогда не обратил на это внимание, если бы не занялся расследованием. Да и сейчас, возможно, не придал бы этому обстоятельству большого значения, не будь в ней такой тяги к оккультизму и ворожбе.

И что получается? Почему она срывается из квартиры именно тогда, когда луна входит в полную фазу? Ну, если бы один-два раза — это еще можно было бы назвать случайностью. Но шесть — уже математическая закономерность. Не только странно, но страшно даже.

Не хотелось Васе думать о своей жене как о ведьме, но почти в каждой женщине есть что-то от гоголевской панночки. Либо волшебная красота, либо изощренное коварство, либо подспудное желание подчинить себе волю попавшегося под руку бурсака, оседлать его и проскакать со свистом над горами и равнинами.

Вот и в Варваре есть нечто этакое. Еще в первые годы их супружеской жизни подмечал. Может, потому и добилась успеха в своем бизнесе. Красивая, хитроумная, деловая, жесткая в конкурентной борьбе, циничная даже. Чем не ведьма? Не зря ее эти таинственные люди-нелюди и нашли. Или она их?

Тут уже не важно. Сошлись, словом, спелись. Разбудили друг в друге дремавшие потусторонние силы. И чем дольше Василий думал об этом, тем больше убеждался в своей правоте. Вот тебе и “Доктор Фауст”. Тут не сатемскими ведьмами пахнет, а самим Бафометом. С ослиной мордой и козьими рогами.

Пару раз уже обошел расстроенный Василий Аверьянович Оленьи пруды, будто очерчивая шагами спасительный круг от нечистой силы. Но всё никак не мог подобрать слова, чтобы они зачлись в пользу Варвары. Да, конечно, русские женщины испокон веков прибегали к гаданиям и ворожбе, и многие не видели в том худого.

И на Сочельник башмачки бросали, и суженого в зеркале высматривали, и воск на блюде капали, чтобы узнать судьбу. Такова уж их внутренняя натура. Всегда будут коситься одним глазком в сторону волшебства. Но ведь это всего лишь милая забава, а не сделка с дьяволом. Хотя тоже можно далеко зайти.

Ну, а взять хотя бы Ярославу из великого “Слова”? С его страниц слышится чудный птичий гомон: тут соколы и кукушки, чайки и сороки, вороны и галки, соловьи и гоголи, дятлы и черняди, целое царство птичьё. А сама жена князя Игоря, конечно же, лебедь. Со своей тоской по любимому, чистосердечием и преданной заботливостью о супруге.

И она готова все стихии земли — солнце, ветер, воду — направить на спасение мужа, не останавливаясь даже перед волхованием. И все эти птицы — символы волшебства. Почему и как Ярослава, обернувшись зегзицей-кукушкой, вещей птицей, полетела из Путивля на Дунай? “На Дунаи Ярославнын глас слышит, зегзицею незнаема рано кычет...” Значит, владеет тайным чародейством?

А Игорь, благодаря колдовскому плачу жены, ее супружеским чарам, возвращается из плена, обретая разные лики. Скачет горностаем и белым гоголем, “бусым волком” по лугам Донца, взмывает соколом под облаками. Спасается по заговорам Ярославны. Она посылает ему на расстояние огромный заряд своей энергии, свое великое желание уберечь его, которое приводит в действие силы природы.

Но главное, передает ему силу своей любви, живой огонь верности и милосердия. И эти бесценные чувства столь велики, что немедленно доносятся ветрами и лучами солнца до истомленного пленника. Сами слова ее плача, словно заговоренные стрелы, вызывают в князе магические силы, дающие ему возможность бежать с феерией превращений.

— Эх, если бы Варвара была такой Ярославной, тогда, что ж, пусть волхует! — не сдержался, произнес вполголоса Василий.

Он словно представил себя на месте князя Игоря, вокруг — враждебные лица, люди-нелюди, а где-то далеко-далеко, сквозь сумрачный туман пробивается к нему лик жены. Но тут же опомнился, подумал про себя: “Нет, кол-

довства, может, и не надо, пусть просто любит так же. Я бы тогда тоже со-колом в небеса взмыл”.

Однако историческая реальность, в которую он вернулся, казалась почти такой же, как в “Повести временных лет”, лишь компьютеров поприбавилось. А человек всё тот же. В плену не у половцев, а у самого себя, у собственных язв. Которых еще больше стало. И самая зловонная из них — сатанинское желание овладеть душой другого человека, по заветам талмудического бога Адонаи.

Никак не хотелось уходить с Оленьих прудов. Василий Аверьянович будто чувствовал, что видит их в последний раз. Какая-то тяжесть и печаль лежали на сердце. Что-то нехорошее, скверное ждало его впереди. Витало вокруг него в воздухе таинственное, прикрывшееся тополиным пухом все-ленское зло.

Но еще не поздно было повернуть назад. Оставить всё как есть, бросить на полпути затеянное расследование, снять маску детектива Короткого, уйти домой. Бросить жребий и сделать выбор. Не перепрыгивать через ждущий тебя ручеек.

Вычеркнуть из памяти этого мальчишку, Колю Соколика, с его проблемами. Продолжать оставаться послушным камер-пажом при царице хлебов Варваре. Не обращать больше внимания на ее людей-нелюдей и Петю Горячкина. Позабывать и о “Хлебной выпечке”, и о “Милом друге”, и о “Докторе Фаусте”.

Но тогда уж никогда, знал он, не услышит в своей душе этот небесный зовущий глас: “Аксиос!” Даже не надейся на это. И где, собственно, его истинный дом? Не там ли, куда он сейчас шёл? И не оттого ли столь запутан к нему путь. Лишь достойный найдет свой дом и долгожданный уют в нем.

И Василий Аверьянович, распрощавшись с Оленьими прудами, двинулся на восток.

13

Мальчишка, как и предполагал фотодетектив, спал, свернувшись калачиком и натянув до носа какую-то дерюжку. Возле бывшей когда-то изразцовой, а ныне исколотой, но не сломленной печи. Однако, заслышав сквозь дрему скрипучие шаги, прирученный, должно быть, к любым нападкам судьбы, тотчас дернулся и открыл глаза.

— А-а, это ты! — произнес он, успокоившись и сладко потягиваясь. — Чего пришел? Она мне сама за три пирожка должна. Я ей хлебовозку вчера разгружать помогал. И не доплатила. А что, к ментярам теперь потянешь?

— Да Бог с ней! И с пирогами этими, и со служивыми, — ответил Василий Аверьянович, не зная пока, что и как сказать. — Просто хотел еще раз повидать тебя. Мы же вроде как не договорили.

— Типа учительскую беседу со мной проводить будешь? Зря. Я на все эти разговорчики чхал.

— Ну и правильно, чихай дальше. Слова-то теперь действительно мало стоят. Но я тебе дельное хочу предложить.

— Подрезать что-то? Лопатник у дедушки? Это мы можем, это запросто. Какова только цена вопроса? Понял, дядя?

— Чего уж не понять. Не совсем ум короток. Да я ведь опять же о другом. Как бы тебе объяснить...

Не получалось покуда Василию четко сформулировать свои мысли. Прыгали они одна через другую, как малые дети в чехарде. Как их остановить и сказать прямо? Да и что? А Коля вдруг сам пришел к нему на помощь:

— Не мямли, детектив, так и доложи, что усыновить меня собрался. Только нет. Это мы уже проходили. Попал однажды в семью крутлых идиотов, всё сюсюкали, а потом я взял и удрал. Назад в интернат вернулся.

— Молодец, — похвалил старший. Словно те “круглые” были сейчас его конкурентами в этом деле.

— А к нам даже американцы приезжали, — хвастливо продолжил младший. — Нас строем выставили, а они всё разглядывали, ощупывали. Выби-

рали, как кроликов. На меня глаз положили. Но я и от них сбежал. Свобода лучше.

— Да ты, значит, не Соколик, ты Колобок прямо.

Но Василий Аверьянович обрадовался, что ему не нужно говорить то, что высказал сам Коля. Хотя он и услышал ответ отрицательный. Но знакомство-то только начинается. Что там дальше будет... Сначала подружиться надо. Довериться.

— Эй, погоди. А как ты меня нашел? Кто тебе сказал, что я тут прячусь? — спросил паренек, почесывая затылок. — Об этом месте мало кто знает. Дом-то заколдованный.

— Как, и ты тоже о том знаешь? Веришь, да? — пришел уже в полный восторг Соколкин.

Он ведь и сам всегда так думал. Еще с детства. Просто поразительно, как они похожи. И лицом, и ростом, и характером, и мыслями. Это о них Чехов сказал, что всё в таких людях должно быть прекрасно. А так оно и есть. Ну будто действительно отец с сыном.

А он всегда мечтал собственных детей иметь. Но Варвара, после первого горестного разрешения от родов, всё потом противилась. Фигуру портить, тяготы лишние, бизнесу помеха. И врачи не советовали. Но так ведь можно и одному остаться в конце жизни у разбитого корыта.

— Жду ответа, — напомнил Коля.

— Да я и сам тут в детстве всё время проводил, — признался Василий. — И из того же интерната сбежал, и укрывался здесь. Взрослые найти не могли.

— Иногда находят. Тут порой такое творится...

Парнишка замолчал, не продолжал больше, только рукой махнул. А Аверьяныч не стал допытывать. В нём вдруг какой-то педагогический талант проснулся. Макаренко ожил. Нельзя ребенка расспрашивать, если он говорить не хочет, в скорлупе затворяется. Это как саперная работа, разминировать нужно осторожно. А то всё на воздух взлетит.

Но представил, какие тут бомжи по ночам собираются. Словно лешие в глазах такого вот мальчика, хотя и он ко всему привычный. А может, наркотики это местечко себе облюбовали. Или воры свои сходки устраивают. Однако не знал еще, что дело-то куда как серьезнее...

— А я не понял, ты что — тоже из нашего интерната? — спросил мальчишка, высмаркиваясь двумя пальцами, по-казачьи.

— А то! Лучшие годы моей жизни там прошли, честно говорю. Это только сейчас осознал. Всё остальное — лишь приложение к ним. Ребенок, Коля, послушай меня, старого детектива, это самая цельная и безгрешная личность в развитии, потом идут одни сплошные подшитые к делу преступные обстоятельства.

— Умно больно. Но я понял, понял. Детство — хорошо. Мне тоже так кажется. Потому и не хочется взрослеть как-то. Насмотрелся я на вас.

И он теперь сплюнул на пол. Залихватски так, сквозь зубы цыкнул. Достал свою мятую пачку, повертел в руках, но курить не стал, покосившись на зашедшего в гости Песталоцци.

— А пойдешь ко мне жить? — с надеждой спросил Василий Аверьянович. И быстро добавил: — Я не неволю, не понравится — обратно уйдешь. Сюда или опять в интернат. А дом этот еще сто лет простоит, на несколько поколений хватит. Всех примет, кому жить негде. И таким в России до окончания веков не перевестись.

— Не-а, не пойду, — ответил Коля. Потом, помолчав, пояснил: — У тебя жена — ведьма.

Соколкин, услышав это, столь поразился, что едва с колченогого стула не упал. Что за малец такой, словно все его мысли читать умеет?

— А ты откуда об этом... — начал было он, но тут же поправился: — Да никакая она не ведьма! Что несешь-то? Ну, малость особенная. Не как все. Работа замучила. Но это не беда. Тебя она не обидит. Слово даю.

Хотя, говоря это, Василий и не был в том уверен. Как еще Варвара себя поведет, если он в квартиру с беспризорником зайвится? Надо бы ее сперва

подготовить. Настроить к этому важному делу. Как клавишный инструмент, чтобы мелодия ласково зазвучала. Но отступать сейчас было уже поздно.

— То есть не сразу выгонит? — усмехнулся по-взрослому паренек. — Знаем мы таких. А не вытурит, так запилит досыта. Тебя вот, дядя, совсем заела, я же вижу. Да и не хозяин ты в своем доме, нет. Это я тоже чувствую. Так чего звать-то понапрасну?

Всё в его словах было правдой, но тут уж Соколкин повёл себя решительно. Сам от себя такого не ожидал.

— Зови меня Василием Аверьяновичем, — строго сказал он. — Какой я тебе “дядя”? Дяди на рынке арбузами торгуют. Или в конторах сидят. А я детектив Короткий, если уж на то пошло. Так что быстренько собирайся, и пошли.

Хотя что мальцу было собирать-то? Разве что окурки с пола. Он и взял один, самый большой. Да закурил, обдумывая предложение.

— Накормлю тебя как следует, помоешься в ванной, бельишко сменишь, фильм хороший на дивидишнике вместе посмотрим, — продолжил фотограф, не зная уж, чем оттаять непреклонное маленькое сердце Николая. — Давай-давай, скоренько, не задерживайся. Не пожалеешь.

— Фильмы я давно не смотрел, — произнес паренек, склоняясь под напором Василия Аверьяновича к положительному решению этого сложного вопроса.

— Ну вот! — возликовал тот. — А у меня целая коллекция старых отличных комедий. Не чета нынешним, преглупым. А гнать кто станет, — добавил он, — так вместе и удерем. От ведьм всяких и прочей нечисти.

И мальчишка наконец сдался.

— Пошли, — важно изрек он. — Поглядим, что там у тебя к чему.

14

По пути Василий Аверьянович времени даром не терял: работал экскурсоводом. Просвещал Колю о тех исторических местах в Сокольниках, мимо которых они проходили. Чувствовал, что пареньку это интересно. Тот слушал внимательно, часто переспрашивал. Ложились ему его слова на сердце.

И сам он так увлекся, что вообразил себя уже не детективом, а настоящим исследователем старины. Вот так за один день Соколкин сменил несколько профессий. Был фотографом, потом сыщиком, стал искусствоведом. И всё ему нравилось, все эти занятия. Ни от какого бы не отказался.

А по большому счету, одно без другого, а то без третьего не может существовать. Всё должно быть связано. Когда сумеешь соединить в своей работе эти три нити — тогда будет уже высший пилотаж. Ведь надо хорошо знать прошлое, чтобы отыскать в нем черты будущего и запечатлеть их в настоящем. Вот таким мастером своего дела Василий себя сейчас и ощущал.

Ему даже казалось, что он немного подрос. Вытянулся, распрямился. Обрёл стройность мыслей и дар речи, прогнав душевную немоту. И всё это благодаря Коле. Хотя, конечно же, и оставался с ним приблизительно одного роста. Шли они по Сокольникам как два приятеля-пацаненка, оживленно переговариваясь и уплетая мороженое.

И не в высоте макушки или в возрасте дело. Не в долготе светового дня, когда сердечный ум короток. Тогда всегда будешь блуждать, как в потемках. А нашелся наконец кто-то, пусть такой же маленький человечек, который его слушает и понимает. Не в пустое дупло в дубе говорит. Просто человек нашелся.

На подступах к дому, уже на Ширяевской улице, Василий стал рассказывать пареньку о любимом соколе Алексея Михайловича “Тишайшего”. Столь красочно описывал это предание, что едва сам крыльями не махал. Изображая поочередно и даже порой одновременно всех участников той легендарной охоты.

И царя-батюшку на вороном коне, и быстрого сокола Ширяя, и петляющую хитрую лисицу. Ему бы еще и в театре играть. Вон сколько зараз талантов пробудилось. Так они всю жизнь продремать могли, если тепло и сытно. Покой — это когда смерть твою душу нежит.

— ...А потом, из поднебесья, узрел наконец черно-бурую плутовку зорким оком. И стал на нее камнем падать. Но не рассчитал силу удара. Промохнул-ся и врезался в сырую матушку-землю. И разбился насмерть. Потому что безумно смелым был. А может, не хотел с позором к хозяину возвращаться.

Тут Василий Аверьянович сам очутился на земле, вернее, на асфальте, поскольку в своем почти костюмированном представлении не разглядел внизу какую-то колдобину. Зацепился за нее ногой и растянулся. Но продолжал говорить, завершая театр одного актера:

— Горе царя было безутешным. С тех пор и повелел называть это поле Ширяевым, в честь своего любимого сокола.

— А лисица? — спросил мальчик, помогая Василию Аверьяновичу встать на ноги.

— А что лисица?

— Она куда делась? Поймали ее потом? Наказали? Ведь это из-за нее Ширий погиб.

— О том история умалчивает. Лисиц, Коля, много, а такой доблестный сокол один. В памяти остаются не самые хитрые, а самые достойные.

Но, сказав так, Василий призадумался. Ему вдруг нарисовалась другая картина. Вот он, сокол, высматривает внизу жену — лисицу. Падает камнем и разбивается. А она Варварой оборачивается и хохочет. Как ведьма. Совсем что-то худое привиделось. Надо бы температуру померять.

— Сейчас придем, чай с медом выпьем, — сказал он. — А то меня знобит как-то. Мерещится ерунда всякая. Вот и еще одно привидение у подъезда маячит. Чур тебя!..

Но на этот раз ничего больше Соколкину не почудилось: перед домом нетерпеливо выхаживал Петя Горячкин, постукивая для форса резной тростью. Имел он подобную привычку — прикидываться на людях хрым и слабо-видящим. Малость болезненным, но аристократичным. К таким особам чувств больше.

Оттого носил очки в дорогой оправе с простыми, хотя и тонированными стеклами, самшитовую палочку с бронзовым набалдашником, шляпу “а ля Боярский” и курил ароматный табачок в трубке из вишневого дерева. И вообще выглядел очень модно, словно только что отклеился с глянцевої журнальной обложки.

15

— Васе — наше всё самое лучшее! — приветливо выкрикнул он издали. — А меня Варя просила заехать по делу, да сама всё задерживается. Что за чел с тобой?

— Это... — замаялся фотограф, не зная, что ответить, потому что не придумал пока никакой легенды. Но Петру было уже и не интересно:

— Ты в курсе, наверное, что в Москве в конце июня грядет международная конференция хлебопроизводителей и хлебопромышленников?

— Нет, откуда мне знать? Варвара ничего не говорила.

— Ну да, зачем тебе это. Так вот. Предстоит большая работа по подготовке. Мы с ней выбраны членами комиссии с российской стороны. Форум предстоит нешуточный. Будем общими усилиями кормить страну.

— Французскими булками да кошерными хлебцами? — не удержался, вполголоса связвил Василий.

Но Горячкин не расслышал, так был поглощен своими великими замыслами. Его вообще мало что волновало, не относящееся к собственным проектам.

— И решать совместно задачи будущего, чтобы создать единую зерновую организацию, вроде ОПЕК. Пора кончать с мелкими разрозненными товаропроизводителями, — продолжал он петь, как тетерев на току. — Кто как не мы, Вася? Хлеб требует полного и безусловного контроля. Отпирай скорее дверь, я в туалет хочу.

Впустив гостя в квартиру, Соколкин занялся созданием условий для чаепития, а притихшего мальчика усадил пока в кресло перед телевизором и включил DVD со своим любимым фильмом “Гусарская баллада”. Потом при-

шлось спускаться за Горячкиным воду, поскольку тот всегда забывал это сделать. А может, нарочно.

— Надо бы мне у Варвары запасной ключ попросить, чтобы не торчать лишний раз перед подъездом, — нахально заявил Петя. — Ты не будешь возражать против дубликата?

— Мне всё равно. Можешь хоть меня продублировать.

Ответив так, он вдруг решил, что пришла пора переговорить с “милым другом” серьезно. А тот, словно намеренно дразня его, кольнул:

— А что? Это неплохая идея. Меня ведь, Вася, ты уж извини, с Варей гораздо больше связывает, чем тебя с ней. И старая дружба, и общий бизнес. Да и планы на будущее. Грандиозные, скажу тебе, планы. Тебе не понять.

— Ну почему же? Я тоже долго размышлял над этой вашей “Хлебной выпечкой”.

— Вот как? — несколько озадачился гость. — А откуда ты узнал, что мы именно так и решили назвать наш новый с Варей “ООО”? Она тебе не могла сказать. Мы только документы готовим. Кто проболтался? Юрист?

— Сам допёр.

— Ну, ладно. Видно, недооценивал я тебя. Но так даже лучше. Тогда поговорим откровенно. И если ты такой уж умный, то пойми. “Хлебная выпечка” произведет фурор в Москве. А позже и по всей России. Это будет переворот в отрасли. Мы со временем, заручившись поддержкой этого международного конгресса, получив необходимые инвестиции, откроем новую сеть булочных и магазинов по всей столице и Подмоскovie.

— Хлебный ОПЕК вам поможет, не сомневаюсь. Особенно, если будете следовать его указаниям, — кивнул Вася. — Я вижу, куда ты клонишь. Вернее, все вы. Заменить исконно русский традиционный хлеб каким-нибудь генетически мутированным соевым и дрожжевым. Чтобы только брюхо себе набивали и ощущали видимость сытости.

— А чем плохо? Голодных не будет.

— Вот-вот, зато больные пойдут. Нет, Петя, не хлеб вы хотите контролировать, а именно голод. А у кого в руках нити управления голодом — тот и над миром властвует. Вот для чего ваш ОПЕК хлебный нужен. Скоро за воду приметесь.

Горячкин смотрел на него с большим интересом, не ожидал. И от кого всё это слышал? От ничтожного коротышки, на которого в прежние времена и внимания-то не обращал. Так, мешается что-то под ногами. Смотри как вырос!

— А булочные как назовете? — продолжил Соколкин. — “Заходи, милый друг”?

— Намек понял, — отозвался Петя. — Ты меня просто к Варваре ревнуешь. Но, между прочим, если бы не я, если бы я вновь сейчас не появился на ее горизонте — она бы уже непременно обанкротилась. Дела у нее шли из рук вон плохо. Это моя идея с “Хлебной выпечкой” и со всем остальным. Так что ты мне еще спасибо должен сказать. Вы бы теперь оба бомжевали.

— Не сомневаюсь, что через некоторое время так оно и произойдет. Когда ты во главе “ООО” встанешь.

Горячкин задумался. Надо было делать ответный ход, поскольку карты на стол были уже выложены.

— Вот что, — сказал наконец он. — Теперь я точно вижу, что ты, Вася, ей не пара. Ну, согласись, что ваша свадьба и вся дальнейшая семейная жизнь — были одной сплошной ошибкой. У вас даже детей нету. А Варю нужен совершенно другой мужчина. Энергичный, деятельный, проверенный во всех смыслах. Ты тоже намек понял?

— Вроде тебя, то есть?

— Допустим. Заметь, ты это сам сказал.

— А я, выходит, вам мешаю? Лишний. Не укладываюсь в хлебную выпечку. Тесто не то. Без изюминки. Лучше мне самому уйти. Так?

— Вот теперь ты говоришь совершенно разумно. Я рад даже.

— А уж как я рад, что мы объяснились. Но только, Петя, поглядим еще. Чья правда возьмет.

— Моя всегда дороже стоять будет. Это ведь рынок, Вася, дружок мой милый. Так что уходи-ка ты добровольно, подобиру-поздорову.

Они теперь уже не сидели за столом, а стояли напротив друг друга. Василий Петру едва до груди доставал. Но если бы вдруг сцепились, а Соколкину очень хотелось этого, то еще неизвестно, чья “правда” бы одолела. Широим камнем бы на этого лиса бросился, острые когти выпустив и долбя его своим железным клювом. Вспыхнула в нем вдруг справедливая злость и ярость.

Горячкин тоже почувствовал его внезапную силу, сразу растеряв весь свой форс и насмешливость. Отступил на шаг назад. Очки снял, трость в руки взял. Шляпу зачем-то надел. Затем трубку табаком начал набивать. Не знал, видно, чем еще заняться. Вяло огрызнулся:

— Любим мы друг друга.

Но слишком уж это театрально прозвучало. Наверное, в пьесе какой-то подглядел. Потому Вася и сказал коротко:

— Врешь ты. Не верю.

Тоже как Станиславский. А позади них вдруг раздался голос мальчика, который давно уже стоял в коридоре и подслушивал:

— Вот так компот! Вы чего, драться надумали? Давайте сначала чай по-пьем. А после стреляться будете.

Горячкин с недоумением посмотрел на него, словно впервые увидел. И вновь спросил:

— Что за чел-то у тебя тут завелся?

Василий, отрезвев от вспышки ярости, ответил:

— А это родня моя.

И добавил, после паузы, с важной гордостью:

— Соколиная.

16

Теперь он уже ждал, не мог дожидаться, когда Горячкин уйдет. Вроде бы всё выяснили. А тот снова шляпу боярскую снял, затеялся чай пить. Ничем человека не прошибешь! Тростью его, что ли, в самом деле, по башке объехать? Может, вразумится тогда, будет знать, как в чужую семью вползать.

А тут и Варвара пришла. Василий с Петром даже обрадовались, словно третейский судья явился. Сейчас разрешит их спор. С укороченным составом присяжных, в лице мальчика. Приготовились наперебой излагать суть дела.

Но Варе было не до них. Что-то у нее, судя по всему, приключилось. Еще с порога бизнес-леди бросила:

— Извини, Горячкин, что опоздала, но ты мне сейчас не нужен. Вечером позвоню. Возможно, придется вместе из Москвы отъехать. На пару суток.

— По проблемам форума, Варенька? — заискивающе спросил Петр. — По нашим хлебным делам? Рыночным?

— И да, и нет. Так что проваливай пока.

Несмотря на резкость тона (а она всегда так разговаривала, и со всеми), Горячкин победоносно свысока поглядел на Соколкина. Дескать, что я тебе говорил? Невидимая рука рынка всё управит, даже любовь. В каждом треугольнике углы справит и превратит его в овал. В ноль то есть.

Он еще некоторое время покрасовался перед Василием, но, натолкнувшись на твердый и непреклонный взгляд Варвары, торопливо вновь напялил свою идиотскую шляпу. Лучше бы уж без нее ходил, морока одна. И потянулся к хозяйке в щеку чмокнуть. Но та уклонилась и толчком бесцеремонно погнала Петю прочь.

— Так. Это кто? — спросила она, указывая на паренька, когда за первым гостем захлопнулась дверь.

— А это... — снова замылся муж, растеряв в сваре с Горячкиным весь предыдущий пыл. — Как тебе сказать?

— Ладно. Потом. Налей-ка и мне чаю. Ты, Васенька, должно быть, уже понял, что сегодня я очень занята. И потому со всеми своими глупостями отстань. А еще лучше — тоже сходи погулять. С мальчиком.

— Но, Варя...

— Потом, я сказала. Ко мне вот-вот люди должны прийти.

Варвара нахмурилась. Это не предвещало ничего хорошего. Однако Василий продолжил:

— Это, Варя, не простой мальчик.

— Золотой, что ли?

Супруга пила чай и даже не глядела на Колю. А тот с нее глаз не спускал. Словно вдруг вспомнил что-то. Но вёл себя тихо.

— Может, и золотой. Только те унции иным мерить. Не долларами. Пойми же наконец тоже. И не каждая шляпа с тростью блестит.

— Брось говорить загадками. Где ты его подобрал?

— На помойке, — ответил сам паренек.

Варя удостоила его взглядом. Улыбнулась вдруг.

— Вот оба на нее обратно и отправляйтесь. Мне некогда. Позже разберемся.

— Нет, давай сейчас, — обрел твердость в голосе Василий.

— Да что вам от меня надо-то? Не порти мне настроение. Я еще собраться должна. В командировку еду.

— Куда?

— Ну тебе-то что за дело? На Кудыкину гору в село Дудыкино. Филиал у меня там.

— Нет такого. Всё это фикция. И конгресс ваш хлебный — одно сплошное вранье. Вы и сами себя обманываете, и простых людей. Потребителей, как принято теперь говорить. Дурите их красивыми обертками, а внутри — шпик. Голод вам нужен. Тогда и денежки рекой потекут. А когда поток этот иссякнет, речным песком кормить будете.

Удивление в глаза Варвары сменилось заинтересованностью. Никогда она прежде таких речей от мужа не слышала. Поражена была, наверное, не меньше Пети Горячкина.

— Ну-ну, продолжай, — сказала она. — А хочешь, я тебе и документы форума покажу?

— Зачем?

— Это реальность жизни. От нее никуда не денешься. Прогресс в хлебной выпечке не остановить.

— От такой реальности бежать надо. Туда, где еще знают, что такое настоящий хлеб. Без всяких ваших мутагенных добавок.

— От цивилизации бежать, Вася?

— Прежде всего — ото лжи. Она-то и превратит скоро нас всех в мутантов. В ящериц. Для которых сбросить свой хвост — плёвое дело, новый вырастит. Только тут душой пожертвовать придется. А другой уже не будет.

— Так-так. Тебя подменил кто? Что-то я тебя узнавать перестала. Мне, что ли, на вашу помойку сходить, может, и я дурных мыслей наберусь?

— Нет, Варя, я прежний. Только тоже кожу старую продублённую сбросил, вместе с этой вашей “реальностью жизни”. Видеть теперь стал лучше и дальше. А конгресс ваш, конечно же, состоится. И ему самое место не на Кудыкиной, а на Лысой горе. Возле села Бесяево. Или Чертыкино.

— Чего-чего?

— Я ведь знаю, почему ты именно сегодня в “командировку” собралась. И какие “люди” к тебе прийти должны. Давно тут тихой сапой ходят. Сети плетут.

— Ну, говори дальше. А я и сама не скрываю. Это отец Серафим и матушка Серафимка со своими присными. Божьбы люди.

— Ой ли? Ты сама-то веришь в это? У тебя ведь теперь как в том фильме — широко закрытые глаза. Как только они появились в твоей жизни, так ты и стала меняться в худшую сторону. А сегодня опять день особый.

— Какой же? — насторожилась супруга. — Праздник святого Витта?

— Полнолуние, Варя, — ответил муж. И добавил: — Там и пляски его будут.

Тут уж Варвара не сразу, но рассмеялась. Хотя смех этот был искусственным, не добрым. Она просто не знала, что сказать на его слова. А Василий продолжил:

— Я ведь веду свое расследование, как и обещал утром. Да ты сама меня на это подвигла. Так что не обижайся. Но оно еще не закончено, подождать придется.

— Да, надо признать, быстро ты за дело взялся, и ловко как, — нашла, наконец, жена. — А я думала — шутишь. Видно, и впрямь стал детективом. Только не там копаешь. Я тебе, Васенька, не по зубам.

— А это мы поглядим.

И он повторил, как полчаса назад Горячкину:

— Чья правда возьмет. А ты подумай над моими словами.

Варя вновь с ответом не спешила, сидела какая-то растерянная, но и сосредоточенная в то же время, будто прислушивалась к чему-то. К кому-то за стенкой или к своему внутреннему голосу. Пусты были ее глаза.

Васе даже жаль стало супругу. Больно было смотреть, как она мучится. Ведь видно же... Родной все же человек, близкий, не чужой. Столько счастливых лет рядышком прожили! И в горе, когда при кесаревом сечении младенец умер, и в радости, когда домашний очаг вместе возжигали.

Можно сказать: хлеб пополам делили. А что? Правильное это выражение. Хоть и затёртое. Означает — доверие и любовь. Только на этом семья и держится, да и все основное в жизни. Поэтому, как ни крути, а без них, что вроде закваски в настоящей хлебной выпечке — ни до порога. Как без Бога.

А мальчик вдруг встал и тронул его за рукав. Промолвил по-взрослому:

— Пойдем, Василий Аверьянович, отсюда, делать тут больше нечего, а я тебе кое-что сказать хочу.

Соколкин и Соколик направились к двери.

— Идите, идите! — крикнула им вслед хозяйка хлебной горы. — Мальчик-то умнее тебя оказался! И можете не возвращаться!

А на улице, пройдя несколько шагов, Коля неожиданно произнес:

— А ведь я ее узнал.

17

Тут же им навстречу попались те, кого с таким нетерпением ждала Варвара. Василий даже не понял сперва, что сказал мальчик. Кого “узнал”, где раньше видел? Настолько он был поглощен зрелищем двигающейся, словно на шарнирах или на конвейере, процессии. Забавная нарисовалась картина, хотя и тревожная. Будто холодом из могильного склепа подуло.

Как плоские тени шли, в темном и сером, несмотря на припекавшее солнце. Человек пять-шесть. А то и семь-восемь. Как-то не счесть, поскольку все одинаковые, безликие, безъязычные, безглазые даже. То сольются в общий комок, то раздвоятся. Поди, сосчитай! Да и охоты нет.

А впереди двое все-таки выделялись от остальных. Не такие, конечно, фарсовые и фартовые, как Петя Горячкин, но тоже важные, цену себе знают. Вася и прежде их отмечал, как основных игроков в этой околофутбольной команде. Как теперь понял, когда Варя назвала их имена-клички — отец Серафим и матушка Серафимка. И оба с палками.

Опять же, не как у хлебного баронета, а поувесистей, поплосше, с сучками и занозами, вроде даже с обрубками корней на концах. Словно сами пни сдвинулись вдруг из лесной чащи и пошли в город. И на головах не горячкинские шляпы, а какие-то панамки-ермолки. Нет, не Божьи люди. Леший с кикиморой, да и вся их болотная свита.

Процессия прошлестела, просквозила мимо Василия и Коли, даже не взглянув на них. А Соколкин стал припоминать: где он мог уже слышать об этих Серафиме и Серафимке? Кто-то говорил или сам прочёл. Надо обязательно вспомнить. Это очень важно. Что за Серафимы такие в перьях объявились, крыльями своими черными перед Варварой машут, свет в глазах застят?

— Ты что-то сказал? — обратился он к мальчику.

— Да знакомые морды! Видел я их тоже.

— А где?

— В Караганде.

— Ты серьезно отвечай. И не осли, шутка-то старая. Это так мы в мои годы в нашем с тобой интернате на вопросы воспитателей отвечали.

— Да неважно — где! Зачем тебе?

— Мне знать нужно. Я же детектив. Хочу их на чистую воду вывести.

— Ну, тут, в Сокольниках, — неохотно отозвался Коля. — Шляются. Сборища свои устраивают. Пацанов наших прикармливают. Только потом у них на следующий день у всех тыква треснит.

— И что они дают, какую пиццу? — Василий сильно заинтересовался этим фактом.

— Какую... Всякую. Чаще всего хлебцы хрустящие. Наверде чипсов, только сладкие. А еще витамины.

— В таблетках?

— Когда и в порошках. Или сиропом угощают. Говорят: для здоровья, это целебная микстура. На травах и ягодах. Ребятам нравится, вкусно... Даже в интернат приходили. Много раз. Директриса с ними заодно.

— А ты тоже ел и пил?

— Я из чужих рук не хаваю, — важно и горделиво ответил Соколик. — Я всё сам беру, если что надо.

— Это верно. Только много не бери, лишнее впрок не пойдет. И предварительно разрешение спрашивай, может, это “что-то” другому больше тебя нужно. А насчет “чужих рук” всё правильно. Вдруг немые?

— Отрубим тогда, — грозно усмехнулся мальш.

Но Коля явно что-то недоговаривал. Может, боялся их? Не похоже. Паренек смелый. И независимостью своею больше всего дорожит.

— Так как себя твои приятели после этих хлебцев и микстур чувствуют? — продолжил свои расспросы Василий, выбираясь нюхом на верный лисий след.

— Ну, как... Дурные становятся. Веселые. Счастливые даже. Всё по колону. Башкой утром помаются, а после опять к этим уродам тянет.

“Что-то психотропное или галлюциногенное в чипсы и сироп добавляют, — подумал детектив. — Чтобы развить зависимость. По сути, те же наркотики. Только зачем? Какой им прок от мальцов? Ну, с Варей — понятно. Прибрать к рукам всё ее хозяйство. А тут? Смену готовят?”

Он шел, обдумывая разные версии, а мальчик вдруг произнес:

— А я ведь про них и еще кое-что знаю.

— Выкладывай.

— Нет уж, дудки! И так много сказал, пацанам вред будет. А я не хочу.

— С чего ты взял?

— Ну-у... Ты вот под этих мухоморов копаешь, а пострадают ребята. Еще в пеиухушку отправят. Ваше интернат прикроют.

— Да не будет им ничего! Тут надо корень вырвать.

— Нет, — твердо повторил мальчик. И добавил: — Правильно твоя кастрюля сказала: не по зубам тебе это всё.

— Во-первых, никакая она не кастрюля, — с обидой возразил Василий. — А Варвара Николаевна. Привыкай, еще жить всем вместе. А во-вторых, у меня не зубы, а клюв. Железный. Так что раздолбаю враз. Ты только сам мне помоги. Мне именно такой помощник и нужен.

— Вроде Ватсона? Вообще-то, мне это дело нравится.

— Ну вот и поработаем вместе!

Коля всё еще колебался, идя рядышком.

— С тобой, дядя Вася, хорошо, но без тебя лучше, — сказал, наконец, он. — Проблем меньше. Хотя и интересно.

— Ну вот! Сделай правильный выбор. Достойный полета сокола. Не ошибись. Аксиос.

И мальчик решил, словно сам услышал внутри себя это незнакомое горнее слово.

— Ладно, поглядим. Считаю, что я с тобой.

— Вот и славно! — обрадовался старший из двух соколов. — Теперь мы горы свернем. А пока давай где-нибудь как следует перекусим. Не возража-

ешь? Хотя нет. Сначала шикарно приоденемся. А то нас в самый лучший ресторан не пустят. Гулять так гулять!

У Василия в кармане лежала банковская карточка с его последними сбережениями. Немного, но на новую обувь, одежду и на разную вкуснятину как раз хватит. Да еще на аттракционы в Сокольниках останется. А там видно будет.

— Не возражаю, — весело отозвался Коля. — Из твоих рук приму, они чистые, сразу видно.

А пока шли к дорогим бутикам, Василий Аверьянович вдруг вспомнил, где он уже читал об этих “крылатых Серафимах”. Да в своей же растреклятой газете! Там любил подобными “пророками” страницы забивать. Из номера в номер всякую бесовщину печатали, на том и держались.

Вспомнил даже, как статья называлась одной безбашенной журналочки, которая пела им осанну. “Хлебная секта. Или новая религия?”. Теперь понятно, почему их к Варваре как магнитом потянуло. А ее к ним.

18

Василий Аверьянович обладал одним редким качеством, присущим только профессиональным фотографам. Или действительно классным сыщикам, подобно Шерлоку Холмсу, который всерьез спрашивал у доктора Ватсона: действительно ли Земля круглая? Но зато давал сто очков вперед в определении гарнитуры шрифта лондонских газет или свойствах пепла от вирджинских сигар.

Соколкин тоже не интересовался тем, что не имело непосредственного отношения к его делу. Оставлял в голове место лишь для самого необходимого. Не пичкал свой мозг разным журнальным фастфудом или жареным картофелем из телепекарни. Не жаждал нынешней книжной отравы, изготовленной по зарубежным рецептам и лекалам.

Равнодушно проходил мимо спортивных праздников и футбольных поединков, когда весь остальной мир сходил с ума от африканских вувузел. Снисходительно, как к юродству, относился к говорильне в Думе и очередному ежегодному Посланию Президента Российской Федерации к фессалоникийцам. Брезгливо проглядывал живые газеты и не слушал радио. С отворачиванием смотрел на телеведущих и даже не понимал — что они несут?

Более того. Мог совершенно не знать, где находится Гондурас и что такое ипотека. Мог также не любить астрономию и не ведать, что там вокруг чего вращается. Мог выбросить из головы все лишние школьно-университетские знания, как ненужный хлам. Или, по крайней мере, задвинуть их подальше в извилистые коридоры полушарий, словно в чулан или на антресоли.

Но память его была именно фотографической. Если он что и забывал, то стоило ему вызвать перед глазами фрагмент кадра или строчку, абзац, заголовок статьи, как постепенно всё прояснялось, восстанавливалось в уме. Весь снимок, вся фотосессия, всё главное в прочитанном давно тексте. Подобно тому, как под воздействием химических реактивов в ванночке проявляется на бумаге запечатленный миг.

Вот и сейчас Василий вспомнил всю суть того прошлогоднего репортажа о “Хлебной секте” отца Серафима и матушки Серафимки. И пока элегантная консультант-менеджер водила их с Колей по платяному и обувному пассажи, с уклоном в сторону итальянской высокой моды, он скрупулёзно восстанавливал в памяти статью журнальной путаны.

Но прежде всего он небрежно, хрустя в руках свежими, только что из банкомата зелеными фантиками, сказал этой модельной продавщице:

— Подберите на нас двоих что-нибудь... ну... как на английских принцев Гарри и Уильяма. Чтобы с ног до головы. Роста мы, как видите, одинакового. Но чтобы, тем не менее, отличались. Ясно?

— Предельно. Будет исполнено в самом лучшем виде, — плакатно улыбнулась девушка и повела в свои закрома.

Даже не удивилась, что мальчик выглядит как оборванец, а его отец странный какой-то. Но раз есть деньги, то всё в порядке. Их этому специ-

ально учат: не проявлять никаких иных эмоций, кроме собачьей радости при запахе баксов.

И примерка началась, закрутилась. Длилось всё это не менее часа. Василий Аверьянович целиком положился на вкус и опыт специалиста (зря, что ли, она тут зарплату получает, не только же за красивые ноги и обаяние?), хотя и предупредил, что предпочитает классический стиль, без ярких расцветок.

— Винтажный раритетный, — подсказала девушка. — А сын?

— А я спортивный, рокерский, — ответил Коля, не возражая против узаконенного в бутике родства.

В дальнейшем детектив, погруженный в собственные мысли, лишь односложно отвечал или отрицательно качал головой на предлагаемые изделия и аксессуары, а мальчик, захваченный миром эксклюзивного изыска, бегал по магазину и тыкал пальцами то в одно, то в другое. Призванный на помощь еще один консультант по одежде для тинэйджеров едва поспевал за ним.

В конце концов, Соколкин остановил свой выбор на легком и свободном льняном костюме-тройке стального цвета, однотонной сорочке из жатого хлопка, узком светлом галстуке и замшевых полуботинках. Прихватил еще и бежевый плащ, на случай непогоды. Вечером обещали дождь.

Коля предпочел коричневые вельветовые джинсы, просторную футболку, крокодиловые мокасины, новую бейсболку и кожаную куртку с множеством карманов. Василий от головного убора отказался, чтобы не уподобляться Пете Горячкину. Старые вещи сложили в большой пластиковый пакет и оставили здесь же. Кому надо — уберет.

Поблагодарив и расплатившись с обслуживанием, провожаемые одобрительными и даже восхищенными взглядами персонала, они вышли из пассажа, подобно брутальным героям голливудских фильмов. Ну и пусть рост не велик. Том Круз тоже маленький, меньше этажерки. Зато как смотрится! Вот и они сейчас оба выглядели на пять с плюсом.

— Ты супер, — оценил старшего младший.

— Ты тоже, хоть сейчас на “харлей” сажай, — ответил тот. — Пошли ужинать. Какую кухню предпочитаешь? Экзотику?

— Я никогда ничего японского не ел.

— Желание выполнимо. Да вот кстати и суши-бар. Заходим.

Здесь Василий Аверьянович вновь доверился вежливому официанту в кимоно, поскольку мысли его по-прежнему были направлены в сторону “Хлебной секты”. Да он и не особенно разбирался в восточной специфике. А палочками, как и Коля, вообще есть не умел. Но тут можно было и руками. Для того и принесли влажные, свернутые в тугую трубочку полотенца.

На низкий столик выставили чаши с супом мисо, блюда с роллами и сасими; моллюски, морские водоросли, комочки риса с карри, икру летучей рыбы, креветки, кусочки кальмара и осьминога, копченого угля и прочую океанскую снедь. Запивали зеленым чаем. Для себя Соколкин заказал еще немного sake. А когда неторопливо насытились, настроение поднялось еще больше.

— Ну, классно! — признался Коля, когда они покинули гостеприимное заведение.

— А мне как-то не очень, — отозвался Василий Аверьянович. — Борщ со сметаной был бы краше.

— Дело вкуса. Куда теперь?

Детектив остановился посреди тротуара, подумал немного и решительно произнес:

— В интернат.

Коля не тронулся с места и весь как-то напрягся, словно ёжик. Того и гляди уколет, если руку протянешь. А уж погладить и вовсе не смей.

— Не пойду! — сердито сказал он.

— Да ты не понял. Я же тебя не сдавать на поводке веду, — пояснил Василий Аверьянович. — Ты у ворот можешь постоять. Так даже лучше будет.

— А зачем тебе туда надо?

— Ну-у... Хочу вспомнить. Старое. А если честно, надо с твоей директрисой потолковать.

— Обо мне?

— Вот ведь упёртый какой! О себе. О нашем теперь общем расследовании. А оно мимо интерната не лежит. Краешком и его касается. Ты же мне помогать обещал, вспомни.

Нет, не просто было его сдвинуть с места. Трактор с арканом нужен.

— Ну чего встал-то как засватанный? Походню потерял?

— Ладно, пошли, — сказал, наконец, мальчик. — Только давай начистоту.

— Согласен. Но сначала ты мне расскажешь всё, что еще знаешь об этих “хлебных людях”. А потом я тебе на твои вопросы отвечу.

Коля кивнул и начал говорить.

— Правильно сказал — хлебные. У них даже знак такой есть. Краюшка булки внутри треугольника. Перевернутого вверх ногами. Они нам в интернате показывали, когда приходили по воскресеньям. И значки такие же раздавали. Даже гимн какой-то дурной пели, что-то вроде: “Славься, Хлеб!”, или “Хлебный Спас, слава тебе!”, я не запомнил. Смех один.

— Ну, в том, в общем-то, ничего плохого нет, если только за этим не стоит что-то иное — отозвался Василий. — Уважительное отношение к хлебу было у всех народов мира, всегда и во все времена. А на Руси особенно. Но на хлебных крошках и гадать могли. Даже ворожкой занимались.

— Как это? — удивился мальчик.

— Точно не знаю, но хлеб, в основном корки и крошки, колдуны и ведьмы умели заговаривать, а через него насыпать на других людей порчу. Вплоть до утраты памяти, здоровья, а то и до самой смерти. Сейчас-то время иное и технологии другие, современные, но вред злаками умеючи принести также можно. Через те же чипсы, которые вам скармливали. Чародеи на земле еще не перевелись.

— Да будто бы? Заливаешь.

— А вот послушай. Давно это было. Жили в Муроме князь Петр и простая крестьянка, звали ее Феврония. Князь однажды скушал что-то и заболел.

— Сиропчика от этих “хлебных людей” отведал, — подсказал Коля.

— Может быть. Они и тогда по Руси ходили, лазейки к душам искали... Тело князя покрылось язвами и коростой, — продолжал Василий Аверьянович. — Ничего не помогало. И вот как-то раз на охоте сказали ему, что тут рядом в деревне живет некая девушка. А о ней уже слухи шли, что она исцелять умеет от любых болезней. И умом славилась.

— Красивая?

— Ну а как же. Обратился князь к ней с просьбой через слугу, чтобы помогла ему излечиться. “Хорошо, — велела передать она. — Только он должен потом взять меня в жены”.

— Губа не дура, — оценил мальчик.

— Князь решил схитрить и для видимости согласился. Куда денешься, когда болезнь припрет? Ни один знахарь не мог помочь. Но они пока еще так и не видели друг друга, всё через слугу общались.

— Лучше бы через интернет. Посредников меньше.

— Феврония велела вести князя в баню, чтобы омыть тело водой. А туда выслала ковшик с хлебной закваской.

— Зачем?

— Чтобы помазать его этим чудодейственным средством. Вот тебе и цена хлеба. Но это так, к слову. А потом произошло следующее. Князь Петр исполнил всё, что повелела девушка. Струнья и короста с тела сошли, и он выздоровел. Но решил откупиться от Февронии дорогими подарками.

— Умно поступил.

— Давай-ка без комментариев тут. Он послал ей драгоценные камни, ожерелья из жемчуга, золотые браслеты. Но Феврония даже не взглянула на них. Велела вернуть обратно и добавила: “Не по правде поступает князь, но

есть над нами Тот, кто всё видит”. А через некоторое время Петр вновь заболел. Опять по телу язвы пошли. И еще пуще прежних.

Мальчик теперь слушал молча. До интерната было еще долго идти. Василий сначала хотел такси взять, но прогулка по Сокольникам всегда лучше. Дорогого стоит. Когда вот так просто идешь и беседуешь с близким тебе человеком. Уже близким.

— ...Князь понял тогда, что это Божие наказание за его отказ жениться на девушке низкого происхождения. Ходить он уже не мог, но приказал нести его к Февронии. Вновь принял целебную баню с хлебной закваской. И вышел своими ногами, в чистых белых одеждах, а навстречу ему — статная дева, с длинной русой косой и ласковыми, любящими глазами.

— Мама моя такая была, — сказал вдруг Коля, останавливаясь. — Она умерла, когда я только родился, но мне её фотографию показывали. Подарили даже. Украли ее потом.

— А отец где? — осторожно спросил Василий.

— Тоже на машине разбился. Они вместе ехали... Ладно, продолжай уж! — махнул он рукой. — Чего сейчас вспоминать.

— Вспоминать всегда надо. Они тебя и сейчас оберегают.

Некоторое время шли молча и задумчиво. Соколкин чувствовал, что Коля всю эту историю про своих погибших в автокатастрофе родителей сочинил. И про похищенную фотографию. Не было ее никогда. И тех тоже не было. Мираж. Тени. И доживают они сейчас свой короткий непутёвый век в мире теней, в труппах.

Знал это наверняка, потому что и сам в своем интернатском детстве точно такую же легенду придумал. Даже про фотографию точь-в-точь говорил, когда приставали с расспросами, что ее кто-то украл. А что еще отвечать, если лишь эта ложь и грела душу? Да и не ложь это вовсе, а мечта.

Но надо было завершать повесть о Петре и Февронии.

— Они полюбили друг друга, а вскоре и обвенчались. На свадьбе гуляло всё Муромское княжество. Даже Петю Горячкина пригласили.

— Кого-кого?

— Ну этого, в фетровой шляпе, которого ты у нас дома видел. Поцапались с кем.

— А-а... Этот всюду пролезет. А дальше?

— Бояре невзлюбили молодую жену князя. Стали ее оговаривать. А основной упор делали на том, что она с помощью колдовских чар и исцелила его, и вынудила женить на себе. В доказательство приводили то, что Феврония для ворожбы всегда собирает со стола хлебные крошки. Петр поверил им. Стал искоса наблюдать за супругой во время пиршества. И заметил, что она действительно что-то украдкой в ладонь сметает. Неужели правда?

— Ну?

— Схватил он ее за руку и разжал. И что же там увидел? На ладони жены лежали кусочки золотистого благоухающего ладана. Просто крошки хлеба превратились в это благовонное вещество, которое было тогда на вес золота. А у Февронии с детства была такая хорошая крестьянская привычка — свято и бережно относиться к хлебу, чтобы ни крошки не ронять со скатерти на пол. Так злые бояре во главе с врагом рода человеческого оказались посрамлены. А Петр и Феврония, наши русские святые и чудотворцы, жили потом долго и счастливо и умерли в один день.

— Как в сказке, — усмехнулся Коля. — Так не бывает.

— Но это не сказка, а быль, и именно так и должно быть, — поправил его Василий Аверьянович. — А вывод для себя сделай такой. Есть ворожба, гадание на хлебных крошках, попросту измывательство над хлебом, а есть чудо, которое к волшебству не имеет никакого отношения. Напротив. Оно как бы противостоит ему и всегда побеждает. Тот кто не знает о тяжести вырачивания хлеба, его уборки, обмолота, приготовления и превращения в каравай — этого не поймет, видит в нем лишь продукт питания, средство набить желудок. Или ищет здесь какие-то свои корыстные выгоды. Возможности манипулировать людьми.

— Как Петя Горячкин с твоей сковородой, лже-Февроньей, — вновь подсказал Коля. Умный мальчик, надо признать.

— Ну, с ней еще не всё ясно, ты так не говори, — строго ответил детектив Короткий. — Тут, скорее, в этих темных людишках дело. Хочу только специально для тебя добавить, что именно хлеб претворяется на Литургии в Тело Христово. Тоже великое чудо. Но это я тебе позже, в другой раз объясню. А вот какая хлебная закваска у тех, кто вокруг Варвары ужом вьется и к вам в интернат шастает? Да в Сокольниках свои шабашки устраивает. Вот это я и хочу выяснить.

20

Они шли по направлению к Маленковской, где находился интернат.

— Насчет шабаша ты верно заметил, — сказал Коля. — Сам видел один раз. Ночью. Жуткое зрелище. Жесть. Хорошо, что я как следует спрятался.

— А где? Как это? Когда было? — заинтересовался Василий Аверьянович.

— Я тогда как раз из интерната убёг. Ну, куда нырнуть, чтобы отлежаться? Только в усадьбу эту заколоченную. В Дом заколоченный, где ты меня и нашел. Залез в хлам какой-то и заснул. А ближе к полуночи голоса услышал. Фонарик зажигать не стал, у них свои были. И свечи длинные.

— И что же ты увидел, кто пришел?

— Ну, эти... Как ты их называешь — “хлебные люди”.

— Они себя так сами прозвали. Секта у них. Все честные люди хлебом причащаются, просфорками, а они над ним изгаляются. Это как служение сатане.

— Вот-вот, и я так сразу подумал. Потому что страшные все, в балахонах, череп с собой принесли. Потом маски надели. Хлеб вокруг крошили, стали по кругу хороводом ходить, петь гнусными голосами. Слов не разобрать, да я и не прислушивался. Забился поглубже в хлам. Это когда они черному петуху горло перерезали. Смекнул: обнаружат — и со мной то же сделают.

— А потом?

— Потом суп с котом.

— Кота тоже с собой принесли?

— Да нет же! Какой ты, дядя Вася, тупой. Потом я головы не высывал, пока они не убрались восвояси. Часа два прошло. А к утру только жженный запах от них и остался. Слово сероводородом навоняли. Тьфу!

Всё сходилось с прочитанной и восстановленной в памяти статьей. Можно было не продолжать. Наверное, журналочка получила удовольствие от этого шабаша. Но жаль, не подошла на роль жертвенной курицы. Да еще Василий как-то раз дома просмотрел среди Варинных книг одну занятную брошюру. Теперь тоже вспомнил.

Там говорилось, что они существуют на добровольные пожертвования прихожан, а отец Серафим и матушка Серафимка — почти святые люди, пророки, бессеребренники, просто рассорились с погрязшим, как считают, во грехе Московским Патриархатом. Себя называют истинно подпольными православными, верующими в особое таинство хлебных крошек.

Акцент был сделан на том, что основатель этой новой “Хлебной церкви” — сам бывший насельник одного из монастырей, а его сподвижница — доктор теософии. Есть у них свое жилое поселение, возле Сергиева Посада. Но там, в основном, их адепты, прошедшие жесткий селекционный отбор, работают, трудятся на возделывании огородов. Капусту выращивают.

А службы проводят на открытом воздухе, в московских парках. И чаще всего — в Сокольниках. Одно из главных правил для паствы — беспрекословное подчинение “отцу” и “матушке”. Ну и, разумеется, о чём нетрудно было бы догадаться, перепиш всемо движимого и недвижимого имущества на их счет. Вот откуда и “капуста”.

Особо послушным и отличившимся вручается знак “Серафима” первой степени, есть и второй, и третьей. Женам жить с мужьями запрещено. С кем

другим — извольте. Детям учиться не разрешается. Лечиться у врачей тоже. За малейшее проявление строптивости следует наказание — розги с крапивой. Хлещут по голой спине и попе все вместе. При этом поют хвалебные гимны хлебным коркам. И обязательно все должны смеяться от радости, даже истязуемые.

Что еще интересенького? Мяса не едят. Ну, если только втихаря ливер, под подушкой. Секс — пожалуйста, сколько угодно, с любого возраста. Короче, одна большая семья, все дети и чада Серафима и Серафимки. А весь мир вокруг — прогнившая ветошь, кругом ложь и мерзость. Спасение — в “Хлебной церкви”.

Словом, Василий Аверьянович уже понял, что секта эта — нечто вроде отrocka от сайентологии, а то и чего похуже. Какая-то гремучая смесь из оккультизма, бесовских методик и парапсихологии с психотропными добавками. Ну, и еще средство наживы. Но это только для избранных, высших “серафимов”. Все остальные адепты — месиво под ногами.

Но учение “Хлебной церкви”, как ни странно, получило распространение. Что, впрочем, неудивительно при таком нравственном и духовном отупении народа. Его уже поставили не только на колени — на карачки. Превратили в унылый и равнодушный ко всему, кроме поливки из СМИ, овощ. Да подкормки минеральными, кремлевской выделки удобрениями. Вроде забота как.

Последователи секты проявлялись во многих регионах России. Она набирала темпы. Основывались новые поселения. Под Тверью, Иваново, Калугой, Воронежем, даже за Уралом и в Сибири. Во всех исконно русских местах проживания. А отцы-основатели и матушки ездили туда с инспекцией. Или за сбором ясака, что вернее.

Может быть, сам отец Серафим и матушка Серафимка даже не были тут главными. А просто занимали одну из промежуточных ступеней в этой хлебной лестнице. Кто знает, сколько таких клонов-серафимов? А в реальности за ними стоит кто-то иной, более могущественный, незримый для любопытствующих глаз. Это понятно. Всё темное и совершается во тьме.

А главное, как ловко они сумели взять в оборот само понятие “хлеб”. Знают ведь, что для русского человека это слово имеет сакральное значение. Как “мать”, “земля”, “родина”. Кто-то очень умный и хитрый поработал, прежде чем запустить “Хлебную церковь” в тираж. Просто выдающийся мозг, как у политтехнолога Суркова, создателя и контролера всех российских партий и движений.

Василий Аверьянович вспомнил даже рецепт приготовления лепешек от матушки Серафимки, предлагаемый для излечения от суетности мира сего. Взять старую, тухлую муку, заплесневелые дрожжи, грязную воду из-под омовения ног, замесить и испечь. Вот и вся премудрость. И питаться этой бурдой сорок дней подряд. Да самому ни в коем случае не мыться. Тогда и просветление придет.

А почему, спрашивается, столь поганые ингредиенты? Отчего сразу помоев из ведра не нахлебаться? Что, для “русских свиней” лучше рецептуры не нашлось? Нет, отвечает матушка Серафимка, бурда эта освящена высоким именем “Хлеба” и имеет спасительное значение. А если по коже струпья пойдут и волосы выпадать станут — так это не беда.

Так надо. Это грех из тебя исходит, блуд, злоба и вся прочая нечисть. А поганое поганым лечится. И вообще, отцу Серафиму Господь уготовил место рядом с Серафимом Саровским, а это означает, что он святой при жизни. На Украине патриарх Филарет встречал его как старца и уж так старался услужить, что сам кормил отца-основателя “Хлебной церкви” с ложки.

Вот так, ни много, ни мало. Ох, Господи!.. Даже думать обо всем этом противно. Настоящая тоталитарная секта, каких сейчас масса вокруг. Прихлопнуть бы их всех одним махом, враз, как мухойкой. Да кому-то ведь надо, выгодно, чтобы они были. И дело тут даже не в легкой наживе, чужое добро впрок не пойдет. А в растлении душ.

Василий Аверьянович покосился на шагающего рядом Коло. Тот продолжал увлеченно болтать, теперь о каких-то разных мальчишечьих пустяках,

а он сам стал вспоминать свой интернат, до которого оставалось совсем ничего. Знал, что увидит. Обычная двухэтажная кирпичная коробка, построенная еще в пятидесятые годы. Вроде солдатской казармы. Рядом с железной дорогой.

Наверное, и предназначалась для какой-нибудь армейской части, да потом перепрофилировали. Внутри — спальни, общие умывальники, столовка, комнаты для занятий, подсобки, словом, всё впритык друг к другу, компактно и тесно. Уныло как-то. Сбежать хочется.

Ничего с тех пор не изменилось, хотя на дворе уже второе десятилетие двадцать первого века. Даже шум от грохочущих поездов тот же. Словно стрелки часов остановились, время так и застыло в прошлом. И интернат этот так же заколдован, как тот таинственный Дом в Сокольниках, не поддающийся сносу.

Как же он ненавидел эти пронсящие мимо пыльных окошек электрички! Будто в них, битком набитых чужими людьми, стремительно мелькали, поманив рукой, и его родители. И исчезали, оставляя лишь гудящие рельсы и дрожащие провода. Вот и всё, что от них каждый раз оставалось.

Впереди наконец-то показался интернат. Оба теперь сосредоточились, а Коля еще и насушился, одёрнув кожаную куртку.

— Постой-ка! — остановился вдруг Соколкин, вспомнив что-то. — Ты давеча сказал, что узнал мою жену. А где ты мог её видеть?

— Да там. В Доме нашем. Заброшенном, — ответил мальчик.

— Когда?

— В прошлом месяце.

— Неужто... — он не смел выговорить, а Коля досказал, кивнув головой:

— Вот-вот, на шабаше, — и добавил: — Да ты приходи сам в Дом, увидишь.

“А ведь сегодня как раз полнолуние, — подумал Василий. — Тогда и мне нужно непременно там быть”.

— Жди меня здесь, никуда не уходи, — строго произнес он, поправляя модный галстук.

И направился к кирпичной коробке из-под безразмерных штиблет. А над ней, что выглядело особенно нелепо и издевательски, понуро висел трехцветный флаг, с двуглавой уродливой мутантной курочкой, сложившей крылья.

“Ах, да, — вспомнил Соколкин. — Сегодня же День России”.

21

Перед воротами интерната стояло несколько автомобилей, причем далеко не худых. Во дворе кучками толпились празднично одетый народ. Но что еще удивительнее — Василия Аверьяновича встретили радостными возгласами и аплодисментами.

Словно к ним явился от имени и по поручению всех российских сберкасс сам Герман Греф, чтобы облагодетельствовать собравшихся. Только его и ждали. Рослая женщина-распорядитель, с кроваво-красной лентой через плечо, выкрикнула в мегафон:

— Товарищи и господа! Мало хлопаем! Еще дружнее поприветствуем нашего замечательного человека! Избранного, так сказать.

Овации усилились. Славословный хор тоже. “Наш человек” невольно оглянулся, но позади него маячил только охранник в камуфляже и с резиновым изделием для отбивки говяжьей печени. Явно не принадлежал к числу замечательно избранных, чего ему аплодировать?

А девочка и мальчик в белом кружеве уже спешили вручить Василию Аверьяновичу гвоздики. Он принял букет, поцеловал маленьких дарителей и хотел что-то спросить, но женщина с металлической говорильней в руках деловито продолжила в динамик:

— Это последний, я думаю. Можно начинать. Прошу всех в зал.

Тут она вновь обратила внимание на запоздавшего и слегка растерянно го гостя.

— Ах да! Мы же еще не представились. Назовите вашу фамилию, год выпуска из интерната и присоединяйтесь к торжеству.

Соколкин начал соображать, что здесь происходит. Он назвался.

Народ тем временем, потеряв к нему всякий интерес, шумно переговариваясь, потянулся в открытую утробу казармы. Распорядительница полистала списки, что-то отметила карандашом, удовлетворенно кивнула головой и сказала, уже не в мегафон, но всё равно зычно. Иным голосом, видно, говорить не умела:

— Спасибо, Василий Аверьянович, что сумели выкроить время и взглянуть в нашу славную альма матер на юбилей. Вы ведь получили приглашение?

— А как же! — солгал Соколкин, поняв, что и она тоже врёт. Никаких открыток он не получал, если только Варвара. Но та, конечно, могла просто забыть, выбросить вместе с мусором.

— Назовите еще место вашей работы и должность, — попросила хозяйка. — Мы хотим отследить жизненный путь всех наших воспитанников. Составить большую Книгу Памяти.

— У меня собственное крупное частное сыскное агентство, — не моргнув глазом, ответил Василий. — С фотографически-ракурсным уклоном.

— О! Как здорово. Это, может, и для нас пригодится, — женщина явно что-то просчитывала в уме — какую выгоду может извлечь для себя лично? Решила, что связи с главным, столь презентабельно выглядящим детективом будут совсем не лишни. — А я, как вы, наверное, уже догадались, директор этого интерната — Раиса Марковна. Работаю здесь всего два года, но уже много сделано.

— Это заметно. Фасад покрашен. Забор поправлен.

— Не только. Куплена новая мебель, школьное оборудование в классы. Да вы сами всё увидите, когда пройдёте по комнатам.

— Охотно пройду. Попутешествую по коридорам памяти.

— Так у нас и запланировано. Сначала небольшая экскурсия в стенах интерната, потом — торжественная часть с выступлениями и банкет. Скромный, так сказать, ужин. Спонсоры помогли, из наших бывших воспитанников. Но мы решили совместить полезное с приятным. Поэтому праздничные столы накрыли прямо в зале. Чтобы всё было по-домашнему.

— Будем говорить и кушать, — подсказал Василий Аверьянович. — Это разумно. Не теряя времени даром. А почему именно сегодня?

— Ну как же! Вы, должно быть, подзабыли. Интернат был открыт ровно шестьдесят лет назад. С тех пор и существует, как славный символ Сокольников. Да теперь еще эта дата совпала с Днем России. Представляете, как интересно получается?

— А главное, промыслительно. И опять же, приятное с полезным.

Ему хотелось еще что-то добавить, развить свою мысль, но директриса поторопила:

— Ну что, пойдёте? А то нас заждались.

— Последний вопрос. А где вся юная поросль? Что же, остались лишь два маленьких ребенка, бело-пушистые мальчик и девочка?

— Нет, конечно. Я всех отправила в Подмоскowie, в оздоровительно-трудовой лагерь. А это мои собственные дети.

И она повлекла Василия Аверьяновича за собой, возвышаясь над детективом на три головы.словно дракон, по-хозяйски поглядывающий во все стороны, только жар не пускающий.

“Ладно, — подумал выпускник интерната, — всё остальное довыскажу за столом”. Он непременно решил взять слово для выступления. Имел на это полное право. И о “хлебных людях” надо бы потолковать с Раисой Марковной. Но лучше сделать это наедине. Зачем она их привлекает? Вместе с “серафимами” новых адептов “Хлебной церкви” готовит?

Сама женщина произвела на Соколкина некоторое впечатление своей активностью и внешним радушием. Но, похоже, за всей этой нарочитой доброжелательностью и деловой прытью пряталось что-то скользкое, каверзное, сугубо равнодушное ко всему, что не могло принести личной пользы. Как

ловко она воспитанников на трудовую повинность сплавила, а своих в кружачки вырядила.

Сразу видно, что человек она здесь случайный. Надела сейчас маску заботливого директора интерната, завтра предложат нацепить личину руководителя общества по защите бездомных собак и кошек, потом — президента фонда помощи слепым инвалидам. Всё сгодится. Всюду можно средства качать. Было бы дураков побольше.

А о Коле, оставшемся ждать его за воротами интерната, он не забыл. Но решил, что мальчик пока никуда не денется, найдет чем заняться. И сам он здесь долго затягивать не станет. Быстро со всем покончит. По-соколиному. Чувствовал в себе какой-то невиданный подъем сил и энергию.

Пока же Василий Аверьянович отправился на экскурсию по интернату. Отстал от всех и побродил один, заглядывая в комнаты. Новая мебель его мало интересовала, а вот следы прошлого... Нечто нематериальное. Оставленное им самим и его тогдашними друзьями. Нашел только хулиганскую надпись в туалете.

Долго присматривался к вычарапанной ножничком фразе, но решил всё же, что она принадлежит нынешнему поколению. Хотя всякая скабрзность похожа одна на другую, и сколько ее ни закрашивай — всё равно проступит сквозь ретушь и время. Даже в Коллизее найдется нечто подобное.

А что он ожидал здесь увидеть? Райский сад? Черно-белое кино своего детства? Вот же оно, всюду, для этого не надо было приходиться в интернат, гуляй и смотри вокруг. На свое прошлое, которое следует за тобой по пятам.

Только теперь его раскрашивают фломастерами, как старые фильмы. Получается красиво. Но глупее этого и пошлее ничего не придумаешь. Просто досталась мальчишам-плохишам коробка цветных карандашей, вот они и стараются. Размалёвывают Россию.

22

Никого из своих прежних приятелей-подружек он здесь не встретил. Мелькало что-то отдаленно знакомое. Кажется, вот этот... или эта... А с тем, вроде бы, даже подрались. Но подходить и пускаться в воспоминания не хотелось. Василий Аверьянович и сам напустил на себя строгий и важный вид, чтобы и к нему не лезли с расспросами.

Но общая атмосфера была радужная. Некоторые пришли со своими вторыми половинками. Кто-то даже упёртых взрослых отпрысков притащил. Пусть на юность отцов посмотрят. И, конечно же, многие были уже навеселе. В честь двойного праздника. Теперь дважды предстоит на грудь принять. Не всякий обратно до дома доберется.

Вообще-то правильно Раиса Марковна эту сборку затеяла. Насмотрелась, наверное, в интернете “Одноклассников”. И для отчетности ладно. Может, вполне приличная женщина. Вон улыбка с лица не сходит, словно скотчем приклеена. Нельзя судить по первому впечатлению.

Василий Аверьянович переменял свое решение, не будет выступать. Нечего людям праздник портить. Или скажет что-нибудь хорошее, приятное. А лучше — посидит немного, послушает да и уйдет незаметно. По-английски. Зря, что ли, как лондонский денди облачился? И Коля уже заждался.

Директриса стала приглашать всех в зал. Сама рассказывала за столики. Кого считала поважнее и понужнее — в центре и ближе к сцене. Соколкину также одно из подобных почетных мест досталось. На чистых розовых скатертях — всё как полагается: вино, водка, закуски горячие и холодные, фрукты, хлеб.

Потом, когда все гости понемногу успокоились, она взяла микрофон и начала говорить. Речь ее была достаточно существенной, не длинной и эмоциональной, рассчитанной на собравшуюся аудиторию. Язык подвешен. Поднаторела в славословиях. Не иначе как бывший комсомольский инструктор или партийный функционер.

Прежде всего, она отдала должное Президенту Российской Федерации и Премьер-министру — духовному лидеру России. Так и сказала. За заботу о

детях, особенно обездоленных. За запущенные в производство новые национальные проекты, главный из которых — материнство. За славную спокойную жизнь и великое будущее. За всеобщую модернизацию. Это теперь был самый модный лозунг.

Пока всё складно. Предложила, не откладывая дела в долгий ящик, поднять за всё вышеизложенное бокалы. Гости-выпускники, уже начинавшие испытывать легкое нетерпение, охотно согласились. Против этого тоста никто возражать не стал. Выпили, закусили и оживились еще больше.

Затем Раиса Марковна перешла непосредственно к юбилейной дате. Коротко осветила историю интерната, поведала, какие люди вышли из его стен. Назвала несколько фамилий. Среди них, подчеркнула она, есть учёные, деятели культуры, государственные чиновники, крепкие бизнесмены, хозяйственники. Упомянула и Василия Аверьяновича Соколкина — директора детективного агентства.

— Да вот он сидит!

Ему пришлось принять на свою долю часть аплодисментов, встать и раскланяться во все стороны. После чего незамедлительно махнул бокал сухого вина, чтобы освоиться. А директриса продолжила:

— Но главный сегодня праздник для всех нас — это День России. Как славно, что он совпал с юбилеем интерната. И это глубоко символично. Ведь среди нас те, кто составляют соль нашей земли. Люди, испытавшие в самом раннем детстве много зол и бед, но сумевшие встать на ноги и идти вперед и вверх. К благоденствию и благополучию. Люди, сделавшие себя сами. Золотые люди нашего общества.

Здесь речь ее вновь была прервана дружными и крепкими аплодисментами людей, сумевших встать на ноги. Кому ж не нравится, коли о тебе так говорят? Даже если ты ничего ни для кого не сделал, кроме себя. Да и шел всё это время не вверх, а вниз. Не к горней высоте духа, а к телесно-материальному низу. Там этого благоденствия и благополучия еще больше.

Василий Аверьянович делал пометки в уме, слушая филиппику Раисы Марковны, отдавая должное ее риторическому мастерству. Забалтывала просто здорово. Прирожденный оратор. Брала, наверное, уроки у самого Цицерона. В политику ей надо идти, в Думу, в партию “Единая Россия”, раз уж с КПСС не сложилось.

— ...Я давно отметила, что среди наших выпускников многие носят такие “говорящие” фамилии, как Ширяевы, Оленихины, Прудниковы, Кречетовы, Соколовы. Потому что мы находимся в историческом месте Москвы — в Сокольниках, которым уже более семи веков. Я и сама, по иронии судьбы, Соколович, хотя родилась не здесь, а на Украине. И это тоже символично. Мы — словно птицы, слетевшиеся из разных краев на этот праздник.

— Bravo! — закричал кто-то, не выдержав. Остальные голуби, коршуны и воробушки его поддержали.

А главная ворона или гагара заключила:

— И я считаю, что сегодня мы призваны отметить сразу три торжества. День России, юбилей интерната и славу этих гостеприимных и уютных Сокольников. И всё. Больше я мучить вас не буду, а каждый, кто хочет, может выступать в процессе нашего праздничного общения. Прямо с мест.

Тут уж овации с птичьим гвалтом достигли предела. Захлопанная Раиса Марковна, кивая и улыбаясь, уселась за столик к своим сотрудникам. А Василий Аверьянович подумал, вновь переменив свое решение: “Буду говорить, буду. Ведь как прав Шамфор — разложение каждой цивилизации начинается с самок”.

Ему даже показалось, что здесь собралось не так-то уж много действительно выпускников интерната. Где директриса могла их отыскать? Да и стала бы всерьез заниматься такой волокитой? Не похоже это на нее. И списки ее — фикция. Не избранные здесь, а просто званые.

Ну, может быть, кому-то несколько открыток-приглашений для проформы и отправила. Позвонила некоторым известным и нужным для дела лицам. А в основном — позвала своих знакомых и близких. На халывку-то. Вот почему они все тут друг друга так хорошо знают. Семейный праздник устроили.

И Василий Аверьянович вдруг почувствовал себя здесь совершенно чужим и лишним. Словно ошибся домом и дверью. Как всегда это ощущал в детстве в стенах интерната. Пока не удавалось сбежать, вырваться на свободу. Ничего с тех пор не изменилось.

23

Веселье продолжалось. Раиса Марковна управляла торжеством умело, будто опытный менеджер в сфере развлекательной индустрии. Предоставляла кому надо слово для тоста, останавливала, кто начинал слишком уж заговариваться. Пресекала излишний шум, сыпала прибаутками. Смотрела одновременно и строго, и ласково.

Бела себя как настоящая директриса среди повзрослевших детишек. Только подзатыльники не отвечивала. Вовремя запускала на сцену второстепенных эстрадных артистов, вокалистов и певичек, давно вышедших в тираж. Юмористов с плоскими шутками и набрякшими от перманентного питья веками. Скоморошных баянистов и балалаечников. Дородных чтецов с пафосными и лирическими стишатами. Фокусников, похожих на карточных шулеров из электричек.

Вывела даже под руки на всеобщее обозрение какого-то подозрительно-го ветерана. То ли труда, то ли безделья, поскольку тот заметно страдал от ожирения. И вспоминал почему-то свою работу на продуктовой базе во время войны. Явно не воспитанник интерната. Наверное, дедуля директрисы.

Клоунов только не хватало. Но их и в зале было предостаточно. А потом и вовсе пошли просто какие-то цирковые номера. В фигуральном смысле. Музыканты, прятавшиеся за ширмой, заиграли не то хава-нагилу, не то сиртаки. Раиса Марковна подала пример, увлекая в пляску гостей.

Многие поддались соблазну, взялись в центре зала за руки, начали выдвигать колени, двигаясь по кругу. Какая-то пародия на хоровод под чужеродные ритмы. Директриса всё пыталась и Василия Аверьяновича завлечь в этот шутовской танец, показывала глазами: давай, мол, сюда, к нам! Манила пальцем. Но он лишь усмехался и отрицательно качал головой.

А сам всё больше убеждался в том, что нет здесь настоящих выпускников интерната. Откуда им встать? Давно пропали, умерли. А если и есть кто, то уже основательно переродился. Разве могут у них, детей соколиного братства, быть такие сытые, довольные, полупьяные личины? Когда это они в те годы плясали под чужую дудку?

Но главный сюрприз готовился впереди. Раиса Марковна всё ждала чего-то или кого-то, поглядывала на часы. Наконец, это “что-то” и явилось. На пороге зала в окружении свиты застыл плотненький, невысокого роста (почти как Вася), коротко стриженный мужчишка с властно-капризным выражением мордочки. Сразу видно — начальник.

А внешне чем-то неуловимо похожий и на Медведева и на Путина в одном флаконе, только масштабом поменьше. Все большие, средние и даже совсем-совсем мелкие государственные чиновники теперь каким-то волшебным образом мимикрировали под действующих Президента и Премьер-министра России. Ловили в зеркало сходство и возвращали его в себе как зерно.

Этот загадочный процесс объяснить невозможно, он протекает в метафизической плоскости, на некоем эзотерическом уровне. Причем во всех других странах такого не наблюдается (если только в Германии и Китае, во времена фюрера и Мао). А вот в России верховная власть всегда неизменно порождает себе подобных.

Будто мутагенные яблочки сыплются в урожайный год с Древа Познания Добра и Зла. Собирай в корзину да вари компот, на другое и не годятся. Кислые и горькие. Иначе сами по себе сгниют, пользы всё равно никакой. Верно сказано: по плодам узнаете их.

Но что было самым удивительным для Василия Соколкина в этом явлении большого маленького человека народу, так это то, что в свите его обозначилось знакомое лицо Пети Горячкина. Вот уж никак не ожидал и его здесь увидеть. А впрочем, еще одно отпочковавшееся яблочко...

По взмаху крыла Раисы Марковны музыканты поднатужились и заиграли гимн России. Это после хава-нагилы-то. По другому ее призывному знаку все гости встали и захолопали пришествию важной персоны. Сначала как-то вяловато, но потом, понукаемые директрисой, всё более интенсивно. А вскоре аплодисменты уже переросли в бурные овации.

Чего не побить в ладоши, когда за всё, что на столах, уплочено? Мозоль от такой ерунды не векочит. Били, бьем и будем бить дальше. А вдруг действительно это кто-то из кремлевских властителей на огонек заглянул? Они это дело любят. Внезапно в народе материализовываться. Чем черт не шутит.

Но всё оказалось несколько проще. Когда музыканты закончили фальшивить, а аплодисменты смолкли, Раиса Марковна торжественно произнесла, чуть слезу не пустила:

— Вы все, конечно, узнали префекта нашего округа, нашедшего время, чтобы вместе со своими сотрудниками и референтами посетить нас в столь счастливую минуту. Когда мы празднуем День России и юбилей интерната. Это большая честь и огромная радость для всех собравшихся здесь. И лишний раз доказывает, сколько много внимания уделяется руководством округа нуждам обездоленных детей. Благодаря этой заботе и финансовой поддержке мы и существуем в постоянном развитии, выполняя важную миссию...

Досказать она не смогла. Префект сам умел говорить правильные речи. Он упругой походкой подошел к ней, отобрал микрофон, поднялся на сцену и начал:

— Не надо, Раиса Марковна, сейчас не об этом, давайте просто отпразднуем наше общее торжество, к которому я искренно и от всей души присоединяюсь. К сожалению, у меня мало времени, надо посетить другие мероприятия, но хочу сказать следующее. Мы все совместными усилиями создаем новую великую Россию...

Это “следующее” Василий Аверьянович слушать уже не стал, он поднялся и, не обращая внимания на негодующие взгляды директрисы, направился к тем столикам, за которыми расположилась свита префекта. До слуха доносились лишь отдельные слова и фразы: “модернизация страны”, “новые технологии”, “компьютеризация”, “Сколково”, “Единая Россия”, “привлечение инвестиций” и прочие популярные штампы.

Соколкин уселся на свободный стул рядом с Горячкиным, толкнул его в бок и спросил:

— Ты как здесь, Петя?

Тот застыл с поднесенной ко рту вилкой.

24

— Жуй медленно, не подавись кальмаром, — добавил Василий. — А то сам осьминогом станешь.

Это была просто сцена из старого фильма “Два капитана”, когда злодей Ромашка, поедая макароны, увидел живого Саню Григорьева. Которого бросил умирать в лесу после разбомбленного фрицами поезда. Не хватало еще пролепетать: “Ты разве жив?” И выдавить из себя улыбочку.

Ведь конкурент в сердечных делах, законный муж, был не только бодр и снисходителен, но элегантно, по последней моде одет, собран как часовой механизм и даже, кажется, стал выше ростом. Чудеса какие-то. Что за преобразование? Нет, это не Вася Соколкин. Это кто-то другой.

Но у Горячкина хватило ума не заикливаться на капризах природы и очевидном — невероятном, к тому же он был искушенным и битым прохиндеем, поэтому сумел быстро взять себя в руки и значимо коротко ответить:

— Я с префектом.

— Это мы видим. А кем ты ему приходишься? Приемным сватом?

— Я консультант. Консультирую у него. Не важно что. Тебе-то какое дело?

— Да мне никакого, согласен. Но ты же вроде с Варварой в командировку собрался? Отменилась, что ли?

— Ничего еще не отменялось, просто не звонила пока. А как тут завершим, в Сокольниках, так и поедем.

— Куда — не сказала?

— Тебе знать необязательно.

Горячкин набирал воздух в сдувающуюся было оболочку. Становился прямо на глазах всё более важным. Насмешливо произнес:

— Я гляжу, ты приоделся у Кардена. С чего вдруг?

— Женюсь, Петя.

— На ком, если не секрет?

— На твоей бывшей супруге. На одной из них. А может, на всех сразу. Еще не решил.

— Да ну тебя. Юморист, оказывается. Ладно, не мешай мне есть и слушать нашего префекта.

Василий пододвинул и себе тарелку, положил буженины с палтусом, налил рюмку “Токая Фурминт”. И сказал:

— Чего его слушать-то? Тебе самому не надоело? Включи телевизор, только без звука, и смотри.

— Тише ты. Прямо радикал какой-то, анархист. Я здесь по делам, не до тебя мне.

— По хлебным делишкам-то? Конгресс свой в Сокольниках будете проводить?

— Ну какая разница!

На них уже стали обращать внимание. А префект всё толкал свою речь про великое будущее России, которое вскоре осуществится, как наглядный пример, в отдельно взятой отечественной силиконовой долине, в Сколково, а дальше эта новация расплзется по всей стране.

— ...До самого краешка российской пяди, — говорил он, всё больше воодушевляясь. Наверное, сам себя любил послушать, в записи. — И в большие города придут новые инвестиции с высокими технологиями, и в деревни, и в самые дальние глухие уголки, где даже не ступала нога человека. Это я вам обещаю. Это гарантируют наш Президент и Правительство. Из Сколково — в Сокольники, друзья мои. А далее — везде. Модернизация страны и нанотехнологии — это наш нанохлеб будущего.

Так и сказал, черт, образно. Совсем парень про недостаток времени подзабыл. Что ж поделаешь, когда пошла такая оратория. И опять поплел про Президента и Премьер-министра. Ну да, выборы ведь скоро.

— Ты-то сам чего сюда приперся? — тихо спросил Петя. Очень ему хотелось это узнать. Чтобы потом Варваре наябедничать.

— Да я-то здесь как раз к самому месту. Тут вроде бы типа встречи выпускников интерната. Так, по крайней мере, объявлено.

— А ты, значит, из этой подворотни?

— Ну не из твоей же, где с утра столовыми ложками икру жрали и сахарным сиропом запивали, — скромно потупился Вася.

К ним протиснулась Раиса Марковна, наклонилась над головами.

— Господа, вы отвлекаете своими разговорами нашего префекта, — с укором зашептала она. — Погодите немного, еще наговоритесь. Или выйдите незаметно в коридор, если столь важно.

— Нет, нет, — испугался Горячкин. — Ничего у нас важного, так просто.

— Старого друга встретил, — добавил Соколкин. — Жениха жены. Пятое колесо к моей второй половине.

— Как это? — не поняла дама. Не сразу сообразила, что насмешничает, момент-то уж больно торжественный и серьезный. Словно будущее России прямо на глазах свершалось.

— Да вот так. Но у нас обмен как бы, чейндж. Мне вагон хлеба предлагает. А я вот думаю, чтобы не продешевить. Обманет ведь, черствый какой-нибудь подсунет, секунд-хенд. Прошу еще хоть краюху или осьмушку в придачу.

— Вам пить больше не надо, — мягко посоветовала директриса.

— Вот и я о том же, — заметил Горячкин. — Выведите его, что ли.

— Не тупи, Петя, я и сам уходить собрался, пора уже, — примирительно ответил Василий Аверьянович с самым добрым и ласковым выражением лица. — Только еще хочу поблагодарить префекта и вас, уважаемая Раиса Марковна, за теплый прием и отличную организацию праздника. Не возражаете?

— Не нужно ему слова давать, — торопливо встрял Петр. Будто почувствовал что-то.

— Как выпускник интерната имею право. Очень мне тут всё у вас нравится. Душевно. Как в дни моего счастливого детства.

Женщина внимательно, оценивающе посмотрела на него, словно приемщица в ломбарде. Никаких изъянов и ничего порочащего не обнаружила. Вполне солидный мужчина. С собственным агентством.

— Что ж, можно, — она утвердительно кивнула головой.

И поспешила обратно, под сень несмолкаемого префекта. Туда, к журчащей воде, к источнику жизни. К миражам в пустыне.

25

Горячкин, не спуская восторженно-льстивых глаз с оратора, ехидно шепнул:

— А куда ж ты своего приبلудного пасынка дел? В какой сточной канаве посеял?

— А тебе бы не мешало лексикон подштопать, нанонитками. В высоких сферах ведь крутишься, конгрессы затеваешь. А то — подворотня, канава...

Но едва Василий сам подумал о мальчике, как тот и возник в дверях. Видно, ждать надоело. Встал на пороге, прислоняясь к косяку, но в зал войти не спешил. Лишь головой крутил, высматривая старшего сокола.

— Да вот он. По тебе, Петя, соскучился.

В такой супермодной кожаной куртке и бейсболке козырьком вниз никто из охраны его за интернатского пацана принять не смел. Посчитали, должно быть, что не иначе как отпрыск какого-нибудь важного бизнесмена. И вид уж больно нахальный. Лучше не связываться.

Василий Аверьянович помахал Коле рукой, призывая за свой почетный столик. Мальчик увидел и пошел к нему развинченной походкой. Наверное, где-то в кино у какого-нибудь Бельмондо подсмотрел. Но подражал хорошо. А для паренька это тоже как форма самозащиты. Уверенней себя чувствовал.

Места свободного около Соколкина не было, поэтому он обратился к сидящему рядом какому-то упитанному референту или консультанту, наверное, также по “хлебным делам”:

— Слышь, друг, хорош греться, пойди, покури пока, мне хлопца покормить надо. А твой хоз еще тут долго трендить будет, так что успеешь в ладоши нахлопаться.

Человек недоуменно и испуганно посмотрел на него, но, привыкший к развязной власти начальства, поспешно освободил стул. Коля на него и уселся, передвинув бейсболку козырьком вбок.

— Шляпу сними, — строго указал ему Василий. — Вон, смотри, даже наш дядя Петя Авиэзерович без своего помпадурского берета сидит.

— Ты, гляжу, никак наследство получил? — усмехнулся Горячкин. — Больно смелым стал. Как бы не укоротили.

Соколкин, не обращая больше на него да и вообще ни на кого вокруг внимания, стал накладывать Коле в тарелку деликатесы, наливать сок манго.

— Ты молодец, что пришел, не побоялся, — сказал он мальчику. — Кушай.

— А кого мне тут пугаться?

— Правильно. Мы сами по себе. А они отдельно.

— Вот и я о том. Пусть тусят дальше. А хачка тут славная.

— Проголодался после Хиросимы?

— Японская кухня не по мне. Ты был прав. Ну её!

Петя прислушивался к их вольной беседе и всё никак не мог унять, душила его какая-то жаба. То и дело с завистью и изумлением поглядывал на них, таких довольных и раскрепощенных.

— Куда вы оба так вырядились? — спросил наконец он. — Непонятка какая-то. Давно ли спелись? Чей это мальчик? Ты кто, дитя порока?

— Конь в манто, — огрызнулся Коля. — Поборзей еще тут. Не на своем ранчо.

— Ты лучше за префектом смотри, как бы не спер чего, — посоветовал Вася. — А когда надо будет встать и заорать “Браво!”, я тебе подскажу, так и быть. Но на бис больше не вызывай.

— Да что с тобой приключилось? Гоголем ходишь. Прямо король с королевичем выискались. Не на прием ли в Букингемский дворец собрались? — глаза у Пети стали совсем круглыми, будто два пятака. Нет, их больше не производят, скорее, как пара десятицентников. Для его менталитета ближе.

— Ну что тебе ответить, друг мой нежный? Всё равно ведь не поймешь. Считай, что мы клад нашли. Но чуйка у тебя верная.

Василий при этом лукаво подмигнул мальчику.

— У нас когда самолет в Бомбей? — подыграл тот. — Не опоздаем?

— Да не должны вроде. Давай-ка я этого префекта окорочу, а то точно в Шереметьево не успеем.

— Да пусть дальше по ушам ездит, поёт складно. Я, дядь Вася, нашего водилу отпускать не стал, мотор греется. “Мерс” вмиг домчит. С мигалкой-то.

Горячкин, слушая это, как-то сник. Словно повядший нарцисс. Ведь всё, не имеющее разумного и привычного объяснения, вызывает душевную тоску, а у некоторых так даже животный и безотчетный страх. А тут эти двое... Словно из сказки. Сидят, веселятся, и ни до кого им дела нет. Так не бывает. Не должно быть.

Вяло спросил только:

— Варя знает, что вы оба здесь?

“Признал, значит, наше двуединство, а это уже маленькая победа на поле бытовой брани”, — с удовлетворением подумал Василий. И ответил:

— Нет, но ты же сам ей звякнешь. Скажи также, что мы обязательно сегодня встретимся. Домой пусть не ждет, мы с Колей вообще решили не возвращаться. До тех пор, пока она не изменится. Передай пламенный привет с поцелуем. Впрочем, последнее не надо.

— Что-то я не пойму тебя. Весь в тумане. Где встретитесь, если мы с ней в командировку едем? И ты с нами тоже, что ли? Почему домой не ждать? Уходишь от нее? Насовсем или блажь вдруг заела? Ну, мне-то плевать, так-то оно даже и к лучшему.

— Не блажь. А аксиос.

— Чего-чего?

— Достоинство. Достойным.

— Ну хватит уже пургу гнать. Скажи, мальчик Коля, — обратился Горячкин к младшему соколику, — твой дядюшка сегодня головой не падал? И ты заодно с ним об бревно? Вместе, кажется, умом повредились.

— Сам не упали, — процедил юный Бельмондо сквозь зубы. Не нравился ему Петр Авиэзерович.

— А, всё. Я догадался. Ты, Вася, действительно пьян.

— Никогда такого не было и не будет.

— Ну, тогда сдаюсь.

И он даже поднял обе руки вверх. Которыми тут же пришлось бурно аплодировать. Речь префекта наконец-то завершилась.

Сразу же стал выступать кто-то из его замов, ответственный за социальные программы, а маленький префект, с лица которого не сходила голливудская улыбка, сел за столик. Рядышком угнездила и Раиса Марковна, также очень довольная собой. Обоих можно было бы сейчас сфотографировать для рекламно-гламурного плаката “Жизнь удалась!” и вывесить на уличной растяжке.

Префект положил в рот маслинку и небрежно бросил челяди:

— Через пять минут уезжаем. И так задержались тут. Как бы не опоздать в мэрию.

Тут он обратил внимание на мальчика, еще ширше обнажил свой белозубый рот и спросил:

— Чей малыш? Ваш, Раиса Марковна?

— Мой, — ответил за директрису Василий Аверьянович. И тотчас продолжил: — Мне ваша речь очень понравилась. Золотые слова, спасибо за заботу. Разрешите поблагодарить вас от имени всех детей. А также собак и кошек. Прямо не знаю, чтобы мы без вас делали.

— Ну уж! — снисходительно усмехнулся префект. — Не я один этим занимаюсь. Вся тяжесть лежит на плечах вот этой хрупкой женщины, Раисы Марковны. Ее и благодарите.

А “хрупкая женщина”, весом под восемьдесят килограммов и ростом с бормашину, стала вдруг подозрительно приглядываться к Коле. Наконец-то до нее дошло, что это один из ее интернатских. Мальчик же невозмутимо попивал сок. Чувствовал себя вполне защищенным под сенью старшего друга.

— А вы, простите, кто будете? — полюбопытствовал префект, взглянув на часы.

Горячкин услужливо подсказал:

— Василий Соколкин, муж Варвары Борзых, хлебной предпринимательницы. И мой старый приятель.

— А-а. Хорошо. Помню. Передавайте ей привет. Всех благ. В случае чего — поможем.

— Обязательно передам.

Они даже обменялись рукопожатиями. На этом всё могло бы и завершиться, тем более что и речь зама подошла к концу, но Василий неожиданно спросил у префекта:

— А вы знаете, какой сегодня день?

— Как какой? День России.

— Ответ неправильный.

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня день аввы Агафона.

Префект с интересом посмотрел на Соколкина, всё еще продолжая улыбаться. Подумал — шутка такая. Но на всякий случай переспросил:

— Это какого еще Агафона? Поясните. И покороче, у нас мало времени.

— Ну, был такой святой старец. А о времени не заботьтесь, у Господа свой отчет, все ваши минуты и секунды взвешены.

— Занятно, — префект снова взглянул на часы. — Ну, кажется, нам пора. Спасибо, Раиса Марковна, за чудесный праздник, так держать.

— Погодите, успеете, — остановил его Василий Аверьянович.

В голосе у него вдруг обнаружилось столько металла, что никто за столом с места не сдвинулся. Теперь все с удивлением молча смотрели на фотографа-детектива. Уже не улыбаясь. Ждали, что еще скажет? Лишь Петя Горячкин как-то нервно заерзал на своем стуле. А Раиса Марковна, напротив, застыла, словно жена Лота. На этом каменном изваянии оставались живыми лишь глаза-буравчики.

— День России, по-вашему, только раз в году бывает? — продолжил Соколкин. — Когда можно праздновать да веселиться на ее останках? А в иные дни что? Торжество поедающих ее трупных червей? Это для них-то нужна ваша модернизация, господин префект? Чтобы успешнее обглодали? А когда добьете окончательно — тогда что? В мозгах надо модернизацию делать, прежде всего — в ваших. Чтобы забыли наконец, что жизнь удалась. Нет удачи там, где земля горит под ногами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — нервно отозвался чиновник.

— Всё вы понимаете. Сколково! Кому нужен этот еще один нелепый, прожекторский проект? Простым людям, которые на каждом шагу подыкают от ваших ядовитых испарений? Или жирным котам, чтобы еще одну миску сметаны слопали? Ведь не все еще полные дураки, видим вокруг одну

сплошную ложь и несправедливость. Это-то и убивает. Щеки-то надувать вы умеете, говорить красиво тоже. Только все слова ваши пусты, как вылущенные колосья без зерен. Хлеб от них не родится. Почему вы ничего не сказали о том пекле, в котором оказалась Россия прошлым летом?

— Это к теме не относится, — сказал префект. — И... заканчивайте.

— Да я только начал разминаться. Вы еще не всё от меня услышали. Два месяца страна горела, словно сухой хворост, люди в Москве и других городах пачками мерли, а нам говорили: покупайте респираторы, закрывайте окна! Устраивайте снесту на рабочем месте. Это что, такой эксперимент был над Россией устроен? По сговору с вашими начальниками из Вашингтона? Четыре пожарных самолета МЧС на всю страну, причем два из них сломааны. Премьер сам лично из ведерка пожары под елочками тушил. Чтобы показать, какой он заботливый. А то, что все леса и пахотные земли распроданы — это как? Кому достались богатейшие недра? Тем, кто способен лишь выкачивать и отправлять прибыль за рубеж?

— Он — сумасшедший, — пояснил Горячкин. — Велите позвать охрану, пусть выведут.

— Нет, не надо, пускай говорит, — ответил префект. — Глас народа... это... А еще лучше, изложите ваши претензии в письменном виде, мы рассмотрим.

— Чего рассматривать-то? — прикрикнул на него Соколкин. — Вы сами-то поняли, что сейчас сказали? Да оглянитесь вокруг! Если вам, малой кучке, хорошо, это не значит, что всем людям в России тоже. А вы знаете, что во Владимирской губернии, да и в других мужички в селах сами поджигали леса? Почему? Да потому что они чужие теперь, их туда не пускают даже грибы собирать. Скупили всякие Якубовичи, Фили Киркоровы и Никитушки Михалковы. Вот пусть и горят — так они отвечали. Не наше. А потом и за барские усадьбы примутся. Это вас не озадачивает? Ничего не напоминает из истории России? Сколько вам вообще времени осталось? Торопитесь пожить власть напоследок?

В зале теперь было очень тихо, разговоры и смех за соседними столиками смолкли. А голос Василия Аверьяновича нарастал, звучал всё громче и громче:

— Ждете, чтобы Россия совсем выгорела, как пшеничное поле? Так вот, когда авва Агафон умирал, даже он не знал: угодны ли были его дела Богу? И отвечал монашеской братии: “Невозможно удостовериться в правоте моей, прежде чем предстану перед Господом. Потому что суд Божий — это одно, а человеческий — другое”. А уж ваши дела всем видны и ясны, тут никаких загадок нету. И если вы не боитесь и нет на вас человеческого суда, то хоть о Божьем вспомните. И еще добавлю. А ты, Петя, не ерзай на стуле, будто уж на сковородке.

Раиса Марковна стала подавать знаки охранникам, но те как стояли в дверном проеме, так и продолжали стоять, не шелохнувшись. Также внимательно всё слушали. И, судя по всему, им это нравилось. Как и другим приглашенным.

— Авва Агафон в течение долгого времени занимался вместе со своими учениками постройкой келлии. Наконец, завершили строительство, стали там жить. Но авва увидел на том месте что-то вредное для души. И сказал ученикам: “Встаньте, идем отсюда”. Те спросили: “Если у тебя было намерение переселиться отсюда, то зачем мы затратили столько труда, соблазнились?”. Старец ответил: “Если переселение наше будет соблазном для одних, то для других оно послужит назиданием. Найдутся и такие, которые скажут: блаженны эти иноки, переселившиеся ради Бога и презревшие собственность свою ради Него”. И еще он сказал: “Я иду немедленно. Кто хочет — пусть идет со мной, а кто не хочет — пусть остается”. Так и в России теперь, где наступили последние времена. Но не только здесь. По всему миру апокалипсис наступает. И вам нигде уже не отсидеться и не отлежаться. Не будет такого места для вас.

Василий Аверьянович на несколько секунд замолчал, взглядываясь в напряженные лица вокруг него. Потом указал на мальчика:

— Вот он — День России! Вот ее истинное настоящее. А будущего-то, может быть, уже и не будет. Что-то очень вредное для души тут сеется вами. Не зерно вырастет, а мякина одна. Не хлеб, а этикетки. И если вы еще не поняли, что творите, то пожалуйте потом. Когда нечего будет больше праздновать. Оставайтесь теперь, а мы уходим немедленно. Пошли, День России.

Соколкин протянул Коле руку, и они вместе направились к дверям. А когда проходили мимо расступившихся охранников, тишина в зале позади них вдруг неожиданно взорвалась аплодисментами.

На улице же их встретил проливной дождь. Но это была благодатная, освежающая влага.

27

Они сидели на крыльце Заброшенного Дома и молчали. Всё уже было обговорено, оставалось только ждать. Темнело быстро, но до полуночи еще хватало времени. А раньше двенадцати часов “хлебные люди” вряд ли появятся.

Плана действий у Василия Аверьяновича никакого не было, он решил положиться на волю обстоятельств. С Божьей помощью.

Дождь давно кончился, но грозовые тучи продолжали висеть над Сокольниками. Как и отвратительная в своей круглой наготе и белизне луна, проглядывающая сквозь мрачное небо. Вообще всё вокруг казалось довольно жутковатым. Корявые деревья, похожие на застывших нелюдей с протянутыми лапами-ветками. Полуразрушенная усадьба, напоминающая кладбищенский склеп. Мертвящий лунный свет. Покойников только не хватало.

— Скоро придут, — выразил общее настроение Коля, кутаясь в бежевый плащ Василия Аверьяновича.

— Чего дрожишь? — спросил тот. — Замерз или боишься?

— Не пугливый.

— Всё равно, не надо бы тебе сейчас тут со мной. Мало ли как обернется. Может, пока не поздно, уйдешь? Поезжай в центр города, сегодня народ будет до утра праздновать. Или на Красную площадь, там концерт какой-то, рокерский. “Скорпионы” из Англии прилетели, любимая группа Президента. Глядишь, он и сам вместе с ними выступит. Чего ему еще от жизни надо? Счастье, с детства, поди, мечтал.

— Ну их всех в болото. Нет. С тобой останусь. Не брошу.

— Тогда ладно. Еще посидим немного и пойдем прятаться.

В кармане у Василия Аверьяновича запиликал мобильный телефон. Это Варвара звонила.

— И чего же ты, милый мой, там в интернате учинил? Что на тебя нашло? — сердитым голосом спросила она. — Понимаешь хоть, что полным дураком себя выказал? Префекта обидел. А мне репутацию подмочил. Идиот несчастный.

— Нет, счастливый, — возразил Соколкин. — Уже стукнул Петюся? Быстро работает. А ты где?

— Я-то в командировку собираюсь. Уже в пути, считай. А вот где ты?

— Да недалеко от тебя.

— А что домой не идешь?

— Я не один.

— С пацаненком этим?

— Как же его бросить? Ему вообще приткнуться некуда.

— Ну и приходите вдвоем, черт с вами! Разрешаю.

— Придем, если и ты останешься. Отменишь свою командировку.

— Не могу. А вернусь — тогда и поговорим. Разберемся.

— Ну тогда и мы пока погуляем.

— Ты, Вася, какой-то странный стал. В детство впал, что ли?

— Ага. Иногда надо, для души полезно.

— Да что с тобой происходит? Не узнаю просто. Горячкин сказал, что вы оба как на посольский прием вырядились. Все деньги с карточек снял?

— Чуток осталось. На хлебушек хватит. А нам много-то и не треба.

— Василий, ты, по-моему, просто заигрался в свой детектив. Кончай всю эту байдку, закружляйся. Я отменяю все твои расследования. Хватит людей смешить.

— Это уже не детектив, Варя. Жизнь в России теперь настоящий триллер. А для кого-то и водевиль. Режиссеры умело жанры меняют. Чтобы не скучали. Сегодня трагедия, завтра — комедия. Послезавтра — прощальный хор краснознаменного ансамбля и уход со сцены. Занавес опускается, театр горит. Пьеса была плохая.

Варвара помолчала, осмысливая его слова. Потом спросила с раздражением:

— Чего ты хочешь? Скажи.

— Ничего особенного. Просто чтобы ты вернулась к себе, в себя.

— Я — это и так я. Другой не будет.

— Нет, Варя. Сбрось чары. Ты же совсем иная. А я тебе помогу.

— Мне ничья помощь не требуется. Ты много о себе возомнил.

— Ну, скажи еще, что слишком короток. А золотник мал, да дорог. И я всё еще люблю тебя. Иначе и быть не может.

Мальчик прислушивался к его разговору, а он чувствовал, что с Варварой происходит какая-то внутренняя борьба. Словно она решала для себя некий жизненно важный вопрос. Казалось, драма подходила к своей развязке, достигнув высшей степени напряжения.

После небольшой паузы супруга твердо произнесла:

— Если немедленно не явитесь домой, то можешь вообще не приходить.

Никогда.

— Пусть так, — согласился Василий.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Отлично понимаю. Развод.

— Не только. Я тебя по России нищим пушу.

— Ну и что такого? Эка напугала! Да вся Россия и так нищая, кроме кучки бездельников, префектов и президентов. И я тебе не вассал, не раб. Лучше быть нищим, чем слугой в барских покоях.

— Блаженный ты, Вася. Вот ты кто.

— А ты, Варя, это только сейчас заметила?

Супруга вновь помолчала. Потом несколько иным, более мягким тоном сказала:

— Хорошо. Будем тебя лечить. Теперь мне некогда, а завтра всё обсудим. Даю тебе последний шанс.

— И я тебе — тоже. Не ходи сегодня никуда. Я ведь знаю, в какую командировку ты нацелилась. Опомнись.

— Всё, хватит болтать! Завтра встретимся. Пока.

— Да мы, может быть, еще и раньше увидимся, — успел произнести Василий, прежде чем супруга отключила сотовый.

Соколкин посмотрел на Соколика и улыбнулся.

— Вот так, — сказал он, подмигнув. — Теперь давай в прятки играть. Люблю это дело. Равных мне в детстве не было.

— Да и я мастак, — отозвался мальчик.

Как-то веселее стало от этих слов. Застывшие вокруг мохнатые нелюди вновь превратились в обычные сосны и елки, грозовые тучи уползли в сторону Кремля, а луна стала напоминать непрожаренный блин со сковородки. Даже Заколдованный Дом, согретый и приютивший их, казался теперь самым надежным местом не только в Сокольниках, но и во всей Москве, а может быть, и в России. Последним оплотом. Который ни взять, ни сжечь.

Сатанинская “хлебная” месса началась ближе к полуночи и длилась, наверное, уже полчаса. Когда эти ряженные придурки в полумасках успели появиться? Да тихо-то как. Василий и не заметил. Вздремнул в своем высоком укромном уголке, заставленном пустыми коробками.

А мальчик так и продолжал спать рядышком, посапывая во сне. Место они себе для засады выбрали отличное — просторный холл как на ладони, а их самих на антресолях никак не углядеть. Да и темно в доме. Лишь свечки горят и полная луна в разбитое окно смотрит. Интересно, что за балаган?

К тому же адепты секты плавно переливались по кругу, низко опустив головы и держась за руки. Заняты были сами собой. Горланно бубнили-пели что-то монотонное, не разобрать. В центре на ветхом кресле недвижно восседал главный жрец — отец Серафим. Позади него застыла и матушка Серафимка. Все были в каких-то балахонах с блёстками-звездочками и капюшонах. Спецодежда.

Василий Аверьянович, возможно, так и проспал бы клятое действо, но от этого горлового бубнежа и очнулся. Коло будить не стал. Начал пересчитывать злодеев. Тринадцать штук, включая вождя и вождиху. Ну, понятно. Чертова дюжина. Должно быть, именно столько и полагается по служебной инструкции на каждой мистерии.

Но где же среди них Варя? Все в черных полумасках, одинаково бесформенные, не понять даже — кто мужчина, кто женщина. Усредненный пол. Да и есть ли она тут? У Васи таилась надежда, что супруга все-таки одумалась и не пришла. Такое тоже возможно. В последнем телефонном разговоре голос у нее был какой-то неожиданно более проникновенный и человечный, чем всегда. Почти как прежде. Хорошо, если одумалась.

Но мейерхольдовская буффонада продолжалась. Любопытно было понаблюдать. Да еще бесплатно, из ложки для виш-персон. А впрочем, вскоре стало ясно, что ничего особо интересного не предвидится. Все сатанинские секты одинаковы, подражают друг другу.

А режиссер известно кто. Ничего нового придумать не может, сам у себя обезьянничает. И сколько бы ужаса ни нагонял, какую бы нечисть ни вызывал дьявольским колокольчиком из тьмы, как бы ни бился в корчах — человеку с молитвой на устах и в сердце не страшно. А с крестным знаменем и вовсе.

Василия порою даже смех разбирал. Ходили они, значит, как манекены, по кругу, пели свои кретинские гимны, славословили отца Серафима и матушку Серафимку, потом начали хлеб всюду крошить, будто на корм курам. На колени опустили. Вновь что-то закудахтали на своем тарабарском языке. Ведь и речь-то русскую даже утеряли. Совсем с рельсов вагоны сошли.

Поглядел бы на них маленький префект округа. Может, поумнел бы. Хотя вряд ли. Скорее, к ним в кружок встал, вместе с Райсой Марковной. Одного поля ягоды. Кисло-сладкие, генно-модифицированные, а наутро — изжога. Но если вдуматься, то вот это кривое зеркало, в котором отражаются все бесы и неясность — и есть пестуемое властями, как сорняк в горшке, Сколково, очередная игрушка и забава для глушцов.

Полнолуние в России еще не скоро кончится. Модернизация, мать твою. Вася смотрел на дергающихся “хлебных лудишек” внизу, а веселое настроение его уже покидало. Грустно и горько становилось оттого, что человек сам охотно идет за лжепророками, проходимцами и вряями. Будто нет перед ним чистого света и ясного образа Божьего. Одна гадкая инновация.

Нет, в самом деле. Бессмысленны любые потуги втюрить оглуевшему народу новые сказочки про нанотехнологии, когда он сам добровольно на колени падает и мычит под дуду серафимоидов. И кремлиноиды ничуть не лучше. Клоуны и те, и другие, фокусники. А всё темное российское общество — зрители в этом цирке шапито, где им палец показывают.

Вот жила когда-то давно в Александрии некая женщина, Гипатия. Возглавляла Платоновскую школу, лекции по математике и философии читала, а всё свободное время посвящала игре на музыкальных инструментах. Ей еще приписывают изобретение астролябии. Она очень умные вещи говорила, например: “Учить предрассудкам как истине — самая ужасная вещь”.

И добавляла при этом, что люди должны прежде всего развивать собственные мысли, а не заимствовать чужие, не ходить стадом на водопой, не соблазняться идеями и красивыми словами. Нужно сохранять свое право ду-

мать, потому что даже думать неправильно лучше, чем не думать вообще. Фраза на все времена. А уж для России особенно ценна и полезна.

Так ее, Гипатию, римляне взяли да на маленькие кусочки изрезали. Острыми ножами для разделки устриц. Астролябия им была без надобности, у них, чай, под Римом свое Сколково для дураков строили, образование и культура тоже ни к чему. И думать народ не должен, за него этот труд другие на себя взяли, считающие себя элитой общества. Хотя это не элита, а дерьмо собачье. А населению достаточно хлеба в корыто накрошить да цирк показать. И нет Гипатии. Не учи истине, учи предрассудкам.

Василия всё больше одолевала злость, когда он глядел на хороводивших сектантов. Все движения у них были какие-то механические, искусственные, словно внизу в холле не люди собрались, а ватные куклы. Издавали мякающие звуки, повторяли за матушкой Серафимкой разученные пассы, а по взмаху руки отца Серафима хором выкрикивали: “Хлеб! Хлеб!”

И ничем, в сущности, это зрелище не отличалось от недавнего форума в интернате. Там пели и плясали, слушали и хлопали идиотам, тут тоже. Две встречи выпускников дурдома. Будто одни и те же собрались, только поменяли маски. А глаза у всех так и оставались зашорены и широко закрыты. И мозги в ломбард заложены.

Надоело ему на всё это смотреть. Тошно стало. А тут еще откуда ни возьмись в руках отца Серафима череп появился, а матушка Серафимка клетку с черным петухом достала. И острый кривой ножик из-под полы. Таким, наверное, Гипатию резали. Все вокруг застыли в напряженном ожидании.

— Ну-ну, — прошептал Василий Аверьянович. — Вот только попробуй-те птичку тронуть...

А Коля продолжал спать.

29

— Кто готов окропить наш хлеб кровью? — громко, ледяным голосом спросил отец Серафим.

— Кто? — пропищала вслед за ним матушка Серафимка.

От сбившейся в кучу темной массы отделилась одна фигура и сделала шаг вперед.

— Признаешь ли ты превыше всего наше хлебное братство? — задал новый вопрос главный батон.

— Признаешь? — добавила его подружка-булка.

Фигура сделала к ним еще два шага и скинула капюшон. Но полумаска на лице осталась.

— Будешь ли целиком и полностью повиноваться одному лишь хлебу нашему, который в моих руках?

— Будешь?

Еще три шага вперед. И вот уже эта зазомбированная фигура стоит прямо перед отцом Серафимом, у которого на одной ладони лежит череп, а на другой — хлебные корки и крошки.

Матушка Серафимка тем временем вытаскивала петуха из клетки. Готовилась к жертвоприношению. Хорошо хоть не к человеческому. Но за этим дело не станет.

— Целуй создателя нашего, — сказал основатель секты, протягивая череп. — Ешь хлеб его.

Фигура выполнила его требования. Сначала прикоснулась губами к бедному Йорику, затем положила в рот горстку крошек. Какая-то издевательская пародия на причастие. От возмущения Василий Аверьянович даже фыркнул. Наверное, слишком громко, поскольку аденты с неофитами зашевелились, повернулись в сторону антресолей. Туда же уставился и отец Серафим.

— Крысы бегают, — успокоила всех матушка Серафимка.

“Сама ты крыса”, — подумал Соколкин.

Фильм ужасов из сериала “Мертвецы возвращаются” продолжился. Слава Богу, что Колян спит и в ус не дует, нечего ему эту байду смотреть. Ва-

сильий Аверьянович и сам бы не глядел, но больно хотелось узнать: есть ли среди них Варвара?

— Приступим теперь к воплощению хлеба и крови в земную радость, — деловито произнес отец Серафим. — Матушка, передай сестре священную птицу и инструмент, пусть на деле докажет, что она отныне навечно с нами.

— Как скажешь, батюшка, — откликнулась та. — Давай, голубушка, режь петушку горлышко.

— Маски прочь, — приказал хлебный фюрер. — Подставляйте руки, омоем лица свежей чудодейственной кровью, впитаем хлебный дух всеобщей любви и счастья.

— Вот урод-то, чистый дебил, — прошептал Василий, чувствуя, как у него начинает свербеть в носу. Причем всё сильнее и сильнее. От скопившейся на антресолях пыли и всего этого грязного зрелища.

Сектанты между тем начали снимать маски, сжимаясь в тесный круг. А в центре его действительно оказалась Варвара. Но какая-то совершенно чужая, не похожая на себя. Глаза пустые, лицо безжизненное. Здорово ее обработали. Сама-то хоть понимает, что делает? Или в полной прострации?

В одной руке она уже держала петуха, в другой — нож. Птичку, наверное, тоже предварительно чем-то опои́ли, поскольку та не трепыхалась. Спокойно шла на заклатие. Но самое удивительное, что среди этих хлебобесов Василий обнаружил еще одну знакомую рожицу. Пети Горячкина. Третий раз на дно под ноги попадаетея.

И уже совсем непонятно, кто кого завлек в секту: он Варвару или она его? Да не важно теперь. Какая разница? Грязь сама к больной душе липнет. Надо что-то делать. Резко и решительно. Развеять как-то колдовские чары. Пока не пролилась кровь. Пусть даже птичья. Всё равно невинная.

На месте петуха у них мог бы быть и младенец. Может, и был уже. Где-то когда-то за тайной дверью “хлебного братства”. Кровь и хлеб — это символ. Только тут ему придают другое значение. Оккультное, дьявольское. И место здесь самое подходящее для шабаша. Эх, Варя, Варя... Вот в какие командировки ты в полнолуние ездешь.

— Ну, начнем, пожалуй, время на исходе, скоро другие петухи пропоют, пора и заканчивать, — вкрадчиво произнес отец Серафим.

А матушка Серафимка кровожадно добавила:

— Чего ждешь, сестрица? Чикай по горлу. Аль помочь?

И тут Вася уже не смог больше сдерживать свербёж в носу. Чихнул так громко, от всей души, что даже мальчика Колю разбудил.

30

Осиное гнездо переполошилось. Головы завертелись туда-сюда. Сектанты зашумелись, залопотали. А отец Серафим, встав со своего изломанного кресла и посмотрев на матушку Серафимку, ядовито изрёк:

— Это уже не крыса. Ты куда ж, дура, глядела? Почему помещение не проверила?

Та торопливо ответила:

— Да божж какой-нибудь! Чего зря волну гнать? Успокойся, Серафимушка. Щас мы его, погоди.

— Найти и обезвредить, — потребовал главный “хлебный апостол”. — Лучше — с концами. Без вариантов.

— Щас, щас. Ну-ка, сестрица, дай инструмент-то.

Варвара так и продолжала стоять как истукан, с петухом и ножиком. Остальные адепты сбились в кучку, напоминали малое баранье стадо. Изрядно взволнованное и перепуганное. Кроме, пожалуй, Горячкина. Который прежде других опомнился, тихонько отделился, пошел задом наперед. Попятился незаметно к двери. Хитер, сволота. Почуял, чем дело пахнет.

Да еще, заметил Василий, продолжая наблюдать, из-под балахона его струйка потекла. Со страха, видно. Слаб пришлый человек. Особенно в критических ситуациях. Мало русекого хлеба ел. Всё больше чипсы с мюслиями. А те мочевой пузырь слабят.

Матушка Серафимка отобрала у Вари “инструмент” и scomандовала: — Ищите, все ищите! Найдете — убейте. На других бомжей спишут.

Но почему-то никто с места не тронулся.

— Ну, живо! Ловите его! — приказал сам отец Серафим, беря управление стадом в свои руки. А была бы плеть, то и постегал бы.

Однако и его громовой голос никак не подействовал. Не было повинования. А был лишь глухой ропот и рокот. Сломалась какая-то шестеренка в этом хорошо отлаженном и безупречном тоталитарном механизме. “Хлебная машина” для выпечки пустот испортилась. Почему? Бог знает. И управляет.

Может, настолько они все были перепуганы резким Васиным чихом на них сверху, что остолбенели; может, стало иссякать наркотическое воздействие матушкиной “хлебной закваски”; может, словеса вождя и вождихи начали терять свою магическую силу; может, по какой иной причине. Но секта разлаживалась прямо на глазах. Под крестным знаменем Василия Аверьяновича.

А Петя Горячкин уже и вовсе исчез. И мчался теперь во всю прыть по ночным Сокольникам, на ходу срывая с себя звездный балахон и теряя туфли. Но его дальнейшая история и судьба менее интересны, чем то, что происходило сейчас в Заброшенном Доме.

Оставшиеся же члены секты начали тоже расплзаться кто куда. Никак невозможно было их сплотить и направить куда надо, на поиски чужака. Отец Серафим со своей подругой-матушкой уже и толкали их, и пинали, и орали в лицо, но всё без толку. Трезвели люди, возвращались к своему человеческому естеству.

Да впрочем, Василий Аверьянович также уже не прятался на антресолях. Он выпрямился в полный рост, стал даже казаться гораздо выше, сильнее, непобедимее. Лицо было суровым, а глаза горели грозным огнем. Никто бы сейчас не смог ему противостоять. И он сам в эти мгновения слышал обращенный к нему извне трубный голос: “Аксиос! Аксиос!”

Не ожидали такого чудного явления и Серафим с Серафимкой. При виде спускающегося по лестнице Василия, похожего на готового к бою русского витязя, они раками попятились к выходу из Заколдованного Дома. И ножик сам собой выпал из рук матушки. И батюшку немота поразила, только глазами хлопал.

А тут вдруг и очухавшийся петух вспомнил, наконец, кто он и каковы его обязанности в предзвездные часы. Хлопая крыльями, вскочил на плечо к Варваре и громко, на все Сокольники, да, может, и на всю Россию, прокричал. Трижды.

Эпилог

Ровно через год заветная мечта Василия Аверьяновича наконец-то сбылась. Вместе с Колей они отправились на Афон. Поездка заняла восемь дней. Впечатлений было много, всего не расскажешь. Да и не надо, самому стоит побывать. Тогда и увидишь всё своими глазами.

Ездил с ними, конечно же, и Варвара. Побывала в Метеорах, куда паломники поднимаются по прорубленным в скалах лестницам. Метеорские монахи живут по Афонскому уставу, но в свои монастыри, в отличие от святоторских, женщин пускают. А потом она ждала возвращения родных в портовом городе Уранополисе.

НИНА ХРУЩ

ЛЕГКО ЛИ ЖИТЬ В МОЕЙ РОССИИ?..

* * *

Как эта зоренька румяна,
В закатном нежится огне.
Зачем неясная поляна
Пригрезилась в коротком сне?

Где я одна в саду вишнёвом,
В своём застенчивом раю,
То разговариваю с Богом,
То песни русские пою.

Здесь мне не жарко и не знобко,
Взлетают искорки во тьму...
Но отчего так сердцу робко
В горящем, призрачном дыму?

Даль. Небосвод. В небесной сини
Сверкают звёзды холодней.
Легко ли жить в моей России?
Господь, ты думаешь о ней?

ХРУЩ Нина Никитична родилась в городе Артёмовске Красноярского края. Стихи пишет давно. Издала сборники стихов "Свет обручальный" и "Каменная ласточка". Член Союза писателей России. Живёт в городе Гулькевичи Краснодарского края. Лауреат журнала "Наш современник".

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ

РАССКАЗ

Электричка промчалась по мосту, пересчитала все его старые рёбра и с томительным скрежетом осела у платформы.

Была ранняя весна. Грачи и слякоть. Пахло мазутом и дымком от сжигаемой ребятнёй на откосах сухой травы. Ранняя весна безобразна. Холода, отступая, мародерствуют над землёй, превращая её в рыхлую кашу из почерневшего снега и грязи, из которой дико торчат четвертованные железнодорожниками тополя. Близилась сумерки. Мы вышли из вагона на маслянисто отсвечивающую платформу. Весь путь мы молчали и теперь тоже шли молча.

Но от мысли идти по дороге пришлось отказаться — ноги вязли в грязи. Тогда мы, не сговариваясь, пошли по шпалам. Она отставала, спотыкаясь на высоких каблуках, таких неуместных здесь, и, вероятно, ненавидела себя за то, что не может послать меня к чёрту и повернуть обратно. Со стороны, наверное, мы напоминали трагических персонажей плаката, предупреждавшего об опасности хождения по рельсам.

Мы миновали ряд крепких, добротных дач и подошли к моей, покосившейся, с облупившейся краской на стенах и нелепой верандой. Дом отсырел за зиму, и я еле открыл цепляющуюся за крыльцо дверь. Холодной нетопленной баней дохнуло на нас. Я скорее щёлкнул выключателем, чтоб хотя бы электрическим светом разогнать сырую мглу. Она села на кровать, кутаясь

ВОРОНЦОВ Андрей Венедиктович родился в 1961 году в Подмосковье. Окончил медицинское училище, работал фельдшером на “Скорой помощи”, одновременно учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор романов “Огонь в степи” (“Шолохов”), “Тайный коридор”, “Необъяснимые правила смерти”. Член Союза писателей России.

в сброшенную мной куртку, а я сразу взялся растапливать печь. Никогда прежде я не топил углём, даже когда мы приезжали зимой, но сейчас мне не хотелось возиться с дровами, и я набрал в сарайчике ведро мелкого, как грецкий орех, антрацита. Когда я вернулся, она уже лежала, с головой укрывшись моей курткой. Я взял ведро, чайник и сходил к колодцу за водой. Дрова к тому времени уже хорошо разгорелись, и я засыпал в печь полведра угля. Ну, вот и всё. Я присел у печи, глядя, как сквозь щели у дверцы кривляется огонь.

— Когда ты спишь у меня, я стараюсь всё делать так, чтобы тебя не разбудить, — сказала из-под куртки она.

— Попробуй растопить печь бесшумно.

— Не в этом дело. Ты мог бы не сбрасывать дрова на пол, а тихо сложить, не греметь ведром о чайник, а взять их поодиночке. Или ты делаешь так специально?

— Конечно, специально.

Между тем, в доме не тепло. С дровами-то дело идёт быстрее. Наверное, не стоило засыпать уголь, пока основательно не прогорели поленья. Без куртки я мёрз, поэтому придвинулся ближе к печи и грел у открытой духовки руки. Может быть, завтра, думал я. Что завтра? Я и сам не знал. “Завтра не наступит никогда”. Что это — название какого-то фильма или романа? Как бы там ни было, название хорошее. Про нас.

Скрипнули пружины кровати. Она подошла ко мне и обняла.

— Я больше не буду, — сказала она. — Прости меня, ладно?

Я поцеловал её, не чувствуя ни досады, ни сожаления, а потом почувствовал и то и другое одновременно. Стало теплее, и мы тоже как-то потеплели друг к другу. Она надела мамин фартук и стала чистить картошку. По-прежнему мы разговорились. Тема для разговора нашлась — скверно горящий уголь. Я плюнул на него и подбросил ещё дров. Когда плита, наконец, раскалилась, она стала жарить купленные в кулинарии котлеты.

Ужинали поздно, в половине двенадцатого. Она сказала, что слышит какой-то звон в ушах. Я не придавал этому значения, потому что у неё всегда здесь болела голова. В полночь я засыпал в печь оставшийся в ведре уголь и закрыл на три четверти заслонку, чтобы не выпускать тепло.

Когда потушили свет, вдруг пришло ощущение страха в странном сочетании с небывалой лёгкостью, отчего тело стало казаться невесомым, словно оно воздушный шар, наполненный гелием. Мы любили друг друга так, как не любили, может быть, никогда. В последний раз... в последний раз, — стучало у меня в голове. И когда она прошептала: “Всё, я ухожу”, я вдруг понял, что не любовный экстаз тому причиной. Я и сам уходил куда-то — в пугающую, но одновременно манящую, великую пустоту. У меня теперь тоже звенело в ушах, и кружилась голова. Мне казалось, что тело моё теряет вес настолько, что без труда может взлететь к закопчённому потолку. Сердце филином ухало в груди. Я захотел пить и поднялся, чтобы зачерпнуть кружкой воды из ведра. Но, сделав шаг, я чуть не упал, потому что пол перестал быть горизонтальным, он как-то изгибался под углом. Ступая, будто по поверхности Луны, я добрёл до ведра, жадно напился и вернулся в постель. Не успела ещё моя голова коснуться подушки, как я стал стремительно погружаться в сон. Я падал в него, как падает в колодец ведро, если раскрутить ручку. Гремела цепь, стучало, вращаясь всё быстрее, колодезное бревно, летело ко дну ведра, светлый блик от него уже прыгал по тёмной воде, как вдруг блеснула у меня в голове, словно дужка ведра под солнцем, короткая мысль и ужалила прямо в мозг. Открыв глаза, я повторил её вслух и, увидев при свете ночника заметавшийся в её глазах ужас, вскочил и побежал, точнее, полетел, не касаясь земли, к печи, дёрнул на себя заслонку и распахнул входную дверь настежь.

А что, если мы угораем?

Я вытащил её из постели на улицу, в ледяной холод весенней ночи. Мы стояли на крыльце, совершенно голые, и жадно вдыхали колочий, чистейший морозный воздух. Через несколько минут мы уже истерически смеялись. Нас била крупная дрожь. Когда мы вернулись в дом, в нём было почти так

же холодно, как на улице. Мы легли в постель и крепко прижались друг к другу. Куда подевалось наше вчерашнее отчуждение!

— Слушай, а если угар ещё не выветрился? — спросила она.

— Тогда мы умрём.

— Прошу тебя, не шути так. Когда ты сказал “мы умираем”, я вдруг увидела, как в дверях возникла тёмная фигура. Наверное, это была смерть.

“Умираем”? Но я так не говорил! Я сказал: “мы угораем”. Почему она услышала именно так? А ведь она услышала правильно. Может быть, и таинственная тёмная фигура в дверях ей не привиделась. Лёжа в ночи, я на неуловимую долю секунду пережил снова ту легчайшую горечь и тёмный восторг почти невесомой любви, что мы испытали в угаре. Холодок пробежал по моим волосам. Я ощутил манящий, грозный зов смерти, сильное, мрачное, страстное чувство, перед которым все земные страсти казались пустяками. Здесь, по эту сторону жизни, где мы сжимали друг друга в объятьях, всё было конечно и исполнено смысла, но даже тень этого смысла нам бывала редко доступна. Невидимые струи угара распахнули перед нами бездну. Сейчас нам открылся наш истинный мир, конечный и одновременно бесконечный, как некий полый шар размером с Вселенную, внутри которого мы пребываем, наивно полагая, что находимся где-то снаружи, на плоской горизонтали.

Я хорошо знал, что хочу жить, а не умереть, однако вдруг поймал себя на том, что дышу глубоко и часто, точно желая ещё вдохнуть угара, — но лишь слегка звенело в ушах, и кружилась голова — вот и всё.

КОРОЛЬ ЛИР

РАССКАЗ

Налетел порыв ветра — и я почувствовал на лице капли дождя. Я пошел вдоль домов, отворачиваясь от ветра. Прогрохотал гром. Тучи низко стлались над домами, как бы придавливая их и людей к земле. Внезапно ветер стих, и сразу, как по команде, хлынул проливной дождь. Улица опустела, словно по ней прошли метлой. Я мгновенно промок до нитки. Струи дождя бежали по моему лицу, и впервые за весь день я почувствовал облегчение. Потом с удивлением понял, что плачу. Мир слишком беззаботен, когда идёт весенний дождь, — слишком, чтобы носить в себе какую-то тяжесть. Я свернул в первый попавшийся двор и сел на скамью. Равномерно, шепча что-то успокаивающее, шумел дождь, холодные струйки затекали за воротник и щекотали шею.

— Дяденька, — кто-то дёрнул меня за рукав, — ты чего плачешь?

Я открыл глаза и увидел девочку лет пяти-шести в коротком пальтишке, из-под которого выглядывал подол розового платица. Бантики её совершенно промокли и смахивали на стрекозиные крылья. В ботиночках, очевидно, хлопала вода. Она смотрела на меня серьёзными серыми глазами и спрашивала:

— Ты что, пьяный, да?

Я попытался улыбнуться.

— Ты почему гуляешь под дождём? — спросил я и не узнал своего голоса — таким он мне показался чужим.

— А ты? — хитро улыбнулась она.

— Видишь, у меня нет зонтика, а до моего дома ещё идти и идти.

— А почему ты не идёшь в подъезд? — допытывалась она, по-прежнему серьёзно глядя мне в глаза.

— Боюсь, что прогонят.

— Не прогонят, — убеждённо сказала она. — Если ты пойдёшь в наш подъезд, то не прогонят. У нас соседи не злые.

— Тогда пойдём, — согласился я. — А то ты простудишься и заболеешь.

— А вот и нет, — тихо засмеялась она. — Дождик уже кончился.

Действительно, дождь кончился. В воздухе пахло мокрой землёй, с деревьев неслись птичьи голоса. В небе просветлело.

Я поднялся со скамейки. Намокшее пальто потяжелело, казалось, килограммов на десять. Нужно было идти домой. Внезапно с острой тоской я почувствовал, что не могу находиться один в своей квартире с её запахом книжной пыли, с бессмысленными, подвистывающими руладами туалетного бачка, с пожелтевшим зеркалом в ванной и подзеркальником, на котором валялись заржавленная бритва и женская заколка. Её забыла здесь женщина, с которой мы познакомились вчера, в пьяной компании. Звали её Лида. Пила эта Лида наравне с мужчинами, но цели при этом преследовала иные. Те пили ради водки, а она водкой хотела победить природное чувство стыда. Эта женщина в чёрных чулках и в платье без рукавов мечтала, захмелев, о ласках бурных и глубоких, но опрометчиво выбрала меня. Ей не повезло, но и мне тоже, потому что она в погоне за своей мечтой не давала мне забыть спасительным сном. Полночи мы занимались бессмысленной половой физкультурой. Не знаю, получила ли она своё удовольствие или просто устала, но под утро, наконец, уснула. Но часа через два вскочила, заметалась в поисках белья, чёрных чулок, — надо, мол, на работу. Что ж, надо так надо. Мне-то не надо. Но уход этой Лиды не принёс мне облегчения. Мне было плохо с ней, ещё хуже было одному.

Я посмотрел на девочку.

— Пойдем ко мне в гости?

— Пойдем. — Она с готовностью вложила свою тёплую ручонку в мою ладонь.

Эта доверчивость поразила меня. Я бы не дал руки такому, как я. Мама, мамы! Где ваши предупреждения детям, чтобы они не заговаривали с чужими людьми и никуда не ходили с ними?

— Пойдём скорее, — сказал я. — А то снова начнётся дождь. — В действительности же мне не хотелось, чтобы нас увидели её родители и произошел скандал. — Тебя как зовут?

— Машенька. А тебя?

— Дядя Миша.

— А ты далеко живёшь?

— Нет, не очень.

— Ты живёшь с мамой?

— Нет.

— А где твоя мама?

— Моя мама недавно умерла.

— Тебе жалко её?

— Очень жалко. У меня без неё словно полжизни отняли.

— А моя мама никогда не умрёт, — убеждённо сказала она.

Несколько минут мы шли молча. Она размышляла о чём-то своём.

— А наш папа ушёл от нас, — наконец сказала она, — он алкоголик. А почему ты плакал? Маму жалко?

— Тебе показалось, Машенька. Это был дождь. А вот и мой дом.

Мы поднялись по лестнице. Тяжело дыша, я открыл дверь. Не раздеваясь, прошёл в комнату и распахнул форточку. Мне казалось, что в квартире ещё пахло моей ночной гостьей.

— А у тебя есть где посушить ботиночки? — раздался за моей спиной голос.

— Есть.

Я быстро свернул мятую постель и засунул её в шкаф. Машенька стояла посреди комнаты, держа в руках ботиночки. Я положил их на батарею и усадил её на диван.

— А у нас дома тоже много книг, — сказала, оглядевшись, Машенька. — Ты их читаешь?

— Иногда, — солгал я. Книги воскрешают в памяти надежды юности, и мне больно возвращаться к ним. Я теперь читаю лишь одну потрёпанную книгу — сборник средневековой японской поэзии. В каком-нибудь танка или хокку я нахожу больше правды о моей сегодняшней жизни, чем в толстых романах.

*Без цели я из дому выхожу.
Без цели возвращаюсь.
Друзья смеются надо мной.*

Разве это не обо мне?

— Сейчас будем пить чай, — сказал я. Внезапно я почувствовал, что волнуясь, как школьник-подросток, в дом которого явилась с визитом молодая красивая учительница. В шестом классе у нас была такая, гибкая гладкая блондинка в мини-юбке и сапогах-чулках. В ней всё казалось совершенством — даже то, что после уроков она запиралась в классе и курила, откинувшись на стуле и скрестив ноги, от чего высоко задиралась её замшевая юбочка, обнажая круглое розовое бедро. Такой она и осталась в моей памяти, обеденная контуром замочной скважины, в которую я за ней подглядывал. Домой она ко мне никогда не приходила.

На кухне я обнаружил, что мне нечем угостить Машеньку, — чай вышел, сахар тоже. Не было даже хлеба.

— Слушай, — сказал я Машеньке, — ты побудешь здесь одна, пока я сбегаю в магазин?

— А ты долго?

— Нет, конечно.

— Тогда иди.

Я сунул ей какую-то книжку и побежал в магазин.

Я купил дорогих конфет, печенья и ещё кой-чего. Я был в приподнятом настроении и даже сказал комплимент продавщице.

Когда я вернулся, Машенька, свесив ножки, мирно сидела на диване и листала книжку.

— Ты быстро, — сказала она. — Но ты не думай, мне не страшно одной.

Дети не знают, что взрослые боятся одиночества гораздо больше, чем они.

Я угостил её конфетами и вскипятил чай.

Приближался вечер. Из открытой форточка тянуло прохладой, доносившиеся с улицы звуки были приглушены и тревожны. Похоже, снова собирался дождь.

Мы сидели друг перед другом и пили чай. Лицо Машеньки покраснело, она рассказывала, как они с мамой ходили в цирк.

— А ты почему не ешь конфеты?

— У меня зубы болят, Машенька.

— А я совсем не боюсь, когда рвут зубы, — похвасталась Машенька. Она беспечно болтала ножками.

— Почему он такой страшный? — спросила она, показывая на обложку книжки, которую я дал ей полистать. Это был “Король Лир”, детское издание, с цветными иллюстрациями. На обложке худой, как узник Майданека, старик с седыми нечёсаными патлами потрясал костлявыми кулаками, призывая небеса к отмщению. Яркие жёлтые молнии, расколовшие тёмно-синее небо, казалось, били из его рук.

— Он сошёл с ума, когда родные дочери выгнали его из дома.

Машенька широко открыла глаза.

— Расскажи мне, — с немного наигранным интересом попросила она. — Это, наверное, интересная сказка. — Она свернулась на диване калачиком. — Это не сказка, — сказал я. — Когда ты станешь большой и прочитаешь эту книгу, ты поймёшь, что это правда. — Я вспомнил маму. — Ты знаешь, — оживился я, — впервые я услышал о короле Лире от мамы, когда мне было примерно столько лет, сколько тебе. — Неожиданное воспоминание настроило меня на сентиментальный лад.

— Очень давно, — начал я, подражая маме, которая, в свою очередь, подражала артистам, читавшим сказки по радио, — в Англии жил старый король и звали его Лир. У него было три дочери...

Припоминая подробности шекспировского сюжета, я увлёкся рассказом и даже воодушевился, когда дошёл до диалога Корделии с отцом, и не заметил, как Машенька уснула. Замолчав, я долго глядел на неё. Когда бездетные люди видят спящего ребёнка, в них просыпается чувство, схожее с родительской любовью. Кукушкина любовь. Где моя дочь? Где моя Корделия? Моя Машенька где?

Я подошел к открытой форточке и закурил. Позади меня на диване ровно дышала Машенька. Я ощутил, как во мне нарастает нежность к ней. Мне было холодно в этой комнате, единственным источником тепла в которой, казалось, была моя маленькая гостья. Шепча какие-то ласковые и бессмысленные слова, я взял одеяло, подошёл к девочке и осторожно опустился рядом с ней на диван. От тельца Машеньки исходило нежное тепло. Плечики её легко поднимались, когда она делала вдох, и я стал дышать в такт её дыханию — как в детстве, рядом с мамой. Мне стало легко и радостно.

Когда я проснулся, было совсем темно. В окно глядели колючие весенние звёзды. Машенька по-прежнему спала. Я с ужасом подумал, что мать, наверное, сошла с ума, разыскивая её. Это была уже другая сказка, “Машенька и медведь”, и последствия её могли быть для меня серьезными.

Я вскочил с дивана и зажёл свет.

— Машенька, — тихо позвал я, осторожно дотронувшись до её плеча, — Машенька.

Она сразу проснулась и молча поглядела на меня широко открытыми глазами.

— Тебя, наверное, мама ищет.

Она заплакала.

У меня затряслись губы.

— Сейчас, сейчас, — заторопился я, — сейчас мы пойдём домой. — Я взял девочку на руки. Она перестала плакать так же неожиданно, как начала.

— Не надо, — сказала она, — я сама пойду.

Меня поразило, каким тоном она сказала это: как будто понимала причины, побудившие меня, мужчину за тридцать, искать её общества. Так могло сказать женщина, которой известно о вас всё, но она не подает виду, что ей вас жалко, чтобы не обидеть.

Я усадил Машеньку на диван и принёс ботиночки. Потом помог ей одеться, и мы вышли на улицу. Было холодно. В воздухе, дымно напоённом туманом, отчётливо разносились чавкающие звуки наших шагов. С крыш методично срывались крупные капли. Мы шли по блестящему, как река мазута, тротуару — высокий сутулый мужчина и маленькая девочка. Со стороны могло показаться, что это идут отец и дочь, которых ждут дома к ужину. С Машенькой так и было, но меня никто нигде не ждал.

МАЛЕНЬКАЯ

РАССКАЗ

Она маленькая, точно девочка. Заносчиво смотрит снизу вверх, поправляя очки на пуговке носа. Волосы пышные, небрежно связанные узлом на затылке. Говорит отрывисто, проглатывая гласные. Губки красные-красные, как волчьи ягоды. Ноги очень стройные: если смотреть на неё с расстояния пяти метров, она вовсе не кажется маленькой; и такая упругая, грациозная попка — джинсики в меру туго обтягивают её, сохраняя округлость и непринуждённость очертаний. Скок, скок — постукивают каблучки по асфальту, и попка тоже подпрыгивает — скок, скок. Я иду рядом, немного позади, и меня так и подмывает потрогать золотистый пушок на её загорелой шее.

Она болтает глупости.

— Это правда, что Цветаева не была женщиной, а Пастернак мужчиной? (Скок, скок).

Я смеюсь.

— Нет, что вы смеётесь? (Скок, скок). Думаете, враки?

Я говорю, что ничего не думаю.

— Нет, все вы так. Вечно ничего не думаете.

Прелестное создание. С ней всё очень просто — подошла и спросила, который час. Я что-то пошутил — вроде того, что потерял представление о времени, глядя на неё, — а она с подкупающим отсутствием скованности схватила меня за руку и повернула к себе часы. “Ну вот, — фыркнула она, — опоздала. Вы кого-нибудь ждёте?”

Конечно же, я никого не жду. С ключом от чужой квартиры и рваной купурой в кармане я слоняюсь по раскалённой набережной, мечтая о прохладной лоджии, плетёном шезлонге и многих других недоступных вещах.

Маленький чертёнок лукавит, это ясно. Огорошивает самыми неожиданными вопросами и заставляет что-то мямлить невпопад.

— У нас почти ничего не пишут о феминизме. (Скок, скок). Кому-то это невыгодно — так, что ли?

Я отвечаю, что ума даже не могу приложить, кому это невыгодно.

Каблучки словно подпрыгивают и прекращают своё “скок, скок”.

— А сами-то вы об этом что думаете?

Сказать, что я ничего не думаю, уже нельзя. Я глупо улыбаюсь и предлагаю:

— Давайте есть мороженое.

— Давайте, — носик подозрительно морщится. — Вы думаете — вот дурочка, да?

Комедия. Дело уже ближе к вечеру, с реки тянет прохладой, запахом тины.

Она что-то начинает грустить. Я мягко, чтобы не спугнуть, кладу ей руку на плечо, и она в ответ доверчиво улыбается. Зубки мелкие-мелкие и блестят. Снимает очки, глаза такие трогательные, близорукие. Маленькая. Беззащитная.

Если женщина сняла очки, значит, можно её поцеловать. Но я не спешу.

Это странный час — уже довольно темно по сравнению с полуднем, но фонарей ещё не зажигают, и тревожное чувство одиночества, томительно-горькое, привычное, начинает плыть на вас тяжёлыми силуэтами домов, помаргивая жёлтыми прямоугольниками окон. Река тихо плещется о причал; стоишь, куришь, слушаешь, как потрескивает сухая сигарета, обнимаешь худые плечики под тонкой материей кофточки. Огонек мерно вспыхивает, освещая губы-пиявочки, тянущиеся к сигарете, она тихо кашляет, смеётся.

Чужой двор. Чужая лестница. Воняет кошками... Она держится непринуждённо.

Комната убога, не прибрана. Чужое запущенное жильё всегда наводит на мысль о никчемности жизни — как хозяев, так и своей.

— Это не самый худший вариант, — говорит она, осторожно присаживаясь на кончик ободранного стула.

Спасибо, чертенок.

Мы долго глядим друг другу в глаза. Она улыбается и снова снимает очки. Я целую её в глаза, в уголки губ, в золотистый пушок на шее. Когда женщина позволяет себя целовать в глаза, вы уже, считай, любовники.

Я раздеваюсь и скольжу под одеяло. Она шелестит джинсиками, деловито переступает загорелыми ногами. Свет потушен, я вижу её на фоне окна, фиолетовую, белыми пятнами выделяются трусики и бюстгальтер. Она заводит руки назад, еле слышно щёлкает застёжка, потом неумовимое движение рук вниз — и белые пятна исчезли.

Она что-то шепчет мне на ухо рассыпающимся быстрым смешком, маленькая рука гладит мои волосы. У неё очень нежные руки. Я спешу, но она, неумовимым движением ускользнув от моего колена, разжимающего её бедра, шепчет: “Подожди, подожди. Не спеши — будет сладко...”

Она засыпает у меня на плече. Во сне она что-то бормочет, трогательно втягивая носиком воздух. Я осторожно закуриваю, стараясь не разбудить маленькую. За окном слышатся голоса — мужской, женский, тихий смех.

Утром она ещё нежнее, чем ночью. Я думал, что мы останемся в постели до полудня, но она вдруг встала, быстро умылась, оделась и, уже стоя в дверях с неизменной сумкой через плечо — прекрасная маленькая гостья, — говорит задумчиво:

— Вот и кончилось всё. — И, встряхнув головкой, спрашивает: — Всё кончилось, да?

Я гляжу в потолок, закинув руку за голову. Я ещё не ответил ни на один её вопрос, и ответа на этот тоже не знаю. И уж точно по этому поводу ничего не думаю. Потому что если я буду обо всём думать, то в этой убогой съёмной дыре и повешусь. И она это, похоже, поняла. Фыркнула, послала мне воздушный поцелуй и исчезла за дверью. До меня донеслось “скок, скок” её каблучков по лестнице.

Каблучки цокали так же, как вчера, но эта музыка звучала уже не для меня.

Поздравляем Андрея Воронцова, яркого талантливого прозаика и публициста, нашего друга и постоянного автора, члена Общественного совета журнала, с первым большим юбилеем!

Наши пожелания искренни: здоровья и вдохновения, творческой отваги и заботы близких, новых встреч, новых книг, новых читателей!

Коллектив “Нашего современника”

ЕЛЕНА БАЛАШОВА

ЖИВАЯ!

* * *

Так и живём да хлеб жуём,
Покуда живы — не умрём
Врагам своим в угоду.
Мы снова камни соберём,
Мы вновь “Дубинушку” споём,
Мы — крепкая порода.
Горит рябина и душа,
Но из небесного ковша
Хлебнёшь — и за работу.
Нет, не за медный звон гроша
Живём мы, каюсь и греша,
Лишь об одном забота:
Покуда живы, Русь стоит,
Рябина горькая горит —
Награда и отрада.
Хлеб пожуёшь — и вот уж сыт,
Душа над брэнностью парит,
А большего — не надо.

БАЛАШОВА Елена Львовна — поэт, член Союза писателей России. Родилась в 1949 году в деревне Галузино Чухломского (ныне — Галичского) района Костромской области. Автор двух поэтических книг. Член Союза писателей России. С 1987 года живет в г. Чухломе Костромской области.

* * *

Уходя, оглянусь: свет в окошках горит,
Раным-рано затопятся русские печи.
А погода-то нынче дурит и дурит,
И швыряет, шутя, мне сугробы на плечи.
Уезжаю — и вновь возвращаюсь сюда.
Слава Богу, что есть мне куда возвращаться,
Где и горе — не горе, и беда — не беда,
И где сны золотые по-прежнему снятся.
Уходя, оглянусь, и увидятся мне
Эти вешки у тропки да мгла ледяная.
В семь домов деревушка на малом холме.
Сердце бьётся: живая

Живая!

Живая!

* * *

Вот этот пьяный смутный сброд
В своей жестокости незрячей,
И это всё — народ?

— Народ!

Уж ты не думала ль иначе?
И эта шлюха? И...

Уволь!

Не продолжай, прошу, не надо.
С ним общая у нас юдоль,
Когда они народ — не стадо.
И до конца с ним, до конца.
Любить его, страдать, жалея,
Обманщика и подлеца,
Предателя и лиходея.
Мне с ним идти на жизнь, на смерть,
Тюрьму, предательство, оковы.
И если надо — умереть,
Чтобы воскреснуть к жизни новой,
Все униженья, срам, позор —
Всё вынести и — не отречься.
На плаху, дыбу, на костёр
Повсюду — с ним! И дальше — в Вечность!

* * *

Прост этот дом, и просты слова.
Вечер черёмуховый, весенний...
Кружится, кружится голова,
Кружится комната, кружатся сени.
Если ты хочешь, — пойдём гулять,
Или давай посидим у окошка.
Не поправляй только эту прядь:
Я беспорядка хочу немножко.

г. Чухлома

ВИКТОРИЯ ЧИКАРНЕЕВА

ОКНО НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

РАССКАЗ

Стою у дороги и смотрю на окна моего дома. Останавливаюсь взглядом на своих: пятый этаж — седьмое, восьмое и девятое слева. Мысленно приоткрываю толстую бордовую штору, а за ней белый тюль: это стиль мамы. Люблю свет. Будь моя воля, вообще окон бы не закрывала. А так сижу дома, как в коробке. Неприятно!

В седьмом окне — кухня. Крошечного размера. С трудом помещаемся я, мама, бабушка и братик. Восьмое окно — моё и братика. Девятое — мамы и бабушки.

Люблю, когда шторы не задёрнуты. Можно посмотреть, что происходит за окнами в соседнем доме. У меня нет бинокля. Отличное зрение и хорошая память.

...Восьмой этаж, третье окно слева. Двое детей и муж с женой ужинают за столом. Мать в синем халате встаёт из-за стола и подливает супу добавки. Дети хватают из вазы пригоршни конфет и убегают из комнаты. А родители остаются и увлечённо разговаривают. Наверное, любят друг друга...

Опускаюсь ниже. Пятый этаж, десятое окно слева. Сквозь лёгкий тюль видна девушка в ночной рубашке. Ходит туда-сюда по комнате с телефоном в руке. Думаю, никак не может дозвониться, поскольку постоянно бегаёт пальцами по кнопкам.

Где-то на седьмом этаже женщина изысканно бреет ноги прямо на подоконнике. Такого я ещё не встречала. Интересно! Неужели так удобно?

ЧИКАРНЕЕВА Виктория Александровна родилась в 1987 году в слободе Родионово-Несветайское Ростовской области. Окончила факультет социологии и политологии Ростовского госуниверситета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Живет в Ростове-на-Дону.

Заглядываю в окна нашей квартиры.

У меня в спальне штора розовая, плотная. Мама каждое утро упорно задёргивает её. А я, приходя из школы, открываю вид на улицу. Братiku вообще всё равно. Хоть открыто, хоть закрыто. Вовка старше меня на двенадцать лет. Но так повелось с детства, что всегда называю его братиком — даже не по имени.

У него руки золотые: всё что угодно может сделать. Только не всегда находит им верное применение... Воровал. Готовил наркотики. Дали восемь лет. Через пять отпустили за примерное поведение. В июне вернулся домой и сказал:

— Теперь заживём! Деньги появятся. Мамка, больше не будешь работать, как загнанная лошадь! Купим тебе красивое пальто и сапоги из натуральной кожи. Сходим в театр. А ещё в парикмахерскую: сделаешь себе причёску и маникюр. Прорвёмся! Заживём! — братик потягивал дешёвую сигаретку и мечтательно размышлял.

Поначалу Вовка решил: больше никакой наркоты и чужих карманчиков. Хотел устроиться менеджером, жениться и завести детей. Но не получилось. На нормальное место не берут: говорят, что с судимостью им сотрудники не нужны. А сторожем или грузчиком идти не хочет.

Ну, братик и закутил, начал пить по-чёрному. Сидит на маминой и бабушкиной шее и ногами дрыгает. Иногда телик занимает, если в программе боевик или футбол. Правда, пару раз приносил продукты: кофе, чай, конфеты. Мы даже не спрашивали, где он деньги брал. А в театры так и не ходили, и в парикмахерскую он маму не повёл. Хотя до сих пор, выпив, братик бьёт себя в грудь и говорит, что он мужик и если захочет, то завтра же заработает денег и купит маме пальто с сапогами. Обещал, да ничего толком так и не сделал. Пил и кутил. И опять бил себя в грудь.

А мне шестнадцать лет. Зовут Верой. Люблю и очень жалею маму. Учусь в одиннадцатом классе. А мама пошла с осени на подработку — убирать в соседнем магазине. Только называется не уборщицей, а мастером чистоты. И теперь дома у неё нет сил общаться с нами. Приходит около восьми вечера, сразу включает телевизор и часа по три кряду смотрит сериалы. Говорит, что так отдыхает. Часто говорит: “Работаю ради тебя. Только, пожалуйста, дочка, хорошо учись. Хочу, чтобы ты из всей этой грязи вылезла и жила нормально. Получила высшее образование. А там устроишься на работу, покажешь себя и будешь получать явно больше моего. А потом квартиру купишь, создашь семью и начнёшь мне помогать”.

Мама старается, чтобы у меня было всё, что есть у других девочек. Но я отличаюсь от них всегда и везде, так как смотрю на многое по-иному. Да, имею телефон за пять штук и колечко. Но у моих одноклассниц джинсы по три штуки, обувь по пять и всё такое. Вообще не понимаю этого гонора и спеси: носить очень дорогие шмотки и ходить в них среди обычных детей. Школа ведь простая! Если вы такие крутые, то отправляйтесь со своими цацками во Францию на показ мод...

У Остроуховой — телефон с наворотами за двадцать штук. И ноутбук маленький, не больше книжки. Вечно в школу носит. Сядет на переменах за последнюю парту, раскроет и начинает играть. К ней половина ребят нашего класса подсаживается, даже из параллельного приходят. И Вадик, главный красавчик школы, высокий, накачанный. Волосы осветлённые. А ещё наколка на плече. Посмотрел и сказал:

— Классная у тебя, Лена, штука! Прикольный ноут! — и заулыбался ей.

Потом часто к Ленке стал заходить на переменах. Я всё думала: что в ней нашёл? Она же дура! Ну да, у неё шмотки дорогие, колечки, браслетики, телефон, ноут. Но с ней даже поговорить не о чем, кроме как о цвете лака для ногтей.

Так хотелось, чтобы Вадик подошёл ко мне при всех, особенно при Ленке, и поцеловал по-взрослому, в губы! Чтобы она позавидовала... Но взял и поцеловал Ленку! При всех! А ко мне так и не подошёл... Еле дождалась окончания уроков. Схватила сумку и убежала домой. Закрылась в ванной и заплакала. Стою у ржавой раковины и в зеркало смотрю. Воду включила,

чтобы рыдания не слышались. Братик, как всегда, спал. А бабушка вдруг застучала в дверь:

— Вера, иди кушать супчик с галушками. Горяченький!

Отвечаю:

— Бабуля, выкупаюсь и поем.

А сама стою и плачу. Смотрюсь в зеркало — глаза красные. Носом шмыгаю. Только вода по раковине стучит. А в глазах — картинки: Вадик целует Остроухову, пьяный братик бьёт кулаком по столу и требует пожрать, а мама в старом розовом халате с красными маками стоит рядом. Её посечённые волосы собраны в хвостик. И руки дрожат от усталости, заботы или безнадёжности. Из-за этих картинок стало так тошно, совсем разрыдалась, как истеричка. А тут бабушка опять в дверь стучит:

— Иди кушать супчик! Остынет же!

Шепчу себе под нос:

— Какой супчик с галушками! Вадик — такой же кобель, как другие. Ведётся на то, что блещит! И дома всё ужасно!

Потом он целовался с Остроуховой на всех переменах. Вечно в “контрастайк” играл. Неужели с ней из-за ноута встречается? Ведь Ленка такая страшная! Нос горбатый и уши торчком... Так хочется, чтобы Вадик её бросил и весь извивался передо мной!

Девятое окно слева за бордовой шторой и белым тюлем. Окно мамы и бабушки. Таблетки и острый запах аммиака. Куча квитанций и расписок, синие шариковые ручки и фотография на столе, где папа стоит в обнимку с мамой. В рамочке. Он погиб десять лет назад...

Все эти годы мама — социальный работник. А сама — инвалид второй группы с двадцати лет. У неё какое-то сердечное заболевание с трудным названием. Я даже в маминой карточке его читала, но запомнить не могу. А зарплата — три тысячи восемьдесят пять рублей девятнадцать копеек!

Маме от Вовки здорово досталось. Каждый день — глаза на мокром месте. Ещё бы, сын — зек. Часто подхожу и спрашиваю:

— Мамуль, чего ты плачешь? — а сама-то не дура и знаю, почему. Она мне:

— Всё хорошо, Вера! Это глаза слезятся, опять аллергия началась.

— Ты из-за Вовки плачешь?

Молчит. Только плечи трясутся.

Постою рядом, обниму за плечи, а мама глаза прячет. И волосы у неё редкие, с рыжиной... Отхожу расстроенная. Думаю: бедная мама! А братик — убудодок! Всем жизнь портит!

Бабушке семьдесят семь лет в апреле исполнилось. Она всю жизнь работала медсестрой. Пенсия — четыре тысячи пятьсот восемнадцать рублей. Мама часто в порыве чувств говорит бабушке:

— Вот ты дома сидишь и получаешь пенсию больше моей зарплаты. Каждый день на работу мотаюсь: то горшки убираю, то по собесам да рынкам бегаю. А о зарплате спросят — говорить стыдно.

А раньше, при папе, мы нормально жили. Раз в месяц он ездил на Каспийское море, в Астрахань, к своему брату и промышлял рыбной ловлей, браконьерил. Только однажды домой не вернулся. Однажды с другом пьяными поехали ночью проверять сети. Тот запутался в сетях. Папа полез на вырубку. Но его постигла та же участь, и оба утонули. Не знаю, не понимаю, почему всё так произошло...

Мама до смерти папы нигде не работала. Мы жили припеваючи. У братика плеер, а у меня тамагочи и лазер. Ещё папа купил нам компьютер. Это вообще было в новинку в конце девяностых. Такой огромный ящик, виндоуз девяносто пять. Ко мне даже Остроухова в гости приходила, чтобы поиграть. У нас до сих пор этот компьютер стоит, и на нём работаем.

А ещё папа часто покупал пирожные, конфеты, шоколадки. Каждый год ездили на Чёрное море.

Через полгода после гибели папы мгновенно умер от инфаркта дедушка, капитан милиции в отставке. Высокий, бравый, всегда с румянцем на щеках.

Сразу после школы мама вышла замуж за папу и не стала учиться. При нём была очень красивой, цветущей, ухоженной. Всегда причёска, маникюр,

короткая юбка, туфли на каблучке и цветочный запах от волос. После гибели мужа кинулась искать работу, но ничего найти не могла. У неё ни опыта, ни образования. В конце концов, устроилась социальным работником: хотела помогать людям.

После папы у мамы никого больше не было. Только мне очень хотелось, чтобы у неё появился мужчина, дарил цветы, целовал руки и признавался в любви. Мама-то у меня красивая!

Я часто спрашивала:

— Мам, а почему ты ни с кем не встречаешься?

— Зачем? Мне никто не нужен. Я ради тебя и Володи живу.

А я потом в маминой сумке нашла папину фотографию, а сзади надпись: Серёжа, Серёжка, Серёженька! Любимый!.. — и поняла, что она никогда его не отпустит.

А я?! Знате, как маму люблю! У меня аж ком в горле от того, что папа погиб, а братик так по-хамски себя ведёт. И хуже всего то, что ничем не могу помочь, а так мечтаю принести стопку денег, чтобы мама купила для себя всё, что хочет. Я даже летом в трудовой лагерь устроилась. Остроухова ржала как лошадь, когда увидела, что деревья в парке обкапываю. А я купила себе к школе джинсы, майку и кроссовки. И маме ещё духи подарила, у неё в августе день рождения. Пятьдесят три года исполнилось.

Мне мама никогда не жаловалась. Только вздыхала на кухне или плакала у себя в спальне. А как-то раз я услышала, что она тётке говорит:

— Знаешь, Аня, я рассталась с надеждой. Разуверилась, что удастся жить лучше и быть счастливой и любимой. Сразу стало легче. Просто доживаешь. Если бы не Вера, давно бы меня уже не стало. Но мне хоть её на ноги поставить. Одно желание осталось — выспаться. Но смогу это сделать только на том свете...

Потом подхожу к маме и говорю:

— Можешь на меня рассчитывать. Тебя не брошу. Это Вовка у нас — идиот. Но в семье не без урода. А я помогу. Заработаю много денег, и купим большой дом за городом. Будешь выращивать свои любимые китайские розы и клубнику и за внуками смотреть. Хорошо, мам?!!

Она засмеялась и повеселела.

— Может, — говорит, — и Вовку закодируем, на работу пристроим и женим.

— Да, по-любому!

Только раз при мне расплакалась по-серьёзному, слёз не скрывая. Три дня назад стала заклеивать свою обувь, а та развалилась. Пробую сама — тоже ничего не получается. Сую руку в ботинок, а он весь влажный изнутри, ведь даже не успевает высохнуть. Предлагаю маме свою обувь — не хочет. Расстраиваемся. Кажется, ботинки — всего лишь повод для плача.

На следующий день она купила себе какую-то дешёвую обувь. И мне её стало так жалко! Неужели мама не заслужила себе хорошие сапоги?! Я целый день ходила по нашим рынкам и выбирала ей обувь. А потом подумалось: лучше искать в магазинах. Бегала по ним и выбирала, какие красивее и прочнее. Решила: куплю ей сапоги во что бы то ни стало. А раз так, то для меня нет никаких преград. Недаром же меня Верой называли! Думаю, скажу, что деньги нашла на улице. Всё равно никак проверить не сможет. Очень хочу подарить маме надежду. Пусть с помощью этих сапог. Не передать словами!

Пятый этаж, восьмое окно слева. На моём столе — коробка с сапогами. Вечером подарю маме. Якобы нашла деньги...

Ленка-клуша сама виновата. Нечего телефон на столе оставлять без присмотра! Я взяла его на перемене, отключила и положила в сумку. Совсем не было стыдно. Ощущение, что забираю что-то своё. За Вадика отомстила и за свои слезы у ржавой раковины. Остроухова расплакалась при всём классе, тушь у неё растеклась и размазалась. Вадика в школе не было, чтобы успокоить... А потом, после уроков, я продала телефон барыгам за восемь штук. Дёшево, конечно. Ну и что? И сразу маме сапоги купила!

У родителей Остроуховой денег много, они ещё пяток таких купят. Завтра в школу придут менты, будут всех допрашивать, но узнать или доказать ничего не смогут. Никогда!

А вдруг у мамы опять появится надежда? Так хочу в это верить!

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ОЧЕРТАНИЯ РУССКОЙ ТОСКИ

* * *

Выпил водки, всплакнул под баян,
у крылечка погладил деревья
и ушёл на сарматский курган
за околицу мёртвой деревни.

Он лежит средь курганной травы,
намокая росой и слезами,
и не в силах поднять головы
с устремлёнными в небо глазами.

“Бог, — он шепчет, — Ты слышишь? Спаси”.
Бог нагнулся к нему и услышал.
И последний мужик на Руси
в небо из окружения вышел.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Добывает на свалке объедки,
спит в тряпье у картонной стены
командир батальона разведки
величайшей на свете войны.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера. Окончил Военно-инженерную академию им. Дзержинского, полковник запаса. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Дети предали, внуки забыли.
Может быть, он и сам виноват,
что не принял российские были
и нередко сбивался на мат.

Но зато у него есть щеночек
и друзья — городские бомжи,
он поёт им про синий платочек,
он щенка обучает: “Служи!”

А ещё телевизоров много
и приёмников тоже полно —
все поломанные, слава Богу,
в них плевать не запрещено.

Он себя не считает пропащим,
бросил пить и не злится уже,
чтоб во времени ненастоящем
на случайном не пасть рубеже.

Окружили — на фронте и это
с батальоном бывало не раз.
Он дожждётся салютной ракеты
и отдаст на атаку приказ.

Нет преграды советским героям!
Вновь он молод, прекрасен, жесток.
И бегут за ним сомкнутым строем
городские бомжи и щенок.

МАТЕРИКИ

Зимою две тысячи третьего года
задумался я: для чего мне свобода,
телесное счастье, душевный покой? —
И я преисполнился русской тоской.

Ведь русское счастье и русское горе
всегда беспричинны — как небо и море,
как тучи меж солнцем и бездной морской
в пространстве, заполненном русской тоской.

В нём нет измерений и времени тоже,
оно до поры ни на что не похоже,
в нём лишь нерождённые материки
хранят очертания русской тоски.

“МОСКВА”

Я жил тогда в погибшей роте.
Она бродила по войне
и на Кунарском повороте
случайно повстречалась мне.

О ней угрюмо поминали
в политотделах и штабах:
зазря, мол, роту потеряли,
домой отправили в гробах.

А рота выжила. Частично.
Слегка пополнена была.
И на войне я видел лично
её посмертные дела.

В окрестностях Асадабада
она рвалась из боя в бой,
ей поквитаться было надо
с войной, врагами и судьбой.

Однажды на горушке низкой
вздремнула рота, видя сны,
но загремел динамик близкий:
— Сдавайтесь, вы окружены! —

Признаться, я струхнул немного,
но командир сказал, смеясь:
— Нас не узнали, слава Богу,
не зря мы отключали связь. —

Враги не пережили ночи.
А рота до сих пор жива,
храня в России, между прочим,
погибший позывной: “Москва”.

ТАНКИСТ

22 июля 1923 года
родился мой отец —
будущий танкист Великой войны,
а в детстве голубятник и шалопай,
кем и положено было быть в ту эпоху
простому русскому парню
из провинциального города Вятки.
Впрочем, Вятка тогда
называлась странным именем Киров,
а имя отца тоже было странным
для советского времени: Глеб.
Родители звали его Глебушкой,
братья — Глебкой,
на войне его звали “товарищ лейтенант”
или “эй, танкист”,
или — в госпиталях — “раненый Верстаков”.
Я звал его папулей.
Мы любили вечерами гулять по военным городкам —
на Украине, в Германии, в Шуге,
где, кстати, он был досрочно уволен в запас
неизвестно за что
(хотя с благодарностью и ценным подарком),
как это зачастую случается в невоюющей армии.
Отец к той поре отвык от жизни без службы,
поэтому заболел и через несколько лет умер.
...В день моей свадьбы, отец, крепко выпив,
несколько раз повторил:
“Лишь бы ты не увидел войны”.
А я до сих пор не могу ему ничего ответить,
потому что бестолковые войны,
которые я всё же увидел,
никак не сравнимы с его Великой войной.
Да и его Страну я не сохранил.

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

СЧАСТЬЕ

РАССКАЗ

Марина, шестнадцатилетняя девушка, полная, цветущая, с крупными чертами лица, лежала на выцветшей тряпке, бывшей некогда занавеской, теперь же расстеленной на лужайке подле старого, недавно окрашенного в приторно-жёлтый цвет дома. Уткнувшись локтями в тряпку и уронив свою большую голову в чашу, образованную ладонями, Марина крепкими, похожими на ядра орехов зубами жевала стебелёк мятлика. То и дело она лениво поводила круглым обнажённым плечом или подёргивала полной ногой, отгоняя наседавших насекомых.

Рядом с ней на линиях занавеске, подложив под голову руки и перебросив одна через другую согнутые в коленях длинные, тонкие ноги, лежала её школьная приятельница Вера. Маленькая, похожая на фарфоровую статуэтку, удивительно изящная девушка, приехавшая по приглашению Марины провести выходные в деревне.

Облачённые в купальные костюмы, девочки самоотверженно отдавались жестокому июньскому солнцу. Тела их покраснели и лоснились от пота. Обе молчали и решительно ни о чём не думали. От жары все мысли расплавились, и ухватиться за них было невозможно.

В воздухе, раскалённом и густом, застыли запахи скошенной травы, смородинового листа и цветов шиповника. Откуда-то из-за дома потянуло костром и жареным мясом — это родители Марины взялись готовить шашлык.

Звенели весёлые мушки, гудели деловитые шмели, где-то на краю деревни плакала корова. Ласточки с тревожным писком носились так низко, что,

---

ЗАМЛЕЛОВА Светлана (Макеева Светлана Георгиевна) родилась в 1973 в г. Алма-Ата. Окончила Российский государственный гуманитарный университет. Автор книги прозы "Гностики и фарисеи". Член Союза писателей России. Живет в Москве.

казалось, задевали крылами кусты. Соседская курица, пролезшая сквозь дыру в заборе, лапой ворошила морковную грядку и злобно кудахтала.

По небу, точно в глубокой задумчивости, плыло одно-единственное мажорное облачко почти правильной квадратной формы. То и дело оно оттанавливалось и, как бы потягиваясь, превращалось ненадолго в шар. Но после снова принимало прежнюю форму и плыло дальше.

— Девочки! Идите есть! — раздался голос Марининой мамы.

Девочки вздрогнули и ожили. Марина перевернулась на спину, Вера утеслась, поджав под себя ноги.

Завидев на грядах курицу, Марина вскочила и топнула в её сторону ногой.

— Пошла отсюда! — крикнула она.

Курица захлопала крыльями и заметалась между грядками.

— Пошла, дурица! — подскочив к курице, Марина легонько подтолкнула её ногой к забору. Курица, наконец-то сообразив, чего от неё хотят, шмыгнула в дыру и скрылась за изгородью, на прощание метнув на Марину мстительный взгляд.

Марина потянулась, зевнула и, обращаясь к Вере, спросила:

— Идём?

Вера поднялась. По дорожке мимо грядок и старых корявых яблонь девочки пошли к дому.

Там, где дом отбрасывал солидную квадратную тень, стоял на земле колченогий мангал, а над ним колдовал курбатый, очень суетливый человек в длинных, нелепых шортах. Это был отец Марины.

Тут же, в тени, стоял дощатый стол и с двух сторон от него — длинные скамейки. Стол уже был накрыт.

С кусков дымящегося мяса, нанизанных на палочки, падали на толстое блюдо тяжёлые, сочные капли. И в каждой капле видны были множественные золотые кружочки жира. Прямо на столе лежали варёные растрескавшиеся яйца, пучок свежей, только что умытой зелени, буханка чёрного хлеба и длинный нож. На тарелке — кольцами нарезанный лук, упругие зубчики чеснока и несколько маленьких, колючих огурчиков. А в больших эмалированных мисках горкой насыпаны ягоды — клубника и черешня. Бутылки с водой, пивом, термос с чаем и банка с молоком стояли тут же.

Девочки сели по одну сторону стола, родители Марины — по другую, трапеза началась. Тут услышали, как стукнула калитка и зашуршал щебень под чьими-то лёгкими ногами. И вскоре из-за угла дома показалась Оксана, соседская девочка лет четырнадцати, худенькая, с угреватым лицом и жидкими, короткими волосами. Пришла она в сопровождении белой безухой овчарки. Оксана поздоровалась и присела рядом с Верой. Перед ней тотчас поставили тарелку, положили палочку шашлыка, кусок хлеба. Налили стакан молока. Дали шашлык и собаке. Та, осторожно взяв мясо, отошла в сторону и, улегшись на траву, принялась неспешно разжёвывать кусок, растягивая удовольствие.

Съев предложенное, Оксана, почему-то смущаясь и краснея, спросила тихо:

— На речку пойдёте, девочки?

— Пойдём, — был ответ.

— Тогда я за вами зайду.

И, поблагодарив хозяев за угощение, Оксана ушла. Вместе с ней ушла и безухая овчарка.

За деревней рос огромный калиновый куст, цветший теперь и источавший сильный горьковатый дух. Запахи калины, клевера и ещё каких-то не то трав, не то цветов мешались в один пьянящий аромат. И воздух, вмещавший в себя такое множество запахов, казался необыкновенным густым и горячим напитком, пить который хотелось маленькими глотками, чтобы не обжечься и насладиться букетом.

Под калиной жил своей жизнью пруд. Подойдя ближе, девочки увидели рыбок, высывавшихся наружу и оставлявших после себя разбегающиеся круги. Кричали, как безумные, сочно-зелёные лягушки, водомерки выписывали

вали лапками сложнейшие узоры. Чуть в сторонке стояла красная церковь. Костялая, с торчащими во все стороны ржавыми железьяками и ветками какого-то кустарника, росшего на крыше, она уныло смотрела на своё отражение в пруду — и на девочек не обратила никакого внимания.

Пройдя гуськом по узкой тропке, вытоптанной среди лопухов и кустиков пияжмы, девочки вышли к старому серому колодцу. Отсюда можно было видеть далеко окрест: деревня, как множество других деревень, располагалась на холме. Зелёные перелески, ярко-жёлтые островки сурешки, лиловый дымок колокольчиков — всё это весело, по-летнему переливалось, играло и порождало безотчётную радость и предвкушение чего-то хорошего, что обязательно должно случиться. И почему-то хотелось петь, смеяться, верить, что нет плохих людей и что жизнь — это праздник от рождения до смерти...

Там, где небо касалось земли, девочки увидели спину дракона. Это холмы, поросшие лесом, чернели колочей щёткой. И вдруг дракон шевельнулся и приподнялся. Спина его изогнулась, ошетилилась. Дракон ожил и стал страшен. Один из гребней на его спине оторвался и тотчас разлился по небу чернильным пятном. И жирная, подгоняемая ветром туча поползла навстречу девочкам.

— Дождь будет! — сказала Марина, щурясь на тучу и прикрываясь рукой от солнца.

И девочки врассыпную побежали под горку, туда, где в тени под вербами дремала речка.

Побросав полотенца в траву, спустились к воде. Потоптавшись немного, ощупью, повизгивая и подняв руки, точно оттягивая страшный миг, стали входить в реку. Наконец, Оксана, зажмурившись и сжав плотно губы, плюхнулась на живот и, задрав высоко голову, поплыла по-собачьи. Испуганные неожиданно громким всплеском, сороки, трещавшие где-то в кустах вербы, вдруг замолчали. Метнулась в сторону стайка лимонных бабочек. Застыли в изумлении золотистые стрекозы. И только смелая коноплянка продолжала насвистывать чуть грустную, похожую на звуки флейты песню. Обрызганные Марина и Вера подались было с громким смехом назад, но спустя минуту уже плыли за Оксаной. Угрюмая, холодная река, не успевшая ещё как следует прогреться, встретила девочек неприветливо. Но они с наслаждением барахтались в тёмной зеленоватой воде, то повизгивая и отфыркиваясь, то переговариваясь ничего не значащими фразами.

Вдруг раздалось первое недовольное рычание.

— Нельзя в грозу купаться — убить может, — очень серьёзно сказала Оксана. И все трое, не стовариваясь, повернули к берегу.

Выйдя на сушу, дрожа и стуча зубами, принялись растираться полотенцами. Опять зарычало. Чернильное пятно расплозлось и уже приближалось к деревне. Внутри пятна сверкнула молния. Вдруг как-то сразу потемнело и посвежело. Ветер засвистел в кустах вербы, испугал старую осину, дёрнул за косы берёзку. И швырнул в девочек какими-то семенами. Первые капли, сначала редкие и мелкие, так что непонятно было, идёт ли дождь, или это только так кажется; затем крупные, тяжёлые упали на землю. Исчезли бабочки и стрекозы, смолкли птицы — насторожилась всякая тварь. Стало слышно, как захлопала, зачавкала вода в речке, как зашептали обрадованные влаге листья и травы. Накинув полотенца на головы, девочки побежали к деревне. А когда дождь застучал по спинам и икрам, они сжались, как будто захотели сделаться меньше, и еще прибавили шагу.

Зарычала уже совсем близко, прямо над головами, огнедышащая туча. Но, изрыгнув пламя, успокоилась и затихла. А дождь шуршал всё громче и громче...

— Переждём под деревом! — крикнула Вера.

— Нет! Нельзя под деревом в грозу — убить может!

И девочки побежали дальше по мокрой и скользкой траве, балансируя и рискуя на каждом шагу упасть и скатиться вниз к речке. Но вот показались взъерошенные, мокрые, похожие на стайку воробьёв кустики пияжмы и серый, глянцево-от дождя колодец. Здесь девочки разделились. Оксана, жившая на другом краю деревни, побежала к себе.

Не успели Марина и Вера, мокрые и продрогшие, вбежать в дом, как чернильное пятно, точно разбавленное дождевой водой, стало блёкнуть, тускнеть и вскоре расплзлось по небу светло-серыми облаками, пробитыми кое-где золотыми иглами лучей. Дождь прекратился, проглянула лазурь, и солнце, показавшись, отразилось в каждой упавшей капле.

Девочек встретила Маринина мама.

— Замёрзли? — она засмеялась. — Вон, возьмите! — Она кивнула на серый тряпичный диванчик, где приготовлены были пёстрые старенькие, но чистые, а главное, сухие платица и полотенца. — Переодевайтесь, чаю попьём.

Вскоре девочки и родители Марины сидели за высоким, покрытым клеёнкой столом и пили чай с баранками и клубникой. Напившись чаю, решили играть в лото. Уговорились, что ставка — рубль. Расселись, раздали карты, разыграли, кому кричать — игра пошла.

Самым азартным игроком оказался Маринин отец. И хоть ставка была невелика, он всякий раз, проигрывая, расстраивался и начинал сердиться. Но стоило ему выиграть, как настроение его тут же менялось. Он аккуратно подсчитывал выигрыш и был чрезвычайно собой доволен. Нацепив на нос очки, он взялся приглядывать за остальными, чтобы не мошенничали...

В лото у цифр так много смешных прозвищ, неизвестно, кем и когда придуманных, что играть в эту игру молча совершенно невозможно.

— У меня “цыганка”!

— Какая “цыганка”?

— Ну... карта такая... счастливая, где все цифры подряд...

— Ха-ха-ха! Это “арапка” называется.

— Ну “арапка”...

— Я кричу! Барабанные палочки, восемьдесят три, пятьдесят...

— Ровно?

— Нет, с полтиной! Как свиньи спят, кочерга, двадцать шесть...

— Стоп, стоп! Какие свиньи?

— Два раза не повторяю! Дед...

— Сколько ж ему лет?

— Шесть!

— Вот так де-эдушка!..

— Да что это за свиньи были?

— Господи! Шестьдесят девять...

— Так бы и говорили...

— Папа! Не запускай глазнапа!

— А что такого? Мы же не в карты...

— Семён Семёныч, три...

— По одной — не ошибётесь!

— Что?! Уже квартира?!

— А то!

И так далее.

Кричали все по очереди, каждый по-своему. Кучка мелочи кочевала от одного игрока к другому. Всякий выигрыш встречался смехом, присвистом и завистливыми вздохами. Играли долго, пока не стало темно в комнате. Чтобы не напустить комаров, свет решили не зажигать, а потому игру пришлось прекратить.

Девочки вышли из дома и уселись на высокое деревянное крыльцо. Дом, доставшийся родителям Марины от деда, был старый, но крепкий и добротный. Ступени крыльца гладкие и широкие, такие, что на каждой из них с лёгкостью можно было бы разместиться на ночлег.

Было сухо, влага успела испариться. Солнца уже не было видно. Но облака, застывшие на западе в каком-то сказочном вихре, светились изнутри нежнейшим розовым светом. А ветер, закрутив их винтом, внезапно стих, чтобы полюбовать своим творением.

Залаяла где-то басом собака. Наверное, та безухая овчарка, что приехала с Оксаной. И тут же из всех дворов послышалось недовольное ворчание и тьяканье.

Маринина мама вынесла в эмалированной миске черешни. Поставив миску на ступени рядом с девочками, снова ушла.

Вскоре стемнело. И только на западе тёмно-синий небосвод оставался бирюзовым с бледно-розовым росчерком. Вышел похожий на лимонную дольку месяц. Глянул сверху на девочек и отвернулся. Утихли звуки. По временам только басовитая собака тихонько потягивала. Засвистал, защёлкал соловей. И, точно пытаясь саккомпанировать, заиграли слаженно цикады.

Ночь была тёплой, свежей и душистой. Одна из тех ночей, когда хочется сидеть вот так до утра, слушать тишину и смотреть, как загораются звёзды, сбивающиеся, точно куры, вокруг петуха-месяца.

Девочки молча ели черешню и бросали косточки в траву.

— Оксанка, наверное, на дискотеку в Константиново пошла. Она каждую субботу ходит. Парень у неё там — вот и таскается, — сказала вдруг Марина. И по её тону было понятно, что она не одобряет такого верхоглядства Оксаны.

— Далекое это? — спросила Вера.

— Километров пять...

— И какая ж там в Константинове дискотека? — Вера усмехнулась.

— Да-а... Какая-то... В сельском клубе.

— А домой-то пешком?

— А то как же... Транспорт ей, что ли, персональный подавать?

Помолчали.

— Вон смотри... Большая Медведица, — Вера ткнула пальцем куда-то в воздух. — А парень-то её проводит домой? Страшно ночью-то...

— Может, проводит. Всё равно страшно, хоть с парнем, хоть без... По ночам-то таскаться... Мне вот Пашка, ну... брат мой двоюродный, рассказывал... У его жены, у Пашкиной, дядька в Смоленске живёт. Вот он Пашке-то сам и рассказал. Раз едут они с женой с дачи, а уж поздно было. Темно. Они на даче задержались, ну и оказались ночью в дороге. Так вот, едут они, вдруг видят, вроде женщина с ребёнком стоят на дороге, голосуют. Женщина не старая, лет тридцати, наверное, ребёнка, мальчика, за руку держит. Увидела машину-то, ну и подняла руку. Голосует, значит. Дядька-то Пашкиной жены пожалел — с ребёнком всё-таки, да и поздно — остановил машину... У них — “шестёрка”... Женщина села и говорит: “Мне в такую-то деревню надо. Вы меня доведите и у меня переночуйте. Но только утром я вас рано разбужу. Я, говорит, с петухами встаю”. Дядька с женой согласились. Ну, едут, значит. Приезжают в деревню. А в деревне-то уж спят все. Они её к дому подвезли, ну, сами заходят. Расположились. Она их спать, значит, уложила. А наутро чуть свет будит. Вставайте, мол, мне уходить надо. Ну, они встали, оделись и уехали. И всё бы ничего. Да только дядька в дороге уже спохватился, что часы забыл. Жаль стало часов-то — пришлось вернуться. Ну, возвращаются, значит, в ту деревню. А уже, понятно, светло. Так вот, возвращаются, находят тот дом. Его, дом-то, легко было запомнить — он первый с краю стоял. Не перепутаешь. Так вот, возвращаются, смотрят... А дом-то заколочен!

— Как?!

— А так. На дверях доски крест-накрест. И на окнах то же. Что тут делать? Ну, пошли по деревне, стали людей спрашивать. Когда, мол, дом-то успели заколотить. Мужичок какой-то говорит: “А он уж лет пять как заколоченный стоит. И никто не живёт в нём”. Дядька, понятно, смеётся. “Как же, говорит, лет пять, когда мы с женой вчера только там ночевали”. Ну, и рассказал мужичку всё, как было-то.

— Ну?! А он что?

— Мужичок прямо сам не свой стал. “Точно, говорит, жила здесь женщина с ребёнком. И по описанию подходит, и по возрасту. Да только они оба лет пять уж как померли. Машинной, говорит, их сшибло. Да на том самом месте, где вы их подобрали”.

— А дядька что?

— Дядька-то весь так и обмер. Жена, понятно, в истерику. Ну, то да сё, решили доски содрать. Проверить, значит. Удостовериться. Отодрали,

заходят. Пылищи кругом — не продохнуть! Видно — необитаемое жильё. А на столе-то... дядькины часы лежат... Вот так-то...

— И что?

— Ну, ничего... Взяли часы да и дёру из той деревни. Подальше, значит. А другие-то мужики подтвердили про ту женщину. Лет пять, говорили, как померла вместе с ребёнком.

— А кого ж они подвозили? — тихо спросила Вера.

— Привидения ихние!..

Девочки замолчали. После “страшных”, пусть даже самых нелепых рассказов не хочется больше говорить о чём-то обычном. Хочется думать, как много вокруг чудесного и необъяснимого. Люди обыкновенно любят истории о мертвецах и ведьмах, о духах и заморских чудищах. А ночь, как известно, располагает к таким рассказам. Звуки ночи, происхождение коих непонятно, всегда внушают священный ужас и трепет, точно это сама вечность говорит о себе. Крикнет ли ночная птица, прощуршит ли крылом нетопырь или завоет собака — и готово дело! Страх вселяется в душу, и тут уж сами лезут на ум вурдалаки, оборотни и прочие посланцы ада.

— Пойдём, может, спать? — смущённо сказала Вера.

— Пойдём...

Они поднялись и тихонько, чтобы не разбудить никого, вошли в дом. Постели были уже разостланы, и девочкам оставалось только раздеться и лечь. В раскрытое окно доносилось свежее дыхание летней ночи, в котором растворился тяжёлый запах жилья, свойственный всем старым деревянным домам. Тренькали неутомонные цикады, перешёптывались листья.

Какое-то время девочки молча лежали и думали о том, что сейчас сказала Марина. Пытались представить себя на месте незадачливого дядьки, пытались вообразить, что может думать и чувствовать человек, не искушённый общением с духами, и каковой вред такое общение может принести... Думали ещё о чём-то. Должно быть, о том, как купались сегодня в речке, как промокли под дождём, о том, что Оксанка — дура, и что завтра, наверное, будет хороший день и опять можно будет пойти купаться. Хорошо иногда бывает так вместе думать.

Потом Вера уснула — слышно стало её лёгкое и ровное дыхание. А Марина долго ещё лежала в темноте и чему-то безотчётно улыбалась. На душе у неё было тепло, покойно и радостно. Но чем была навеяна эта радость, Марина не смогла бы объяснить. А если бы кто сказал ей, что она попросту счастлива, Марина, наверное, удивилась бы. Счастье представлялось ей иным — богато обставленным, ярким и шумным. И никогда не приходило ей в голову, что жить вольной жизнью на родной земле среди любящих тебя людей, любить самому своих близких и не горевать о хлебе насущном — разве есть большее счастье...

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ

ПО ВЕЧНОЙ РЕКЕ

ЛОДКА

...Сломалось моё кормовое весло,
И нас по теченью легко понесло.
И ты свои вёсла откинула прочь.
И нас поглотила июльская ночь.
Всё ведала лишь хитрованка — луна,
То в купах берёз, то под лодкой видна.
Блуждала в урёмных река берегах
И хор раздавался во мгlistых лугах:
О чём-то счастливом, что скоро пройдёт,
Звенел-заливался пернатый народ!
И как же с тобой были счастливы мы
В наплывах певучей сияющей тьмы —
Чтоб речке родимой “спасибо” шептать,
Забыть обо всём,
На судьбу не роптать,
В ладони небес из волны зачерпнуть,
Чуть-чуть остужая горячую грудь...
Порой, притихая под взглядом твоим,

ГРЕБНЕВ Анатолий Григорьевич родился в 1941 году в селе Чистополье Кировской области. Окончил Пермский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор поэтических сборников, выходивших в Кирове, Перми, Москве. Книга “Храм” выпущена при содействии Фонда славянской письменности и славянских культур. Член Союза писателей России. Живёт в Перми.

Завидовать ласточкам береговым
И втайне жалеть,
Что уже никогда
Не свить, не завить своего нам гнезда.
Любили мы, нет ли,
Я знаю одно:
Что было с тобою — не канет на дно.
Закрою глаза — лодка — вон, вдалеке —
Уносит с тобой нас
По вечной реке.

СОЗВУЧИЕ

*В. П. Астафьеву,
Е. В. Колобову*

Снова звучат здесь, мои исцеляя кручины,
“Грусть” Альбинони и “Аве Мария” Каччини.
Снова Свиридов, затронув струной сокровенной,
Душу пронесит по безднам славянской Вселенной.
Снова трещит, оживая, беленая печка,
И золотым лепесточком на божнице колеблется свечка.
Господи, слава Тебе! Наконец-то я дома,
Мне не страшны никакие судьбы переломы.
И заявлю я, товарищ, тебе напрямую:
Зимушку эту я всё-таки перезимую.
Вон посмотри: ожиданием летнего рая
Окна узорит мороз и горит серебром, не сгорая.
Слышишь, звучат отголоски мелодий небесных,
Там, в небесах, или здесь, на земле, неизвестных?

* * *

Чтобы не грызла грусть-тоска
По той России, что не стало, —
Ты дом построй у родника
Над речкой возле краснотала.

Прекрасен вид родной земли,
Когда с ней чувствуешь слиянье,
И всё отчётливей вдали
Церковной маковки сиянье.

А если вдруг нагрянет друг,
Ты на крыльце обнимешь друга,
Преобразится всё вокруг,
И улыбнётся вся округа!

И будет слышно в этот миг,
Как звонко в зелени и сини
Журчит родник,
Поёт родник —
Бессмертен, как душа России!

РУКИ

Судьбы забытые излуки
Проглянут вдруг из темноты.
Сестра! Твои я помню руки
В чаду колхозной маяты.

Они сновали — успевали
На ферме, в поле, на лугах.
Тогда по радио певали
О “золотых” твоих руках.

Да, ты работы не боялась,
Была ты первою везде.
И так с подружками смеялась:
— Умру в колхозной борозде!

Но не брала тебя досада —
Мол, так судьбою суждено.
Ты дустом гробилась на складе,
Чтобы протравливать зерно.

Потом хирела и болела,
В смертельной немощи скорбя.
Ты всех любила и жалела,
Ты не жалела лишь себя.

...Нема заросшая могила.
Сестра, сестра! Скажи — ты где?
Ведь вышло так, как ты шутила:
— Умру в колхозной борозде...

* * *

И небо над нами сияло —
И запад сиял, и восток.
И ты среди луга стояла,
Как редкий небесный цветок.

И вправду,
Ты с неба слетела!
Распахнуты, как небеса,
На стебле упругого тела
Твои неземные глаза.

А в сердце — восторг и тревога,
И трепет, и ропот любви:
— Не трогай, не трогай, не трогай!
— Не рви это чудо, не рви!

...Ты где, дорогая подруга?
Зачем же, до нынешних дней,
Небесным цветком среди луга
В душе ты сияешь моей?

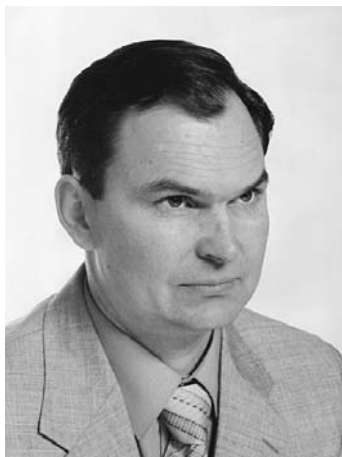

---

*Поздравляем нашего друга, замечательного поэта
Анатолия Гребнева с семидесятилетием.*

Редакция

АНДРЕЙ БЕЛОЗЁРОВ

БЕНДЕРСКИЙ СНАЙПЕР

РАССКАЗ

Нужно было охранять горвоенкомат: архивы ветеранские, времен Великой Отечественной и более поздние, афганские, а также списки военнообязанных и призывников. Мы отстреливались, в ожидании прихода регулярных приднестровских частей, отгеснивших через несколько дней противника от моста через Днестр и далее к окраинам.

Боевой дух в горожанах поддерживался ночными перестрелками с раскатистыми завываниями “катыш” да снайперским выпендрежем сутки напролет; днем же, кто посмелее, либо сигал по мосту в сторону Тирасполя, либо шел, задвинув голову в плечи, на импровизированную толкучку за дорогими сигаретами или за гуманитарным хлебом.

Но в первые минуты и часы войны, растянутые в безумно отрезвляющую вечность, все было всерьез. Враг по мосту укрепился, пройдя блицкригом сквозь город: наиболее значимые объекты выжигались, сравнивались с землей, магистральное направление на Тирасполь было взято под контроль. Нас же в эти июньские дни не оставлял в покое снайпер, он же координировал и минометный расчет, который мог раскатать военкомат в два счета...

Военкомат под юрисдикцией Приднестровья находился на одной улице с логовом молдавской полиции. Оттуда также заносило стрелков, они, как правило, вырастали из канализационных люков; по нам стреляли с завидной

БЕЛОЗЁРОВ Андрей Борисович родился в 1966 году в г. Бендеры Молдавской ССР. Учился в Кишинёвском институте искусств и педагогическом институте. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Проза печаталась в журналах “Кодры”, “Молдова литературная”, “Московский вестник”, “Дружба народов”. Член Союза писателей Приднестровья. Живёт в г. Бендеры.

регулярностью. Опасность воспламенения здания была велика. Мы и тушили пожары под началом бывалого пожарника, самодеятельные и самоотверженные бендерские ополченцы. И отстреливались заодно.

А вокруг, куда ни кинь взгляд, асфальт, рябой от рытвин, ям, воронок; каменные остовы одноэтажных построек, пустые глазницы окон... А на мне ни единого росчерка осколка-дурака или пули наугад, — ни тумака, ни ссадины... но что внутри? Мне страшно — стало быть, существую! В глазах красно от всего красного вокруг — стало быть, я есть! Горько от пороха и сухо во рту — стало быть... ну, в общем, понятно... Иногда я снимал с себя очки с приличным “минусом” — чтобы умягчить резкость восприятия, чтобы заволоклось все вокруг ватным туманом.

Я ушел в ополчение на третий день войны. В армии я не служил (учился в институте), но теперь заделался настоящим воякой наравне с пожарниками и казаками, которые командовали сборными группами из гражданских. Не идти в ополчение — бессмысленно: от страха и отвращения к себе больше шансов сгинуть, нежели от пули...

Автомат полагался один на пятерых; и вот, когда балагура Дмитрия контузило не на шутку, а Володьку, с оттопыренными ушами, исполсовало осколками мины, я ухватился за этот предельно механический прибор. До этого я, неисправимый очкарик, книжный червь-киноман, полагал, что современное оружие напичкано электроникой: как лазерный бластер, оно палит по мишеням подвижным и стационарным.

В задачи входило прикрывать пожарника Антоныча, носившегося день-деньской с брезентовыми рукавами, неизвестно к чему подключенными, заливающего ссохшиеся от жары пристройки архива, которые и так уж наполовину сгорели от попадания мин, а также прилегающие административные постройки. Если заявятся ребята опытные, передать в смену автомат, если желторотые — взять шефство, подчиняясь, однако, неунывающему командиру-пожарнику.

Я застал в живых прежнего подсобника Серегу, ухватистого верткого мужичонку неопределенного возраста, в пятнистой униформе и в кепке с бляшкой; он скручивал шланги, подносил песок и багры, помогал с подключением гидрантов. Когда снайпер достал Серегу — выстрел в голову — я осознал нешуточность предложенных обстоятельств...

Убитого Серегу мы схоронили прямо во дворе военкомата, как при церкви забубенной, в огороженной металлическим штакетником клумбе; двух раненых, Дмитрия и Володьку, находившихся на излечении в самодеятельном лазарете, передали медспецам с носилками, пробиравшимся задворками к другому адресу, кажется, к неприятелю, ничего не попишешь: городская больница одна на всех — в палате зачастую пересекались стрелявшие друг в друга часом раньше...

Остались с Антонычем вдвоем. В этот момент я почувствовал себя возмужавшим. Стремглав несешься, кричишь с вытаращенными глазами, жмешь на курок, до онемения стиснув зубы, лезешь в заваруху — в общем, ведешь себя не как человек мыслящий, но как человек действующий.

Быть бы нам осторожней, но Антонычу будто шлея под робу попала, будто умышленно подставлялся, широко расхаживая с брезентовой кишкой по плацу после обстрела военкомата. А в соседней девятиэтажке будто этого и ждали. Снайпер...

Сначала Антонычу чик-чирикнуло пулей по мясистой части предплечья, ничего, перевязали, обработав перекисью, пошли дальше бороться с пожарами. Но скоро — опять пуля. На этот раз в ногу; опять в мясо, опять навывлет! Что тут поделаешь?..

— Я его, гада, вычислил! — злость и боль забрав в кулак, твердил Антоныч, выколупывая скальпелем из ноги остатки щепы и стекла.

Сделали перевязку. Потом “с горя” вскрыли по банке с тушенкой. Еда всегда придавала ощущение плотности бытия. И тут перевязанный и сытый пожарник, отхлебнув спирта из фляжки, постановил отправляться мне к снайперу в гости; будто бы в точности знал, из какой квартиры ведется по нам прицельная стрельба. Антоныч повелел, чтобы я приволок за шиворот

этого сучьего отморозка, — и тут он с ним поговорит по душам. Не знаю, чем он руководствовался, наверное, кто-то из казаков приврал на распределении ополченцев, что я боец для боя годный, — внешне я и выглядел так, несмотря на гуманитарную специализацию: высок, спортивен, ловок в перебежках по двору, но это у меня скорее от страха, нежели от солдатского навыка (а на очки, когда надо, внимания не обращают).

— Двигай, парень, по окружному пути, крайний справа подъезд, девятый этаж, крайняя квартира справа... Возьмешь его — и обратно! — прищурился Антоныч, указуя из укрытия направление моего хода.

— Может, по рации вызвать подкрепление? — все не осмеливался я на рывок; не была понятна и скоропалительность решения — на фоне задачи сохранения бумаг во вверенном объекте; важность нашего присутствия здесь расценивалась казаками как лишняя огневая точка: отстреливаться, но не атаковать. — Я же полподъезда разнесу, если выбью гранатой дверь! А если снайпер не в этой квартире, если ошибка? — хватался я за соломинку.

— Стреляют из сто сорок четвертой. За месяц до войны я проводил плановый осмотр этого дома. Одна квартира была закрыта. И неизвестно, в чьей собственности. Не дрейфь: главный козырь — внезапность!

— Но... — хотел я опять по поводу бойцов с амуницией и сноровкой: какой из меня Рэмбо, я даже в армии не служил, и в ополчение записался, чтоб под ванной не скулить, ожидая ворвавшихся военных с белыми повязками на локте.

— Никаких “но”, — был неумолим пожарник. — Подмоги ждать неоткуда. Все силы брошены к мосту, на передовую. Выполний, боец, приказ! За снайпера орден получишь!

Что за черт: мне и в самом деле привиделся орден на груди, даже не медаль, как говаривал известный литературный герой. Не знаю только, зачем он мне, орден, ведь это ж наивно: шагать по улицам родного города с орденом, повесив его на выцветшую футболку “Адидас”...

Я взял две гранаты в карманы и два магазина за пояс, чувствовал себя небывало, не то слово; мне думалось, что вот я и отправляюсь на задание, другого расклада действительность: либо он тебя, либо ты! Грозный зверь сидит в сто сорок четвертой, зыритесь на все живое в прицел — зорко и страшно. Но ведь может случиться непредсказуемое... Я совсем не представляю планировки этой угловой квартиры. Антоныч, конечно, объяснил в общих чертах: большой квадратный коридор, прямо — комната, туалет и кухня — налево; но мебель — элемент баррикады, а ни пожарник, ни я не знаем ее расположения. И еще неизвестно, кто более будет обескуражен: а вдруг снайпер не один, — что тогда? Антоныч словно по моему лицу прочитал эти опасения:

— Если завяжется перестрелка, отходи. Разбей эту квартиру длинными очередями, если поймешь, что он не один. А вообще он не знает, что мы знаем, откуда ведется стрельба! Кха-ха! Не перепутаешь? Из сто сорок четвертой! — Антоныч был твердо уверен.

“Лучше б на медаль соглашался, черт!.. Послушал старого дуралея, геройствовать потянуло? Не усидел до прихода наших? Лучше б — на медаль...” — эта нелепица проносилась в голове, пока пробирался кошачьими тропами через малую застройку к зловещей девятиэтажке.

Наконец-то я выбрался на улицу Ленина, девятиэтажка — напротив. Здесь меня обстреляли. Каждым волоском, пупырышком кожи на спине я ощущал, как ложились пули слева и справа... Вобрал живот, обратился в мертвый камень, упал под куст на газоне. Прошла вечность, другая... Открываю глаза. Перестаю бояться... Слева проезжую часть улицы загораживает перевернутый самосвал, груженный бетонными столбиками для виноградной подвязки, превратившийся в баррикаду... На перекрестке устроен блиндаж, в нем приднестровские гвардейцы или молдавские полицаи; попадать в поле их зрения опасно: пальнут без разбора. В нескольких кварталах за кинотеатром, в дыму пожараща просматривается и центральная библиотека с выбитыми стеклами, с поредевшими от взрывов голубыми елями по фасаду; сейчас и там наверняка чей-то штаб, возможно, казачий; книги пушены на баррикады, на подставки под цевье, из них устраиваются лежанки...

Возможно, за мной следили; я вляпался, как в болото, в зону перекрестных и хищных взглядов. Там? Или там? В слуховом окне угловой трехэтажки? Или там, на кровле сберкассы? Или вон там еще, в брошенном фабричном корпусе? А может, и в другом месте? Антоныч об этом не предупредил. “Эх, лучше бы медаль!..” — тут я рванул что было сил, огромными скачками пересек улицу, метнулся за угол заветной девятиэтажки. Стрельба осталась где-то позади, за спиной, на улице... Основные бои шли у Днестра, но и здесь, в отдалении, стоило только показать нос... Не случайно город казался вымершим.

Вот она *родная* девятиэтажка, крайний подъезд справа. Вот и дверь за камерой мусоросборника. Я почти у цели. Лифт не работает наверняка, но это и не важно. Сейчас произойдет то, что должно произойти, — час расплаты, во имя погибших товарищей, во имя Антоныча, во имя Приднестровской Свободы...

Подъезд оказался запертым на засов изнутри, что ж, резонно! Попробуем через выбитые окна ближайшей квартиры (в первый день войны именно в этом районе шли бои...) Влез на цоколь, по траверсу прошел к опасной на ощупь оконной раме, с которой сразу же осыпались остатки крошева, и осторожно, чтобы не пораниться, вскарабкался на подоконный карниз; подался в душный чад чужого жилища. Нахлынуло жгучее чувство, — что все это не со мной; так как нечто подобное происходит только в кино; здесь же не кино — значит, и не со мной!

Спрыгнул на пол, меня пронзил запах этой квартиры. К выходу, в коридоре запах только усиливался. И вот, на полу, поперек коридора — труп. Женщина с открытыми глазами. Во лбу у нее чернела точка... Рядом с ней флакончик с духами. Должно быть, она прихорашивалась перед зеркалом, когда снайпер выбрал в прицеле ее лоб...

Выбравшись на лестничную клетку, я отдышался, перемогая рвотное удушье, поспешил на девятый этаж. В подъезде было прохладно и пыльно. На четвертом этаже я понял, что не надо бы бряцать оружием, чтобы не спугнуть зверя. Я сжимал в потных ладонях укороченный “калашников”, карманы джинсовых брюк оттопыривали две гранаты; от всего моего облика разило оголтелой отвагой. Но это глупо. Нужна хитрость, не иначе. Доберусь на девятый, там видно будет!

Вспомнил вдруг темную каморку без окон в недрах военкомата; там мы спали по очереди. В дверь стучали по-особому — три быстрых стука. Наказ Антоныча — держать ухо востро, дабы не пробрался лазутчик. Мне пришла шальная идея: что, если подойти к “сто сорок четвертой” и — таким же макаром постучать три раза? “Квартирант” подойдет спросить или сразу откроет на условный знак, что вероятней всего! — тут-то я по нему и засажу, разбираться не стану, к чему язык, когда говорит “калашников”!

Ни у одной из дверей я не слышал звуков; жильцы точно съехали на рассвете, когда канонада стихла. Убирались из центра, а то и вовсе — в ближайšie села правобережные, так как магистральный путь на Тирасполь был закрыт.

Решил-таки постучать в “сто сорок четвертую”. На условный манер, три раза: будь что будет! “Тук-тук-тук...” — “Будь что будет!..” — “Тук-тук-тук...” Белый номерной ромбик с гравировкой чисел: единица и две четверки! Но я сделал последний “тук” с эмоциональным нажимом, — дверь отворилась. Да она и не была заперта! “Что за черт!” — только и успел подумать я, и сразу влетел и заорал во всю глотку с окостеневшим пальцем на курке: — Всем руки вверх! На пол! А-а-а-а !!!

Для пущей убедительности, сгорая, я запустил и огневую очередь в створону окна; окно — нейтральный сектор, никого не пораню, если что... А если тут мирное семейство, ничего — от очередного разбитого стекла не убьет... А вот ежели снайпер — тут-то он и потеряет самообладание. Ведь он, паскуда, только по безответным мишеням привык лупить, в реальной схватке, грудь на грудь, ему не устоять. Даже безобидные очки мои, разночинские, покажутся зловещим отблеском расплаты... Я сейчас сливался с персонажем из “Неуловимых мстителей”, который характерным жестом поправлял очки,

а потом стрелял по врагам, не щадя никого, хотя и выглядел безобидно-миловидно подслеповатым.

— Руки вверх! На пол! — опять яростно выкрикнул я, даже пугаясь собственного возгласа...

Никто не набросился на меня, не сбил с ног; никто не передернул затвор в ответ (мой слух опережал зрение). Но я все же остро, неотвратимо почувствовал, что в квартире кто-то есть. Я услышал из комнаты в открытую дверь металлический тихий стук. Снова заорал во всю глотку, ногой ударил дверь, как в кино:

— Всем на пол! Руки вверх!

И тут я увидел ее... Она сидела, скрючившись в углу, под окном, в шортах и синей майке, прикованная наручниками к трубе отопления. Мне показалось, что она дрожала всем телом. Я приблизился к ней. Вдруг увидел, что у раскрытых балконных дверей лежит длинная винтовка с оптическим прицелом, кожаный матрац и набитая песком подставка для ствола; там же и россыпь гильз.

— Ты кто? — яростно выкрикнул я.

— Я... Я к бабушке приехала... а ее нет... Она в больнице... У вокзала...

— Винтовка чья? — выкрикнул я.

— Не знаю... Мужика какого-то... Я вошла, а он здесь... Он меня к трубе пристегнул... — Она заплакала.

— Где он?

— Кто?

— Ну мужик этот, снайпер?

— Не знаю. Ушел куда-то.

— Совсем ушел?

— Не знаю. — Она плакала, плечи у нее тряслись. — Отстегните меня. Ключ он в тумбочку положил, я видела...

— Документы есть у тебя? — по-деловому спросил я.

— Да... Конечно. В рюкзачке.

Я увидел небольшой розовый рюкзак в углу, подошел, раздернул молнию. Среди разноцветной мишуры жевательных резинок, заколок для волос, косметических прибабасов я отыскал паспорт. В документе значилось Ксения Зондерн; паспорт выдан ОВД города Таллина...

— Как ты здесь очутилась?

— Говорю же, к бабушке приехала. Я каждое лето приезжаю... Она в больнице сейчас... Да отстегните же меня в конце-то концов! — всхлинула она.

Ключ от наручников и в самом деле оказался в ящике тумбочки. Вскрещенная пленница стояла передо мной в полный рост.

— Проводите меня к бабушке. Одной мне страшно. Она в больнице. Соседка сказала, в больнице. За переездом...

— Туда еще добраться надо, — хмыкнул я. — Не для этого я сюда пришел. Мне нужен тот, кто стрелял, — сказал я, повнимательнее разглядывая Ксению.

Она оказалась красивой. Или в военной суматохе, среди мужичьего окружения любая девушка могла показаться красивой?

— Мне одной страшно. Проводите меня... Здесь недалеко. — твердила она. — Вдруг мне тот мужик встретится.

Здесь был резон. Ведь вовсе не обязательно ждать снайпера в “сто сорок четвертой”, его можно грохнуть и во дворе... А винтовку? С ней справимся еще проще. Я снял автомат с плеча и хотел ударить им по оптическому прицелу. Но Ксения вдруг остановила:

— Тихо! Кто-то идет... Слышите? Это, наверно, он. Я боюсь!

Ксения притихла, вслушиваясь. Я замер, понимая, что вот теперь-то и наступает момент истины... В тот момент, когда зловещая тень снайпера отделилась от входного порога, я уже был готов стрелять направо, давить что есть силы на курок, разрядить магазин до последнего патрона. Но вдруг снайпер вошел, обыденно, как-то по-простому, и я увидел нежданного персонажа. Усатый, пожилой, какой-то облезлый и обезьянистый мужик,

с длинными руками, он нес пластиковую канистру, должно быть, с водой.

На какой-то момент зависла немая сцена. Мужик часто дышал, он явно устал от своей канистры и подъема на девятым этаже. Он поставил канистру перед собой и как-то ядовито уставился на Ксению, а потом — на мой автомат. Ксения взвизгнула, прыгнула ко мне за спину и прокричала:

— Стреляй! Чего ты ждешь!

Я еще немного помедлил, но мужик-снайпер весь враз засуетился, резко полез в карман... Тут-то я и саданул в него длинной очередью. Казалось, доли секунды хватило, чтобы я изрешетил этого усатого таракана. Кучно в тулово и в голову — уж не меньше десятка пуль прорешетили старого снайпера. Он рухнул грудой, кровавой грудой...

— Теперь надо уходить! — засуетилась Ксения. — Они кого-нибудь пришлют еще... Быстрее!

Она ловко закинула себе за плечи рюкзачок и резко пошла к выходу. Я медлил. Мне все еще не верилось, что я убил человека. Нет, не человека! Брага! Снайпера, который убивал и ранил моих друзей и сослуживцев! Подделом ему! Даже пришло ощущение радости исполненного долга... “Тут и на орден потянет... Еще как потянет!” — возликовал я, отправляясь следом за Ксенией на лестничную площадку.

Идти требовалось в противоположную от военкомата сторону, в обход пешеходного моста через путевое хозяйство станции Бендеры-I. За жилым кварталом в проулке у швейной фабрики дорогу перегородил БТР. Экипажу явно не до нас: “героически” грабился склад готовой продукции; рядом пыхтел груженный “КамАЗ”... То и дело в небо взметывались огненные шары, трассирующие пули, словно праздничное представление из салюта и петард...

Еще метров сто по изрешеченному тротуару под прикрытием вишен и слив частного сектора и — незаметная лазейка в бетонном заборе. Места эти я хорошо знал и немного гордился этим. Гордился и тем, что веду освобожденную заложницу к бабушке. Где больница, я тоже знал.

Почти всю дорогу Ксения не проронила ни слова, наверное, боясь вспугнуть мое решение спроводить ее за железнодорожные пути, и не отставала ни на шаг. А я почему-то вспоминал Таллин... Будучи на фольклорной практике в Пскове, не преминул я заехать в этот старинный эстонский город. Верообразные улицы, холм Тоомпеа, Ратушная площадь, башня “Толстая Маргарита”... На мои многочисленные обращения, как пройти к той или иной достопримечательности, местные жители молчаливо сворачивали со своего пути и препровождали прямо к пункту назначения.

Мне хотелось заговорить с Ксенией о Таллине, а вернее, о чем угодно, лишь бы говорить, ведь она мне вправду понравилась. Но было не до болтовни... Это была совсем не прогулка. Уже несколько раз приходилось падать на щебень на обочине путей, у вагонов; пули дзынькали, казалось, над головой, ударяясь в стальные колеса... Близ ремонтных мастерских полыхали четыре жилых вагончика. Пожарный поезд, тяжело маневрируя, пытался прийти на помощь; но доступ преграждали путеукладочные машины.

Когда мы миновали железнодорожные пути, Ксения сказала:

— Всё! Дальше я дорогу знаю. Спасибо вам...

— А вдруг бабушки там нет? — сказал я.

— Если ее там нет, обратно я все равно не вернусь... Прощай! Ты молодец! — она резко перешла на “ты” и вдруг приблизилась ко мне и поцеловала в щеку.

Губы у нее были сухие и теплые. Я потянулся было к ней, но она остановилась:

— Кончится война, приезжай в Таллин.

Пожарнику-наставнику Антоньчу я сказал, что снайперу учинил настоящую расправу: раскроил, подлюгу, в ближнем бою; труп и вещдоки в “сто сорок четвертой”.

— Что так долго?

— Снайпер отлучался, пришлось дожидаться.

— Ну, рассказывай, рассказывай!

— После. Очень устал!

— Я верил в тебя, сынок! — похвалил Антоныч. — Но отдыхать некогда. Наши вступили в бой за мост, решается исход войны! Военкомат должен быть спасен от пожара.

Только поздним вечером, пригубив спирта из фляжки, за ужином с Антонычем, уминая тушенку, я поведал ему про Ксению. Вот, дескать, еще и девушку спас... Пошутил насчет ордена. Антоныч сперва нахмурил брови, а потом весело мотнул головой.

— Хитрая баба! Откуда она, говоришь? Из Эстонии? А говорит, говоришь, без акцента? Ха! Хитрая баба!

— Не может быть! — выкрикнул я, понимая намек старшего товарища. — Я паспорт ее видел! Адрес даже запомнил!

— Ничего, сынок, деньги и война — дело подлое. А бабы... Что за баба, которая до порога мужика три раза не обманет! — сыпал шутками Антоныч. — Она и есть снайпер.

— А наручники? Зачем?

— А затем. Она поняла, что ее ловят... Прикинулась жертвой...

— Кого же я убил? — сухим голосом спросил я.

— Куратор, может. Смотрящий. Учетчик, словом... — Антоныч утер рукавом губы. Сказал строго: — Выходи на службу, солдат! Пожар где-то! — он повел своим чутким носом, вероятно, угадывая чутким обонянием волну дыма.

Я не поверил Антонычу, хоть он и опытный волк. Я не поверил, что Ксения снайпер. Нет! Нет и нет!

Я разведal, что в той девятиэтажке, в злосчастной квартире на последнем этаже и в самом деле жила старушка, которая куда-то неожиданно съехала. То ли в больницу отвезли, то ли к родственникам подалась. Была ли у нее внучка? — никто из соседей не помнил.

А спустя несколько недель, когда война кончилась, я поехал в Таллин. В моем мозгу отпечатался адрес Ксении Зондерн.

Вот и улица, и дом в районе Мустамяэ.

Я поднимаюсь на площадку к нужной квартире. Я не хочу звонить, давить на кнопку... Я просто ударю в дверь костяками руки. “Тук-тук-тук”. Три раза — как тогда, в “сто сорок четвертую”.

ВИКТОР ПЕЛЕНЯГРЭ

КРУТИТЬ ЛЮБОВЬ НАПРОПАЛУЮ

КАК УПОИТЕЛЬНЫ В РОССИИ ВЕЧЕРА

Как упоительны в России вечера!..
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Ах, лето красное! Забавы и прогулки.
Как упоительны в России вечера!
Балы. Красавицы. Пролётки. Юнкера.
И вальсы Шуберта и хруст французской булки,
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Как упоительны в России вечера!..

Как упоительны в России вечера!..
В закатном блеске пламенеет снова лето,
И только небо в голубых глазах поэта,
Как упоительны в России вечера!
Пусть слава — дым, пускай любовь — игра,
Ну что тебе мои порывы и объятья?
На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера!..

---

*ПЕЛЕНЯГРЭ Виктор окончил Литературный институт им. А. М. Горького.
Автор нескольких книг и знаменитых на всю Россию песен.*

КЛАССИЧЕСКОЕ

Этот город я знал наизусть:
На холмах цепенели церквушки,
Вдоль дороги брели побирушки,
А у въезда грозились мне пушки.
Я сюда никогда не вернусь!

Чёрта с два я слезами зальюсь.
Где вы, девицы, ласточки, душки?
Смогли громкие наши пирушки,
Но пером от случайной подушки
Я с тобою за всё разочтусь.

ПРАВДА

Ни к чему нам эти разговоры...
Настежь распахнула ты окно.
Пойте, птицы, зеленейте, горы,
Всё погибло, всё обречено.

И пускай — легка твоя дорога,
Где лучи рассеивают тьму,
Ты была не первой, недотрога,
Только эта правда ни к чему.

От любви душа моя в занозах.
Разочтёмся. Так тому и быть.
Сколько было их, черноволосых,
Белокурых... Что тут говорить!

А когда воскликнешь ты: о Боже! —
Я тебя с улыбкой обниму...
Сколько было на тебя похожих!
Эта правда тоже ни к чему.

Всё о жизни, ничего о смерти,
Этой правдой не смутить живых...
Ах, какое солнце на рассвете,
Кто поднимет тяжесть век моих?

ПОДРУГА

Как быстро в городе темнеет,
И вновь трамвай гремит по кругу,
Но даже нищих солнце греет,
Где я нашёл себе подругу.

Пусть не подруга! Так, подружка,
Миниатюрна и упруга,
В японском стиле безделушка,
В каком-то смысле лучше друга.

А мне б любить — и ту и эту,
Крутить любовь напропалую,
А мне б гулять по белу свету,
Но где найдёшь ещё такую!

У господина президента
На трон четыре претендента,
И чемоданчик, и прислуга,
А у меня одна подруга.

SIC VITA*

Большая часть человечества ставит на Штольца,
Это вписал я в один из домашних альбомов;
Заполночь куришь, пуская колечки и кольца,
В зеркале видишь, как плачет последний Обломов.
Что мне прогулки, закаты? Куда всё умчалось?
В сумерках тают сады, опустевшие скверы,
Но с отвращеньем предчувствуя близкую старость,
Всю эту ночь просижу за бутылкой мадеры.

Мне наплевать на подачки, на всплески гордыни,
Преуспевать не хочу я, тебя не ревную;
Слышишь ли глас вопиющего в этой пустыне,
Помнишь ли, ангел мой, нашу любовь неземную?
Сирины смолкли... Всё глуше вакхальны напевы.
Где вы, друзья? Интригуют, скучают, бранятся.
Страсть и беспечность грызут, словно старые девы.
Что с ними делать. Не знаю. Авось пригодятся!

В бедной каморке моей, как в холодной темнице.
Спятил Захар, сам с собою ведёт разговоры.
Ольга! Ты слышишь? О, как мне хотелось излиться,
Но у подъезда меня стерегут кредиторы.
Зрелость проходит. На юность махнул я рукою.
Сердце моё одиночество больше не точит.
Только о чём я, о чём говорить мне с тобою?
Я ведь последний из тех, кто влюбиться не хочет.

СОРОК ЛЕТ

Сорок лет просвистел... Не заметил,
Чей эсминец сбивает волну.
Я ли лучшую женщину встретил?
Я ли выл по ночам на луну?

Я повёл тебя в синие дали,
Ты смеялась, вдыхая цветы,
Расскажи, как тебя целовали,
Расскажи, как целуешься ты.

Журавель у глухого колодца
Сорок лет всё скрипит и скрипит,
В том окошке никто не смеётся,
Но стекло отраженье хранит.

Я к тебе протянул свои руки,
Но горит под ногами земля.
Молодые красивые шлюхи,
Словно крысы, бегут с корабля.

---

* Такова жизнь (лат.).

ШАРМАНКА

Вернулась шарманка, о чём-то вздыхая,
Вернулась шарманка, ночами рыдая,
Страдает шарманка, стирая улыбки,
Рыдает шарманка с душой первой скрипки.

Влекут ли мечты небывалые,
Цветут ли цветы запоздалые,
Всё так же рыдает шарманка,
В Париже она чужестранка.

Всё так же шарманка о чём-то жалеет,
Всё так же шарманка грустит и стареет,
Страдает шарманка, стирая улыбки,
Рыдает шарманка с душой первой скрипки.

АНАТОЛИЙ РОГОВ

КИТАЙСКАЯ ВАЗА

РАССКАЗ

В ней было что-то настороженное, в этой новенькой. Она и сидела всегда подавшись вперёд, и часто вытягивала в трубочку пухлые губы, будто хотела сказать: “О-о-о!..” Лицо у неё было мягкое, с мягким овалом и казалось очень белым — наверное, из-за чёрных, как вар, волос.

“Только зря она так причёсывается, — подумал Шатов. — Прилизалась, доисторический валик на затылке соорудила... Вездесущий Мишка Трошин говорит, что её зовут Дарья, а фамилия Северина. Интересно, почему она в институт в ноябре пришла? Откуда перевелась?..”

После лекции, в коридоре у окна, он, улыбаясь, спрашивал её:

— Неужели не помните? На Малой арене, в Лужниках. Вы справа от меня сидели...

От заиндевелого синеватого окна тянуло жёстким холодом. Северина зябко поёжилась, сунула сжатые кулаки в карманы серой просторной кофты, потянула их вниз. Смотрела Николаю в грудь, на белые ёлочки, разделявшие его тёмно-синий свитер пополам.

— Ну в июле, на художественном плавании. Помните?

— Я приехала в ноябре. Я жила и училась в Челябинске...

Северина сказала это очень тихо, потом неожиданно густо покраснела и на мгновение подняла на Николая большие зелёные глаза, и эти глаза сму-

---

РОГОВ Анатолий Петрович родился в 1928 году в Москве. Известный искусствовед, знаток древнерусской иконописи и русской живописи. Давний автор нашего журнала. Его статьи из рубрики “Среди русских художников” неоднократно печатались в “Нашем современнике”. Член Союза художников и Союза писателей России. Живет в Москве.

щённо, укоризненно спросили: “Вам не стыдно? Не стыдно так примитивно знакомиться?”

Получилось, что она смутилась за него, за Николая, и от этого ему вдруг сделалось не по себе. Он замялся, почувствовал противную скованность, разозлился на себя и, не зная, что сказать дальше, умолк. Впервые в жизни умолк нелепо и постыдно.

А Северина постояла немного, вымолвила непонятное “Вот!” и, не поднимая головы, торопливо ушла по коридору.

Сзади крикнул Мишка Трошин; оказывается, несколько ребят всё видели и слышали, и теперь Мишка многозначительно констатировал:

— Братцы, SOS! Она — ушла!.. Такого в биографии Коли Шатова ещё не бывало... Бедные, бедные девушки, они ещё не знают, как вдруг искалечил их кумира металлургический институт!.. И это на третьем курсе. Что же будет дальше-то, Коля?!

Мишка постоянно подтрунивал над Шатовым, но тот не обижался. Наверное, потому, что в душе подозревал приятеля в лёгкой зависти: Трошин был маленький, курносый, суетливый, а Шатов — высокий, с красивым подвижным лицом и серыми глазами, смотревшими на мир и людей легко и весело. Он знал, что нравится девочкам, всегда был с ними мил — он со всеми был мил и прост. Увлекался высшей математикой, физикой, немного теннисом, всюду баскетболом и часто говорил, что “всё остальное в наш век — жидкая лирика, что инженер сегодня должен знать слишком много — у него нет времени на пустяки...” А если при нём всё же заходила речь о душе человеческой, об искусстве или о чём-нибудь действительно связанном с лирикой, с поэзией, Николай в подобных разговорах никогда не участвовал — или демонстративно ото всех отдалялся. Считал, что всерьёз этим увлекаются лишь люди с завихрениями в мозгах да те, кому не повезло со здоровьем. “Кибернетика и интегралы для них слишком сложны!”

На курсе к Севериной присмотрелись быстро, привыкли ещё быстрее и заглазно, с чьей-то лёгкой руки, стали называть “Серой”. Прозвище считалось удачным: Северина чаще всего носила дымчатую серую кофту, была до удивления скромна, сидела всегда за одним и тем же столом, в перерывах стояла у одного и того же окна, в разговорах больше молчала, задумчиво улыбалась, а если и говорила, только тихо. Она и ходила неслышно, умудряясь в дверях пропускать впереди себя даже парней. И лишь несколько девчат отыскивали в Севериной какие-то душевные достоинства и сблизились с ней.

Правда, в сессию она всех удивила: получила одни пятерки, а по математике ещё и с плюсом. Но об этом почему-то быстро забыли.

Шатов же избегал Северину. Избегал потому, что иногда один её вид будил в нём воспоминание о том нелепом разговоре, он снова ощущал неловкость и стыдился себя. Он и не общался с ней. А раз, когда кто-то из девчат сказал, что Северина милая и ребята ничего в ней не понимают, он саркастически ухмыльнулся, и процедил своё любимое:

— Жидкая лирика!

Стоял февраль.

Шатов как-то пришёл в институт раньше обычного и в аудитории увидел Северину. Она сидела сгорбившись, обхватив лицо руками — старалась сдерживать мучивший её кашель. Но кашель не прекращался, она вздрагивала всем телом, всё крепче прижимая ко лбу побелевшие пальцы. Наконец затихла, медленно провела ладонями по покрасневшему лицу, открыла глаза.

— Здравствуй, Шагов! Я ждала тебя...

Кто-то сказал ей, что у него самые полные конспекты по высшей математике.

Шатов отдал тетради, поинтересовался, не больна ли она? Северина махнула рукой:

— Пустяки!

А недели через две, когда нужно было готовиться к реферату, Николаю волей-неволей пришлось узнавать в канцелярии её адрес: конспекты Северина не вернула и в институт не ходила — действительно заболела.

В субботу, в восемь часов вечера он позвонил в пятую квартиру старинного дома на одной из улиц у Чистых прудов. Дверь открыла полная пожилая женщина в переднике. Ласково улыбнулась, спросила, к кому он, пропустила в тесную прихожую, заставленную вешалками.

— Подождите, Даша сейчас...

И протянула руки, чтобы помочь Николаю снять пальто. Тронутый её заботливостью, он смущённо поблагодарил, разделся сам, невольно раздражаясь, что приходится тут задерживаться. Женщина ввела его в продолговатую комнату, похожую больше на библиотеку, чем на жилое помещение, сказала: “Это её комната. Посидите!”, и ушла. Шатов огляделся: лёгкие некрашенные стеллажи, возвышавшиеся вдоль двух стен, были плотно заставлены книгами. Книги лежали и на письменном столе у окна, и даже на стуле, затиснутом между столом и кушеткой. А над кушеткой висели два небольших пейзажа на холстах без рам и выразительная деревянная головка чёрта. Николай прошёлся по комнате, зачем-то потрогал стойки стеллажа, прочёл несколько незнакомых имён на корешках книг, подумал: “Неужели всё это её?..” Обилие книг поразило его. И пейзажи, и чёрт, — он никак не мог представить, что здесь живёт девушка — обстановка была слишком мужской. И пахло здесь только книгами.

Пискнула дверь. Шатов обернулся, увидел Северину и в первое мгновение даже не узнал её. Она была в сиреновом домашнем платье и то ли похудела за эти дни, то ли платье очень шло ей, но выглядела она лучше обычного. Улыбаясь, подала Шатову руку.

— Здравствуй! Извини, я была занята...

Замешкавшись, Николай чутьчку придержал в своей ладони её тёплую мягкую руку и вдруг ощутил уже знакомую неловкость. Насупился, полез в карман за сигаретой, достав, принялся крутить её.

— Я к тебе на минутку, за конспектами.

Северина ойкнула, стала извиняться.

— Прости, я забыла! Сейчас...

Присела на корточки, стала рыться в тетрадах, лежавших на книгах на нижней полке.

— Садись, можешь курить.

Шатов сел к столу, закурил, и, искоса поглядывая на Северину, с любопытством отметил, что даже волосы у неё были убраны по-новому, в длинную толстую косу. Спросил, чем она болела.

— Плеврит. — Северина улыбнулась. — Осложнение.

Николай огляделся, ища глазами пепельницу, но увидел чуть ли не посреди письменного стола большой ломоть заплесневелого ржаного хлеба, на котором лежала яичная скорлупа с отбитым верхом и заскорузлыми жёлтыми подтёками по краям. Ему стало не по себе. Он потушился, машинально принохиваясь, не пахнет ли плесенью. А через секунду поднялся.

— Мне нужно уходить!

И, глянув на стол, опять невольно потянул носом воздух. Северина, оказывается, наблюдала за ним; она поднялась, улыбаясь, подошла к столу.

— Это пепельница, Николай! — Она передвинула заплесневелый ломоть на край стола.

Не поверив, Шатов боязливо дотронулся до хлеба: тот был твёрд, как камень, и скорлупа не отделялась от его ноздреватой серо-зелёной поверхности.

— Правда здорово? Это китайское. Хлеб сделан из берцовой кости мамонта, а яйцо — из бивня.

Шатов опустился на стул, придвинул к себе пепельницу, склонился над ней. Он был поражён — он никогда не видел ничего подобного. Ощупывал, вертел эту диковинку и думал о том, видит или не видит Северина его удивление.

Но она отошла к кушетке, забралась на неё с ногами.

— Я очень люблю эту штуку. Дедушка говорит, ей лет двести — двести пятьдесят...

Николай поднял глаза. Северина сидела, подобрав под себя ноги, спря-

тав руки в широкие рукава платья, чуточку откинута назад голова касалась затылком стены. Улыбнулась ему, и он впервые увидел, что улыбка у неё не задумчиво-отрешённая, а такая же мягкая, как вся она, и очень добрая.

— Ты извини!.. Я люблю сидеть так.

— Ничего, ничего, — сказал Шатов и взял в руки пепельницу. — И корка и мякиш как настоящие... Умеют китайцы.

— Да.

Помолчали. Заговорили об институте, Николай стал рассказывать ей о ребятах-сокурсниках, увлёкся. Говорил, поглядывая в окно, за которым кружила невесть откуда налетевшая вдруг метель. Белые сырые хлопья снега выскакивали из чёрной мглы и, словно обрадовавшись свету, прилипали к оконному стеклу, медленно сползали по нему вниз. На карнизе уже вырос снежный бугор, а Николай всё рассказывал, не замечая того, что даже тень неловкости, бывшая между ними, исчезла без следа.

Северина слушала, не перебивая, придвинувшись к столу, облокотившись на валик и, почти не мигая, смотрела на Шатова, слегка кивая головой в такт его словам. В квартире было тихо.

Но вот в дверь постучали, и в комнату заглянула та же полная женщина.

— Дарьюшка, пора ужинать!

Шатов глянул на часы, вскочил — было двадцать пять десятого.

— Я пошёл! Ты уж...

— Может, выпьёшь чаю? — негромко, радушно предложила Северина. Она тоже поднялась, посмотрела в окно и, просительно сложив у груди руки, добавила: — Серьёзно, пережди метель.

И он остался.

Чай пили в небольшой столовой, освещённой матово-зелёным светом торшера, стоявшего у стены между двух мягких кресел. В столовой вкусно пахло печеньем, вином, свежей скатертью, и было так уютно, что хотелось молчать. И они помолчали. Северина склонилась над чашкой, еле приметно улыбаясь каким-то своим мыслям, а Николай исподволь наблюдал за ней и соображал: что же изменилось в ней сегодня, почему она другая?.. Но так и не сообразил. Убоявшись, что Северина перехватит его взгляды, принялся рассматривать костяные замысловатые китайские фигурки, шары и стренойница, стоявшие и лежавшие в застеклённом шкафу за креслами. Силится понять, зачем они здесь, зачем вообще существуют? “Пепельница — вещь. Утилитарная, необходимая вещь, — говорил себе. — А эти для чего? Для чего они нужны хозяевам дома? Ведь наверняка стоили огромнейших денег”. Вспомнил, что видел похожие фигурки в музее восточных искусств, в котором был ещё в восьмом классе на экскурсии. Сказал об этом Севериной.

— Понравилось?

Как удержался и не ляпнул уже сорвавшееся было с губ своё “жидкая лирика”, не ведает. Не ляпнул.

А Северина поднялась, подошла к торшеру, на полочке которого стояла невысокая пустая, простенькая на вид ваза.

— Смотри!

И повернула вазу. И та из палево-голубой превратилась в зеленую, затем в бурую. Николай тоже подошёл к торшеру, осторожно, одними пальцами двинул вазу, потом стал вертеть, и она менялась и менялась в цвете: то была молочно-зелёной, то синей, то дымчато-серой, то, наконец, почти оранжевой, горячей. Ничего не понимая, Шатов спросил:

— Что это?

— Нравится? Это такой обжиг. Ваза пламенеющей глазури времён императора Цянь-лун.

Сказала об этом так, словно говорила о чём-то очень обыденном и хорошо знакомом. Николай подумал: “Неужели знает?” Погладил скользкую стенку вазы, и, почувствовав ласковый холодок фарфора, отметил про себя, что на вид она не кажется такой холодной. А разглядев чистую паутину тонких седых трещинок, избородивших вазу, заметил:

— Старая, даже потрескалась.

Северина отрицательно покрутила головой.

— Это не трещинки, это цек — тоже фокус обжига. Китайцы делали его специально, для красоты.

Она опустилась в кресло рядом с торшером и спросила:

— Тебе нравится китайское искусство?

Шатов снова хотел сказать и сказал бы “Нет!”, если бы не заметил, что Северина немного раскраснелась, губы вытянулись в трубочку, а глаза светились таким напряжённым ожиданием, точно должно было свершиться что-то очень-очень важное. И он пробормотал:

— Я не знаю его...

Она широко улыбнулась и по-детски восторженно объявила:

— А я люблю! Очень! Люблю лак, цинский фарфор, розовое семейство, зелёное... Ты знаешь их?

— Откуда?

И тогда Северина начала рассказывать о китайском фарфоре, о его родине — маленьком городке с длинным мудрёным названием, об императорских династиях, имена которых увековечены в фарфоре, потому что его изготовление было их главной заботой.

Шатов никогда ничего не читал и не слышал об этом и теперь сидел притихший, ошарашенный, удивляясь, что ему интересно всё это и с каждой минутой становится ещё интересней. А Северина поднялась и ходила по комнате возбуждённая и опять не похожая на себя. Глаза её сузились и порой, когда она останавливалась, глядели так, будто видели и тех синих с золотом драконов, какими расписывали вазы в Юаньский период, и те причудливые, фантастические чаши, фигурки богов и зверей, которых изготавливали китайские мастера. Её лицо без конца менялось: то светилось мягкой улыбкой, то суровело, то вдруг сникало. И даже руки её не находили покоя; она жестикувала, показывая Николаю то форму вазы, то рисуя в воздухе орнамент. И всё время спрашивала: “Ты представляешь?” “Да!” — отвечал Шатов, забыв о том, где он, с кем, сколько сейчас времени. Он курил, слушал Северину, иногда машинально соображал: “Вот сейчас она отойдёт к той стене, к серванту, на её лицо ляжет тень, и оно станет прозрачно-зелёным, приятным-приятным, почти сказочным. Затем она подойдёт, он увидит румянец на её щеках, увидит слегка выпяченные, но совсем не смешные, а очень симпатичные губы, увидит её тёплые глаза. И всё получалось так, как он думал.

Потом Северина показывала ему резной камень нефрит, шкатулки из чёрного лака, ещё какие-то вещи, которые доставала из шкафчика за дверью. И опять рассказывала, но уже о китайской резьбе, о живописи. И Шатову опять было страшно интересно слушать её.

А метель улеглась. За окном по тёмно-синему небу плыли рваные чёрные облака. По стеклу ползали жёлтые блики — под окном ветер раскачивал уличный фонарь.

Наконец Северина умолкла, посмотрела на Шатова и смешно сказала:

— Вот...

Николай улыбнулся. А она спрятала руки в рукава, склонила голову, задумалась. Откуда-то донеслись голоса, еле слышный бой часов. Николай стал считать удары, но не досчитал; ему вдруг захотелось печенья — оно лежало в вазочке на столе. Он подошёл к столу, постоял, но к печенью так и не притронулся — забыл о нём. Мысли были о китайских мастерах, о вазе. Шатов посмотрел на неё, и то ли от того, что она снова изменила свой цвет, то ли ещё от чего, но он увидел в ней что-то новое, невыразимо красивое, захватывающее. Он испытывал настоящее физическое удовольствие от её формы, от её мягкого бархатистого блеска, от молочной прозрачности её стенок...

Ушёл он от Севериной в первом часу ночи. На улице подморозило, снег искрился холодными синими блёстками и громко скрипел. По звёздному небу бежали маленькие облачка, бежали торопливо, словно хотели скрыться от кого-то.

Вдалеке жалобно, просяще кричал гудок.

Шатов брёл по пустынным улицам в таком состоянии, какое бывало у него только в детстве, когда бабушка кончала нащёптывать сказку и велела

ему спать; ведь вот, только что было нечто яркое, как счастье, и вдруг нет его... Бабушка давно умерла, с ней, казалось, умерло и это состояние. Но сегодня оказалось, что оно живо...

Николай задержался у фонаря закурил и улыбнулся: вспомнилось, как Северина ответила на его вопрос, откуда у них столько Китая. “Ваза и всё остальное — дедушкино. Он когда-то жил в Китае”. А когда Николай спросил, кем был дедушка, сказала: “Металлург. И папа тоже металлург, он сейчас в Индии. — Помолчала и добавила: — У нас все металлурги”.

Погода опять портилась. Завыл, загрохотал крышами ветер, Николай поднял воротник, заторопился, и неожиданно в его сознании всплыла первая встреча с Севериной, глупый разговор в коридоре. Он усмехнулся. Казалось, это было давно-давно. На мгновение даже закралось сомнение: а было ли?..

А минут через десять Шатов обнаружил, что думает только о том, как попасть к Севериной ещё раз. “Зачем? — спросил он себя и ответил: — Так просто, просто так...”

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВБАКУМА...”

Глава 20. “Сегодня вскрытие мощей...”

Не “керженский дух” веял по стране, и не “игуменский окрик” раздавался в речах новых властителей и с газетных “щелкопёрных” страниц. Слышался, скорее, глас “Великого инквизитора”.

“Известия” от 4 ноября 1919 года. Заметка “У церковных стен”.

“Антисемитская агитация в центре Москвы в соборе Василия Блаженного”.

“Ящик” – гробница имени Гавриила (Гавриила Белостокского. – С. К.) со следующей возмутительной надписью, послужившей в своё время материалом и для Виппера, обвинителя по делу Бейлиса: “Святе младенче Гаврииле Ты за прободенного нас ради от иудей от них же в ребра прободен был” и т. д. (тропарь, глас 5), “Мученик Христов Гаврииле, идее же от истых зверей иудеев восхищен абже родителей лишен еси” (кондак, глас 6)...

Собором заведуют священник Ковалевский и священник В. Кузнецов. Кузнецов, по его словам, уполномочен заведовать церковью комиссией охраны памятников старины.

Ковалевский, Кузнецов, сторожа собора супруги Мешковы арестованы”.

За что? А получается – за “антисемитскую агитацию”...

А в это время в Вытегре... Борьба двух революций – русской с именем Христа и антирусской, противоправославной – разворачивается как в жизни, так и на страницах одних и тех же газет.

Ещё 20 ноября 1918 года “Звезда Вытегры” поместила сообщение об одном из таких столкновений.

“В с. Андомский Погост недавно произошёл прискорбный случай избияния агитатора на религиозной почве.

Агитатор А. Мосягин в своих словах немного нетактично задел крестьян... К сожалению, крестьяне ещё до сих пор погрязают в вековых религиозных суевериях...

Их тёмный рассудок взбудоражили слова Мосягина...

Большим пособником избияния был и священник от. Смирнов.

На многолюдную толпу действовали слова священника о том, чтобы постоять за “поруганную веру православную”.

И толпа постояла.

По делу избияния привлечены около 22 человек”.

Через две с небольшим недели появилось извещение Вытегорской уездной ЧК с результатами “привлечения”:

“По делу о контрреволюционном выступлении, происшедшем в Андомской волости, расстрелян священник Н. Смирнов как инициатор и главный соучастник этого мятежа”. (Одновременно здесь же газета печатает призыв Иллариона Мгеладзе — будущего хорошего знакомого Есенина, известного под фамилией “Вардин”: “Деревню нужно очистить от кулацкой нечисти, калёным железом нужно выжечь эту язву”.)

Проходит 5 дней — и Александр Богданов печатает статью “О боге”, где свиряется от пап к энциклопедистам, от Канта, Спинозы и Шопенгауэра к сверхчеловеку Ницше, от Льва Толстого и Максима Горького — к “богу апостола пшеничного рая” Клюева.

“Христианство — религия рабов”, — лениво процеживали сквозь зубы римские патриции. Но первые христиане были настоящими, подлинными христианами. В своих тёмных катакомбах они немного наивно, но искренно боготворили Христа.

Начиная с римских пап, византийских патриархов, патеров, ксендзов, наших русских попов, Христос был украден у человека, был снова распят, подвергнут более тяжёлым мукам, чем на Голгофе”.

Дескать — революцией снят с креста Христос. Только — тут невольно вспомнишь Есенина: “Опять его вои стегают плетьюми и бьют головою о выступы тьмы...” Снова вступает в свои права сила — едва ли не более жестокая, нежели римская.

Статья “Вечерний звон”, посвящённая снятию колоколов, завершалась на ударной ноте:

“Вытегорский Исполком решил раз навсегда вычеркнуть из жизни этот пустозвон”.

Вычеркнуть сразу не удалось. Нашлись трезвые головы среди коммунистов, — невозможно было не понять, что ещё большая часть народа (во время продолжающейся гражданской войны!) отшатнётся от новой власти... А местная власть сама качалась, как на качелях. И своими судорожными действиями (как, впрочем, и центральная!) вносила ещё большую смуту в умы. И вот что выливалось на газетные страницы (историю с колокольным звоном оживлённо обсуждали крестьянки деревни Мегра):

“Проходя мимо небольшой кучки собравшихся свободных кумушек, пришлось невольно остановиться, услышав разговор о местной власти. Одна из них громко призывала Бога покарать того, кто выдал записку местному попу о запрещении колокольного звона, другая же настойчиво уверяла, что Бог обязательно сведёт тому руки и повернёт ноги пятками наперёд. “Я доподлинно узнала, что это сделали наши еретики-“команисты”. Другая, не менее крикливая ханжа-богомолка настойчиво предлагала отслужить молебен о здравии того, кто разрешил звонить, но, к сожалению, не знает, как его, благодетеля, звать...”

Специальное разъяснение по этому поводу “от НКВД — Вытегорскому исполкому” было опубликовано в “Вытегорской коммуне”.

“Народный комиссариат Внутренних Дел ставит вас в известность, что распоряжение ваше (о запрещении совершать богослужения со звоном) незаконно и как таковое подлежит немедленной отмене. Конституцией РСФСР предоставлено право свободного отправления богослужений с правом звонить в колокола, кадить, произносить кабалистические формулы, кропить водой верующих и всё проч., что входит в условие формы того или иного богослужения. Всё это — частное дело верующих, и всем этим упражнениям, поскольку они являются чисто церковным обрядом, государственная власть не должна чинить препятствий.

Бороться с вековыми предрассудками, опутавшими тёмных людей, мы должны только путём просвещения, причём должны учитывать всю силу этой темноты и подходить к делу осторожно, стараясь не вызывать ненужного озлобления, которое попы используют лишь в свою пользу...”

А 21 февраля на заседании Исполкома принимается следующее решение:

“Принимая во внимание, что острота момента, вызвавшая со стороны Исполкома запрещение колокольного звона, миновала — отменить постановление от 3 декабря 1918 г. о запрещении колокольного звона. При этом довести до сведения всех граждан, что в случае злоупотребления колокольным звоном последний будет вновь запрещён, и виновные будут подвергнуты наказанию по всей строгости революционных законов”.

“Бороться с вековыми предрассудками” и впрямь подчас рекомендовалось в формах “просветительских”.

“У нас, как и во Франции, борьба с церковью ограничивается огульным, бездоказательным, необоснованным и поверхностным отрицанием святости церкви и её догматов. Они и не были разрушены, но лишь отодвинуты за поле зрения и обихода и продолжают там существовать, сохраняя своё обаяние, умело создавшееся на протяжении веков...”

Мало ограничить сферу распространения заразы. Необходимо произвести полную дезинфекцию мозгов, расчистить почву, вырвать с корнем плеве-лы суеверия...

Взамен упразднённого Закона Божия следовало бы ввести в школах, или на вольных периодических курсах, ознакомление с изысканиями серьёзных учёных в области истории религий, исследований древнего востока и т. д....

Крест, напоминающий ныне лишь о позорной казни, ставший символом смирения и самоуничтожения, будет оправдан и вырван из цепких поповских лап. Он вновь обретёт своё первоначальное благородное отображение символа жизни и расцвета её во всех своих видоизменениях, от египетского с кольцеобразною рукояткою, греческого равностороннего, индусской свастики к мальтийскому с лучами пламени.

Лишь в свете знания религия перестанет быть опиумом народов” (“Звезда Вытегры”, 15 февраля 1919 г.).

Но “дезинфекцию мозгов” и “расчистку почвы” проводили не только методами “просвещения”. Точнее — и ими тоже. В своеобразной интерпретации.

Это была лютая трёхлетняя кампания, начавшаяся в 1918-м — кампания вскрытия мощей. В марте 1919 года “пурпурный лев” — Ленин, выступая на VIII съезде РКП(б), прямым текстом говорил о том, с чем столкнулись новые властители России: “...Была доказана необходимость строить, но мы совершенно не ответили на вопрос, как строить. Вначале мы смотрели на эти трудности совершенно абстрактно, как революционеры, которые проповедовали, но совершенно не знали, как взяться за дело. Конечно, масса людей обвиняла нас, и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют нас в том, что мы взялись за это дело, не зная, как довести его до конца (и до сих пор обвиняют демократы — уже без всякой приставки “социал”, — сами наломавшие за последние 2 десятилетия таких дров, что холод идёт по спине. — **С. К.**). Но это — смешное обвинение людей мёртвых. Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как её делать до конца! Как будто это знание почерпается из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение”.

А строительство шло одновременно с разрушением. А строилось из подручного материала. А желание избавиться от божественной власти превалировало над всем, ибо то, что “Бога нет”, можно было орать от души на митингах, но борьба с ним шла нешуточная, — нельзя так ожесточённо бороться с Тем, Кого нет! А желание сохранить “памятники истории и культуры” сопровождалось плохим знанием или вообще незнанием того — что из себя представляет тот или иной “памятник”. А желание добра своему народу совмещалось с абсолютным непониманием — как ему это добро принести, и главное заключилось в том, чтобы это добро **н а с а д и т ь**. И всё это — при полном отсутствии исторической перспективы и при совершеннейшей импровизации действий. Это — в столице. Провинция — сама, каждая по себе, рулила, как хотела.

11 апреля — через месяц после бурного выступления “пурпурного льва” — в Троице-Сергиевой лавре происходит вскрытие мощей преподобного Сергия Радонежского под стрёкот кинокамеры Дениса Кауфмана (Дзиги Вертова). Периферия, опять же, не отставала.

В “Звезде Вытегры” уже в феврале печатаются письма священников с их отречениями от сана и извещение о вскрытии мощей св. Александра Свирского. “Колокольный звон... Всем он набил оскомину...” — злорадствует корреспондент и задаётся вопросом: “Годен ли идти святой в ряды Красной армии... Оказалось, что нет. Состоял святой из черепа, воскового туловища и ваты. Было немного стружек...”

Трудно подыскать что-либо даже в это время полной неустойчивости бытия и обесцененности человеческой жизни, чем это кощунство — столь противное, неприемлемое Ключеву ни по уму, ни по душе. Ангельские слова на-

ходил он для святого, столь почитаемого им – в пику газетному скрипу, что железом по стеклу. Он говорил, а Николай Архипов записывал:

“Есть подземный пчельник с земляным пасечным дедом. Там чёрные антрацитовые улья и чёрный мёд в них – мёд души народной. Серебряные пчёлы множат тяжкий мёд... Блюдут подземные пасеки посвящённые от народа: Александр Свирский, Лазарь Муромский, их же сонм не перечислишь. Тьмы серафимов над печью, Агнец-коврига – поющие знаки вечности, за ними же следует Лев, Ангел, Телец и Орёл.

Лев – страж умный, Орёл – очи мысленные, Ангел сердце слёзное, Телец – плоть. Для плоти же Тельца – хлев – формы земные: изба, гумно, посев, лён и одежда. Огонь же не разгадан и ангелами – он от уста Агнца. От огня – Роза поцелуя. Рождество поцелуя празднуется, как некогда рождество слова во плоти (Слово стало плотью).

Подземные пасечники это знают”.

Этого животворного огня Ключев не видит в храмах новообрядческих, в храмах “тихоновских”. Он, по-прежнему уповающий на “керженский дух”, на воскрешение в революционном огне “мучеников, убогих, кандальников вековечных”, словно воспринявший Слово Иоанна Патмосского, что слышал глас Господень: “Ангелу Ефесской церкви напиши: так говорит Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников: знаю дела твои, и труд твой и терпение твоё, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы; ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак, вспомни, откуда ты ниспал, покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься”.

“Сдвинутый светильник” – так и назвал поэт слово своё о новой “голландской” церкви. “От входных врат в неё Сердце у него закипело”, ибо “железные они” – “как в каторжных царских острогах”, паперть “замызгана”, “стены – извёстка мёртвая”, иконы – “не по чину расположены”, да и сами лики “машкарно выглядят, прокажёнными какими-то, настолько они “подновлены”. И – горечь от увиденного сродни аввакумовой: “Какое там молитвенное откровение! Подавай нам афишу, чтобы за версту пёрла, мол, у нас для вас – в самый раз. Забыла Голштиния, что ведь было когда-то иконоборчество. Люди за обладание иконой на костры шли, на львиные зубы. Из каких же побуждений райский воздух древних икон суриком замазываете? Утрачено чувство иконы – величайшего церковного догмата. И явилась потребность в афише, т. е. в том, чем больше всего смердит диавол, капитал, бездушная машинная цивилизация”.

Если вспомнить истоиво почитаемого Ключевым Андрея Денисова и его слова: “Церковь Божия не стены и покров, а вера и жизнь”, то нетрудно прийти к тому, что ни веры, ни жизни не видит Николай в храме, пред входом в который “младенца возбуждал” в себе. И как Андрей Денисов видоизменял слова Иоанна Златоуста, вещавшего: “Церковь Божия **не только** стены и покров, но вера и жизнь”, так же и Ключев отказывает всей новообрядческой церкви в подлинной вере, более того, обвиняет её, гонимую и казнимую, в новом убийстве Христа... И обвиняет словами, исполненными истинной поэзии и подлинного религиозного чувства, перекликаясь уже не с автором “Поморских ответов”, но с самим огнепальным протопопом, у которого “суетно кадило и мерзко приношение” в новой церкви, а Спас на иконах “яко немчин брюхат и толст учинён... А то всё писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиа толстоту плотскую и опровергоша долу горня...” И слово Николая напоминает древние плачи:

“Увы! Увы! Облетело золотое церковное древо, развеяли чёрные вихри травчатое, червонное узорочье, засохло ветвие благодати, красоты и серафических неисповедимых трепетов! Пришёл Железный ангел и сдвинул светильник церкви с места его. И всё перекошилось. Смертные тени пали от стен церковных на родимую землю, на народ русский, на жемчужную тропу сладости и искусства духовного, что вьётся невидимо от Печенеги до индийских тысячестолпных храмов, некогда протоптанная праведными лапоточками мучеников народных, светоискателей и мужицких спасальцев... Перемучился народ, изжил свою скверну, перегорел в геенском окопном пламени и, поправ гро-

бовые пелены, подобно Христу, с гвоздиными язвами на руках и ногах, вышел под живое солнце, под всемирный красный ветер. Тут-то и облещись бы в светлые ризы и воспеть бы Церкви: “Сей день, его же сотвори, Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь”. Но Железный ангел сдвинул светильник Церкви с места его... Полетела патриаршая анафема на голову воскресшего Христа-народа, завертелся, как береста на огне, хитрый, тысячеботный консисторский бес, готовый удавить своими щупальцами Вечное солнце, Всемирную весну, смертию смерть поправшее народное сердце.

И всё это для торжества свечной кружки, для державы, блудницы вавилонской – всесветной шлюхи фрейлины Вырубовой!

Воистину мена Христа на разбойника Варавву! Обезьязычала Церковь от ярости, от скрежета зубного на Фаворский свет, на веянье хлада тонка, на краснейший виноград красоты и правды народной.

А где скрежет зубный, – там и ад непробудный. Там и мощи засмердят, и Александры Свирские с Митрофаниями Воронежскими в бабьи чулки да душегрейки разрядятся...

От крови Авеля до кровинки зарезанного белогвардейцами в городе Олонце ребёнка взывается с Церкви.

Кровь русского народа на воздухах церковных.

И никакая англо-американская кислота не вытравит сей крестной крови с омофоров церковных генералов...

“Приду и сдвину светильник твой с места его...” Это не я говорю, а в Откровении прописано, – глава вторая, стих же пятый побеждающий”.

И уже не имеет для него никакого значения, что он повторяет старые, не им сочинённые сплетни, о “шлюхе Вырубовой” и что Церковь, которую возглавляет патриарх Тихон, уже давным-давно не имеет ничего общего с Церковью дореволюционной – и подавно не служат в ней иереи, связанные некогда с Распутиным. Нынешние – ещё после Февраля отступились от царя... Всё это неважно – а важно то, как писано им в новом слове “Сорок два гвоздя” – “Христова плоть – плоть народная, всерусская, всечеловеческая...” Изуродованная сорока двумя гвоздями, чьё число – “счёт звериный (666)” (а это – сумма чисел еврейских букв словосочетания “Царь во Израиле”, то бишь антихрист). И вбивают эти гвозди в тело Христово “идолище поганое... цивилизация пулемётная, проволочная Америка”, “детина с угольком на губах и с леворвертом на поясе” и, кажется, противостоящая ему, вдохновляемая Тихоном Русская Православная Церковь. Только для Клюева она – не православная, ждёт он апокалипсиса, ибо “забрюхателя Россия Емануилом, Умом Недоуменным, Огненным безумием, от пламени которого, как писано: “Старая земля и все дела её сгорят”. И видится Новое небо и Новая земля. И не будет ничего проклятого”... И уж тем паче церкви, где сдвинут светильник рукой Железного ангела.

Кажется, ничего святого не осталось... Кажется. Поэт, восставший против тихоновской церкви, восстаёт одновременно против большевистского кощунства открытия мощей – и пишет “Самоцветную кровь”. Её он опубликует не в вытегорской печати, не на родине – в Петрограде, в “Записках передвижного общедоступного театра”, может быть, в единственном месте, где это слово могли принять.

“Народ, умея чтить своего гения, – пишет Клюев, – поклоняясь даже кусочку трости, некогда принадлежащей этому гению, никогда понятие о мощах не связывал и не связывает с представлениями о них, как о трёх или четырёх пудах человеческого мяса, не сгнившего в могиле. Дело не в мясе, а в той весточке “оттуда”, из-за порога могилы, которой мучились Толстой и Мечников, Менделеев и Скрябин, и которой ищет, ждёт и – я знаю – дожждётся русский народ. Какую же нечуткость проявляют те люди, которые разворачивают гробницы с останками просто великих людей в народе! (Позднейшие злоупотребления казённой, никонианской Церкви в этой области отвергнуты всенародной совестью, а потому никого ни в чём не убеждали и убеждать не могут.) Народ хорошо осведомлён о том, что “мощь” человека выявлена в настоящий век особенно резко и губительно. Лучи радия и чудовище-пушка, подъёмный кран и говорящая машина – всё это лишь мощь, уплотнённая в один какой-либо вид, ставшая определённой вещью и занявшая определённое место в предметном мире, но без возможности чуда множественности и сознательной жизни, без “купины”, как, определяя такое состояние, говорят наши хлысты-бельцы. Вот

почему в роде человеческом не бывало и не будет случая, чтобы чьи-нибудь руки возложили воздуха на пушечное рыло или затеплили медовую свечечку перед гигантским, поражающим видимой мощью, подъемным краном...”

Читаешь эти строки — и невольно думаешь о том, с какой лёгкостью нынешние архиереи осеняют крестным знамением и кропят святой водой “мощь уплотнённую” — от военных кораблей и подводных лодок до “мерседесов” и внедорожников современных буржуа... Не о них ли Ключев писал девять десятилетий тому назад — “...В неприступных палатах, что по-аглински банками зовутся, гремит Золотой Змий, пирует царь Ирод-капитал и с ним князи и старшины, и тысячники, беззаконии студодейцы и осквернители и блазнители нечестивыи...”

Но с “Иродиады студодейной”, “Иродиады бескостной” нечего и взять. Страшно думать о том, слагая сердечные гимны новой власти, что те самые товарищи, которые казались братьями во Христе, совершают — по незнанию, по злобе ли — дьявольское кощунство над мощами святых, видя в них лишь “восковое туловище... вату... и немного стружек”... И пытается Ключев объяснить смысл происходящего, вразумить своих соотечественников, допускающих варварство и участвующих в нём:

“...Память совершается, не осыпается краснейший виноград, благословенное тело гробницы, хотя бы в ней обретались лишь стружки, гвозди, воск и пелены. Стружки с гвоздями как знак труда и страстей Христовых; воск как обозначение чистоты плоти и покрывала как символ тайны. Из алкания, подобного сему, спадает плод и из уст русских революционеров:

*Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придёт”.*

Он вспоминает народовольческий гимн — словно возвращает нынешних революционеров памятью к их предшественникам, надеясь, что не из уважения к церкви — из благоговения перед мученическими судьбами народников останутся разрушители. Он взывает к их народолюбию — ради кого же принимали они участие в революции, как не ради блага народа — по их словам?! Он закликает их словами о народной красоте, что, поруганная, не останется неотмщённой.

“Под игом татарского ясака, кровавой кобылы Биронов и Салтычих, чело-векодавов и неусыпающего червя из александровских “третьих отделений” народ пронёс неугасимым взором чисточетверговый огонёк красоты, незримую для гордых взоров свою индийскую культуру: великий покой египетского саркофага, кедровый аромат халдейской курильницы, глубочайшие цветовые ощущения, претворение воздушных сфер при звуке в плод, неодолимую силу колыбельной песни и тот мёд внутренний, вкусив которого просветлялись Толстые, и Петры Великие повелевали: “Не троньте их”. (Слова Петра об олонецких выгорецких спасальцах.) Тайная культура народа, о которой на высоте своей учёности и не подозревает наше так называемое образованное общество, не перестаёт излучаться и до сего часа... И если за поддельно умирающего в Борисе Годунове Шаляпина учёные люди платят тысячи, то вполне понятны и те пресловутые копейки, которые с радостной слезой отдаёт народ за “Огненное восхищение”, где тысячи артистов, где последняя корявая бабёнка чувствует себя Комиссаржевской, рыдая и целуя землю в своей истинно артистической одержимости...”

Комиссаржевская тут, конечно, ни при чём. Ключев, публикуя “Самоцветную кровь” в театральном журнале, куда её приняли его близкие друзья — издатели, артисты и режиссёры Павел Гайдебуров и Виктор Шимановский — “адаптировался” здесь, не изменяя себе по сути, к театральной и околотеатральной публике, которая в первую очередь брала бы в руки “Записки передвижного общедоступного театра”. Куда точнее и естественнее для самого себя писал он “корявую бабёнку” в “Сорока двух гвоздях”: “Христа-Спасителя последняя заваливающая бабёнка знает лучше, чем Толстой с Ренаном. Носит Его язвы на себе. И гвозди Его. Тайна сия велика есть. Христос и заваливающая бабёнка — это сладчайший жених и невеста преукрашенная. Да будут два — в плоть едину...” А “плоть едина” — это не “артистическая одержимость”... Но сделал эту — единственную здесь — “уступку”, Ключев переходит к самому главному:

“Направляя жало пулемёта на жар-птицу, объявляя её подлежащей уничтожению, следует призадуматься над отысканием пути к созданию такого искусства, которое могло бы утолить художественный голод дремучей, черносошной России... А пока жар-птица трепещет и бьётся смертно, обливаясь самоцветной кровью, под стальным глазом пулемёта. Но для посвящённого от народа известно, что Птица-Красота – родная дочь древней Тайны, и что переживаемый русским народом настоящий Железный Час – суть последний стёг чародейной иглы в перстах Скорбящей Матери, сшивающей шапку-невидимку, Покрывало Глубины, да сокрыто будет им сердце народное до новых времён и сроков, как некогда сокрыт был Град-Китеж землёй, воздухами и водами озера Светлояра”.

В этих строчках трудно было не ощутить внимательному читателю подспудную угрозу, ибо известно: “новые времена и сроки”, которые совлекают Покрывало Глубины с заветного клада – есть последние времена для жизни, этот клад схоронившей... Не об этом, скорее всего, думали те, кто скоропостижно откликнулся на “Самоцветную кровь”, снабжённую Клюевым подзаголовкам “Из Золотого Письма Братьям-Коммунистам”. Ощетинились “Братья-Коммунисты”, интуитивно почуяв “анчарный яд” в “стволе” клюевского слова супротив вскрытия мощей.

“...С этой ставкой на корявую бабёнку можно очень далеко уйти – назад”, – вещал анонимный рецензент в “Вестнике театра”. Более содержательным был отклик В. Блюма, который через несколько лет объявит о том, что “пора убирать исторический мусор с площадей”, подразумевая под “мусором”, в частности, памятник “Тысячелетию России” в Новгороде и памятник “гражданину Минину и князю Пожарскому” в Москве... А тогда в “Вечерних известиях”, укрывшись псевдонимом “Тис”, он вещал со смешанным чувством страха, отвращения и ненависти: “Лозунг “назад”, давно и упорно выкликаемый буржуазной наукой... доводится до своего логического конца – абсурда в мистическом течении “современной поэзии”... Хлыстовский “революционер”, нашедший в прошлом году в т. Ленине какой-то керженский дух, исследует “наперекор точнейшим естественным наукам” то, что “маковым цветом искрится внутри у каждой рязанской и олонечкой бабы”. И если для поэта мощи – это “тайная культура народа”, то для рецензента – “пережиток грубейшего фетишизма”...

В общей сложности в 1918–1920 гг. было вскрыто 65 раков с мощами святых в 14 губерниях России. Через 10 лет в поэме “Каин”, в её сохранившихся строках, Клюев воплотит весь ужас свершившегося, созерцая кошунство глазами “детины с угольком в зубах и с леворвертом на поясе”, но уже не отделяя от него и себя – словно провоцировавшего тогда совершаемое на его глазах в 1929-м разрушение храмов своим поэтичнейшим словом о “сдвинутом светильнике”.

*Сегодня вскрытие мощей.
Любил могильные фиалки
Подростком собирать в картуз,—
Теперь на сон пустой и жалкий
Я улыбаюсь в карий ус.
Иду с товарищем-наганом
На тайну смерти и гробов,
В ладью луны за океаном
Невозвратимых парусов.
Луна — любовница светилам,
Но в юно-палевый восход
Тоска старинная по жилам
Змеёй холодною ползёт.
.....
На древней паперти народ
Нас поразил глухим молчаньем.
И отвернулся с содроганьем
Меня приветный херувим.
.....
Запахло тлеющим арбузом,*

*И нос чихал от едкой моли...
Мы написали в протоколе:
В такой-то год, в такой-то день
Нашли в гробнице сохлый пенёк,
Мирроточивую колоду...
На паперти же по народу,
Как в улье гуд, росла молва,
Что Иоаннова глава
Зардела... Ну, конечно, вапой.
Мне кот услужливою лапой
Помог бумагу подписать,
Хвостом же приложил печать.*

...28 сентября 1919 года “Звезда Вытегры” (возможно, не без прямого воздействия Ключева) публикует заметку “Памятники старины”: “В провинции у нас колоссальные сокровища древностей. В настоящее время необходимо прилагать все усилия, чтобы то, что уцелело, сохранить в неприкосновенности, не допустить дальнейших разгромов”. 4 октября там же печатается статья Владимира Бонч-Бруевича “Сохраняйте архивы”, также, видимо пошедшая в газету не без согласования с Ключевым: “В России вот уже почти тысячу лет развивается интереснейшее крестьянское движение, которое у нас было принято называть сектантским. В этом движении, по преимуществу крестьянских масс, отразилась вся многовековая жажда к свободе, к новой, лучшей жизни. И эти массы по-своему искали выхода из создавшегося положения вещей, созидая свои учения, свои песни, свои сказания, легенды, философские рассуждения, жизнеописания своих мучеников. У этих трудовых общин, нередко целые столетия живших своими коммунами, представители царского правительства постоянно делали обыски и отбирали у них драгоценные материалы, рукописи, летописи, картины, древние книги, сборники и пр., и всё это складывалось в свои архивы, в которые никого не подпускали для изучения всех этих крайне важных для истории русского народа документов.

Для нас самих и более всего для будущих поколений, будем тщательно сохранять архивы. Все исполкомы, совдепы и другие местные власти должны зорко за этим смотреть, а то, право же, стыдно становится, когда узнаешь, что распоряжение Высшего Совета Народного Хозяйства о сборе негодной и использованной бумаги, старых газет и т. п., — на местах поняли так, что стали складывать на возы архивы различных учреждений и увозить их на писчебумажные фабрики для переработки.

В вихре революции, нередко уничтожающем огромные ценности, постараемся всеми мерами сохранить достояние науки, литературы и искусства, дабы никто, нигде и никогда не мог бы упрекнуть нас в вандализме, в излишнем усердии к всесокрушающему разрушению; наоборот, пусть история всесветно отметит, что наша Революция, прошедшая под знаком классового самосознания рабочих и крестьян, овладевшая впервые в мире всем аппаратом власти, поставив у её кормила пролетария и трудового крестьянина, была действительно достойна наименования Великой Пролетарской Революции, бросающей свет миру на многие столетия, зовущая всех к всенародному интернациональному объединению всех трудящихся в одну, полную подъёмного творчества и святого воодушевления семью”.

Трудно не допустить, что Ключев имел беседы с Бонч-Бруевичем — и они нашли общий язык. Для Николая сбережение святых мощей во всей их материальной и духовной значимости, сохранение сокровищ древностей и сектантских архивов — единое подвижническое действие. Он сам увещевал и своих земляков на встречах, где произносил огненные речи “по текущему моменту”, как это было на новогоднем собрании коммунистов 1 января 1920 года (“Истина победила! Вера и мысль освобождают поработённых! Да здравствует Революция!”) или на уездном учительском съезде, где он произнёс “Слово о ценностях народного искусства”. То, чем он раньше делился с Блоком и Есениным, то теперь пытался сделать достоянием провинциальных учителей.

“Думают, подозревают ли олончане о той великой, носящей в себе элементы вечности, культуре, среди которой они живут? Знают ли, что наш своеобразный бытовой орнамент: все эти коньки на крышах, голуби на крыльцах

домов, петухи на ставнях окон — символы, простые, но изначально глубокие, понимания олонецким мужиком мироздания?..

Как жалки и бессодержательны все наши спектакли-танцульки перед испокон идущей в народе “внешкольной работой”, великим, всенародным, наиболее богатым эмоциями, коллективным театральным действием, где каждый зритель — актёр, действием “почитания мощей”.

Искусство, не понятое ещё миром, но уже открытое искусство, и в иконописи, древней русской иконописи, которой так богат Олонецкий край... Надо быть повнимательней ко всем этим ценностям, и тогда станет ясным, что в Советской Руси, где правда должна стать фактом жизни, должны признать великое значение культуры, порождённой тягой к небу, отвращением к лжи и мещанству, должны признать её связь с культурой Советов. Учителство должно оценить этот источник внутреннего света по достоинству, научить пользоваться им подрастающее поколение, чтоб спасти деревню от грозящей ей волны карточной вакханалии, фабрично-заводской забубённости и хулиганства...”

Почти век прошёл, как были написаны и произнесены эти слова — а слово сегодня сказаны, и вновь надо возвращаться к тому, с чего когда-то пытались начать мудрецы, которых не пожелали понять тогда, не желают слышать и теперь.

И ещё одно: удивительным образом смысл и тональность клюевского “Слова о ценностях народного искусства” перекликаются со словом, что было опубликовано в 1965 году в “Молодой гвардии” под названием “Берегите святыню нашу!” за подписями трёх гениев слова живописи и скульптуры, что тесно общались в своё время с Николаем — за подписями Сергея Коненкова, Павла Корина, Леонида Леонова.

“Ни для кого не секрет, что на Севере разбираются на дрова, летят в топки пароходов, полыхают яркими кострами на лесосеках маленькие деревянные шедевры, создания безымянных предков, самородных русских зодчих. Гибель этих творений человеческого гения проходит в тишине, как явление вполне законное и закономерное... Нам стыдно и горько доказывать взрослым людям такие истины, но приходится говорить о том, что древние камни и знаменитые могилы (куда добирается небрежная рука осквернителя, добирается и даже шарит по костям, которые принадлежат векам, ради работ сомнительного научного значения), что эти камни и могилы — часть нашей истории, часть нашего собственного бытия. Горько и стыдно убеждать в очевидной истине, которую должно со школьной скамьи прививать человеку, доказывать, что эти обветшалые строения, отдаваемые на милость непогоды и хулиганства, святыни...”

С этого слова трёх титанов русской культуры и началось Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, на одном из первых заседаний которого старейший русский писатель и краевед, дворянин, прошедший лагеря и ссылки, Олег Васильевич Волков поинтересовался: “А не отправят ли, господа, нас за это на Соловки?” Горький жизненный опыт сказался в самом вопросе.

...А тогда Клюев, убеждённый в том, что христианские заповеди органически сочетаются принципами коммунизма, надеялся, что его слово дойдёт и до земляков и до власть имущих.

В самое ближайшее время пришлось Николаю удостовериться, что его понимание фундаментальных основ духовного перестроения государства и народа кардинально расходится с пониманием большинства “на заставах команду имеющих”. Ему дали это понять в ближайшие дни.

(Продолжение следует)

ГЕННАДИЙ ГУСЕВ

“ТРУДОВИЧКОМ НЕ ОТДЕЛАЕТЕСЬ!”

Несколько картинок из писательской жизни

Незабвенный Вадим Валерианович Кожин, с кем посчастливилось мне пребывать многие годы во взаимоприятном приятельстве (увы, не в дружбе), не раз повторял, что интеллигенция является “посредницей” между государством и народом. Кстати, из самой сути посредничества вытекает, что стоящий посередине непременно получает свою долю, свою “маржу” от обоих участников процесса взаимодействия – то есть и от власти, и от народа. А если конкретнее: от власти – блага, от народа – славу.

Разумеется, такой “рыночный” метод объяснения “триады”: власть–интеллигенция–народ не является исчерпывающим, как, впрочем, и в экономике. “Волшебная рука” свободного рынка вовсе не обеспечивает саморегуляцию экономических процессов, что со всей жестокой очевидностью подтвердил всемирный кризис 2008 года, не завершившийся и поныне. Говорят, будет и вторая волна, и третья...

Но не об этом сейчас речь. На протяжении многих лет пребывания в писательской массе “посредников” и со стороны власти, и со стороны народа в советские времена, я убедился, что тогда самой приоритетной, самой желанной “маржой” для большинства литераторов была СЛАВА, известность, всеобщее признание. Нет, они отнюдь не были идеалистами-бессребрениками! Просто советские законы, сама система распределения материальных и иных благ была принципиально иной. “Большой хапок” на миллионы, ну, пусть даже на сотни тысяч рублёвых или евровых гонораров, исключался, как теперь говорят, “по определению”. По какому? Очень просто: верхняя планка гонорара за прозу (это я помню как директор издательства) не превышала 400 рублей за 1 авторский лист, а за поэзию – 8–10 рублей за строку. Главное благо – жильё – распределялось по исполкомовской очереди, но чаще – через Союз писателей и его отделения на местах. Самые нетерпеливые и гордые (просить... годами ждать-унижаться...) вступали в кооперативы и покупали квартиры за свои любезные, то есть за гонорары. Один из моих друзей, известный прозаик и публицист, купил роскошную дачу в ближнем Подмоскovie – хватило гонорара от юбилейного двухтомника, изданного массовым тиражом.

Деньги, деньги... Их никогда не бывает много. Но благодаря лимитированным гонорарным рамкам писатели, даже самые жадные, не “гибли за металл”, а чаще всего уныло торговались с издателями за повышение тарифной ставки: так, буря в стакане воды, не суммы, а малые прибавки.

Совсем другое дело – слава. Другой коленкор! Вспомнилось, как в начале своей совминовской карьеры приехал я в дом отдыха союзного Совета министров “Барвиха” и оказался за одним обеденным столом с Александром Николаевичем Яковлевым, будущим “прорабом перестройки”. Он только что вернулся из канадской “ссылки” и возглавил ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений). Слева от меня сидел старый университетский и цеховский приятель Наиль Биккенин, справа – Михаил Ильич Кузин, тогдашний главный хирург СССР.

– Старик! – таинственным полушёпотом сказал мне Наиль в тот же день после вечерней трапезы. – Советую понравиться Послу (так он обозначил А. Н. Яковлева. – Г. Г.) Пройдёт немного времени – и он воспарит, вот увидишь! И не лезь, ради Бога, к нему с твоими русскими восторгами! Посол – твердокаменный интернационалист. Скоро будет большая перетряска партгосаппарата. В общем, лови момент!

... Как я его “поймал” – не буду вдаваться в подробности. По “русскому вопросу” мы с АНЯ давным-давно разошлись кардинально. Я имею в виду его печально знаменитую статью “Против антиисторизма”, после публикации которой автор, и. о. зав. отделом пропаганды ЦК, “загребел” послом в Канаду на долгих десять лет. Шуку бросили в реку... А я, рядовой инструктор, кстати, тоже приложил свою слабую руку к его перемещению за океан. Как это произошло? Очень просто: я был включён в состав сборной комиссии отделов ЦК по проверке деятельности ВААП (Всесоюзного агентства по охране авторских прав), которую возглавлял тогда бывший главред “Комсомолки”, любимец Посла Борис Панкин, ныне подданный шведского короля. Не сомневаюсь, что главный “прораб” перестройки сыграл главную роль в коротком, но ослепительном взлёте Бориса на должность министра иностранных дел гибнущего СССР.

Итак, день за днём вместе, за одним столом сидим, трапезничаем, разговариваем. Да ещё вечерами гуляем по заснеженной Барвихе. И, конечно, до хрипоты спорим. Я всегда в меньшинстве – Наиль подпекает Послу да изредка исподтишка показывает мне кулак: дескать, на кого прёшь, дураком?!

Как-то раз главной в нашей дискуссии стала тема благосостояния и нравственного самочувствия советской творческой интеллигенции. Вчерашний канадец сразу обозначил свою позицию: уравниловка и жлобство в отношении творцов, истинных талантов – кандалы для литературы и искусства; цензура – непреодолимое препятствие на пути к правде, к сердцу народному.

– Мы всё талдычим о справедливости, – жёстко говорил Яковлев. – Ничего подобного! Вокруг писателя, композитора, художника, актёра – стена ограничений, и финансовых, и творческих. “Шаг влево, шаг вправо...” А ведь все они знают, какими миллионами ворочают известные авторы на Западе. Ну, и что на это скажете вы, бывший куратор литературы? – обратился он ко мне с победительной ухмылкой. Дескать, Вася, давай сдавайся!

– А Переделкино? – храбро ввязался я в драку. – А бесплатные квартиры вне очереди? А почётные звания с приплатой надбавок? Какая, простите, уравниловка? Я убеждён – стоит только снять ограничения, как вся масса творцов, как любит говорить В. Ф. Шауро, сломя голову ринется за “красивой жизнью”. И вместо свободы мы получим бешеный разгул вседозволенности. Уж тогда мы точно догоним и перегоним Америку не только в области балета, но и в литературе, и в театре, и особенно в кино.

– Скверно, очень скверно думаете вы о нашей творческой интеллигенции, – назидательно ответил Александр Николаевич. – Да и что ваше Переделкино или актёрское Щельково? Вы за то, чтобы великие певицы получали гроши за концерты перед многотысячными аудиториями? Пугачёва – одна на всю страну, а её день и ночь преследуют фининспекторы – на радость завистникам. А многомиллионные доходы от кинопроката? Но режиссёрам и актёрам достаются лишь жалкие остатки. Одной славой сыт не будешь...

Признаться, я плохой спорщик: очень быстро начинает кружиться голова, лихорадочно ищутся “самые-самые” убедительные слова, речь становится пылкой и всё менее остроумной. Потом-то, когда остынешь, они найдутся, те самые нужные доводы, да что махать кулаками после драки, когда вся душа в синяках...

“Одной славой сыт не будешь”, – сказал мой, вскорости ставший сановным, оппонент. И сейчас, когда разгул “свободного” искусства стал явью, не собираюсь с этим спорить. Но смею утверждать, что в советское время именно слава, глубокая радость автора от того, что его читают, слушают, смотрят миллионы, да ещё письма пишут мешками, да просто считают своим в доску – была главным побудительным стимулом вдохновенного творчества. Блага, деньги – да, это важно, без них – никак, но это всё-таки во-вторых.

“Что слава? Дым и сладкий тлен”, – писал когда-то молодой поэт Фирсов. Да, при советской власти из неё не выростала забугорная вилла или флотилия яхт. Но тем дороже, тем ценнее становились для писателей знаки общественного, публичного признания и отличия. В том числе и “бранзулетки”, как называл их незабвенный О. Бендер. Утеха тщеславию, которая паче роскоши.

В начале февраля 1973 года ко мне в кабинет в новом здании ЦК КПСС вошёл... нет, вломился, запыхавшись, Сергей Владимирович Михалков. “Дядя Стёпа” был крайне возбуждён – а я как раз трудился над бумагой о его награждении в связи с грядущим 60-летием со дня рождения.

– Ск-кажи, Г-геннадий, – молвил он, сверкая очами. – К-какой знак ты мне п-планируешь?

– В соответствии с указанием начальства – орден Трудового Красного Знамени. За большие заслуги в развитии...

– Н-не пойдёт! – почти взвизгнул Михалков. – Н-не выйдет! “Трудовичком” не отделаетесь!!!

И он стремительно удалился, громко хлопнув дверью. Я бросил ручку – и к ребятам из сектора, в соседнюю комнату.

– Мужики, чего это СВ так взвился? У него же орденов, начиная со сталинских времён, золотая россыпь! Чего же он хочет?

– Не хочет, а требует, – поправил меня отдельский ветеран Серёжа Потёмкин. – Учти: орденов у него, ты прав, целая куча, а Звезды – ни одной. Соображаешь?

... Через некоторое время ко мне заглянул замзав Беляев. Лицо красное, глаза воспалённые. Видать, схлестнулись с Михалковым... Мой недописанный проект постановления полетел в мусорную корзину, а Героя великому баснописцу оформлял уже “мэтр” Потёмкин.

Для несведущих на всякий случай поясню, что Указы Председателя Президиума Верховного Совета СССР о награждении высокими орденами на самом деле были вторичным продуктом, поскольку сперва они сочинялись и получали “добро” в ЦК КПСС. Партийная власть была выше законодательной. Потому и буйствовал Михалков в кабинетах ЦК, а не Верховного Совета, который просто дублировал принятые волею партии решения.

В 60 лет Михалков стал Героем Социалистического Труда. Честное слово, я и сейчас считаю, что по справедливости. А вот после него такое началось... Настоящий “звездопад”! Поскольку СВ уже тогда (после смерти Леонида Соболева) был председателем правления Союза писателей РСФСР, следовало “подтянуть” к высочайшей наградной планке славы и все союзные республики. Расцвет советской литературы в её национальных ипостасях – такова была приоритетная цель идейно-художественной политики партии. Благая цель! Но она (как и во всех иных случаях) не оправдывает негодные средства её достижения, а порой превращается в недостойный фарс.

Ну, поскольку теперь мы уже 20 лет как в разводе с “республиками-сёстрами”, риску поведать пару-тройку “героических” историй о присвоении высшего звания страны по “республиканско-политическому принципу”. Если бы они закончились только ухмылками литературных снобов...

Однажды Альберт Беляев, уже зам. зав. отделом, вызвал меня к себе в кабинет и приказал оформить – срочно! – проект Указа ВС о присвоении звания Героя Соцтруда молдавскому поэту Эмилиану Букову.

– Да вы что, Альберт Андреевич! – буквально возопил я в недоумении. – Ну как можно говорить всерьёз? Это же долдон, графоман неизлечимый!

– Полегче, полегче на поворотах! Умерь свой комсомольский пыл! И вообще – ты что, знаком с его творчеством? – Прищурившись, Беляев глядел на меня строго и вопрошающе.

– Ещё как! – храбро ответил я. – Знаю его со времён “Молодой гвардии”. Читал, плюясь, его барабанную публицистику. Да и поэзия... Сплошной треск!

– Стоп! – прервал меня начальник. – О поэзии не тебе судить. Тут дело поважнее: у нас Молдавия одна осталась без Героя в области литературы. Усёк? Литература, брат, тоже политика!

– Усёк, – вздохнув, сказал я. – Но он же... Он совершенно наглый! Рот мне пытался заткнуть молдавским коньяком. Дескать, хоть ящик привезу – только напечатай! Насчёт политики я всё понимаю, но... Альберт Андреич, пусть Серёга лучше проект подготовит. Или Гена Лутошкин. Только не я!

– Чистоплюй! – жёстко резюмировал Беляев. – Ладно, иди. Беда мне с тобой...

...И всё-таки награждение Букова “тормознулось” на время – скорее всего, приурочили к “круглой” дате – 70-летию. Он-таки стал Героем – в 1979 году, когда я уже ушёл из аппарата ЦК в “Роман-газету”.

Действительно, Герои появились во всех ССР. Теперь уже многих и не вспомнить – смыты волнами Леты. Помню, конечно, реально достойных: Василь Быков из Белоруссии, само собой – Максим Танк; украинские прозаики: Олесь Гончар, Михайло Стельмах (оба фронтовики); поэт Эдуардас Межелайтис из Литвы. Но каким “героем” был, к примеру, тихий конформист Григор Абашидзе? Зато он многие годы возглавлял Союз писателей Грузии. Разве этого мало? Не для литературы, конечно... Или туркмен Берды Кербабаяв. Давным-давно написал он один революционно-соцреалистический роман, который и определил его путь в Герои. Роман назывался “Решающий шаг”. Берды-ага тоже был многолетним лидером туркменских писателей...

И вот что характерно: когда Горбачёв, Яковлев, Ельцин и К^о подвели Советский Союз к краю пропасти, практически все советские герои-литераторы стали их оголтелыми союзниками. В чём тайна такой метаморфозы, такой чёрной неблагодарности и восторженного изменничества? Олесь Гончар, на протяжении многих лет член ЦК КПСС и КПУ, депутат многих созывов ВС, бессменный секретарь правлений СССР и Украины; его коллега по перу белорус Василь Быков превратился в обер-хулителей советской власти и ошалелых русофобов. Наби Хазри, весёлый талантливый азербайджанец, с которым меня, русского, связывала многолетняя взаимная симпатия – преобразился вдруг в угрюмого, озлобленного националиста. А великий, всесоюзно любимый Чингиз Айтматов?!

Откуда что взялось? Едва ли не единственным, и оттого воистину драгоценным исключением стал по-настоящему советский, не дрогнувший под ураганами новых подлых времён Герой Социалистического Труда украинец Борис Олейник.

Не претендуя на полноту объяснения, выскажу лишь некоторые свои догадки по поводу мотивов и пружин повального “коллорационализма” ведущих советских писателей-националов. Специально подчеркну: именно националов, ибо русские и российские в большинстве своём – может быть, в силу своей “имперскости” – не унизились до отказа от своего, пусть не всегда безоблачного, не всегда доброго к ним, советского прошлого.

Я убеждён: едва ли не главную роль в “смене вех”, в тотальном отречении от всего советского сыграло писательское тщеславие. Всегда в авангарде, всегда в любых президиумах и на праздничных трибунах, всегда в горячих объятиях многочисленных почитателей... Голова кругом! Власть ласкает, народ обожает, все двери открыты, все страны доступны!

И вдруг... Всесильная партия оплётана; народ родной, коим ты был обожаем, говорит своё громогласное “нет” вчера ещё нерушимому братскому Союзу. Останешься с коммунистами – станешь изгоем. Будешь с народным фронтом, – и народная любовь к тебе воспыхает с новой силой! Вон Гамсахурдия в Грузии, сын великого Константинэ, продвинулся в президенты независимой республики. А Леннарт Мери, эстонец? Героем, правда, не успел стать, но тоже президент! Как сладко кружится голова...

В этом-то и была великая беда бывших “инженеров человеческих душ”: бесы национализма, годами дремавшие в подполье, вырвались на волю и отравили разум своим трупным ядом...

И сгнил на корню айтматовский тополёк в красной косынке; и в гневе восстал из могилы Сотников, преданный и поруганный своим создателем; и ни-

чего, кроме истощной хулы в адрес русских и бывшей “родной” партии, не сочинил больше Олесь Гончар. А Чингиз, писатель с мировой славой, поставил на советском (значит, и своём!) прошлом уродливое “Тавро Кассандры”, открывшее “зелёный свет” европейским и прибалтийским неонацистам для новых яростных наскоков уже на Россию. Айтматовский монстр — “Гитлерсталин” и “Сталингитлер” — жуткое изобретение, похлеще стивенсоновских мистера Джекила и мистера Хайда. Но, слава Богу, совсем не на уровне Стивенсона. Талант помутился, как и разум...

Неоспоримо одно: ни один из перевёртышей, ни один из общепризнанных недавно светочей литературы не создал после рокового 1991 года ни одного творения, хотя бы отдалённо сопоставимого по художественной мощи и глубине мысли с прошлыми шедеврами. Без колебаний отнесу к этому “отряд” отступников и моего любимого, капризного, злого, вконец издёрганного Виктора Астафьева. Не забыть, как трудно, почти по-пластунски, проползал по страницам его последнего романа. И всё громче, всё отчаяннее звучал в обиженной душе вопрос: “Витя! Кем и за что прокляты солдаты великой войны? Разве этот твой поклёп и есть обещанная когда-то тобою “самая-самая” правда о войне?!” Вопрос, увы, останется без ответа... Но даже он, холодно и расчётливо обласканный демократами, до роковой идеи раскола, раздрызга России на груды удельных княжеств не дошёл. Не мог дойти. Незадолго до смерти он, как и “дежурный по России” антисоветчик Солженицын, всё острее и злее обличал реформаторов и прихвизаторов. Ему оставалось совсем немножко, чтобы признать горькую истину афоризма Владимира Максимова: “Целились в коммунизм, а попали в Россию”.

...Никто, повторяю, из скороспелых новумышленцев и новообращенцев за целых 20 лет не создал ни одной вещи, которая встряхнула бы оцепеневшее, ушедшее, как в болотную топь, в зону выживания или стяжания российское культурное сообщество. Награждать стало некоего — разве только расплодившихся, как тараканы, бездарных и ограниченных постмодернистов, для которых Россия — просто “эта страна”.

Однако вскоре после воцарения Ельцина вновь, всё громче и громче, зазвенели новые, демократические “бранзулетки”. Выросла новая длинная очередь за наградами — теперь уже из рук европеизированных президентов. И что характерно: ни один из писателей, “осознавших” вдруг весь “ужас”, всю “бесчеловечность” советской власти, не отрёкся от прошлых наград: ни от ордена Ленина (от Звезды Героя — тем более!), ни от низшего по политическому весу ордена Дружбы Народов. Вот ведь как: Ленина понёсит, но орден его хранит; дружбу народов высмеивает, всячески превозносит “самостийность” — а орден-то в гардеробе на советском, ещё не от Кардена, костюмчике, накрепко приколот... Ну если ты такой демократ-неофит — отрекись публично от знаков большевистской милости! Ведь ты же “сжёг всё, чему поклонялся”. А вот и нет! Правда, советский орденосец Марк Захаров сжёг свой партбилет на глазах телевизионной публики, но ордена-то не швырнул в урну! Может быть, пожалел расставаться с граммами драгметаллов? Или пусть внуки играют? Не знаю, не знаю...

Нет бы взять пример с Александра Исаевича: советских наград у него быть не могло, но он отрёкся — публично! — и от награды нынешнего режима. Да ещё от какой! По рангу равной советскому ордену Ленина — от Андрея Первозванного! Разумеется, это не был просто капризный афронт — ему важно было ещё раз приковать к себе всеобщее внимание. Пророк всё-таки. Не вышло: новая власть великолепно научилась не слышать. Ни писателей, ни общественность, ни рядовых патриотов, ни даже обеспокоенных сторонников. В фаворе только свои, “жадную толпой стоящие у трона”...

Был среди писателей ещё один “отреченец” от демзнака — тоже всемирно известный прозаик, фронтовик, Герой Соцтруда Юрий Васильевич Бондарев. Антипод Солженицына. Но в гордом отказе своём они — совпали. Да, конечно, они остались по разные стороны баррикад, мотивы принципиально разные, но в самом главном совпавшие — в несогласии с политикой унижения и “западнизации” великой России.

Вернись, однако, в теперь уже давние советские времена. Политика КПСС в области руководства культурой, сплочения её мастеров вокруг комму-

нистической идеологии была, как я уже говорил, сосредоточена прежде всего на разнообразных формах морального поощрения. Слава шествовала впереди комфорта, не позволяя ему превращаться в самоцель, а достатку – в роскошь. Престижно было гордиться многотысячными тиражами, экранной и эфирной востребованностью, всесоюзной популярностью.

Бывало, конечно, и так, что иные авторы, не отмеченные никакими высокими госзнаками внимания, были у народа любимее и популярнее многих звёздо- и орденоносцев. Как вы думаете, кто был более читаем, более признан читателем, ну даже просто более известен: дважды Герой Георгий Марков или авантюрный Юлиан Семёнов? Скучный донельзя Герой Сергей Сартаков – или хуторянин Анатолий Калинин со своим “Цыганом”, да ещё экранизированным? Таких вопросов с заведомо известными ответами можно задать целую кучу.

И всё-таки “мейнстрим” был определён надолго. Настолько, что и пришедшие к власти антикоммунисты, в сущности, ничего нового не придумали. Не-ет, золотая медаль на груди может потягаться с сундуком Скупого рыцаря!

... Ранней осенью памятного для меня 1973 года солидная писательская делегация во главе с руководством СП СССР прилетела в Алма-Ату, тогдашнюю столицу Казахстана. Обсуждение проблем гармоничного развития братских литератур сочеталось с выездами писательских бригад в различные области принимающей гостей республики. Без всяких преувеличений – это был праздник! Да, дежурные речи. Да, славословия партии и лично (“ильично”) Леониду Ильичу Брежневу. Всё это казалось несущественным – ведь как ловили в любой аудитории, в любом уголке страны живую писательскую мысль, смелое летучее слово, остроумную шутку! Люди труда жадно, ненасытно, всей душой и сердцем воспринимали стихи и прозу из уст живых, известных им доселе только по книгам, всесоюзно любимых писателей. А как вырастал в своих глазах, в глазах родных и друзей сам писатель! Ах, это сладкое время славы...

Приближалось 7 сентября, день 50-летия Расула Гамзатова. (Мы были давно знакомы с ним, ещё с моих комсомольских времён.) День ото дня ироничный и остроумный Расул становился всё тревожнее, всё взвинченнее: чем будет отмечен его полувековой юбилей? Ведь ещё никому из собратьев-писателей Героя к такой дате не давали – тяни до пенсионера. А орден Ленина уже есть. И второй неплохо получить, но без звезды – не то, совсем не то!

– Юра, скажи, брат мой: будэт мнэ звезда или нэт? – спросил он, не выдержав, у секретаря Союза писателей Верченко 6-го, за сутки до юбилея. Я стоял рядом.

– Вот к нему, к нему с этим вопросом, дорогой Расул! – расхохотался Юрник и притянул меня за рукав к себе. – Только он, представитель ЦК, может тебя успокоить! А за мной банкет!

Хитрован Верченко тут же нырнул в писательскую толпу. Расул тяжело, испытующе воззрился на меня.

Тревожное предчувствие шевельнулось в груди.

– Звезду Гэроя дадыте? – прорычал Расул, обернувшись ко мне, и схватил за пуговицу пиджака. Чуть не оторвал!

Не мог же я сказать ему, что до самого вылета нашей делегации вопрос о его награждении дискутировался: и молод ещё, дескать, и не настолько ещё знаменит в России, а Дагестан – лишь малая часть её. (“Совсем не так знаменит, как Емеля Буков в Молдавии”, – ехидно заметил я. Но – про себя.)

– Расул! Честно: не знаю. Буду звонить в Москву. Узнаю – обязательно скажу. – Я ведь и вправду не знал!

Поздним вечером того же дня в госрезиденции, где нас принимало казахстанское начальство, был очередной товарищеский “той”. Вино и кумыс лились рекой. Шум, гомон, невыносимо длинные тосты. Ко мне подошёл уже тяжело гружённый Гамзатов, снова взял меня за пуговицу пиджака и снова мрачно прохрипел: “Звезду Гэроя дадыте?” Ну что тут будешь делать? Промямлил в ответ, что вопрос решается, что я уверен... и т. д. Пошатываясь, кандидат в Герои отправился почивать.

Далёким эхом отозвалось в моей душе михалковское: “Трудовичком” не отделаётесь!” И ещё вспомнилась чеховская “Литературная табель о рангах”, где высшие “чины” тайного и действительного статского советников были присвоены только Льву Толстому, Ивану Гончарову и Михаилу Салтыкову-

Щедрину. (Значит, только они достойны “Андрея Первозванного” или “За заслуги перед Отечеством” I степени.) Даже великие А. Н. Островский и Н. С. Лесков “не дослужились” выше просто статского советника. Остальные современники молодого Чехова (Майков, Гаршин, Г. Успенский, Короленко, Апухтин и др.) расположились на нижних ступенях табели о рангах. Диву даюсь снайперской точности эстетических оценок вчерашнего Антоши Чехонте! Правда, тогда же он пронизательно заметил в одном из своих писем: “В литературе маленькие чины так же необходимы, как и в армии”. Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом...

Ранним утром 7 ноября я совершал свою традиционную утреннюю пробежку. Руководящий казахский сад был наполнен прохладой и тонкими ароматами, плывущими с величественных вершин Алатау. “До чего же хорошо кругом!” – пела моя открытая миру душа. И вдруг, на волне этой ликующей радости, осенила меня дерзкая, шальная мысль: а не разыграть ли мне озабоченного кавказца? То-то ошалевает вечно иронизирующий Расул, а я тут же рассмеюсь, обниму его и радостно возоплю: “Ага, попался?! А теперь шутки в сторону! От всей души, дорогой, поздравляю тебя...”

Да, утром я уже всё знал. Ближе к ночи в мой номер постучался Юрник и пропылтел с порога: “Ну, Геннадий, благодари за вырубку. Дали ему Героя. Заморочил нас совсем. Ты уж прости за вчерашнее”.

Я бодро взлетел на третий этаж гостиницы, повернул налево. И тут из своего двухкомнатного “люкса” вырубил навстречу мне Расул, ещё не ведающий о свалившейся на него удаче. Он был тяжёл с похмелья, орлиный нос, кажется, ещё более заострился, веки, как у Вия, отяжелели.

– Доброе утро, Расул Гамзатович! – весело пропел я. Вместо ответа поэт взял меня за грудки (пуговиц-то спорткостюме не бывает) и снова, как и вчера, грозно спросил:

– Звезду дадите? – и прожёл меня испытующим взглядом до самых печёнок.

– Ой, Расул Гамзатович, я ведь и шёл к Вам, чтобы сообщить радостную новость: за большие заслуги в развитии советской литературы вы награждены высокой государственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени! – И засмеялся. А Расул вдруг посинел, глаза угасли, ноги подкосились...

Что же ты наделал, кретин?! – пронеслось у меня в голове. Не дай Бог, если...

Но крепкий горец выдержал удар. Глубоко вздохнув, он опёрся рукой о стенку и жалобно, почти шёпотом, спросил:

– Ты шутышь, Геннадий, да?

Ну, тут уж я начал разливаться соловьём, восхваляя его и приписывая себе (с перепугу) частичку заслуг в благополучном исходе наградной эпопеи. Расул порозовел и пожал мне руку. Слегка снисходительно.

Придя в номер, я долго не мог успокоиться. Чуть не доигрался, фокусник. А если бы инфаркт?! А если бы начальство узнало? К счастью, в который раз всё обошлось. Однако до самой последней встречи с ним (уже в “Нашем современнике”, в конце прошлого века) я не переставал подозревать, что Расул помнит. Только ни он, ни я никогда не заикались о происшедшем почти тридцать лет тому назад. Зачем ворошить былое?

Знаки отличия, престиж, статус... Орден выше рангом – восторг, ниже – тайная или явная обида. Буря страстей человеческих! “Иконостас” на груди писателя читался тогда как ответ на вопросы деловой анкеты об уровне отношения к нему власти и – кстати, иногда весьма точно – о степени его таланта. И даже – об уровне материального благополучия. Ведь ордена и особенно Госпремии означали повышенные тиражи и гонорары, а известность и популярность – частоту изданий и переизданий.

Вспоминаются случаи, и смешные, и драматические, когда напрасные ожидания грядущей славы и привилегий делали иных писателей завистливыми, злыми, вечно всем недовольными мизантропами, заражёнными неизлечимым комплексом “непонятости”, “недооценённости” их таланта. Сколько перспективных имён погасло, не успев вспыхнуть, именно по этой причине! Плоха, опасна “звёздная болезнь” у спортсменов, артистов, едва достигших первых громких успехов. Для писателей, как мне кажется, она опасна вдвойне.

Уместным будет привести здесь ещё два житейских примера. Один – “сверху”, связанный с писателем, уже достигшим “степеней известных” (и даже геройского звания). Другой – “снизу”, на самой начальной стадии занятий литературой.

... Шёл последний съезд советских писателей. Отзвучали пылкие, эмоциональные – и скучные, сухие, как прошлогоднее сено, делегатские речи. Как говорится, всё путём. В огромном зале Большого Кремлёвского дворца (ныне полностью реконструированного по чертежам архитектора Тона) была оставлена партийная группа съезда. Предстояло обсудить и утвердить для голосования состав кандидатов в руководящие органы Союза писателей СССР. Скрипучий голос заведомо культуры ЦК озвучил заранее согласованные списки. Несколько дружных взмахов правых рук коммунистов – и объявили перерыв на время подготовки бюллетеней.

Целая толпа членов президиума съезда вывалила в просторную комнату отдыха – перекурить, обменяться мнениями, новыми анекдотами. И вдруг громко, отчаянно прозвучал голос Анатолия Ананьева: “Чем я провинился перед партией?! Почему меня нет в списке секретарей? Разве так можно унижать писателя-фронтовика? Вы же меня в петлю толкаете – ничего другого не остаётся...”

Анатолий пошёл на Шауро “ромбом”, как танки в его романе. Василий Филимонович оторопел, глаза его завертелись по сторонам, отыскивая подчинённых. Мы подскочили. “Это какая-то техническая ошибка, – испуганно пробормотал ЮрНик Верченко. – Наверное, машинистки пропустили. Сейчас поправим!” И побежал в машбюро – разбираться. Ананьев, чмыхая носом и вытирая слёзы, уже успокаиваясь, ехидно пробормотал: “Узнаю тебя, Россия! В любом деле свой стрелочник найдётся!”

При чём тут Россия, мы так и не поняли. Может быть, и не машинистки были виноваты, а составители заветного списка? Поди узнай. Но публичная готовность к самоубийству как плата за секретарство – это, говоря на сленге XXI века, – круто!

Невольно вспомнился и другой “суицидный” случай, совсем иного рода, но психологически – весьма похожий. Это было в Союзе писателей России в океанном “шоковом” 1992 году. В мой кабинет уже вечером заглянул всегда улыбчивый, мягкий, безобидный, как кот Леопольд, Анатолий Алексин. Непривычно смутный, взъерошенный, какой-то... жалкий. “Толя, что с тобой? – обеспокоенно спросил я. – Чем могу помочь?”

– Не могу больше жить. Не хочу! – Он склонился мне на грудь и зарыдал. – Гена! Всё потеряло смысл. Народ ограблен, ему не до литературы. Кому теперь нужны наши писания? Нету, нету другого выхода – или пулю в лоб, или в петлю...

Я, как мог, стал утешать и успокаивать почти классика детской литературы, а голову сверлила одна назойливая мысль: “Ведь так вроде бы не бывает. Самоубийство не афишируют. О нём, как правило, узнают из предсмертных записок”.

... Через некоторое время стало известно, что орденноносец, кандидат в Герои и самоубийцы отчалил в Израиль. Причём основательно подготовившись. Там он опубликовал свой первый роман, еврейскую “Сагу о Певзнерах”. В общем, сомкнулся со своим народом, которому “до литературы”. А Россия, где он много лет секретарствовал в писательском Союзе, где был обласкан, олауреачен и многожды награждён, осталась в его биографии просто страной временного пребывания, заражённой до основания антисемитизмом...

Теперь – другой рассказ о муках статуса. Взгляд “снизу”.

Однажды вечером, часов уже в восемь, в мой директорский кабинет на Ярцевской (бывшая игровая комната детского сада) ворвался старший редактор “Современника” Костя Евграфов. Хороший парень, однако норму питания знал не всегда и потому был одним из кандидатов на “санацию” издательства от неумеренно пьющих. (Вспомнился анекдот советских времён о беседе Сталина с будущим министром угольной промышленности СССР.

– Говорят, вы много пьёте, товарищ Засядько, – сказал вождь, достал из шкафа бутылку водки и налил собеседнику полный стакан. – Бутерброд? – Не надо, – ответил кандидат в министры, махнул стакан и закурил “мануфакту-

рой”. Потом точно так же махнул второй стакан – и положил поверх его свою могучую лапу.

– А ещё один – слабó? – Сталин снова поднёс бутылку.

– Всё, товарищ Сталин. Засядько норму знает!

Тест был пройден, министерство обрело нового хозяина.)

Костя, мой вечерний визитёр, был вполне “в норме”, но очень возбуждён. Оказывается, только что его посетил дома какой-то начинающий поэт из Куйбышева. Странный, жалкий тип, до предела взвинченный, долго и путано говорил о своей любви к поэзии, о готовности любой ценой прорваться в члены Союза писателей. Распили бутылку. Костя всячески успокаивал парня. “Сторожем работает в речном пароходстве. Откуда деньги? Видимо, недоедал, экономил – и вот, смотрите!”

Евграфов выложил на мой стол узелок – кое-как завязанный крестиком большой носовой платок – и раскрыл его. В глазах моих покраснело от “тридцаток” с изображением Ленина.

– Что это? – оторопел я. – Взятка?

– Именно, – подтвердил Костя. – Как раз на “Запорожец” хватит. А то и на “Жигулёнка”...

Оказывается, Костин нежданный гость получил “наводку” именно на него – от кого, почему – узнать не удалось.

– Михалыч! Может... того? Свидетелей нет, разделим пополам – и сеанс окончен! – Костя глянул мне в глаза и тут же продолжил:

– Чур, чур меня от соблазна дьявольского! Лучше составим протокол и сдадим в милицию!

Так и поступили. Вытребовал я из дому главбуха (долго ворчала; время-то позднее); написали объяснительную; по телефону вызвали милиционера. Тот начертал расписку и убыл на свою службу. Чем дело закончилось – не знаю. Фамилию сторожа, возмечтавшего купить звание писателя и соответствующие “корочки”, я не запомнил.

Странному поведению неведомого поэта есть объяснение. Вполне в духе времени. Вступить в СП СССР тогда можно было, только предъявив приёмной комиссии Союза уже изданный сборник стихов. В крайнем случае – подборки в центральных журналах или газетах. Но это было уже событие, возвещавшее о явлении нового таланта. Гость Константина Евграфова пошёл ва-банк. Вот как хотелось ему стать писателем. И неважно, что первая книжечка, изданная уголовным способом, даже не окупилась бы своим гонораром тот самый “красный узелок”. Такой вот “ноблесс оближ”...

Завершая сей клочковатый мемуар из советских времён, начатый напористым возгласом Сергея Михалкова, хочу обратить внимание читателя на опубликованные несколько лет тому назад “Рабочие тетради” Твардовского. Все печальные события, связанные с его уходом из “Нового мира”, происходили в начале 70-х, когда я работал в отделе культуры ЦК. В день 60-летия великого поэта, 26 июня 1970 года, должен был состояться торжественный юбилейный вечер. Но – где он состоится? Для Александра Трифоновича и всех новомировцев это был вопрос престижа, своего рода лакмусовая бумажка, выявляющая отношение власти к строптивому либеральствующему главному редактору. “Если Центральный Дом литераторов, – записывал Твардовский в “Тетрадах”, – то спасибо в шапку, а если Зал Чайковского, в котором Тихонов, Сурков, Исаковский подряд были причислены к лику – другое дело”. Не правда ли, как от этого веет злобой дня? Но пусть и злоба (= обида), однако всего лишь дня. А годы, десятилетия, потом века утверждают свою, уже незыблемую “табель о рангах”, где Твардовскому – бесспорное первенство и перед Тихоновым и даже перед Исаковским. Не говоря уж о Суркове.

И последнее – о злобе дня. Именно из-за неё (а ещё из-за твердокаменности марксиста Сулова) АТ не получил всеми ожидаемого звания Героя. А он так надеялся... Характерна запись в “Тетрадах”: “Если Звезда... О, тогда совсем другое дело! Звезда – не просто вид на жительство для меня одного. Если Звезда – то не всё ещё прахом после “Нового мира”...”

Предлагаю сравнить благородное, полное достоинства ожидание Твардовского – и громогласное метание автора трёх гимнов по цеховским кабинетам. Почувствуйте разницу.

Пожалуй, самое сильное внутреннее впечатление органического “бессребренничества”, безусловной победы духа над мирскими соблазнами оставил в моей душе прозаик Дмитрий Михайлович Балашов.

Таилась в нём, невысоком мужичонке (“аршин с шапкой”) какая-то несокрушимая духовная сила. Васильковые, горящие неистовым аввакумовым светом глаза; высокий сократов лоб. Хромовые сапоги, ярко-красная атласная рубаха, подпоясанная кушаком с кистями, — истинно русский тип, то ли ямщик, то ли прасол из XIX века. Он, казалось, весь был там, в давнем русском прошлом, чьи тайны он постигал не просто как историк, но прежде всего как художник-реставратор, смывающий слой за слоем грязь и паутину времён с изначальных образов осмысляемой исторической эпохи. “Государи московские”, цикл его романов о становлении и стоянии на земле Святой Руси — воистину “томов премногих тяжелей” и ничуть не уступает по своей художественной убедительности творениям классиков литературно-исторического жанра.

Меня судьба свела с ним сперва заочно. Году в 1973-м, насколько помнится, попросился ко мне на приём Николай Павлович Воронов, автор нашуемвшей в те годы “Юности в Железнодорожье”. Голос взволнованный. Разговор, конечно же, не телефонный! Я заказал пропуск, и вскоре он уже сидел против меня и сбивчиво рассказывал драматическую историю балашовского преступления.

— Дима мужичок вроде и неприметный, но крепкий, сбитый — ого-го! Зарубил бы он мерзавца насмерть, да, к счастью, голова у того оказалась прочная, как медный котёл. Топор-то лишь скользнул по коже, кровищу пустил. Слава Богу, без убийства обошлось...

Николай Павлович, запыхавшись, примолк, а в моей голове стремительно промчались “кадры”, словно живые, только что рассказанной мне печальной истории. Старой, как мир. И вечно обновляющейся, как сам мир. У Балашова жена — красавица; и положил на неё глаз какой-то охламон, недавно отбывший лагерные сроки. Прилипчивый, наглый, похотливый. Стычка с ним была неизбежна.

В общем, милиция, протокол, СИЗО... Покушение на убийство в состоянии аффекта — дело ясное, что дело уголовное, и срок полагается. Спасать писателя надо!

Не задумываясь о последствиях, я тут же набрал номер телефона секретаря Карельского обкома КПСС. Тот был уже в курсе происшедшего в деревне, где жил Балашов, и всячески сочувствовал писателю. “Телефонное право”, применяемое и тогда, и ныне, в случае с Балашовым сработало позитивно — ему припаяли три года условно. Замечу, кстати, что условное наказание в те годы было отнюдь не популярно; а к жуликам, рецидивистам и расхитителям оно вообще практически не применялось.

...Альберт Беляев, зав. сектором, где я работал, отчитал меня “за самовольство”. Почему, дескать, без ведома начальства? Да и вообще — Карелия не входит в круг твоего кураторства. И т. п. Дело привычное, как говорил беловский Иван Африканович...

Познакомились мы с Дмитрием Михайловичем через много лет, когда СССР уже шёл ко дну, — в проклятом 91-м. Я работал уже в Союзе писателей России, и Балашов зашёл ко мне вместе с Вороновым. Сверкнул необыкновенными своими “васильковыми” и молча, с чувством пожал мне руку. Потом были встречи в “Нашем современнике”, когда мы готовили к публикации его записки о путешествии на знаменитом паруснике “Товарищ” вокруг Европы.

Он был бескомпромиссен во всём. Страшные, жестокие издержки первых лет строительства социализма вызывали у него гнев и возмущение. Никакие призывы к “объективности”, исторической оправданности раскулачивания не находили у него отклика. Но звересты преступлений и несправедливостей, которые нагромодила на нашей земле чужестранная “демократия”, вообще приводили его в ступление. Разрывалась невыносимой болью русская душа...

И погиб “Аввакум XX века” трагически. Его зарубил топором собственный сын, избалованный раздолбай, продавшийся золотому тельцу. Отец отказал ему в деньгах на гульбу и баловство — и был безжалостно убит... Жуткая история, достойная пера самого Шекспира. Да только где его ныне взять?

Ни больших орденов, ни высоких званий, ни полновесных премий Д. М. Балашов не получил. Да это, по всему, никак его не огорчало. Главным для него

было служение своему народу в той области, где Бог дал ему талант – в литературе. Это тот случай, когда лозунг обитателей башен из слоновой кости – “искусство для искусства” – обретает истинный, изначально не замкнутый социальный смысл.

Между прочим, безразличие (и даже презрение) к общепризнанным и престижным знакам, символам известности было характерной чертой другого талантливоего прозаика – Владимира Богомолова. Совсем другой, нежели Балашов, психологический тип! В сравнении с ним Дмитрий Михайлович был просто активный общественник. Автор любимого миллионами читателей (и я в их числе) романа “В августе сорок четвёртого...” было подчеркнуто нелюдим, не общителен. В Союзе писателей не состоял. Ни на каких публичных мероприятиях не появлялся – или, как говорится в анекдоте, “не был, не участвовал, не принимал”. Я видел его один-единственный раз в кабинете Куняева, когда Стас энергично уговаривал Володю принести нам новый роман, который, по слухам, носил рабочее название “Жизнь моя, иль ты приснилась мне?...”

– Да не готов он ещё, работы – тьма, – говорил Богомолов глуховатым, невыразительным голосом. – Но даю тебе слово офицера: поставлю точку – и принесу вам.

И он слово сдержал. Уже после его смерти вдова, приведшая в некоторый порядок незавершенные рукописи, принесла их именно в “Наш современник”. “Есенинское” название романа сохранилось. Воображаю, какую бурю вызвала бы эта вещь в сообществе литкритиков, и не только. Применённая изящно снова, как и в “Моменте истины”, манера “дополнения” художественного текста документами военной эпохи (то ли подлинными, то ли мастерски переработанными), действительно, многократно усиливает ощущение истинности, “всамделишности” происходившего с героями романа в последние дни, когда добивали нацизм в Германии и азиатский милитаризм в Японии. Богомолов, как и Астафьев, бесстрашно заглядывал в неприглядное, жуткое нутро войны, но не утонул в нём, как Виктор в последнем своём романе.

... В писательской среде его называли “белой вороной” – кто с пренебрежением, кто с тайной завистью. Аскет, мизантроп, чудак... И всё-таки жизнь, своеобычная, аскетическая, исполненная страсти, не зря приснилась ему!

Не хотелось бы, чтобы у читателя этих воспоминательных записок сложилось мнение, будто автор вообще, в принципе против любых знаков отличия по степени таланта, трудолюбия, нравственных достоинств, по силе воздействия того или иного произведения литературы на массового читателя. Как говорится, упаси Боже от уравниловки в такой благородной и возвышенной сфере, как художественное творчество. Просто – во всём должна быть мера. В нашем случае – нравственная, исключающая крайности политиканства – и нарциссизма, безудержной (порой даже болезненной) эгоистической переоценки собственных способностей, отмеренных судьбой.

Сознательно ушёл я от более подробного разговора о стимулах материальных, о “монетизации” писательских талантов, о других статусных перипетиях, полных и драматизма, и юмора как в советские, так и в “демократические” времена. Намекну только, навскидку, о таких явлениях, как “секретарская литература”, социальный заказ, литературные “моды”, политическая конъюнктура, обилие всяческих премий и т. д. и т. п. Время, конечно, всё расставляет по своим местам – оно безжалостно и неподкупно. “Кому бесславье, а кому бессмертие...” Сколько ни лей помоев на Шолохова – он был и навсегда останется Шолоховым. Сколько ни вешай орденов на Гранина – вплоть до “Андрея Первозванного” – он был и останется автором одного приличного романа “Иду на грозу”. Романа вполне соцреалистического.

И ещё, самое последнее. Сей очерк нравов начат был упреждающим возгласом С. В. Михалкова. Что-то подсказало мне, что в заключение вполне уместно будет поведать тем, кто не знает, старый советский анекдот о Леониде Ильиче Брежневле. Анекдот вполне добродушный, но со смыслом.

... Колонный зал Дома Союзов, ноябрь 1982 года. Ночь. Константин Устинович последним покидает пост у гроба покойного генсека. Гаснет свет. Занавешенные чёрным зеркала становятся ещё чернее. Вдруг Черненко резко остановился, как вкопанный. Молнией метнулась в голове мысль: все ли звёзды на груди друга? Четыре – или три? Неужели... спёрли? И тут в гробо-

вой тишине зала послышался тихий, шелестящий голос: – Костя... Костя...
Поди сюда!

Черненко приблизился ко гробу вплотную. Ощупал грудь друга. Раз, два, три, четыре. Слава Богу, все золотые медали на месте! И тут покойник отверз уста и спросил:

– А пятую Звезду дадите?

К. У. ошарашенно пролепетал:

– Леонид Ильич! Но... как же?! И за что?!

– А посмертно! – произнёс звездолубец, рассмеялся – и снова умолк.
Навеки.

Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым. Но не все грехи человеческие уходят в прошлое навсегда. Тщеславие, по-моему, бессмертно. Может быть, и слава Богу?

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

“Надо что-то делать”

Но “уйти в сторону”, по совету С. Белковского, наша элита не спешит. Уж большого место доходное: труба. Точнее, трубы – нефтяная и газовая.

Правители, а вслед по цепочке – придворные аналитики, телекомментаторы и пр. любят прихвастнуть: “После кризиса ВВП России растёт рекордными темпами”. Ну, на рекорд наши 4% – против 10-ти китайских – не тянут, но всё равно впечатляют.

Однако в отличие от того же Китая, где государство, бизнес, а с ними и весь полуторамиллиардный муравейник, день и ночь (именно так – сам видел и поражался!) производят, перевозят, продают и покупают горы продукции, российский успех от российского рынка не зависит. Его секрет прост: качай нефти больше, гони дальше. В основном на Запад. Цены растут – растёт ВВП. Падают – так у нас и падение в 2009-м было рекордным.

75% российского экспорта и 45% ВВП – энергоресурсы (“МК”, 15.09.2010).

Не только элита, вся страна кормится от трубы. Когда падали цены, бюджет трещал по швам. Ещё немного – и нечем было бы платить зарплату бюджетникам, пенсии старикам. Вся наша феличита – скромная у работяг и вызывающе пышная у вип-бездельников – зависит от чёрного и голубого топлива.

И вот “случилось страшное” – в 2005 году министр природных ресурсов Ю. Трутнев заявил: 75% известных месторождений нефти и газа в России уже в производстве, нефть иссякнет через десять лет (“Независимая газета”, 13.12.2005). При этом 89% нефтяного оборудования устарело, а половине трубопроводов более 25 лет.

Того, кто надеется на процветание одной, отдельно взятой отрасли в падающей стране, ждёт жестокое разочарование. Мы привычно повторяем: рыночные реформаторы разрушили экономику. Но даже не представляем масштаба разрушений.

Проблема исчерпания углеводородных ресурсов настолько болезненна, что сам Путин счёл нужным публично поправить министра. Дескать, нефти у нас лет на 50, минимум. Трутнев “исправился” и теперь говорит о 25–35 тучных нефтяных годах (“КП”, 17.03.2010).

Западные эксперты не столь покладисты. По данным Международного энергетического агентства, нефти в России хватит на 20–21 год (“МК”,

24.06.2005). Аналитики BP Statistical review of world energy в 2009 году прогноз уточнили и набросили год сверху (“КП”, 17.03.2010).

Кстати, по данным этого авторитетного органа, из семёрки крупнейших нефтедобывающих стран у России меньше всех нефтяных запасов – 79 млрд баррелей против 264 млрд у Саудовской Аравии. Зато добываем мы столько же – 9,9 млн баррелей в день (там же). В 2010-м россиянам удалось обогнать саудитов. Об этом с энтузиазмом отрапортовал министр энергетики С. Шматко (“Финансовые Известия”, 09.12.2010). Энтузиазм более чем сомнительный: такими темпами мы ещё раньше исчерпаем ресурсы.

В былые времена господствовало убеждение, что наши подземные кладовые неисчерпаемы. Выкачаем подземные запасы, освоим новые.

Увы, с надеждами следует расстаться. В минувшем году были выставлены на аукцион месторождения им. Требса и им. Титова – последние (подчеркну разрядкой) из крупных (“Известия”, 26.08.2010). А дальше?

Дальше надо идти на арктический шельф. Что это значит? Известный аналитик нефтегазовой отрасли М. Крутихин поясняет: “Постоянная платформа там не встанет – в лучшем случае она будет работать два-три месяца в год, а потом её придётся либо передвигать, либо разбивать вокруг неё лёд ледоколами, либо ждать глобального потепления” (“Независимая газета”, 28.01.2011).

Вроде бы британская BP согласилась работать и в таких экстремальных условиях в доле с “Роснефтью”. О соглашении между энергетическими гигантами победно трубила российская пресса. Но глава BP Роберт Дадли остудил пыл, заявив: “Эта нефть будет дорогой” (там же).

И опять нам ждать у моря погоды (в прямом и переносном смысле слова). Будет баррель стоить, как сегодня, 90 долл., работа в арктических морях окажется рентабельной. Снизят цену, как прогнозирует премьер-министр Казахстана (“Глобальный взгляд”, РБК, 30.01.2011), о Карском и прочих ледяных морях нефтяникам придётся забыть.

Есть ещё один резерв: битумные нефти, залегающие глубоко под землёй. Освоение этих месторождений требует новых технологий. Эксперты указывают: “В советские времена российскими отраслевыми НИИ разрабатывались новые методы нефтеотдачи, отечественная научная школа ничем не уступала мировой” (“Нефть и газ. Тенденции”, тематическое приложение к газете “Коммерсантъ”, 13.09.2010). Но, по утверждению авторов, с начала 90-х “научно-технические исследования в России не велись”. Куда ни кинь – всюду одна и та же картина.

Аналитики предсказывают нам ресурсный кризис. В докладе “Долгосрочные тренды российской экономики”, подготовленном в 2005 году Центром макроэкономического и краткосрочного прогнозирования, указано: “...В 2015–2017 гг. нам предстоит кризис, связанный с истощением запасов некоторых природных ископаемых” (“Независимая газета”, 23.11.2005).

Остаётся газ. Его запасов хватит надолго. Руководство страны делает ставку на добычу и экспорт голубого топлива. В период президентства Путина его личная дипломатия была теснейшим образом связана с этой отраслью. В переговорах с Германией, Италией, Грецией, Болгарией, Турцией, скандинавскими и прибалтийскими странами, Польшей тема строительства газопроводов и поставок российского газа занимала центральное место.

Иной раз национальные интересы приносили в жертву интересам “Газпрома”. В январе 2008 года в Сербии состоялись президентские выборы. На высший пост претендовали два кандидата: прозападный – Б. Тадич и пророссийский – Т. Николич. Последний готов был предоставить Москве военную базу в Сербии, что явилось бы эффективным ответом на планы размещения американской ПРО в Чехии и Польше.

Россия поддержала Тадича. Информированный “Коммерсантъ” пояснял: в случае победы Николича Сербия могла превратиться в страну-изгой. А это сорвало бы планы “Газпрома” по транспортировке газа в Южную Европу, для которой концерн намеревался использовать газотранспортную систему Сербии (“Коммерсантъ”, 23.01.2008).

Примечательно, что и поездка Путина в Польшу на Вестерплатте и последующее покаяние за Катынскую трагедию совпали с заключением долгосрочного контракта на поставки российского газа в Польшу.

Короче – всё на продажу. Но если бы нашёлся смельчак, отважившийся обвинить в этом Путина, тот ответил бы, что газовые контракты наполняют бюджет и кормят всю страну. “ГАЗПРОМ” – НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ”.

Однако в последние годы и в газовой сфере всё идёт негладко.

С одной стороны, проблема та же, что и у нефтяников: истощаются освоенные месторождения. Да, разведанных запасов хватило бы, чтобы обогреть земной шар. Но попробуй извлечь их! Начало добычи на крупнейшем Штокмановском месторождении переносили несколько раз. Недавно его отложили ещё на три года. Причём от проекта по сжижению природного газа, скорее всего, придётся отказаться, а вместо двух труб до берега проложат одну (“Коммерсантъ”, 16.11.2010).

С другой, **главные трудности “Газпрома” связаны с недалёко-видной политикой его руководителей. Высокомерные, если не сказать чванливые, они проглядели революцию в газовой сфере. Прежде всего взрывной рост добычи сланцевого газа.**

Это газ, практически не отличающийся от природного, но залегающий в труднодоступных породах. Для его добычи требуется особая технология. Не стану вдаваться в технические детали. Да это и не нужно: трудности преодолены, и его добыча в США за два года увеличилась в три раза (“НГ-энергия”, 13.04.2010). Сегодня в Америке доля сланцевого газа в общей добыче составляет 14%, а в перспективе она достигнет 27% (там же).

У газпромовских начальников известия о новом виде сырья поначалу ничего, кроме снисходительного похмыкивания, не вызывали. Они и сегодня гнут своё: “Сланцевая революция под вопросом”, – гласит заголовок одной из статей в “НГ-энергия”, отражающей точку зрения концерна.

Но когда Америка из импортера газа превращается в экспортёра, хмыканье отечественных боссов больше походит на истерическую реакцию. Ведь именно американский рынок – богатейший в мире – “Газпром” пытался захватить, планируя довести свою долю на нём до 20% (“Независимая газета”, 07.08.2010). Именно на Америку были сориентированы разработка Штокмана и планы строительства завода по сжижению природного газа. Теперь эти воздушные замки рухнули!

А по пятам за американцами уже идёт Китай – вторая крупнейшая индустриальная держава, на которую “Газпром” также имел виды. И тут выясняется: запасы сланцевого газа в Поднебесной превышают запасы природного газа в РФ (“НГ-энергия”, 13.04.2010). У газпромовцев теплилась надежда, что Америка не даст Пекину технологии добычи. Однако в ноябре 2009 года Китай и США подписали соглашение о сотрудничестве в разработке сланцевых месторождений (там же).

Беда не приходит одна. На американский рынок зарился не только “Газпром”, но и Катар. Причём, в отличие от России, это крохотное государство в Персидском заливе сделало гораздо больше для осуществления амбициозных планов. Были построены колоссальные мощности по производству сжиженного природного газа, что сделало Катар лидером в экспорте СПГ. Но Америка прекратила ввоз, и арабам пришлось продавать газ по бросовым ценам в Европе. Которая, как все помнят, является основным покупателем газа российского.

Дорогого. Ибо его цена прописана в долгосрочных контрактах и привязана к цене на нефть. Катар захватил изрядную долю европейского рынка, что привело к сужению российского сегмента. Основные партнёры “Газпрома” снизили закупки у него: Италия – на 58%, Германия – на 24%, Турция – на 25%, Франция и Греция – на 13 и 23% соответственно (“Коммерсантъ”, 16.11.2010).

Больше того – катарский СПГ сломал (или, по крайней мере, покорёжил) систему долгосрочных контрактов. На смену ей приходит газовая биржа, спотовый рынок, где цена зависит от предложения. И вновь следует сказать о стратегическом просчёте руководителей “Газпрома”. Ещё два года назад они презрительно усмехались, когда речь заходила о газовой бирже.

Сейчас и московским боссам приходится учитывать спотовые цены. Традиционные партнёры “Газпрома” не хотят брать законтрактованный российский газ, обходящийся им в два раза дороже катарского, Концерну пришлось пересмотреть соглашения с Турцией, Италией, Украиной, двумя германскими компаниями. “Газпром” разрешил до 15% объёма поставляемого газа оплачивать по цене спотового рынка (“Независимая газета”, 05.10.2010).

Концерн идёт на эти болезненные для его бюджета уступки в надежде удержать позиции на европейском рынке. “Однако Европа, — отмечают эксперты, — похоже, сделала выбор, с кем сотрудничать в будущем в газовой сфере, и этот выбор не в пользу России” (там же).

В этой связи с горькой усмешкой вспоминаешь бесконечные распри между Россией и Евросоюзом по поводу газотранспортных маршрутов. Спорили, чей газопровод тянуть через моря, а газ пришёл не по трубам, а приплыл в танкерах, перевозящих СПГ... Конечно, СПГ не вытеснит окончательно газопроводное топливо, но спрос на него упадёт. И цена будет соответствующая не только в краткосрочной (как сейчас), но и в долгосрочной перспективе.

Окупятся ли в таком случае гигантские газопроводы, которыми Путин хотел опутать континенты? Две очереди БТС, Северный и Южный потоки, ВСТО, ориентированный на Китай. Специалисты уже называют их “ненужными” ввиду предполагаемого снижения загрузки (“Коммерсантъ”, 11.10.2010).

Вложившись в эти дорогостоящие проекты, “Газпром” влез в колоссальные долги — они достигли 58 млрд долларов. В ближайшие годы концерну предстоит работать не столько на Россию, сколько на кредиторов.

Печальный итог. И тем удивительнее реакция властей: только что они подписали новый контракт с главой “Газпрома” А. Миллером, провалившимся, кажется, всё что можно — и даже то, что нельзя! Путин своих не сдаёт...

И наконец, главный вывод, возвращающий нас к началу раздела. Мы говорили, что экспортно-сырьевой характер экономики России ставит её в зависимость от внешних рынков. Приведённые примеры позволяют осознать, насколько она глубока. И как опасна, особенно если учитывать неповоротливость наших корпораций и недалёковидность руководителей — как в хозяйственной, так и в государственной сферах.

В мире находят новые технологические решения, новые виды сырья, — и рушится казавшаяся хитроумной система экономических и политических решений. А ведь на Западе, где, в отличие от России, наука и освоение передовых технологий играют огромную роль, новации рождаются постоянно. На очереди широкое использование альтернативных источников энергии — ветра, солнца, геотермальных вод, морских волн, приливов и отливов. Об этом говорится, в частности, в исследовании, подготовленном Energy Watch Group. Реализацию амбициозных планов эксперты намечают на 2030 год. Это не такая уж отдалённая перспектива (“Энергия Европы”, тематическое приложение к газете “Время новостей”, 09.04.2010).

Путин иронически усмехается, когда западные журналисты спрашивают его о подобных перспективах. Но совсем недавно он так же усмехался, когда говорили о сжиженном природном газе. Этак мы про смеём своё будущее, оставшись наедине с проржавевшими останками никому не нужных циклопических нефте- и газопроводов.

А возможно, “нефтегазовое проклятие” поразит нас намного скорее. Авторитетные аналитики предрекают падение нефтяных цен уже в конце этого года. Причина — неустойчивость экономики и высокая вероятность второй волны кризиса. При снижении нефтяных цен российский бюджет может потерять до 15% доходов (“Независимая газета”, 06.09.2010). **И тогда — прощай социальные обязательства, что накануне президентских выборов чревато не только экономическим, но и политическим кризисом.**

Ещё одной проблемной сферой является внешняя политика, точнее, положение России в мире. Недавно оно было отчаянным. Августовская война 2008 года показала: даже такие слабые соседи, как Грузия, пере-

стали считаться с нашей страной. На нас напали – впервые с 1941 года. Уважение, а в иных случаях и ужас, с которым мир взирал на победителей во Второй мировой, выветрились по мере сдачи наших позиций – сначала в Восточной Европе, затем в СНГ, и наконец, в вопросах безопасности самой России.

Запад единодушно поддержал М. Саакашвили (признание, что нападавшей стороной в конфликте являлась Грузия, европейские политики сделали много позже, когда оно уже ни на что не влияло). А в памятные августовские дни в европейских столицах и в Вашингтоне звучали иные декларации. К примеру, заявление К. Райс: “НАТО не позволит Москве одержать победу в Грузии. Мы воспрепятствуем российским стратегическим амбициям” (цит. по: “Коммерсантъ”, 20.08.2008).

Солидарная позиция Североатлантического альянса позволила французскому политологу М. Хальтеру назвать кавказский конфликт “первой войной между Западом и Россией после перестройки” (Телеканал “Вести” (ныне “Россия-24”), 10.08.2008).

Теперь ситуация вроде бы изменилась. Минувшей осенью в Лиссабоне прошёл саммит Россия–НАТО – впервые после войны 2008 года. Западные политики, в том числе генеральный секретарь Североатлантического альянса Андерс Фог Расмуссен, высказали немало лестных слов в адрес нашей страны.

Обильной порции похвал удостоился президент Д. Медведев. Сам Барак Обама назвал его “другом и партнёром” (“American Thinker”, 24.11.2010. Цит. по: InoСМИ.ru).

К слову, оценка эта почему-то напомнила мне сцену из романа А. Дюма: кардинал Ришелье призывает к себе некоего господина Бонасье и называет его своим другом. Выйдя из дворца, Бонасье восторженно повторяет: “Кардинал назвал меня своим другом! Кардинал назвал меня своим другом!”

Российская сторона отреагировала на похвалы с энтузиазмом. “...Период разногласий и претензий завершился”, – провозгласил Д. Медведев (“Время новостей”, 22.11.2010). Бывший глава российского МИДа И. Иванов (тот самый, кто фактически санкционировал захват власти Саакашвили в 2004 году) утверждал: “Создание международной системы единого и неделимого пространства безопасности без противостоящих друг другу блоков и “серых зон” сегодня уже не выглядит журавлём в небе” (“Коммерсантъ”, 10.11.2010). А влиятельный эксперт Ф. Лукьянов, главный редактор журнала “Россия в глобальной политике”, озаглавил статью о саммите “От старых декораций ничего не осталось” (“Время новостей”, 22.11.2010).

Заговорили о возможном участии России в европейской системе ПРО и даже о перспективе вступления нашей страны в НАТО.

Восторги московской элиты не остудили очевидные риски, сопряжённые с изменением ситуации. “НГ” в редакционной статье приветствовала “укрепление сотрудничества” между Россией и НАТО, несмотря на трезвую констатацию: “Некоторые влиятельные в западном мире СМИ беззастенчиво пишут о том, что Москву необходимо активнее втягивать в афганские проблемы, даже предлагают ей участие в совместной военной операции по стабилизации обстановки в стране. С тем, чтобы в последующем (внимание! далее выделено мною. – А. К.) она заменила здесь... США” (“Независимая газета”, 12.11.2010).

В этом и кроется секрет разворота альянса лицом к Москве. Провал западной агрессии в Афганистане становится всё более очевидным. Обама в преддверии президентских выборов необходимо закончить провальную кампанию, дабы подтвердить реноме миротворца и сформулировать хоть сколько-нибудь позитивную программу для борьбы за Белый Дом. В то же время он не может себе позволить предстать перед избирателями в образе лузера, которого бородатые талибы вышвырнули из Кабула. Нужно срочно спихнуть конфликт кому-нибудь другому. Тут-то и пришлась ко двору Россия: американские стратеги пытаются вновь проделать трюк, однажды удавшийся З. Бжезинскому – затянуть нашу страну в Афган.

Незамысловатый план не столь безнадёжен, как представляется на первый взгляд. “...Мы не можем не согласиться с тем, что многие угрозы необ-

ходимо локализовать, блокировать на дальних подступах”, – рассуждает представитель Москвы при НАТО Д. Рогозин (“Коммерсантъ”, 10.11.2010). Тут же обозначается сфера совместных действий: “...Мы сейчас рассматриваем несколько проектов по Афганистану”.

В октябре 2010-го состоялась первая американо-российская операция в мятежной республике. С нашей стороны в ней участвовали не военные, а сотрудники ФСКН – вместе с американским спецназом они уничтожили несколько лабораторий по производству наркотиков. Вроде бы более чем скромный эпизод в афганской кампании. Но его тут же выхватили из потока событий. Кто бы вы думали? Американский ставленник президент Х. Карзай. Казалось, он должен был положительно оценить появление нового союзника, которого привлёк Дядя Сэм. Ничуть не бывало! Не та игра развёртывается в предгорьях Кабула: “Никому не позволено проводить такие операции на афганской территории без предварительного согласия правительства страны... Такие несогласованные операции, очевидно, являются на рушением суверенитета (разрядка моя. – А. К.). Афганистан даст серьёзный ответ на любое повторение подобных событий” (“Независимая газета”, 01.11.2010).

Вы заметили, какое значение придано рядовой операции? С нашей стороны в ней участвовало всего-то четыре наркополицейских. А Карзай говорил ни много ни мало – об угрозе суверенитету. Можно подумать, будто Россия снова вторглась в Афганистан!

Не хочется даже думать о том, к каким последствиям приведёт более масштабное участие Москвы в чужой войне. Но “сотрудничеством” только лишь по афганскому вопросу отношения России и НАТО, видимо, не ограничатся. Почувствовав, что Москва поддаётся, в Брюсселе и Вашингтоне затеяли глобальную игру. От нашего руководства требуют более активного участия в западной политике по сдерживанию Ирана. Это довольно-таки неожиданно выяснилось в ходе обсуждения российско-американского договора по СНВ в Сенате. Лоббистами соглашения выступили еврейские организации, прежде в симпатиях к России не замеченные. Антидиффамационная лига прямо указала: “Для успеха американской дипломатической стратегии по предотвращению обретения Ираном ядерного оружия требуются доверительные отношения между Россией и США” (“Независимая газета”, 25.11.2010).

Отвечает ли национальным интересам России обострение отношений с Ираном, нашим ближайшим соседом и партнёром, неизбежное в случае, если Москва встроится в фарватер Вашингтона, – таким вопросом еврейские активисты в Америке не задаются. Россию не рассматривают как субъект политики. Только как объект, который следует использовать по максимуму.

Ещё в начале нулевых такой утилитарный подход к России сформулировал Дж. Мильо, советник итальянского премьера С. Берлускони. Он заявил о желательности превращения нашей страны “в наёмника (разрядка моя. – А. К.) Запада, защищающего его рубежи от мусульманского Юга” (“Независимая газета”, 22.09.2001).

Впрочем, быть может, дело не ограничится конфликтом с “мусульманским Югом”. Исламский мир, конечно, беспокоит Запад, но главная угроза американской гегемонии обозначилась на Дальнем Востоке. Это полуторамиллиардный Китай, показывающий фантастические темпы роста экономики, а заодно овладевающий современной военной техникой. Россия, граничащая с Поднебесной, представляется вашингтонским политикам естественным барьером на пути китайской экспансии.

“...Мечтой геостратегов типа Бжезинского является конфликт между Китаем и Россией”, – утверждает газета “Завтра” (№ 1, 2011). Можно было бы списать это запальчивое утверждение на радикализм издания, однако и хорошо информированная “НГ” пишет фактически о том же: “Завуалированно приглашая Москву к участию в блоке (НАТО. – А. К.), Вашингтон рассчитывает преуспеть на важнейшем направлении своей глобальной политики – сдерживании Китая” (“Независимая газета”, 26.10.2010).

С такими утверждениями приходится согласиться. С одной поправкой: Россию приглашают в Североатлантический альянс разве что “завуалированно”. На Западе прозвучало одно-два заявления в сослагательном наклонении: “Вот если бы...” Ничего более конкретного. Иначе и быть не может — со времени возникновения альянса Россия является мишенью его политики, образом врага, само существование которого обеспечивает спайку и безоговорочную солидарность.

Вывод не слишком оптимистичен. Россию в НАТО не примут, и соответственно пункт о “коллективной защите” на неё распространяться не будет. Так что в случае конфликта с Поднебесной, если Вашингтону всё-таки удастся подтолкнуть к нему московскую прозападную элиту, нам придётся сражаться в одиночку. Что, несомненно, приведёт к гибели России и, вероятно, ослабит Китай — к вящей радости наших западных “партнёров”.

— Не слишком ли подозрительно автор относится к НАТО? — засомневаются отечественные западники и пацифисты.

Отвечу: в вопросах такой значимости полагаться на эмоции недопустимо. Только на факты, причём множество фактов, выстраивающихся в определённую концепцию.

А факты таковы: заставляя Москву таскать для себя каштаны из афганского (а в перспективе — дальневосточного) огня, Запад ни в чём не идёт на уступки России. Слова, комплименты — не более того. Но значимы только дела, а здесь Запад твёрд, как камень.

Как и во время августовской войны, он подтверждает “незыблемость позиции в отношении территориальной целостности Грузии” (“Независимая газета”, 22.11.2010). Таков итог встречи Обамы с Саакашвили, состоявшейся во время Лиссабонского саммита, где натовцы обхаживали Россию. Вряд ли можно более наглядно продемонстрировать: уступки — удел Москвы, Вашингтон свою политику менять не намерен.

В том же Лиссабоне НАТО приняла детальный план по “защите Литвы, Латвии и Эстонии от возможной агрессии со стороны России” (цит. по: “Коммерсантъ”, 08.12.2010). Это выяснилось после публикации секретных документов госдепа США на сайте WikiLeaks. В то самое время генсек НАТО публично заявлял, что альянс “не рассматривает Россию как угрозу своей безопасности” (там же).

Сразу после саммита президент Медведев посетил Польшу с “историческим”, как назвала его российская пресса, визитом. “Плохой период польско-российских отношений закончился”, — заверил гостя президент Польши Б. Коморовский (“МК”, 07.12.2010). В ответ Медведев говорил о “доверительной атмосфере” и в очередной раз каялся за Катынь.

Однако, когда речь зашла о вопросах, чувствительных для нашей страны, прежде всего о размещении американской ПРО на территории Польши, Коморовский предпочёл не озвучивать свою позицию.

Вскоре его сдержанность стала понятной. Буквально на следующий день после переговоров с Медведевым польский президент отправился в Вашингтон, где пытался получить новую военную технику. Западная пресса писала о “просьбах польских властей гарантировать, что новая американская система обороны поможет им защититься от возможного нападения со стороны России” (newsru.com/Russia/.../neplon_print.html).

Соединённые Штаты в очередной раз поддержали территориальные претензии Японии к РФ. Что, без сомнения, способствовало дальнейшему обострению вопроса о так называемых “северных территориях”.

Нельзя назвать дружественными и действия американских властей в отношении российских граждан К. Ярошенко и В. Бута. Первый — владелец компании “Роставиа” был арестован по американскому требованию в Либерии и выдан США. Второго арестовали в Таиланде и также выдали Америке. На обоих оказывают жёсткое давление, в частности, Ярошенко неоднократно избивали американские следователи (“Коммерсантъ”, 20.11.2010). Цель — получение компромата на Россию.

Не жалуют в Вашингтоне российские корпорации. Заключение сделки между “Роснефтью” и BP вызвало истерическую реакцию конгрессменов. “Я полагаю, имеется достаточно доказательств того, что данная сделка может

представлять угрозу национальной безопасности США”, – заявил член конгресса Эдвард Марки и назвал такое положение вещей “неприемлемым” (newsru.com/.../rosneft_bp_print.html).

Шпионские скандалы, в которых снова ищут “русский след”, не утихают в Великобритании. Английская пресса подняла шум на весь мир, когда выяснилось, что помощницей у депутата парламента Майка Хэнока работает девушка из России. О накале страстей можно судить по тому, что газета “Дейли мэйл” характеризует самого депутата как “маленького человека с путанными убеждениями” (стиль наших партийных проработок 30-х годов!), а его сотрудницу без каких-либо доказательств именуется “русской шпионкой”. В заключение автор патетически возглашает: “Коррупцированный, разбойничий и ксенофобский режим России держит нашу страну на мушке, ставя под угрозу наши тайны и безопасность” (pda.inopressa.ru/.../spy_katia.html).

Предельно жёстко Запад борется с Россией за влияние на территории СНГ. Показательно: госсекретарь США Х. Клинтон прибыла с визитом в Бишкек в день, когда формировалось правительство Киргизии (“Независимая газета”, 03.12.2010). В итоге пророссийские партии в правительство не попали.

Политическое присутствие Соединённые Штаты тут же конвертируют в военное. В середине февраля в Вашингтоне обнародована Национальная военная стратегия. Один из основных пунктов: “США рассматривают постсоветское пространство и прилегающие к нему территории как зону важных военных интересов” (“Независимая газета”, 10.02.2011).

В таких условиях идти на уступки Западу и более того – встраиваться в его политику на правах “младшего партнёра”, а то и “наёмника” – это проявление чего-то большего, чем недалёковидность. Между тем, по наблюдению ряда экспертов, российская правящая элита готова поддаться на посулы, сопровождающиеся жёстким давлением (“МК”, 22.11.2010).

Если это произойдёт, нашей стране придётся на свой страх и риск идти на ненужную конфронтацию с мусульманским миром и Китаем. При том, что подталкивающие её американцы и европейцы будут готовы в любой момент сдать Москву и воспользоваться результатами её разгрома. Боюсь, в подобном случае нам уготована роль не партнёра, а “приза”. О чём, кстати, предупреждают наиболее проницательные аналитики (“НГ-сценарии”, 26.10.2010).

До сих пор суверенитет России обеспечивали вооружённые силы. За последние два десятка лет они потеряли значительную часть своей мощи, но и сегодня обладают главным фактором сдерживания – ракетно-ядерным щитом.

Однако и в армии процесс деградации приобретает угрожающий характер. Её численный состав постоянно сокращают. Согласно директивам с 2008-го по 2011 год количество частей и соединений должно быть сокращено в Сухопутных силах – в 12 раз, в ВВС-ПВО и ВМФ – почти в два раза, ракетные войска стратегического назначения урезают на треть (“Завтра”, № 46, 2008).

Преобразования осуществляются под лозунгом: современная армия должна быть компактной. Не стоило бы спорить, но сокращают прежде всего офицеров – профессиональный костяк армии. Их количество уменьшится на 160 тысяч. На улице окажутся и 140 тысяч прапорщиков – упраздняют само звание (там же).

Предположительно часть прапорщиков и младших офицеров (около 70 тыс.) продолжит службу в должности сержанта. Но это означает, что они будут лишены возможности карьерного роста (“Независимая газета”, 02.02.2011).

Сокращают важнейшие управления и службы Министерства обороны. Расформировано Главное управление боевой подготовки и службы войск (“Время новостей”, 15.09.2010). В три раза ужимают штат Главного штаба ВМФ – с перспективой упразднения главного командования ВМФ России (там же). В четыре раза сокращают число военных медиков. Хотя недостаток госпиталей ощущим уже сейчас: после теракта на полигоне в Буйнакске раненых военнослужащих пришлось везти в местную поликлинику (там же).

Руководители оборонного ведомства пошли на беспрецедентный шаг: на несколько лет приостановлен набор в военные училища и адъюнктуру. И то сказать: у страны, где главным человеком объявлен Незнайка, и армия должна быть соответствующая!

Не лучше обстоит дело с материально-техническим обеспечением ВС. С 2000-го по 2007 год на вооружение российской армии поступило 27 баллистических ракет, тогда как число списанных составило 440. ПВО получила лишь один полк зенитно-ракетных систем С-300 ПМ. Ещё хуже положение в авиации: за семь лет построены один стратегический бомбардировщик и два СУ-34 (“Новые Известия”, 27.08.2008). За последние три года поступления новой техники увеличились, но коренных изменений не произошло.

Результат – деградация ключевых видов ВС: танковых войск, авиации, флота. Почти 13 тысяч танков нуждаются в модернизации (“Время новостей”, 02.07.2010). 80% истребителей МИГ-29 “поражены коррозией” (“Независимая газета”, 20.08.2009). Лётные происшествия и катастрофы происходят с печальной регулярностью. На юбилейном Параде Победы в Москве чуть не дошло до трагедии – у истребителя МИГ-29 отказал двигатель, и только благодаря счастливой случайности самолёт не задел другие машины и не рухнул на город (http://www.infox.ru/accident/incident/2010/05/13/Otkaz_dvigatelya_pa.html).

Разрушается система ПВО – некогда лучшая в мире. Члены Вневедомственного экспертного совета по проблемам Воздушно-космической обороны утверждают: “Мы потеряли более 300 супертехнологий в авиации и противоракетной обороне”. Эффективность защиты воздушного пространства существенно снизилась – даже над Центральным регионом из 100 самолётов противника 80 преодолели ПВО (“МК”, 14.05.2010). На флоте новых боевых кораблей не видели 20 лет, а мастодонты советского времени, такие, как крейсер “Адмирал Нахимов”, стоят на ремонте с конца прошлого века (“Независимая газета”, 14.12.2010).

Дошло до того, что АПЛ – важнейший элемент ракетно-ядерной триады – устаревают прямо на стапелях. Вторая лодка типа “Борей” – “Александр Невский” оснащена ядерными энергетическими установками второго поколения, тогда как созданы гораздо более эффективные и надёжные установки третьего и даже четвёртого поколения (там же). Да и первенец этого класса “Дмитрий Донской”, едва войдя в строй, уже отправляется на ремонт (“Независимая газета”, 30.12.2010).

Но самое тревожное – АПЛ нового типа до сих пор лишены вооружения – подвела предназначенная для них ракета “Булава”. Большинство пусков закончились неудачей.

Поучительна и трагична история разработки злополучной ракеты. Изложу её по материалам, опубликованным в “Независимой газете” (10.12.2009). В 90-е годы, когда денег на оборонку не хватало, МО решило создать универсальную ракету морского и наземного базирования. В 1998 году главе правительства В. Черномырдину поступило письмо за подписями министра экономики Я. Уринсона и министра обороны И. Сергеева с предложением передать функции ведущей организации по созданию ракеты Московскому институту теплотехники (генеральный конструктор Ю. Соломонов). Несмотря на то что МИТ ракетами морского базирования не занимался, премьер визу поставил. И тут начинают происходить странные вещи: ликвидируют 27-й НИИ Минобороны – конкурента МИТа. От участия в разработке ракеты отстраняют ряд научно-исследовательских институтов Роскосмоса. МИТ становится монополистом. Но даже не это самое удивительное: уничтожают группировку новых АПЛ – проекта “Тайфун”, которые должны были получить на вооружение альтернативную ракету “Барк”. Отныне судьба подводного флота связана с “Булавой” и её носителями – АПЛ класса “Борей”. А “Булава” раз за разом отказывается лететь!

Грандиозный просчёт руководства МО? Диверсия? Или же причина в неправильной сборке – как считает нынешний министр обороны А. Сердюков (“Парламентская газета”, 11.06.2010).

Журналисты газеты поясняют: “Несмотря на кажущуюся конкретность термина “технология сборки”, на самом деле, это понятие достаточно растяжимое. Под ним могут подразумеваться технологические дефекты изготовле-

ния отдельных узлов и механизмов типа “токарь не доточил”, недостаточное качество используемых материалов, недостаточный контроль параметров сборки и даже злой умысел”. Авторы делают вывод: “...Наша бывшая гордость – военно-промышленный комплекс (ВПК) – до конца использовал советский задел и вступил в фазу, когда просто денежными вливаниями ситуацию качественно не исправить”.

И далее разворачивается картина разгрома ВПК за годы “рыночных реформ”. В 1980-х годах в отрасли работали 10 миллионов человек. К 1998-му осталось 5,4 миллиона. Сегодня – 1,5 миллиона. Сокращение без малого в 10 раз! Средний возраст оборудования в ВПК превышает 20 лет. Износ основных производственных фондов – 75%, более трети изношено на все 100 (“Парламентская газета”, 11.06.2010). Не мудрено, что на станках советской ещё эпохи трудно сделать детали, требующие микронной точности.

Но всего страшнее – старение кадров. Сегодня средний возраст работников ВПК превышает 55 лет, а в НИИ и КБ этот показатель для инженерного и научного состава приблизился к 60-ти годам (там же). Ракетно-ядерный щит создают, а вернее, латают пенсионеры!

Впрочем, такая ситуация и в других отраслях промышленности: “Средний возраст мастеров рабочих специальностей на столичных предприятиях составляет 55 лет и больше. Не за горами время, когда некому будет передавать опыт” (“Финансовые Известия”, 09.12.2010).

А что вы хотели? В новые времена людей труда объявили “совками” и даже “шариковыми”. Над ними глумились менеджеры и СМИ. Заработная плата не шла в сравнение с материальным обеспечением “прогрессивных” специальностей – юристов, финансистов, менеджеров по рискам, кризисных аналитиков и т. д. и т. п.

“Синие воротнички”, составляющие основу любого промышленного производства, были унижены, деморализованы, разгромлены как класс. Они стали редкостью, “раритетом”. Стоит ли удивляться, что в минувшем году в списке наиболее востребованных специальностей первую строчку заняли квалифицированные рабочие (“Независимая газета”, 28.12.2010). Поздно! Хороших рабочих надо растить много лет. Придётся вытягивать всю цепочку – систему профтехучилищ, техникумов, наставничества на производстве.

Состарившиеся “левши” не способны обеспечивать требуемое качество производимой техники – в том числе военной. Некачественная сборка “Булавы” – лишь одна проблема. В тот же ряд следует поставить потерю трёх спутников “ГЛОНАСС” в декабре 2010 года и неудачный запуск военного спутника “Гео-ИК-2” 1 февраля 2011-го. Своего рода антирекорд – четыре космических аппарата, потерянных за два месяца (“Коммерсантъ”, 02.02.2011).

В последние годы правительство начало выделять деньги на обновление вооружения – а мощности ВПК и квалификация его работников утрачены! Вместо того чтобы начать кропотливую работу по возрождению, начальники решили пойти по наиболее лёгкому пути – закупать технику за рубежом. А может, всё для того и делается, чтобы окончательно угробить остатки былой мощи?..

По словам гендиректора корпорации “Ростехнологии”, “закупки за рубежом сегодня неизбежны, поскольку доля российских предприятий, разрабатывающих и внедряющих технологические инновации, пока не превышает 10%, а доля инновационной продукции всего 5,5%” (“Время новостей”, 05.07.2010).

Вот и покупаем: самолёты-беспилотники – у Израиля, броню – в Германии, десантные корабли и системы управления огнём – во Франции. Даже бронемашину завозим из Италии, хотя наши “Тигры” покупают за рубежом, в частности, в Бразилии.

По свидетельству журналистов, на выставке сухопутных вооружений Eurosatory-2010 внимание начальника вооружений ВС РФ В. Поповкина привлёк израильский танк Mercava Mk4 (“Военно-промышленный курьер”, № 4, 2010).

Генерал Л. Ивашов с горечью констатирует: “В ближайшие годы 30% вооружений российской армии будет израильским и из стран НАТО” (“Независимая газета”, 07.09.2010).

Остаётся открытым вопрос: не выведут ли страны-производители из строя сложные технические системы в случае военного конфликта России с НАТО?

Кто-то скажет: “А стоит ли вообще тратить огромные средства на военную технику в XXI веке, когда полномасштабная война исключена по определению из-за связанных с ней рисков?”

Скептикам, считающим, что вооружаться необязательно, укажу на новейшую статью уважаемого американского экономиста, лауреата Нобелевской премии П. Кругмана. В одной из предшествующих статей он заметил: “Вторая мировая война завершила Великую депрессию”, и читатели обвинили его “в разжигании войны”. Нобелиат невозмутимо ответил: “Позвольте сделать одно замечание: экономика – это безнравственная игра. Это вам не счастливая история, где добро побеждает, а зло наказывается... Когда мы пытаемся вывести экономику из спада, в условиях которого сложно создать достаточный спрос и обеспечить полную занятость... аморальная суть экономики проступает ещё более чётко” (“Независимая газета”, 22.11.2010).

Грядущая война может быть экономически рентабельна. Особенно если в качестве “приза” окажется Россия, с её всё ещё не до конца истощёнными природными ресурсами. Так что мощная армия с новейшими вооружениями нам бы не помешала.

Не исключено, впрочем, что в ближайшем будущем нас некому будет защищать.

– Как так?

Население России сокращается. С момента распада СССР убыль составила примерно 7 млн человек (“МК”, 20.08.2010). В отдельные годы она доходила до 900 тыс. В основном сокращается численность русских: за последние 20 лет их доля в населении упала с 81,53% до 77% (“Завтра”, № 37, 2010). К 2020 году, по прогнозу ООН (весьма осторожному и “щадящему”), в стране останется 134,8 млн человек, а к 2025-му – 131,4 млн (<http://www.xserver.ru/user/dem.ru>).

В августе минувшего года в Гудзоновском институте (Вашингтон) состоялась презентация доклада известного американского демографа Николаса Эберстадта “Демографический кризис в России в мирное время: размеры, причины, следствия”. Американский эксперт не скрывает пессимизма: “Россия столкнулась с демографической катастрофой” (цит. по: “МК”, 20.08.2010).

Причин, по мнению Эберстадта, две: преждевременная смертность (преимущественно от сердечно-сосудистых заболеваний и от несчастных случаев, количество которых автор называет “шокирующим”) и спад рождаемости. Эксперт указывает: нигде (за исключением Чечни) число рождений на одну женщину не достигает уровня простого замещения.

Нетрудно заметить, что явления, которые заокеанский специалист называет “причинами”, на самом деле являются следствиями социального неблагополучия в стране. Это становится предельно ясным после ознакомления с докладом Росстата о положении России в 1992–2008 годах, опубликованным в апреле 2010 года. Комментируя обнародованные данные, журналисты отметили: “Невидимая рука рынка” нанесла стране ущерб, сопоставимый с монголо-татарским игом... Пугающая картина деградации производственной и социальной сферы за последние 20 лет является отнюдь не выдумкой отдельных экспертов-алармистов или пессимистически настроенных обывателей, а, строго говоря, доказанным и научным фактом”. В качестве наиболее выразительного примера приводится рост заболеваемости: в два раза увеличилось количество случаев заболевания раком, в те же два раза заболеваниями крови, до 3,8 млн человек выросло количество жертв инсульта и инфаркта (<http://fintimeskm.ru/ekonomika-rossii/proizvodstvo/107000>).

Невзирая на факты, наши руководители излучают оптимизм. Выступая на открытии 60-й сессии Европейского регионального комитета Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), В. Путин похвастал: “...Средняя продолжительность жизни в стране за последние пять лет выросла на 3 года и составила 69 лет, рождаемость повышается, а смертность снижается” (“Завтра”, № 37, 2010).

Правительство беззастенчиво ставит это в заслугу себе. По словам вице-премьера А. Жукова, в результате реализации нацпроекта “Здоровье” на 12% снизилась общая смертность, удалось переломить тенденцию на сокращение населения. Ожидаемая продолжительность жизни выросла до 63 лет у мужчин и до 75 у женщин (“Время новостей”, 12.04.2010).

К сожалению, руководящий оптимизм не подтверждается жизнью. Бахвалиться увеличением продолжительности жизни мужчин до 63 лет, согласитесь, не слишком солидно. Если не сказать – аморально! При конкретизации по возрастным группам картина предстаёт и вовсе печальная: “Смертность российских мужчин трудоспособного возраста достигает 40%, то есть двое из пяти наших соотечественников не доживают до 60 лет, смертность российских мужчин в возрасте 25–29 и 35–39 лет более чем в 7 раз выше, чем у японцев, а в возрасте 30–34 года – более чем в 9 раз” (“Завтра”, № 37, 2010).

Снижение смертности, которыми гордятся Путин и Жуков, увы, оказалось временным. Снизившись в 2009 году, показатель в 2010-м вырос.

Премьер с удовлетворением отмечал: в ближайшие три года в национальный проект “Здоровье” будет инвестировано 440 млрд руб. (“Независимая газета”, 14.09.2010). Деньги и в самом деле немалые. Однако в сравнении с расходами на здравоохранение в других странах – это мизер. По данным ВОЗ, российское правительство тратит на охрану здоровья 3,7% ВВП, тогда как в Европе этот показатель почти вдвое выше.

Эксперты отмечают: “В списке 53 стран, которые входят в Европейский региональный комитет ВОЗ, российское правительство находится на одном из последних мест (разрядка моя. – А. К.) по доле госрасходов на охрану здоровья в ВВП... В Австрии правительство тратит на здравоохранение 7,8% ВВП, во Франции – 8,8%, в Чехии – 5,8%. Меньше России на здравоохранение тратят, в частности, власти Таджикистана, Азербайджана, Армении и Узбекистана” (там же).

Разрыв ещё более заметен при сравнении душевных госрасходов. Если в России они составили 570 долл. на человека, то в целом по ЕС они в четыре раза больше – 2 224 долл. В Австрии на охрану здоровья каждого гражданина правительство тратит 2 900 долл., во Франции – 3 000, в Чехии – 1 420 (там же).

Недостаточное финансирование здравоохранения – это лишь элемент (хотя и чрезвычайно важный) политики наших властей. В целом она может быть охарактеризована как антисоциальная. Население подвергается постоянному стрессу из-за роста тарифов и цен, нестабильности экономической ситуации, перспективы увольнения, роста преступности и террористической угрозы.

Этот повседневный негатив накладывается на неизжитую память о разрушении государства и крахе привычного жизненного уклада: в 91-м едва ли не у каждого русского почва в буквальном смысле слова ушла из-под ног.

В итоге мы имеем не просто рост болезней в обществе, а большое общество. По данным Института социально-экономических исследований РАН, в стране 4 миллиона бомжей, 3 миллиона нищих (inosmi.ru/.../166314712-print.html). Данные обнародованы в украинском издании “Униан” с порцией не менее шокирующей статистики. В России 6 миллионов душевнобольных, 5 миллионов наркоманов, 6 миллионов носителей ВИЧ-инфекции. Эти сведения не подкреплены ссылками на источники, а верить коллегам из Незалежной не хочется. Но то, что по всем трём позициям положение в стране отчаянное, заметно на глаз.

Необходимы срочные меры по оздоровлению общества – как медицинского, так и социального характера. В числе последних – увеличение занятости (реальной, а не “бумажной”), рост зарплат, сокращение чудовищного разрыва доходов богатых и бедных, который драматически искажает ситуацию в стране – экономическую и социальную, – делая нормальную жизнь (покупку качественных товаров, отдых на курорте, приобретение автомобиля и жилья) недоступной для большинства населения.

Вместо принятия оздоровительных мер Кремль планирует дальнейшее наступление на основополагающие права граждан. Помощник президента А. Дворкович, выступая на конференции “Сбережение нации: демографичес-

кий, социально-экономический и политический контекст”, будто в насмешку над заявленной темой призвал “решительно избавляться от неэффективного производства, не опасаясь социальных издержек” (“Время новостей”, 12.04.2010).

Производство у нас сплошь неэффективно из-за изношенной промышленной инфраструктуры. Сколько сил и умения ни вкладывай в станок 1936 года выпуска, ты не сможешь конкурировать с современным оборудованием, установленным на западных, а теперь и на китайских предприятиях.

Но кто же виновен в том, что российские заводы производят продукцию на допотопных станках? “Эффективные собственники” и государство, которое спихнуло им фабрики и заводы, не разработав системы мер, призванных стимулировать обновление оборудования и внедрение инноваций. Виноваты они, а ответственность, точнее, тяготы, планируют переложить на рабочих.

Если начать всерьёз избавляться от “неэффективного производства”, то придётся закрыть три четверти российских предприятий. Значит, ещё больше людей потеряют работу. Ещё больше семей окажутся за порогом бедности. И ещё меньше детей будут рожать российские женщины. И так рождение ребёнка почти автоматически переводит семью в более низкую социальную группу.

И это не учитывая прочих “отягчающих обстоятельств”: нехватку детских садов, недоступность нового жилья для молодых и т. д. Данные из доклада Росстата: ежегодная численность новосёлов сократилась почти в девять раз – с 948 тыс. в 1992 году до 144 тыс. в 2008-м (“Независимая газета”, 12.04.2010). Причина известна – астрономическая стоимость квартир и низкая платёжеспособность населения.

Сегодня это проблема молодых семей, оставленных государством один на один с бедностью и плохими жилищными условиями. Но завтра рожать будет некому – хоть осыпь молодых сертификатами на получение квартир. “За ближайшие десять лет примерно на 10% сократится число женщин репродуктивного возраста”, – признал вице-премьер А. Жуков (“Время новостей”, 12.04.2010). А там вступит во взрослую жизнь новое поколение школьников – в два раза меньше, чем предыдущее: 13 миллионов вместо 21 (там же). Вот тогда мы в полной мере ощутим, что такое вымирание нации.

Следует учесть и неравномерность сокращения населения. Москва и ближнее Подмосковье, вероятно, и в будущем окажутся притягательными для переселенцев, в том числе из ближнего зарубежья. Тогда как Сибири эксперты предрекают резкую убыль населения (“МК”, 20.08.2010). А там у нас и так осталось всего 20 миллионов. Если учесть, что на российско-китайской границе скопилось 300 миллионов китайцев, то потеря Сибири представляется почти неизбежной.

Американские эксперты предрекают России и общий упадок. Эндерс Уимбуш, директор исследовательского Центра стратегии будущего, пророчит: “Пути назад нет. Вряд ли Россия будет спасена или спасёт себя сама от такого истощения человеческого капитала, которое сделает её неконкурентоспособной или даже нежизнеспособной. При реализации этого демографического сценария мне сложно представить, что Россия останется хотя бы региональной державой” (цит. по: “Завтра”, № 37, 2010).

Очень хотелось бы, чтобы американец ошибся. А если он прав?..

Но даже если удастся сохранить население на приемлемом уровне, не факт, что новые поколения будут отождествлять себя с Россией, отстаивать её интересы и целостность.

Происходит процесс этнического замещения. Русские вымирают. Это констатируют уже не только специалисты, а рядовые граждане. “НГ” опубликовала выразительную подборку высказываний, взятых из интернета: “Русские как вид, скорее всего, вымрут”; “смертность у нас действительно высока, и русские как нация могут просто исчезнуть или смешаются с приезжими с Кавказа и Ближнего Востока” (“Независимая газета”, 23.04.2010).

Национальной проблеме посвящена фактически вся первая часть моей работы (“Наш современник”, № 7–11, 2010). Возвращаясь к ней, взглянем на неё в перспективе ближайших десяти лет: “Что день грядущий нам готовит?”

Учёные уже 10 лет назад предупредили: “Объективные демографические процессы в Москве свидетельствуют: недалёк тот день, когда среди жителей столицы будут преобладать люди кавказских наций” (“МК”, 08.10.1999).

По данным исследования “Демографическая ситуация в Москве и тенденции развития”, подготовленного Российской академией наук в 2006 году, “между двумя переписями населения – 1989 и 2002 годов – численность армянской и грузинской общины в Москве выросла в 2,8 раза, азербайджанской и молдавской – в 5 раз, чеченской – в 7 раз, таджикской в 12 раз” (“Независимая газета”, 19.01.2011).

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!*

– некогда воскликнул Пушкин.

Будет ли понятен этот восторженный настрой заполонившим столицу приезжим? Будут ли они знать о битвах, в которых русский народ отстаивал Москву, о выдающихся событиях в её жизни, о великих произведениях литературы, музыки, живописи, созданных в Москве и прославивших столицу?

Для тех, кто видит поведение приезжих сегодня, это вопрос риторический. Но тогда встаёт другой – ещё более тревожный: сделавшись большинством, захотят ли они развивать, благоустраивать, а в случае необходимости и защищать Москву? А ведь столица – это политический и интеллектуальный центр государства. Если он будет парализован, вся страна окажется беззащитной.

Положение осложняется тем, что меняется не только национальный состав, но и цивилизационная парадигма. И дело не только в национальных обычаях, которые привозят с собой приезжие, – той же лезгинке, иной раз исполняемой в людных местах с таким жаром, будто празднуют победу над поверженным противником. Москва становится мусульманским городом, что с предельной наглядностью продемонстрировало прошлогоднее празднование курбан-байрама: в мечетях и возле них, по данным ГУВД, собралось около 80 тыс. мусульман (“Коммерсантъ”, 17.11.2010). Конечно, это всё ещё меньше, чем число православных, принимающих участие в Пасхальных богослужениях, – в 2010 году в Москве на них присутствовало 176,5 тыс. человек ([news.ru.com/Russia/.../ru_print.html](http://news.ru/Russia/.../ru_print.html)). Но разрыв сокращается.

По утверждению председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина, “мусульмане в российской столице составляют уже до 2 млн человек” (“Коммерсантъ”, 18.02.2011). Каждый пятый житель Москвы – мусульманин.

На этом основании муфтий требует возведения новых мечетей в столице. Строить их, разумеется, необходимо. Но при этом следует учитывать и пожелания местных жителей.

К сожалению, часть мусульманского духовенства прибегает к конфронтационной риторике. После того как жители района “Текстильщики”, где Совет муфтиев планировал возвести мечеть, собрали 12 тысяч подписей под петицией протеста, глава Исламского культурного центра – общественного крыла совета – Абдул-Вахед Ниязов “назвал жителей “Текстильщиков” “маргиналами” и “нерукопожатными людьми”, а пожелавший остаться неназванным представитель муфтията призвал власти “пресечь протесты дубинками” (“Независимая газета”, 30.12.2010).

Высказывания эти выводят конфликт далеко за рамки строительных перипетий. Налицо желание говорить с коренными жителями, всё ещё составляющими абсолютное большинство в Москве и в России, с позиции силы. Использовать дубинку в качестве решающего аргумента в споре.

Но, может быть, высказывание представителя муфтията – досадная случайность и на его основании нельзя делать далеко идущие выводы? К сожалению, и сам глава Совета муфтиев России настроен, мягко говоря, недоброжелательно по отношению к русским. Р. Гайнутдин заявил: “... Коренное население не хочет работать, после получения зарплаты пропадает на 15–20 дней, с этими рабочими производить что-либо невозможно” (цит. по: “Коммерсантъ”, 21.12.2010).

Обвинения базарного уровня, не красящие высокопоставленного религиозного деятеля. Их несостоятельность обличает само существование России. Тот самый народ, с которым, по утверждению муфтия, “производить что-либо невозможно”, создал промышленность, ещё недавно занимавшую второе место в мире по объёму ВВП, первым вышел в космос и – вместе с другими народами СССР – одолел всю Европу в самой кровопролитной войне в мировой истории.

Доказывать ложность и даже лживость заявления Гайнутдина излишне. Но настораживает сам факт того, что оно прозвучало. И вместе с высказываниями других представителей муфтията обозначило тенденцию, которую нельзя не признать чрезвычайно опасной. Тем более, что должной оценки государства заявление муфтия не получило. После своего скандального спича Гайнутдин встретился с первым заместителем главы администрации президента В. Сурковым и по итогам встречи заявил, что государство “поддерживает его усилия в борьбе за мир и согласие” (“Коммерсантъ”, 21.12.2010).

Если утверждение соответствует действительности, следует признать, что и сам муфтий, и его кремлёвский визави отчаянные шутники. Только в пароксизме безудержной иронии слова, сказанные Гайнутдином о русском народе, можно охарактеризовать как “борьбу за мир и согласие”!

За годы правления либерального режима мы, русские, наслушались о себе такого – и с правительственных трибун, и с экранов телевизоров, – что в очередном поношении не видим ничего особенного. Но представьте только, что всё это сказано не о русских, а, например, о кавказцах – дескать, и ленивы, и развращены, и к созиданию неспособны. Что бы тут началось!

Впрочем, фантазировать не нужно: не так давно в подобном духе о жителях Кавказа высказался лидер ЛДПР В. Жириновский. И тут же получил сокрушительный отпор на самом высоком уровне. С резкими заявлениями выступили главы едва ли не всех северокавказских республик. Были проведены специальные заседания республиканских парламентов, приняты обращения к Госдуме лишить Жириновского поста вице-спикера. Напор был столь велик, что даже “Владимир Вольфрамович”, как шутя именуют его коллеги, слегка струхнул. В телепрограмме НТВ, где ему пришлось держать публичный ответ, он выглядел необычно присмиревшим.

То, что это означает с е г о д н я, сформулировать несложно: русские являются дискриминируемым большинством. Конечно, было бы опрометчиво делать такой вывод на основании одного, хотя и выразительного сопоставления. Однако можно без труда подобрать массу примеров, показывающих униженное положение русского народа. Нельзя не согласиться с мнением профессора МГИМО В. Соловья: “...Политика, которая проводится в России последние 20 лет, имеет совершенно антирусский характер. Русские в своей собственной стране, которую они исторически создавали, оказались в роли угнетённого большинства. Приоритет имеют этнические группы. Причём очень часто эти группы повязаны с бандитизмом, криминалом, коррупцией. И власть не только ничего не делает, чтобы обуздать так называемые преступные этнические группы, но она опирается на них в своей политике” (“Литературная газета”, № 52, 2010).

Повторю – сегодняшний вывод очевиден. Но что эта ситуация принесёт нам, русским, завтра, когда наше численное превосходство окажется размытым? Уже сегодня этнические меньшинства призывают власть говорить с нами при помощи “дубинки”. И находят полную поддержку в верхах! После Манежной любая попытка русской молодёжи публично выразить своё мнение, даже при отсутствии намёка на экстремизм в лозунгах, как в случае с акцией памяти жертв теракта в Домодедове, пресекается с демонстративной жестокостью (“МК”, 27.01.2011).

Любопытна и полная солидарность в этом вопросе столичных либералов с “кровавым”, как они изволят выражаться, режимом. Небезызвестный В. Шендерович на митинге в поддержку толерантности (!) заявил: “Этим людям надо затыкать глотки” (“МК”, 27.12.2010). Впечатляющая эволюция главного поборника свободы слова в России.

Грозная коалиция – власть, представители муфтията, прозападные правозащитники. Некуда деться! Кинешья за помощью к “родному” государст-

ву, а оно тебя дубинкой. Обратишься с жалобой к правозащитникам, а они – “заткнуть глотки”!

Ну допустим, заткнут, подавят, раскатают так, что и следа не останется. И что же выиграет от этого главный распорядитель насилия – власть? И – шире – нынешняя россиянская элита. Поможет ли это сохранить государство, контроль над которым она, надо думать, собирается удерживать долгие годы?

Кремль видит главную опасность в русском национализме. Это не синдром Манежной. Такая политика запрограммирована первым же шагом Ельцина, потребовавшего от народных депутатов сменить название государства, наречённого ими просто “Россия”, на канцелярски сухое, зато политкорректное – “Российская Федерация”. Скорее всего, здесь, как и в последующих мерах, проявилось обострённое политическое чутьё, присущее первому президенту. Он понимал, что главной жертвой рыночной трансформации страны станет государствообразующий народ, и старался превентивно ослабить его, сломить способность к сопротивлению.

Тогда же обозначились и союзники новой власти – так называемые национальные республики. “Берите суверенитета, сколько хотите”, – призывал их руководителей Ельцин, отнюдь не распространяя подобную щедрость на главных русских краёв и областей.

Вот и новый президент провёл Госсовет, посвящённый проблеме межнациональных отношений, не в Москве, а в Уфе – в окружении глав национальных республик, которым, в основном, и предоставлял слово, и мусульманского духовенства, с которым счёл необходимым пообщаться. Место встречи определило её характер. Среди высказанных идей выделились две: сохранение мультикультурализма и замена этнической идентичности гражданской.

Каждая по-своему примечательна. Защита мультикультурализма, после того как главы ведущих стран Европы в весьма энергичных выражениях объявили об его крахе, выглядит провинциальной архаикой. А если учитывать неизменный пиетет наших руководителей в отношении “просвещённой Европы”, то и политической дерзостью.

Напомню, 5 февраля, выступая на одном из самых авторитетных международных форумов – Мюнхенской конференции, английский премьер Дэвид Кэмерон заявил: “В соответствии с доктриной государственного мультикультурализма мы поощряли представителей различных культур жить обособленно друг от друга и от господствующих в обществе ценностей... Мы терпели эти отдельные сообщества, ведущие себя в полном противоречии с нашими ценностями (разрядка моя. – А. К.)”. Премьер патетически продолжил: “Я произношу это как обвинительный акт нашему подходу к решению этих проблем в прошлом. Если мы хотим победить эту угрозу, мы должны перевернуть страницу провальной политики прошлого... Вместо того чтобы поощрять людей к обособленной жизни, мы нуждаемся в ясном общенациональном сознании... Нам нужно меньше пассивной толерантности, нам нужно показать мускулы” (“НГ-Религии”, 16.02.2011).

Кому следует показать мускулы на родине Кэмерона, да и в Европе, поняли все. Миллионам мусульман, многие из которых, проживая в Англии, держатся обособленно, воспитывают детей в традициях, чуждых британским, выступают за введение законов шариата на новой родине. Официальный Лондон долгое время не только терпел этот настрой, но и шаг за шагом уступал давлению. Дошло до того, что глава Англиканской церкви архиепископ Р. Уильямс заявил, что “считает неизбежным включение норм шариата в британское законодательство”, а мэр Лондона Б. Джонсон, в чьих жилах течёт, как выяснилось, не только еврейская, но и турецкая кровь, призвал жителей города поститься в месяц Рамадан “для достижения взаимопонимания” с мусульманами (там же).

Отныне этой самоубийственной политике положен конец. И не только по указанию сверху. В тот самый день, когда Кэмерон выступал в Мюнхене, активисты только что созданной “Английской лиги обороны” (аналог нашей ДПНИ) провели массовый марш протеста в Лутоне – одном из самых исламизированных городов Англии, с плакатами “Нет строительству новых мечетей” и “Мусульманские террористы, убирайтесь с наших улиц” (там же).

Спустя пять дней эстафету Кэмерона подхватил французский президент Н. Саркози. Выступая по общенациональному телевидению, он заявил: “Мы слишком беспокоились об идентичности людей, прибывающих в нашу страну, но недостаточно – об идентичности собственно нашей страны, принимающей их... Если ты приезжаешь жить во Францию, то должен согласиться на то, чтобы раствориться, как в плавильном котле, в едином обществе, а именно в национальном обществе” (newsru.com/world/.../sarkozy_print.html).

Ранее в том же духе высказалась бундесканцлерин А. Меркель: “Мы исходили из идеи мультикультурализма и думали, что будем жить рядом и ценить друг друга, но такой подход провалился” (“НГ-Религии”, 16.02.2011).

И вот всем этим весомым высказываниям, выстраданным в буквальном смысле слова (в минувшем году только в Лондоне от поножовщины, регулярно устраиваемой выходцами с Востока, погибли 19 подростков*), Медведев противопоставил своё звонкое юниорское “Не верю!”. “Сейчас много разных новомодных тенденций в обсуждении проблем межнационального общения, – заявил он в Уфе. – В Европе стало модно говорить о крахе политики мультикультурализма. Дескать, это не тот курс, который направлен на гармоничное развитие разных культур в одной стране, где существует ведущий этнос; это бессмысленно делать; лучше, чтобы все иные культуры развивались только в русле традиций и ценностей ведущего этноса”. Для России это не приемлемо, – отрезал Медведев (“Независимая газета”, 14.02.2011).

Примечательна и высказанная идея отказа от этнической идентификации. На первый взгляд, она противоречит политике мультикультурализма. “Я не русский, я не еврей – я гражданин России”, – в тот же день объяснил суть сказанного президентом его идейный союзник Н. Сванидзе (“Красный угол”. Россия-24, 11.02.2011). В таком случае – какой же мультикультурализм? Полагаю, противоречие будет снято грубо, но просто: “ведущему этносу”, то бишь нам, русским, вменят в обязанность гражданскую идентификацию (не русский, а гражданин России), тогда как другим народам страны дозволит предаваться вольностям мультикультурализма.

Да это уже по факту и происходит в той же Уфе. В Башкирии, как и в соседнем Татарстане, в паспортах имеются вклады с указанием национальности. Никаких “россиян”! Если ты башкир, то и называйся соответственно. Не стыдись имени предков. В республиках Северного Кавказа таких вкладок нет, зато и нет русских. Во всяком случае, в Чечне, Ингушетии, Дагестане. Там и без паспорта понятно, что человек представляет титульную нацию. А вот в собственно русских областях сначала из паспортов убрали графу “национальность”, а теперь фактически запретили людям называть себя русскими – только россиянами.

Дело, конечно, не в паспортной строчке – она лишь маркер, хотя и выразительный, общих настроений. В национальных республиках созданы все условия для реализации потенциала развития титульной нации. Взять хотя бы близкую мне сферу культуры. Широчайшая пропаганда национального языка, национальных традиций. В том числе и на местном телевидении. Там немислимо глумление над коренным этносом, как это сплошь и рядом происходит в Москве.

Полностью поддерживаю такой подход. Хотя, к сожалению, нередко республиканские руководители “перебирают” в защите своей нации. В сфере культуры, например. В иных республиках русских и “титульных” – поровну. А в литературе, музыке, живописи русских имён практически нет. И если бы всё ограничивалось культурой! Русские далеко не пропорционально представлены в органах управления, а на уровне правительства их подчас просто нет. Обозреватели указывают в этой связи на Татарстан (“Независимая газета”, 16.11.2010). Но можно вспомнить и Чечню, и Дагестан, и другие северокавказские республики.

А что в России? Власти запрещают последние организации националистов. В середине февраля прокуратура приостановила деятельность “Движения против нелегальной иммиграции”. “Установлено, что цели и действия указанного объединения направлены на осуществление экстремистской деятель-

---

* Newsru.com/world/.../draka_print.html.

ности”, – говорится на сайте Генпрокуратуры (newsru.com/Russia/.../dpni_print.html). Выходит, бороться против нелегальной иммиграции – преступление? Приезжай – кто хочешь, разбойничай – как можешь, а тем, кто попытается протестовать, Генпрокуратура заткнёт рот? Ну хотя бы изредка наверху думали о том, как будут восприниматься их решения!

Дошло до того, что в московской прессе само слово “русский” поставлено под подозрение и отождествляется чуть ли не с фашизмом. Не верите? Ознакомьтесь с комментариями директора Центра политических технологий Бунина по поводу спортивных мероприятий, организованных движением “Русские – за здоровый образ жизни”. Цитирую: “Настораживает само название. Слово “русский” указывает не на принадлежность к определённой стране, а на национальную принадлежность. Гражданин РФ – россиянин, им может быть и узбек, и дагестанец. Организаторы движения беспокоятся о здоровье только русской нации” (“Независимая газета”, 11.02.2011).

Казалось бы, что криминального в такой заботе? Особенно, если учесть, что и в Дагестане и, уж разумеется, в Узбекистане есть масса организаций, пекущихся о здоровье местных жителей. Однако эксперт, на основании одного только упоминания о русских, делает фантастический вывод: “Бунин напомнил, что немецкий национал-социализм начинался именно с движений за здоровый образ жизни” (там же).

Если уж всуе вспоминать о национал-социализме, позволительно заметить – даже чиновники Гитлера не относились с такой подозрительностью к евреям, как известный политехнолог к русским...

Скажете: досадная случайность! Мало ли что наговорят чересчур впечатлительные интеллектуалы.

Увы, разговорами отныне не ограничиваются. События разворачиваются по наихудшему сценарию. В прессу попали сообщения о том, что участников спортивных пробежек, организованных движением “Русские – за здоровый образ жизни”, задерживают правоохранители. “...Чревато вообще всё, что за русских. Само слово “русский” – и то чревато”, – замечает по этому поводу обозреватель “МК” Ю. Калинина (“МК”, 25.02.2011).

Впрочем, и сам “Комсомолец” немало на такую ситуацию поработал. Вот как газета характеризует инициативу ЛДПР по изменению преамбулы к Конституции РФ, представленную на встрече с президентом: “...Либерал-демократы считают, что следует изменить преамбулу к российской Конституции. Вместо фразы: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации”, надо написать: “Мы, русский и другие многонациональные народы Российской Федерации”. Вот кто на этой встрече был настоящим разжигателем межнациональной розни” (“МК”, 18.01.2011).

Помилуйте! Какое разжигание розни можно усмотреть в указании на ведущую роль русского народа? Ведь формула, предложенная ЛДПР, не исключает и другие народы, она лишь расставляет приоритеты. Они, к сведению господ журналистов, прокуроров и прочих вершителей наших судеб, обозначены не по чьей-то прихоти, а являются итогом тысячелетнего пути создания нашего государства. Ведущую роль русских в этом процесс не отрицали даже убеждённые интернационалисты из КПСС. Помните начальные слова гимна: “Сплотила навеки великая Русь”?

Если этот исторический факт вас не устраивает, ищите себе другое государство. Но не пытайтесь отнять у нас наше. То, что наши предки и мы создавали и защищали. Да, в сотрудничестве с другими народами. Никто в здравом уме и ясной памяти этого не отрицает. Но именно русские внесли в процесс построения государства решающий вклад. Зачем вы спорите с очевидным?!

Не спрашиваю – моральна ли такая позиция. Не только у нас, но и во всём мире мораль имеет мало общего с действиями политиков. Но в демократических странах политиков сдерживает страх потерять поддержку избирателей. В Германии, прежде чем Меркель сделала своё знаковое заявление, в обществе развернулась ожесточённая полемика вокруг мультикультурализма и засилья мигрантов. Известный немецкий публицист Ральф Джордано так охарактеризовал ситуацию: “Ещё ни разу в истории ФРГ не было

столь явного расхождения между народом и политическим классом, как сейчас, в дискуссии о миграции и интеграции. Заррацин (автор нашумевшей книги “Германия самоликвидируется”. — А. К.) выявил эту пропасть, которая до смерти напугала политиков. Те же политики, которые годами приукрашивали и замалчивали существование проблемы, вдруг вынуждены взять на вооружение аргументы Заррацина, чтобы окончательно не ударить в грязь лицом. Не то чтобы они вдруг прозрели. Они просто боятся растерять электорат” (“Коммерсантъ”, 02.11.2010).

Наши руководители растерять или рассердить электорат не боятся. Они знают “первый закон Чурова” и, видимо, уверены в том, что голоса на выборах будут подсчитаны согласно этому “закону”. Вот почему я считаю неразвитость демократии огромной бедой России! Она не позволяет народу заставить лидеров проводить политику, нужную большинству.

Но, помимо электората, есть ещё и страна, которую наши “всенародно любимые” возглавляют. Вот почему спрошу не о морали, а о корысти: вы уверены, что ваша политика позволит сохранить страну? Понятно желание не потерять Кавказ, но не боитесь ли вы, во всём уступая и подыгрывая Кавказу, в конечном счёте потерять саму Россию?

Времена, когда люди с пиететом относились к государству только лишь благодаря самому факту его существования, прошли. И господа либералы сделали для этого немало! Сегодня от государства требуют конкретной помощи: покажи, что ты можешь дать мне, моей социальной группе, нации. “Если мы не нужны этому государству, то зачем нам такое государство? Вот большой экзистенциальный вопрос нашего ближайшего будущего”, — точно обозначил проблему социальный мыслитель С. Батчиков (“Завтра”, № 7, 2011).

Не получая поддержки от “родного” государства, сталкиваясь с фактами прямой дискриминации коренного населения и в то же время наблюдая, как власть устанавливает “режим наибольшего благоприятствования” для приезжих, русские могут сами отказаться от такого государства. Лишить Россию, становящуюся нерусской, своей поддержки. Показательно: на митинге, состоявшемся в середине февраля в Москве, прозвучали “необычные”, как охарактеризовали их репортёры, лозунги. “Активисты “Республиканской инициативы”, выступая перед собравшимися на Пушкинской площади людьми, заявили, что единственной альтернативой действующему государственному строю является распад России, и призвали к расформированию Российской Федерации” (lenta.ru/news/2011/02/.../_Printed.html).

Понятно, это чудовищный перебор. Надо полагать, результат отчаяния, чувства бессилия, охватывающего людей, осознавших, что они — лишние в своей собственной стране. В таких случаях кажется, будто главная причина в государстве, поэтому его и хотят разрушить. Между тем, причина во власти. Она вовсе не тождественна государству: как пришла, так и уйдёт. В конце концов мы можем её сменить вполне легальным способом. Поверьте, друзья, это куда разумнее и эффективнее, чем разрушение России.

Но что бы по этому поводу ни думать, как бы причудливую инициативу ни комментировать, она публично сформулирована. В центре Москвы, в самом сердце России русские люди призвали к расформированию Российской Федерации. Страшный итог политики игнорирования русских интересов, которую проводит нынешняя власть!

На чью же поддержку она рассчитывает? На “благодарность” Кавказа, которому без счёта выдают бюджетные трансферты, и лидерам которого позволяют буквально всё?

На Госсовете в Уфе Медведев в очередной раз призвал к толерантности. Не по отношению к русским ребятам. С ними он велел разбираться “жёстко, без церемоний” (newsru.com/.../ksenomedput_print.html). Толерантность адресована жителям “маленьких, но гордых республик”.

Газета “Завтра” с горькой иронией прокомментировала: “В связи с этим заявлением президента России в ближайшее время ожидается осуществление нескольких масштабных терактов, уже обещанных Доку Умаровым, в рамках дальнейшего развития принципов толерантности и мультикультурности” (“Завтра”, № 7, 2011).

В самом деле, нужно быть слепцом, чтобы не увидеть: подлинная угроза России исходит не от народа, который создал страну, а от

религиозного (а в иных случаях этнического) экстремизма, обосновавшегося на окраинах и оттуда ведущего атаку уже не только на представителей Федерального центра на местах, но и на сам центр.

В предыдущих главах я много писал о преступлениях мусульманских фанатиков, поэтому лишь кратко упомяну об их последних деяниях. Взрыв в аэропорту Домодедово 24 января 2011 года, унесший 36 жизней. Расстрел в Кабардино-Балкарии пяти милиционеров 2 февраля. Нападение на милицейский конвой в Карачаево-Черкесии 4 февраля. Три взрыва в Грозном 8 февраля. Два теракта в Губдене (Дагестан) 15 февраля. Расстрел московских туристов в Кабардино-Балкарии 19 февраля. Нападение на Нальчик 25 февраля.

Продолжается и бытовая агрессия в центре России. Казалось бы, после того грозного резонанса, который вызвало убийство Егора Свиридова, любители помахать ножиком или пострелять из среды московских диаспор должны были хоть на время притихнуть. Ничуть не бывало! Плевали она на наше общественное мнение. Тем более что власть безжалостно подавляет русский протест и спрехвала преследует кавказских бандитов.

19 декабря в пригородном посёлке Московский четверо выходцев с Кавказа избили местного жителя и нанесли ему ножевые ранения. 20 декабря приезжий из Чечни, доставленный в отделение милиции, с заряженным пистолетом напал на женщину-милиционера. 25 декабря водитель иномарки, уроженец одной из кавказских республик, повздорив с водителем другого автомобиля, застрелил его. 25–26 декабря: драка в ресторане на Малой Ордынке. Милиционер пытался разнять дерущихся. “44-летний чеченец выхватил травматический пистолет и выстрелил блюстителю закона прямо в лоб”; “20-летний чеченец нанёс множество ударов ножом” двум москвичам, не уступившим ему дорогу (“МК”, 27.12.2010). В новогоднюю ночь группа кавказцев забила москвича М. Кольцова, справлявшего праздник в кафе, принадлежащем жителям Кавказа. 7 января толпа выходцев с Кавказа избила телекомментатора канала ТВЦ. 23 января – массовая драка с азербайджанцами в Петербурге.

После каждого подобного случая милиция рапортует: заурядная бытовуха, никаких межнациональных трений. Если бы подобное происходило раз или два в месяц, можно было бы говорить о случайных конфликтах на бытовой почве. Но когда нападения на русских происходят чуть ли не через день, следует сказать об определённой манере поведения приезжих, об агрессии с их стороны.

Кстати, эта агрессия не отделена глухой стеной от большого террора. Дагестанец Рамазан Утарбиев, которого следователь отпустил после убийства Егора Свиридова, скрылся от правоохранителей и разместил в социальной сети объявление, что он придерживается ваххабитских взглядов и мечтает стать шахидом (“МК”, 28.01.2011).

Формы разные, почва – одна. Ненависть к России и русским.

Ужасно, что такая ненависть существует. Но хорошо, что к ней, по крайней мере, привлекли внимание общества. Пусть и как к “ненависти взаимной” (“Независимая газета”, 23.12.2010). В отношении русских, с их долготерпением, это не вполне справедливо. Но хотя бы обозначена острота конфликта. А то любители толерантности изображали молодых агрессоров с Кавказа в виде невинных жертв свирепых русских ксенофобов.

Проблема столь взрывоопасна, что привычная ориентация нашей верхушки только на одну – нерусскую – сторону конфликта даже частью московского политического истеблишмента воспринимается как неадекватная. Известный политтехнолог Г. Павловский, в своё время немало сделавший для продвижения Путина в Кремль, утверждает: “Понятно, что с Кавказом мы будем разбираться ещё лет 30 или 50... Сегодня проблема в том, что нужно открытое, серьёзное, уважительное к друг другу обсуждение темы” (“Независимая газета”, 28.01.2011).

Именно это я предлагаю уже много лет. До сих пор предложение наталкивалось на нежелание властей и медийной элиты честно обсуждать межнациональные отношения. Однако сейчас привычные табу уже не работают.

Сергей Батчиков справедливо указывает: “Ясно, что главным вопросом предстоящих лет – в том числе и выборов – в России станет пресловутый “национальный вопрос”, а сохранение властью... своей гегемонии зависит от её способности на этот вопрос ответить” (“Завтра”, № 7, 2011).

Добавлю от себя: если власть полагает, что удовлетворительным ответом станет заявленный в Уфе отказ от этнической идентичности, по существу означающий запрет русским называть себя русскими, то она глубоко ошибается. И, несмотря на “закон Чурова”, ей придётся в этом убедиться.

Начав эту главу с цитаты из Алексея Малашенко, я закончу его же словами: “С национализмом шутки шутить опасно. Всех в кутузку не упрячешь. Это, простите, публичное отражение общественного мнения... Стратегических гениусов наверху нет. Но вот чтобы почувствовать реальную опасность, нюху хватает” (“НГ-Политика”, 18.01.2011).

На мой взгляд, и это не очевидно. Но очень бы хотелось надеяться...

Либо власть изменит свою политику. Либо народ воспользуется законным правом сменить власть.

Иначе мы действительно потеряем страну.

(Продолжение следует)

**В издательстве “Наш современник” вышла книга
АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА “ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС”**

Книга состоит из четырёх частей, посвящённых массовым движениям Европы и мусульманского мира, новым моделям народовластия в Латинской Америке, протестным движениям в России. Автор использует огромное количество фактических данных и материалов, многие из которых недоступны широкой публике.

Издание можно приобрести в редакции журнала или заказать по почте. Сообщаем, что в связи с повышением почтовых тарифов цена книги для иногородних читателей (с пересылкой) повышается до 200 руб. Для оформления почтовой доставки деньги следует перевести на адрес редакции: 127994, Москва, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2. Редакция журнала “Наш современник”. Казинцеву А. И.

В марте 1861 года, уже 150 лет тому назад, в России произошло событие, во многом определившее её дальнейшую историю. Было отменено крепостное право, существовавшее в нашей стране около 300 лет со времён Бориса Годунова. Миллионы русских крестьян получили личную свободу, при этом пострадав экономически, так как на них было возложено тяжкое финансовое бремя расходов, связанных с осуществлением этой реформы. В публикуемом на страницах нашего журнала историческом исследовании, автором которого является известный политический деятель современной России, бывший президент, а ныне государственный советник Республики Саха (Якутия) Михаил Ефимович Николаев, предпринята попытка проанализировать уроки и следствия этого поистине эпохального события.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

НА ПОЛЯХ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ

УРОКИ ИСТОРИИ

Календарь, который, как известно, имеет пристрастие к великим датам, напомнил нам, что 5 марта 2011 года исполняется 150 лет с того дня, когда российский император Александр II лично огласил Манифест об отмене крепостного права в России. За две недели до этого события он подписал основной документ по этому вопросу – “Положения 19 февраля 1861 года”, который законодательно навсегда отменял крепостное право, существовавшее во всех 45 губерниях европейской части России с численностью крепостных крестьян 22,5 млн человек.

Пышных торжеств по этому случаю не было. Власть предприняла все меры, чтобы общество проявило сдержанность в выражении чувств, опасаясь излишне эмоциональных проявлений радости и восторга со стороны населения. И хотя вся последующая жизнь России определялась именно этой фундаментальной реформой, пристальный общественный интерес к её результатам был проявлен лишь в 1911 году, во время первого, действительно широко отмечавшегося юбилея – 50-летия Манифеста. Однако торжества были омрачены убийством в Киеве другого великого реформатора, тогдашнего премьер-министра России Петра Аркадьевича Столыпина.

К 50-летию были изданы многотомные издания: «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», «Три века. Россия от Смуты до настоящего времени», объединившие работы и оценки ведущих российских историков и специалистов.

100-летие реформы в 1961 году практически не отмечалось, так как в советское время реформа оценивалась в целом негативно, как обман крестьянства, сопровождавшийся лишением земли и разорением широких крестьянских масс.

Но вот мы стоим в преддверии 150-летия этого великого исторического события в судьбе России, и я глубоко убеждён в том, что необходимо вернуться к воспоминаниям и оценкам истории тех времён.

Отменой крепостного права было положено начало эпохе так называемых «Великих реформ», коснувшихся различных сторон общественно-политической жизни России и часто в научной-популярной литературе именуемых «революцией сверху». Я избегаю такого сравнения хотя бы потому, что считаю хорошо продуманную, вовремя свершённую и до конца доведённую реформу лучшим лекарством от революций. Нам следует отметить эту круглую дату в настоящем как важный и поучительный урок национальной истории, способный вооружить нас полезными знаниями и бесценным опытом для дальнейшего продвижения в будущее. Реформа – не одномоментный акт, а достаточно длительный процесс, требующий внимательного управления, умной корректировки со стороны государственной власти. И внимательного, вдумчивого изучения.

Сегодня всем нам необходимо глубоко поразмыслить и постараться почерпнуть из пережитого страной всё полезное, всё то, что продолжает оставаться актуальным для жизни современной России. Ведь задуманная и осуществлённая полтора века назад Освободительная реформа с её великолепными посевами идей оставила и нашему поколению не одну несжатую полосу на современных политических, экономических и социальных, даже нравственных и культурных полях России. Интерес к ней имеет не только академический, но сугубо практический характер.

То была не столько крестьянская, сколько общенациональная по замыслу, системная по структуре и замыслу – Великая реформа, как она же закрепила в своём историческом названии. Да и крестьянский вопрос не потерял своей актуальности и в наше высокотехнологическое время. Он решается теперь в рамках национального проекта большой российской политики. Ведь решение о проведении в современной России столь масштабных перемен не является чьим-то досужим вымыслом, а выступает как сложный стратегический замысел, в чём-то даже вынужденный, но спасительный для страны. Нам необходимо сделать это задуманное дело в границах возможного, ничего не упустив и не впадая в утопию, чтобы не случилось по известному афоризму: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Опыт проведения Великой реформы 1861 года, последующих и вытекающих из неё реформ поможет нам увидеть и успешно преодолеть слабые места и препятствия в осуществлении современных преобразований. И что очень важно, предотвратить, избежать досадных ошибок.

Прикрепление крестьян к земле, или «крепость», наиболее полная и суровая форма крестьянской зависимости, была основана на совокупности правовых норм феодального государства.

Крепостное право включало в себя не только запрет на свободный переход крестьян от одного помещика к другому, но также запрет на отчуждение крестьянином земельного надела, запрет на приобретение им недвижимости. Оно предусматривало пожизненное и наследственное подчинение крестьян административной и судебной власти конкретного помещика. В свою очередь, помещик имел возможность отчуждать крестьян без земли, пользоваться разнообразными, порой аморальными, бесчеловечными формами их внеэкономического принуждения.

Крепостное право не является российским изобретением и нашей национальной спецификой. Крайние формы крестьянской зависимости существовали во всей Европе. Приход крепостного права всегда соответствует в истории определённому этапу развития общественно-политических отношений.

Во многих крупных европейских странах, таких как Англия, Франция, за-

падные области Германии, крепостная зависимость появляется в IX–X веках, в XVI веке – в северо-восточной Германии, в восточной части Австрии и в некоторых других частях Европы гораздо позднее – в XVI–XVII веках.

Крепостная зависимость удерживалась в большей или меньшей степени до XIX века в Германии, Польше, Австро-Венгрии.

Юридическое оформление крепостного права в России началось в правление Ивана III с принятием свода законов единого русского государства – Судебника 1479 года. Статья 57-я этого Судебника ограничивала право крестьянского перехода от одного землевладельца к другому одним сроком для всей страны: неделей “до” и неделей “после” Юрьева дня (26 ноября). Трудновыполнимым условием перехода была уплата “пожилого” – компенсации землевладельцу за потерю им рабочих рук.

В начале 80-х годов XVI века под воздействием экономического кризиса и запустения в России началась перепись вотчинных и помещичьих хозяйств. С 1581 года на территориях, где проводилась перепись, стали вводиться “заповедные годы”, в которые запрещался переход крестьян даже в Юрьев день. В 1592 году, во времена царствования Фёдора Иоанновича (фактическим правителем России в это время был Борис Годунов) перепись была завершена, и был издан специальный Указ, полностью запрещающий переход крестьян. Отсюда пошла поговорка: “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день”.

Новое Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года закрепило законодательно бессрочный розыск беглых крестьян, узаконило право наследования поместных земель потомками служилых дворян. Теперь крестьян вместе с их семьями передавали в собственность тех, на чьих землях они проживали. Тем самым помещики получили право не только на труд крестьянина, но и на него самого и на его имущество, причём до конца жизни подвластного.

Землевладельцам передавалось также право вотчинного суда и полицейского надзора за крестьянами, которые при этом не имели права самостоятельно выступать в судах со своими исками, за них это делал их помещик. Заключение браков, семейные разделы крестьян, передача по наследству крестьянского имущества могли происходить только с согласия землевладельца. Также крестьянам запрещалось держать в городах торговые лавки, им разрешалось торговать лишь с возов.

Таким образом, Соборное Уложение 1649 года завершило создание государственной системы крепостного права.

Центром всей экономической жизни села было имение помещика. Принадлежащая помещику земля состояла из двух частей: одна шла под барскую запашку, обрабатываемую трудом крепостных, а другая – крестьянская, переданная им в пользование, но их собственностью не являющаяся.

Основой крепостного хозяйства являлась феодальная собственность – земля в частной собственности феодала. Этот вид собственности характеризовался следующими признаками: монопольное право владения землёй принадлежало дворянству; непосредственный производитель – крепостный крестьянин, находившейся в личной зависимости от помещика, прикрепленный к своему земельному наделу без права собственности на него. Этой системе хозяйства исторически присущ низкий уровень развития производительных сил.

В условиях мобилизационного развития страны эта система была главным средством укрепления могущества государства, обеспечения приемлемого уровня развития экономики и поддержания военной силы. На какое-то время система крепостного права могла укрепить государство и обеспечить решение масштабных преобразований внутри страны и борьбу с внешними угрозами. Например, в эпоху Петра Великого. Однако такой путь, где крестьянин рассматривался лишь как средство, а не цель, не имел исторической перспективы и был социально-экономическим продуктом конкретной эпохи.

Замечу также, что все законодательные акты последующих лет, принимаемые в отношении крестьян, вплоть до 1803 года, были направлены на всё большее сокращение последних остатков их свобод и прав. Дело доходило до продажи помещиками крестьян, как вещи, порой отдельно от других членов семьи. Бесчеловечность, презрение к человеческой личности – главный порок крепостного права. Этим объясняется социальное напряжение в обществе, сопровождаемое бегством крестьян от своих хозяев, бунтами, различными массовыми крестьянскими волнениями.

Кризис, изначально заложенный в противоречиях крепостнической системы, становится в определённое время отчётливо видимым обществом и властью, начинает тормозить дальнейшее развитие. Считается, что отчётливое осознание исторической исчерпанности крепостного права произошло в России в первой четверти XIX в. Хотя возникавшие трудности и не представлялись ещё катастрофическими для страны: была одержана убедительная победа России в Отечественной войне 1812 года, наметился экономический подъём, связанный с ростом цен на российское зерно, расширялась торговля, росли и крепки города. Это создавало иллюзию могущества самодержавной крепостнической России и отодвигало намечаемые императором Александром I, победителем Наполеона, реформы вглубь нового, уже XIX века. Однако именно он первым предпринял серьёзные попытки уничтожить крепостное право в России и изменить её политическое устройство.

Александр I, любимый внук Екатерины II, воспитанный на трудах французских просветителей, после воцарения создал кружок “молодых друзей”, а позже Негласный комитет, где, в обстановке строгой секретности, в тесном кругу доверенных лиц обсуждалась программа назревших преобразований. После победы над Наполеоном был создан Секретный комитет по крестьянскому вопросу, но подготовленный черновой проект отмены крепостного права не получил одобрения императора и остался на бумаге.

Также секретно был подготовлен проект конституции под названием “Государственная грамота Российской империи” с расчётом на превращение России в конституционную монархию. В этом случае законодательная власть перешла бы к императору и двухпалатному законодательному органу, а исполнительная власть – к Государственному совету, состоявшему из Общего собрания и Комитета министров. Но император отказался от своего великого замысла: он не находил поддержки своим идеям не только у дворянства, но и в кругу царской семьи. Он вынужден был отказаться от решительного шага, горько заметив при этом: “Некем взять”. У него просто не было достаточно подготовленных кадров, способных не только разработать, но и организовать исполнение такой сложной реформы.

Но витавшая в передовых умах идея преодоления крепостничества не покинула Россию. Многие государственные и общественные деятели понимали, что крепостное право позорит Россию и низводит её в разряд отсталых государств. Крепостническая система изжила себя экономически. Помещичье хозяйство, основанное на труде крепостных крестьян, приходило в упадок. Это беспокоило правительство, которое было вынуждено тратить огромные средства на поддержку помещичьих хозяйств. Крепостничество мешало индустриальной модернизации страны, препятствуя образованию рынка свободной рабочей силы, накоплению капиталов, вложенных в производство, повышению покупательной способности населения и развитию торговли.

Нарастала социальная напряженность. Крестьяне протестовали, всё чаще и в массовом порядке отказываясь работать на барщине и выплачивать оброк. Участились массовые побегии, поджоги помещичьих усадеб.

Поражение в Крымской войне также сыграло роль важной политической предпосылки отмены крепостного права.

Передовые люди того времени видели бесчеловечность системы, лишавшей своих главных кормильцев и защитников – крестьян – их законного права свободы выбора, свободы распоряжаться своей судьбой.

Вопрос о ликвидации крепостного права, которое наряду с самодержавием являлось главной опорной конструкцией социального строя России, его административной системы, с необходимостью требовал замены институтов и механизмов управления новыми, более эффективными. Вот почему необходимо было начать преобразование не только в крестьянской, но и в других сферах общественной жизни.

Нерешённые проблемы от Александра I перешли к следующему императору Николаю I.

Николай I, вступив на престол, горел желанием решить сложнейшие социально-экономические задачи страны, в том числе и крестьянский вопрос. Это было и понятно, ведь в начале его царствования, говоря словами Лескова, “было смятение”. А декабристы, организаторы этого “смятения”, первым же своим действием после захвата власти планировали именно отмену крепостного права. Николай I был неглупым человеком и прекрасно понимал всю

неотвратимость решения этой проблемы. Исследователи приводят его слова, сказанные в одной из доверительных бесед: “Я хочу отпустить крестьян с землёй, но так, чтобы крестьянин не стал отлучаться из деревни без спроса у барина или управляющего: дать личную свободу народу, который привык к долголетнему рабству, опасно. Я начну с инвентарей: крестьянин должен работать на барина три дня и три дня на себя; для выкупа земли, которую имеет, он должен будет платить известную сумму по качеству земли, и надобно выплатить в несколько лет, земля будет его. Я думаю, что надобно сохранить мировую поруку, а подати должны быть поменее”.

Однако все замыслы и начинания императора по крестьянскому вопросу заканчивались обсуждением проблем и не имели практического продолжения. Создаваемые им всякий раз Секретные комитеты по крестьянскому вопросу писали объёмную записку с указанием мер, необходимых для решения проблемы, затем обсуждали и одобряли документ и тут же заявляли о несвоевременности практических шагов. Комитет на этом распускался для того, чтобы через некоторое время был создан другой комитет по другой проблеме. И всё же правление Николая I было отмечено его Законом об “обязанных крестьянах” (1842 г.). Через пять лет, в 1847 году Николай I даровал крепостным право выкупа на свободу в случае продажи имения их владельца.

Но даже такое положение дел в решении крестьянского вопроса сыграет положительную роль только в будущем, когда реформа получит “зелёный свет” и когда будет цениться каждая дельная мысль, оставленная в записках Секретных комитетов, созданных некогда Николаем I.

Царствование Николая I, его личность заслуживают изучения современными политиками хотя бы потому, что дают массу примеров того, как не надо строить свою властную деятельность. Всепроникающий, но далеко не полезный и не эффективный государственный контроль, некомпетентность, безынициативность чиновников, разросшийся бюрократический аппарат, сокращение гражданских свобод, жёсткая цензура в печати, манера императора влезать во все мелочи столь многообразной жизни, лично руководить всем и вся, острая нехватка квалифицированных работников во властных эшелонах, выдвижение на ключевые посты бездарных людей (“Мне не нужны умники, мне нужны верноподданные”) – вот далеко не полный перечень ошибок императора, так и не приступившего к практической отмене крепостного права. Он не готовил ни людей, ни средств для осуществления неминуемых реформ.

19 февраля 1855 года, по смерти своего отца, на престол вступил Александр II. Именно ему принадлежит слава освободителя крепостных крестьян. Его правление (1855–1881 гг.) стало периодом радикальных преобразований всего российского общества, объединённых понятием Великая реформа.

Однако от воцарения на российском троне до начала реформ прошло около четырёх лет. Это были очень сложные годы для России. Крымская война (1853–1856 гг.), которую Россия проиграла, стала как бы наглядным итогом эпохи правления Николая I и неудачным началом правления его сына. Причин этому называли множество, но главная из них коренилась в отжившей крепостнической системе, в крепостнических отношениях, при которых никакая власть не была способна обеспечить прогресс в развитии России. Отсталость крепостнической России от передовых европейских стран через полвека после разгрома ею Наполеона и освобождения Европы стала для всех очевидной.

В этой обстановке Александр II сделал никем не предвиденный шаг: он направил всеобщее осуждение не на министров и высших чиновников, не на провалившие дело учреждения, не на просчеты отца во внешней и внутренней политике, а на само крепостничество, как главное зло. И теперь дальнейшее бездействие в решении главной задачи – ликвидации крепостного права – было бы чревато уже в обозримом будущем большим социальным взрывом. Это хорошо почувствовал наследный политик российский император Александр II.

Как и его отец Николай I, как и его дядя Александр I, Александр Николаевич главного противника начинания видел в лице помещичьего дворянства, чьи коренные интересы нарушала предстоящая реформа и чьё сопротивление буквально сгущало в глазах.

Александр II всё-таки сделал свой исторический выбор и пошёл наперекор воле противников отмены крепостного права, представлявших значительную силу не только среди помещиков, но и среди бюрократии в высших эше-

лонах власти. Он смог объединить вокруг себя передовых людей, сильных и умных единомышленников, новых сторонников из лагеря противников, согласившихся, что освобождение крестьян лучше провести “сверху”, чем дожидаться социальной революции “снизу”.

Однако определённого плана действий у императора ещё не было. Была лишь твёрдая решимость пойти на коренные преобразования жизни страны.

В конституционных государствах все крупные мероприятия сначала разрабатываются в соответствующих министерствах, затем обсуждаются в Совете министров, а затем вносятся в парламент, которому принадлежит решающее слово. В России в то время не было ни конституции, ни парламента, ни Совета министров. Отдавая дань традиции, в соответствии с традициями прошлых царствований, в начале 1857 г. был создан Негласный комитет для разработки и обсуждения министерской программы действий. Как и ранее случалось, Негласный комитет переливал из пустого в порожнее, создавая лишь видимость работы. Набившие на этом руку старые выдвигенцы Николая I лишь дожидались момента, когда дело будет признано преждевременным, и комитет, как и бывало прежде, распустят до следующего какого-нибудь случая. Поэтому никаких практических действий по крестьянскому вопросу не предпринималось. Не поступало никаких инициатив и “снизу” – от затаившихся, как перед бурей, помещиков.

Неожиданный толчок делу дал виленский генерал-губернатор В. И. Назимов. Он сумел склонить местных дворян выступить с предложением об отмене крепостного права. При этом литовские помещики просили освободить крестьян без земли, а министерский проект предполагал освобождение с наделом. Назимов прибыл в столицу и просил дать разъяснение. Александр II приказал составить ответ за его подписью, исходя из министерской программы: освободить с земельным наделом. 20 ноября 1857 г. письменный ответ был утверждён царем.

Высочайший за подписью Александра II рескрипт давал первую правительственную программу реформы для трех губерний: Виленской, Гродненской и Ковенской. Помещики сохраняли право собственности на всю землю, но крестьянам оставлялась их усадебная земля, которую они могли выкупить (срок не определялся). Надельная земля предоставлялась крестьянам в пользование за повинности (без указания точных размеров). Вотчинная власть помещиков сохранялась, термин “освобождение крестьян” заменен более осторожным – “улучшение быта”. Для подготовки реформы предусматривалось открытие дворянских комитетов в названных трёх губерниях. Сам по себе рескрипт Назимову носил локальный характер и напрямую ещё не означал приступа к общероссийской реформе. Однако важность и кардинальная новизна этого акта заключалась в его гласности. Сразу же он был разослан всем губернаторам и губернским предводителям дворянства для ознакомления, а через месяц появился в “Журнале Министерства внутренних дел”. Теперь уже все мосты к отступлению были сожжены.

Гласность отныне стала мощным двигателем подготовки реформы и отрезала путь к отступлению. 5 декабря 1857 г. был принят аналогичный рескрипт для Петербургской губернии, что, по сути, означало неизбежность её дальнейшего распространения в других губерниях вслед за столицей. Известные демократические мыслители той эпохи Герцен и Чернышевский высоко оценили эти первые шаги Александра II на пути к реформе.

Негласный комитет был распущен и вместо него создан Главный комитет по крестьянскому делу. Режим секретности с подготовки реформы был снят.

Обстановка гласности вынудила помещиков откликнуться на призыв царя. К лету 1858 г. почти повсеместно были созданы губернские дворянские комитеты “по улучшению быта помещичьих крестьян”. Правительство разрешило обсуждать проект реформы, а дворянству предписали проявить инициативу в решении крестьянского вопроса. Крестьяне от обсуждения были отстранены.

В конце того же года стали поступать и отзывы. Для рассмотрения этих отзывов и составления подробного проекта реформы были образованы редакционные комиссии.

Был организован приезд в Петербург дворянских представителей. Их приглашали небольшими группами, опасаясь, что, собрав всех вместе, можно получить большую протестную силу. Прибывшим дворянским представителям не давали возможности высказывать свои предложения, а лишь предписывали от-

вечать на вопросы редакционных комиссий. Помещики забеспокоились, опасаясь, что правительственная бюрократия всё дело управления крестьянами заберет в свои руки. И дворянские депутаты требовали свободы печати, гласности, независимого суда и местного самоуправления. В ответ правительство запретило на ближайших дворянских собраниях обсуждать вопрос о реформах.

Это вызвало недовольство и протесты дворянства. Особенно в центральных губерниях, более сильных либеральными настроениями.

На собрании тверского дворянства помещик А. И. Европеус (бывший пётрашевец) произнёс яркую речь против произвола бюрократии и был отправлен в новую ссылку – в Пермь. Тверской губернский представитель дворянства А. М. Унковский был сослан в Вятку. Царь показал, что рука у него, как и у его отца Николая I, достаточно тяжёлая.

Обсуждение реформы в губернских комитетах и вызов дворянских представителей в столицу сыграли положительную роль перед решающим шагом. Разработчики реформы пришли к выводу о том, что она не может осуществляться по единому сценарию для всех частей страны. Необходимо было учесть местные особенности. Так, в губерниях с плодородными землями наибольшую ценность представляет земля, а с неплодородными – крестьянский труд, овеществлённый в оброк. Также не следовало отдавать помещицье и крестьянское хозяйство во власть рыночных отношений без достаточной подготовки – нужен был переходный период. Остановились на том, что крестьяне должны быть освобождены с землёй, а помещики должны получить гарантированный правительством выкуп. Эти идеи в конце концов легли в основу законоположений о крестьянской реформе.

В самый ответственный момент Александр II назначил председателем Главного комитета по крестьянскому делу своего брата великого князя Константина Николаевича, единомышленника и твёрдого сторонника освобождения крестьян. На последнем заседании Комитета и в Государственном совете реформу отстаивал сам царь. 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину своего восшествия на престол, Александр II подписал все законоположения о реформе и манифест об отмене крепостного права. Поскольку правительство опасалось народных волнений, публикация документов была отложена на две недели – для принятия предупредительных мер.

5 марта 1861 г. манифест был прочитан в церквях после обедни. На разводе в Михайловском манеже Александр сам прочитал его войскам. Так пало крепостное право в России. “Положения 19 февраля 1861 г.” распространялись на 45 губерний европейской части России, в которых насчитывалось 22563 тыс. душ обоёго пола крепостных крестьян, в том числе 1467 тыс. дворовых и 543 тыс., приписанных к частным заводам и фабрикам.

Но освобождение крестьянства от крепостной зависимости произошло не под бой курантов, не одномоментным актом. Процесс растянулся во времени на целые десятилетия. Что-то из той эпохи осталось жить и в настоящем времени – русская классическая литература здесь может выступить главным свидетелем.

Случилось главное: с момента обнародования законов 19 февраля 1861 г. помещицье крестьяне перестали считаться барской собственностью. Отныне их нельзя было продавать, покупать, дарить, переселять по произволу владельцев, наказывать за любую провинность без суда и следствия. Правительство объявило бывших крепостных “свободными сельскими обывателями”, присвоило им гражданские права – свободу вступления в брак, самостоятельное заключение договоров и ведение судебных дел, приобретение недвижимого имущества на свое имя и пр. Это было знамя крестьянской реформы.

Однако вся земля в имении признавалась собственностью помещика, в том числе и та, которая находилась в пользовании крестьян. Манифест объявлял, что за пользование своими наделами крестьяне, ставшие лично свободными, должны были в течение двух лет (до 19 февраля 1863 г.) отбывать барщину или платить оброк, как и при крепостном праве. Отменялись лишь так называемые добавочные сборы (яйцами, маслом, льном, холстом, шерстью и т. п.), барщина ограничивалась двумя женскими и тремя мужскими днями с тягла в неделю. Несколько сокращалась подводная повинность, заправлявшая перевод крестьян с оброка на барщину и в дворовые.

Закон признавал такое состояние временным. Поэтому лично свободные крестьяне, несущие повинности в пользу помещика, назывались “временно-

обязанными". Но и после 1863 г., через два объявленных года, крестьяне всё ещё находились долгое время на положении "временнообязанных", то есть продолжали нести регламентированные "Положениями" феодальные повинности: платить оброк или выполнять барщину.

Рано или поздно, полагало правительство, "временнообязанные" отношения закончатся и крестьяне с помещиками заключат выкупную сделку – по каждому имению. По закону крестьяне должны были одновременно уплатить помещику за свой надел около пятой части обусловленной суммы. Остальную часть платило правительство. Но крестьяне должны были возвращать правительству эту сумму (с процентами) ежегодными платежами в течение 49 лет!

Опасаясь, что крестьяне не захотят платить большие деньги за плохие наделы и разбегутся, правительство ввело ряд жестких ограничений. Пока производились выкупные платежи, крестьянин не мог отказаться от надела и уехать навсегда из своей деревни без согласия сельского схода.

Крестьяне каждого помещичьего имения объединялись в сельские общества. Свои общие хозяйственные вопросы они обсуждали и решали на сельских сходах. Исполнять решения сходов должен был сельский староста, избираемый на три года. Несколько смежных сельских обществ составляли волость. В волостном сходе участвовали сельские старосты и выборные от сельских обществ. На этом сходе избирался волостной староста. Он исполнял полицейские и административные обязанности.

Деятельность сельского и волостного управлений, а также взаимоотношения крестьян с помещиками контролировалось мировыми посредниками. Они назывались сенатом из числа местных дворян-помещиков. Мировые посредники имели широкие полномочия. Но администрация не могла использовать мировых посредников в своих целях.

Главной задачей, которую выполняли мировые посредники, было составление уставной грамоты, в которой фиксировалось соглашение между помещиком и бывшим крепостным по поводу размеров крестьянского земельного надела и повинностей. Допустимые рамки таких соглашений между крестьянами и помещиками были обозначены в законе, но согласовать интересы помещика и крестьянина при разделе земли было чрезвычайно трудно. На 1 января 1863 года в 60% случаев крестьяне отказались подписать уставную грамоту. Цена земли по выкупу значительно превышала её рыночную стоимость. Однако появились и дарственные наделы. Переход на выкуп крестьянами земель растянулся на несколько десятилетий.

Как чаще всего случается, ожидания оказались выше реального результата. Крестьяне остались разочарованными не отменёнными барщиной и оброком, урезанными наделами земли, особенно в губерниях с высокоплодородными землями. Поэтому случались массовые волнения, против которых порой приходилось использовать даже войска.

Реформа не снизила остроту аграрного вопроса. Помещичье землевладение сохранилось, крестьяне были обречены на малоземелье, нищету и экономическую зависимость от помещиков. Интересы помещиков реформаторы защитили более основательно. В помещичьем хозяйстве сложилось три системы: отработочная, капиталистическая и смешанная.

При отработочной системе земля помещика обрабатывалась крестьянами собственным инвентарем. Безденежье и малоземелье вынуждали крестьян идти в кабалу к помещику за арендованную у него землю. Это была полукрепостническая форма эксплуатации с низкой производительностью труда.

Капиталистическая система подразумевала применение вольнонаемного труда крестьян-батраков, обрабатывающих землю помещика инвентарем самого хозяина земли. Именно в этих хозяйствах шире внедрялась сельскохозяйственная техника.

В смешанной системе использовался вольнонаемный труд и отработки. К концу 70-х годов XIX в. капиталистическая система ведения хозяйства стала вытеснять отработочную.

Применение вольнонаемного труда, использование сельскохозяйственных машин, улучшение агротехники оживили развитие производства и принесли неплохие результаты. Помещики-предприниматели и часть зажиточных крестьян, сумевших воспользоваться новой ситуацией, в некоторых регионах страны активно развивали товарное хозяйство. Сбор хлеба вырос за вторую половину XIX в. в два раза, хлебный экспорт России в 5,5 раза (7324 млн т).

К 1890-м годам на рынок поступало 50% собранного хлеба. Землевладение постепенно, но неуклонно утрачивало исключительный сословный характер, так как, наряду с привычным помещичьим, росла площадь землевладений, принадлежавших предприимчивым крестьянам.

Наметилась специализация производства: в районах черноземья (Украина, Поволжье) преимущественно зерноводство; в северо-западных и центральных губерниях – молочное скотоводство; в юго-восточных губерниях – мясное скотоводство. Это способствовало образованию устойчивого всероссийского рынка.

Таким образом, освобождение миллионов крепостных, втягивание крестьянского и помещичьего хозяйства в рыночные отношения, формирование рынка вольнонаемного труда, ускоренное развитие промышленности – всё это положительно повлияло на развитие страны в целом и явилось следствием крестьянской реформы, которая была первой в ряду других, следовавших за ней реформ.

Социальное оживление, светлые надежды на лучшую жизнь, в той или иной мере возникавшие у населения от осознания новых свобод, не могли упредить от взора победителей печального наследия в хозяйственном развитии страны. Кричащие следы хозяйственного запустения особенно четко проступали на местном, земском уровне жизни, в то время аграрного, по преимуществу, российского общества.

Народное образование в сельской местности ещё только зарождалось. Медицинское обслуживание крестьян практически отсутствовало. Население было беззащитным перед эпидемиями. О дорогах между сёлами и деревнями никто конкретно не заботился.

Нужны были местные органы власти, способные на местах решать эти проблемы. И 1 января 1864 г. был утверждён закон о земском самоуправлении. Началась земская реформа.

Земства – так называли органы местного самоуправления, создавались в уездах и губерниях, имели распорядительные (земские собрания) и исполнительные органы (земские управы). Они формировались на выборной основе, оставляя при этом преимущественные права дворянам. Земства занимались вопросами местного хозяйства, здравоохранения, образования, статистики. Для выполнения своих задач они получали право облагать население особым сбором. Полномочия земств были строго ограничены, участвовать в решении общегосударственных вопросов они не могли. Земства подчинялись губернаторам. Центральной земского органа учреждено не было.

Однако впервые в истории России появлялась система местного самоуправления, вокруг которой могли формироваться элементы независимого от власти будущего гражданского общества. Земства сыграли положительную роль в улучшении жизни и быта русской деревни, в развитии просвещения. Так, уже вскоре после их создания Россия покрылась сетью земских школ и больниц. Школьная реформа (1864 г.) утвердила положение о начальных народных училищах и доступность среднего образования для всех сословий.

Не остался без внимания реформаторов и город. Так называемое “Городовое положение” от 16 июня 1870 г. дало местное самоуправление населению городов с правом ведения городского хозяйства, содействия развитию просвещения городского населения. Городская дума из выборных гласных соответствовала уездному земскому собранию, городская управа, выбранная из среды гласных, – земской управе. Предоставляя городам право устраивать свою жизнь собственными силами и средствами, правительство оставило за собой лишь право надзора, следя за тем, чтобы действия думы и управы не выходили за рамки предоставленных им полномочий.

Одновременно с земской реформой в 1864 г. наиболее последовательно была проведена судебная реформа. Старые сословные суды ликвидировались, создавались мировые и коронные суды, единые для всех сословий. Они функционировали на основе принципов публичности и гласности, состязательности сторон, то есть с участием адвоката и прокурора в судебном заседании, также независимости судей, назначаемых императором. Наконец, учреждался суд присяжных для вынесения вердикта о виновности или невиновности подсудимого.

Новые, современные органы самоуправления и суда значительно освежили социальную жизнь страны, повысили гражданскую активность и самосо-

знание населения, его правовую грамотность. Последовали другие реформы: университетская реформа (1863 г.) увеличила административную и хозяйственную самостоятельность учебных заведений, способствовала объединению преподавателей и студентов в кружки, ассоциации, повышая уровень общественной активности. Реформа печати (1865 г.) отменила предварительную цензуру.

Кроме этого, была проведена военная реформа, которая растянулась почти на полтора десятка лет (1862–1874). Теперь страна была поделена на военные округа, был обновлен и качественно улучшен офицерский корпус, создана система военного образования, осуществлено техническое перевооружение армии.

В 1874 г. Александр II утвердил закон о переходе к всеобщей воинской повинности. С этого времени все мужчины в возрасте 20 лет без различия сословий подлежали призыву в армию и на флот. Действовала сложная система льгот (в зависимости от образования, семейного положения, состояния здоровья), благодаря которой в армию на самом деле призывалось не более 25–30% мужчин призывного возраста.

В единой системе с крестьянской реформой все эти чрезвычайно назревшие изменения имели непреходящее историческое значение для России. Они охватили практически все сферы жизни общества, внесли принципиальные изменения в жизненный уклад многонационального населения величайшей в мире страны России, страны в то время по преимуществу, аграрной. И хотя реформы 60–70-х годов не коснулись верхних этажей власти и потому остались нетронутыми самодержавие и полицейский строй, которые также следовало привести к системному соответствию с коренными преобразованиями, реформы 1861 года, начиная с крестьянской, они, бесспорно, создали социально-политические и правовые условия для начала модернизации.

Великие реформы 60–70-х годов XIX века означали важный шаг в формировании в России правого государства и гражданского общества.

С высоты полуторавекового юбилея становятся виднее как успехи крестьянской, как и всей Великой реформы 1861 года, но также и не использованные до конца возможности в её осуществлении. Многие стали сегодня понятнее в жизни России той поры благодаря накопленному нами опыту осуществления новой реформы в России. Учитывая опыт полуторавековой давности, нам надо не допустить прежних ошибок и просчётов. В том числе и по крестьянскому вопросу. В любом случае, опыт реформ – наше бесценное национальное достояние.

Крестьянский вопрос постоянно оставался в центре преобразований. Он снова заметно обострился в начале XX века, послужив одной из причин русской революции 1905 года. Из эпохи правления Александра II крестьянский вопрос вышел отягощённый многочисленными недугами, которыми обладало изначально общинное землепользование – крестьянская община.

Сохранение общины было особенностью реформы 1861 года. Ведь земельные наделы передавались крестьянам на правах коллективной формы общинного пользования, а после выкупа – общинной собственности. Законодатели исходили из того, что община “представляет на первый раз самый твердый оплот против последних усилий помещиков сохранить за собой сильную власть помещика над крестьянами, не привыкшими быть ещё свободными хозяевами своей только что создающейся собственности”. С общины было проще взимать налоги, чем с каждого крестьянина индивидуально. Кроме того, община помогала выживать слабым, организоваться в самоуправляемое жизнеспособное сообщество после выхода каждого в отдельности крестьянина из крепостной зависимости. Общину называли не иначе, как островком социальной стабильности в недовольном крестьянском мире.

Однако традиционные общинные порядки обладали значительной инертностью и препятствовали образованию крупных частных хозяйств, сдерживали предприимчивость и личную инициативу членов общины, консервировали традиционные способы хозяйствования. Выйти из общины было можно, но крайне затруднительно – лишь после одобрения такой личной просьбы двумя третями крестьянского схода.

До 1905 года государство поддерживало крестьянскую общину, способствовало их насаждению в деревне, хотя и видело в перспективе неизбежность

её постепенного преодоления по мере перехода от коллективной крестьянской собственности к единоличной, к созданию в стране самостоятельных крестьянских хозяйств, наряду с сохранением крупных помещичьих. Потенциал личности крестьянина, высвободившегося из-под крепостнического гнета, жаждал для себя самостоятельного поля деятельности и ждал своего часа.

На этот раз необходимо было разорвать оковы общины. Требовалась вторая после 1861 года реформа, теперь уже по преодолению оков общины. Главным руководителем, организатором и исполнителем новых преобразований в области сельского хозяйства и землепользования с 1906 года стал П. А. Столыпин, председатель Совета министров и министр внутренних дел. Широко цитируются его крылатые выражения: “Дайте государству 20 лет внутреннего и внешнего мира, и вы не узнаете нынешней России” и “Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия”.

Этой реформе уже предшествовала кропотливая и тщательная подготовка. С 1894 года в Министерстве внутренних дел началась работа по пересмотру крестьянского законодательства. С 1902 года эта работа была передана специально созданной редакционной комиссии при МВД. Тогда было образовано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте. В структуру Особого совещания вошли 618 местных комитетов, объединявших около 12 тысяч членов. В 1905 году вместо него создаётся Особое совещание о мерах по укреплению крестьянского землевладения. В том же году учреждён Комитет по земельным делам для руководства землеустройством крестьян и переселенческим делом. Огромное значение имела деятельность образованного ещё в 1882 году Крестьянского поземельного банка, предоставившего зажиточным слоям крестьянства кредиты для приобретения земли на самых льготных условиях. За годы реформы им было выделено около одного миллиарда рублей для приобретения 9,1 миллиона десятин земли.

Столыпинская реформа началась с Указа от 9 ноября 1906 года, по которому “каждый домохозяин, владеющий надельной землёй на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли”.

Реформа в основном коснулась крестьянских земель, находящихся внутри общин, и при этом практически не затронула имений крупных землевладельцев. Составной частью реформы являлось переселение крестьян из центральных районов, где земли хронически не хватало. За 1906–1914 годы только в Сибирь переселилось 3,3 миллиона человек (для сравнения: в 1883–1905 гг. – 1,6 миллиона человек). Производство зерна в 1907–1913 гг. увеличилось по сравнению с 1900–1906 гг. с 26,7 до 30,5 миллиона пудов, или на 14,2 процента. Рост урожайности зерновых составил 107 процентов для ржи, 111,1 процента – для пшеницы, 106,6 процента – для овса и 133,7 – для ячменя.

Столыпинская реформа была прервана Первой мировой войной. Нельзя не отметить две существующие на сегодня противоречивые оценки её результатов. Одни считают, что реформа Столыпину не удалась, не достигла ни экономических, ни политических целей, которые перед ней ставились. Однако факты убеждают в обратном. Так, с 1905 по 1913 гг. объём ежегодных закупок сельхозтехники вырос в 2–3 раза. Производство зерна в России в 1913 году превышало на треть объём производства зерновых в США, Канаде и Аргентине вместе взятых. Российский экспорт зерна достиг в 1912 году 15 миллионов тонн в год. В Англию только масла вывозилось на сумму вдвое большую, чем стоимость всей ежегодной добычи золота в Сибири. Избыток хлеба в 1916 году составлял 1 млрд пудов.

Широкое развитие получило кооперативное движение. Ссуды Крестьянского банка не могли полностью удовлетворить спрос крестьянина на денежный товар. Поэтому значительное распространение получила кредитная кооперация. Сельские кредитные товарищества, накапливая собственный капитал, развивались самостоятельно. В результате была создана широкая сеть институтов мелкого крестьянского кредита, ссудно-сберегательных банков и кредитных товариществ, обслуживающих денежный оборот крестьянских хозяйств. К 1 января 1914 года количество таких учреждений превысило 13 тысяч. Кредитные отношения дали сильный импульс развитию производственных, потребительских и сбытовых кооперативов. Крестьяне на кооперативных началах создавали молочные и масляные артели, сельскохозяйствен-

ные общества, потребительские лавки и даже крестьянские артельные молочные заводы.

Аграрная реформа, получившая название Столыпинской, имела огромное значение для России. Известный политический обозреватель П. Б. Струве, один из первых русских марксистов, дал следующую характеристику деятельности Столыпина: “Как бы ни относиться к аграрной политике Столыпина – можно её принимать как величайшее зло, можно её благословлять как благодетельную хирургическую операцию, – этой политикой он совершил огромный сдвиг в русской жизни. И сдвиг поистине революционный и по существу, и формально. Ибо не может быть никакого сомнения, что с аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России в один ряд могут быть поставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог”.

Осуществление Великой реформы стимулировало научный интерес к аграрной проблематике, способствовало развитию науки и появлению на высоких кафедрах ярких фигур оригинальных исследователей и мыслителей. Назову имя Александра Васильевича Чаянова, беззаветно служившего российской и советской аграрной науке и ставшего безвинной жертвой политических репрессий.

Всю совокупность теоретических воззрений А. В. Чаянова можно условно разделить на три основные части: теорию крестьянской кооперации, концепцию трудового хозяйства отдельной крестьянской семьи, теорию организации аграрного сектора в целом.

Он обосновал суть кооперации крестьянских хозяйств в вовлечении их в различные формы сбытовых, потребительских и производственных добровольческих коллективов. А. В. Чаянов так разъясняет идею сельскохозяйственной кооперации: “Основная идея сельскохозяйственной кооперации в высшей степени проста. Если мы внимательно всмотримся в состав крестьянского хозяйства, довольно сложного по своему устройству, то мы легко сможем убедиться в том, что для целого ряда отраслей его крупная форма даст сразу непосредственно большую выгоду. При этом почти всегда оказывается весьма легко, не нарушая работы остальных частей хозяйства и не разрушая трудового семейного хозяйства, выделить отдельные работы и соединить их сообща с соседями в одно общее большое дело”.

Одним из направлений деятельности А. В. Чаянова стала разработка аграрных преобразований. Накануне революционных событий для земледельческой России аграрный вопрос имел особо важное значение, поскольку в нём переплелись экономические и социально-политические проблемы того времени. В своей работе “Что такое аграрный вопрос?” А. В. Чаянов выразил один из самых страстных своих призывов: помочь крестьянам, дать возможность каждому из них обеспечить семью и накормить народ своей страны. Решение аграрного вопроса А. В. Чаянов видел в социализации земли, сущность которой, с его точки зрения, – в уравнительном распределении земли по трудовой норме, то есть крестьянин должен получать надел земли, который он мог бы обработать трудом своей семьи, или по потребительской норме надела, чтобы доход с земли удовлетворил все потребности его семьи. Здесь же А. В. Чаянов показал, как крестьяне, не прибегая к наёмному труду и концентрируя усилия нескольких хозяйств на реализации каких-либо отдельных технологических операций, могли поднять производительность своих хозяйств и реально конкурировать с капиталистическими предприятиями.

В апреле 1917 г. была создана Лига аграрных реформ, в которую вошли: А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников. Они видели в крестьянском хозяйстве основу будущего народнохозяйственного строя в России. Чаянов обратился к членам Лиги: “Мы считаем, что: 1) трудовое кооперативное крестьянское хозяйство должно лечь в основу аграрного строительства России, и ему должны быть переданы земли нашей родины; 2) передача эта должна совершиться на основе государственного плана земельного устройства, – планомерно и организовано осуществимого без нарушения производственного напряжения нашего народного хозяйства; 3) земельное устройство есть только часть решения аграрной проблемы, которая включает в себя все вопросы, связанные с общими условиями сельскохозяйственного производства, организацией трудовых хозяйств и организацией связи этих

хозяйств с общим мировым хозяйством”. Лига выдвинула А. В. Чаянова на должность товарища министра земледелия. Он предложил свой план построения продовольственного дела в России. Считал, что в деревне одновременно могут существовать различные формы трудового землепользования – и личная, и общественная, и артельная.

С 1919 г. А. В. Чаянов активно работал в Народном комиссариате земледелия, занимался подготовкой плана восстановления сельского хозяйства, много сил отдавал преподавательской работе, по-прежнему руководил Институтом сельскохозяйственной экономики. Этот период стал наиболее плодотворным в жизни учёного, именно тогда вышли его основные обобщающие труды “Организация крестьянского хозяйства” (1925), “Краткий курс кооперации” (1925), “Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации” (1927), “Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации” (1927), “Бюджетные исследования. История и методы” (1929) и др. В книге “Очерки по экономике трудового сельского хозяйства” (1924) А. В. Чаянов собрал все статьи, появившиеся за последние двенадцать лет и подвёл итог тому, что сделал в рамках организационно производственной школы.

Как уже отмечалось, важным предметом теоретических исследований А. В. Чаянова является семейно-трудовое крестьянское хозяйство в его взаимоотношениях с окружающей экономической средой. Он исходил из того, что семейно-трудовое крестьянское хозяйство представляет собой сложную экономическую единицу, которую нельзя разрушать вмешательством извне. Только в собственном хозяйстве крестьянин работает с полной отдачей, высокопроизводительно. По Чаянову, крестьянская семья – это самостоятельное семейно-трудовое предприятие, живущее по своим законам, отличающимся от законов капиталистического предприятия, основанного на наёмном труде. В семейном хозяйстве крестьянин в одном лице и хозяин, и работник. Чаянов рассматривает такое хозяйство как главным образом натуральное хозяйство, втягивающееся в процесс рыночного обмена с целью продажи излишков и лучшего удовлетворения собственных нужд.

Определяя предмет своего исследования, А. В. Чаянов в главном труде “Организация крестьянского хозяйства” писал: “Нас интересует не система крестьянского хозяйства и формы организации в их историческом развитии, а сама механика организации одного процесса”. В качестве основополагающих выступают здесь понятия организационного плана и трудовопотребительского баланса крестьянского хозяйства, сформулированные еще в дореволюционных работах Чаянова. Организационный план, или субъективное отображение крестьянином системы целей и средств хозяйственной деятельности, включает в себя выбор направления хозяйства, сочетания его различных отраслей, увязку трудовых ресурсов и основных объёмов работ, разделение продукции, потребляемой в собственном хозяйстве, и продукции, направляемой на рынок, баланс денежных поступлений и расходов. В свою очередь, концепция трудовопотребительского баланса исходила из того, что крестьянин, используя в своем хозяйстве собственный труд и труд членов своей семьи, стремится не к максимуму чистой прибыли, а к росту общего, валового дохода, равновесию производственных и природных факторов, соответствию производства и потребления, равномерному распределению труда и дохода в течение всего года.

Поскольку конечной целью трудового крестьянского хозяйства остаётся потребление, а не накопление денежных средств, рыночные критерии здесь не всегда применимы. Так, категория заработной платы в некапиталистическом хозяйстве крестьянина превращается в его чистый доход, пополняющий личный бюджет семьи. Точно так же модифицируется земельная рента – в семейном крестьянском хозяйстве она теряет нетрудовой характер, принимает вид избыточного дохода, получаемого крестьянской семьёй из-за выгод местоположения по отношению к рынку сбыта, повышенного плодородия земли, других факторов.

Концепция организационного плана и трудовопотребительского баланса Чаянова позволила ему объяснить ряд парадоксов в развитии крестьянского хозяйства дореволюционной России. Так, эмпирические материалы, собранные при анализе крестьянского льноводства и картофелеводства, показывали, что эти трудоёмкие культуры давали очень малую чистую прибыль, а потому почти никогда не получали большого распространения в хозяйствах предприни-

матерского типа. Напротив, малоземельные крестьяне разводили их весьма широко, так как, теряя в размере чистой прибыли, получали возможность расширить объём применяемого в собственном хозяйстве труда и сократить сезонную безработицу.

Кроме того, как отмечал Чаянов, крестьяне в годы неурожая, чтобы добиться хотя бы некоторой стабильности потребительских доходов, не снижали, а, наоборот, резко повышали предложение труда, благодаря чему зарплата в аграрном секторе России оказывалась обратно пропорциональной ценам на хлеб. В случае же улучшения рыночной конъюнктуры крестьянское хозяйство не увеличивало, а сокращало годовой фонд рабочего времени, чтобы облегчить условия труда и жизни. К числу парадоксальных ситуаций, объяснённых Чаяновым, относились также уплата крестьянами очень высоких "годовых аренд" (с целью загрузить во что бы то ни стало свободные рабочие руки); регулярная практика отхожих промыслов (они ослабляли собственное земледельческое хозяйство, но давали крестьянам возможность более равномерно распределить трудовые ресурсы по временам года). Таким образом, именно семейно-трудовая теория Чаянова сумела раскрыть смысл целого ряда экономических фактов, которые до неё не находили теоретического объяснения.

По его мнению, для подъёма советской агроэкономики надо было крестьян объединять в кооперативы, с последующим ограничением и вытеснением эксплуататорских отношений и привлечением сельских пролетариев к семейно-трудовому хозяйствованию через предоставление кредита. По Чаянову, ценность кооперации двояка: она имеет, с одной стороны, антикапиталистическое содержание, освобождая крестьян от перекупщиков, а с другой – антибюрократическое, развивая трудовое самоуправление. Он выступал против огосударствления кооперативов и отстаивал их самостоятельность при решении хозяйственных вопросов.

Анализ работ А. В. Чаянова, посвящённых трудовому крестьянскому хозяйству, позволяет с уверенностью констатировать, что ученый не только не отрицал, а, напротив, предвидел преобразование крестьянского хозяйства в крупное общественное. Кроме того, он обосновал условия, пути и формы такой трансформации. Он писал, что крестьянская кооперация – это союз хозяйств, и "...хозяйства, входящие в такой союз, от этого не уничтожаются, а по-прежнему остаются мелкими трудовыми хозяйствами". Главный путь – кооперативная коллективизация, то есть кооперирование крестьянских индивидуальных хозяйств.

А. В. Чаянов доказал преимущества кооперирования отдельных видов деятельности крестьянских хозяйств (вертикальная кооперация), перед артелями (колхозами), коммунарами (горизонтальная кооперация), где обобществлялась вся собственность и в том числе крестьянский труд. Выступая за вертикальную кооперацию, он критически относился к сталинским колхозам, предлагая вместо национализации земли передать её в трудовую собственность без права купли-продажи.

Однако принятый в 1928 г. план индустриализации за счет ликвидации крестьянских хозяйств как производящих ячеек, отметал все противостоящие точки зрения, к сожалению, и воззрения А. В. Чаянова.

Александр Васильевич Чаянов относится к числу тех великих людей, которые желали быть полезными Отечеству в любых труднейших условиях, даже в годы "великого перелома". Мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война и интервенция, последовавшая за ними разруха народного хозяйства, привели Чаянова в ряды тех, кто не смог пройти мимо голода и страданий и отдал всего себя служению русскому народу. С этим связаны его попытки внедрить научные разработки при организации Дигорского агроиндустриального комбината в Северной Осетии, Еланского и Воловского комбинатов в Тульской области, зернового совхоза "Гигант" под Ростовом, хлопкового совхоза "Пахта-Арал" в Голодной степи. Некоторые исследователи считают эти разработки прообразом современных агроиндустриальных комбинатов. Кроме того, практика развития сельского хозяйства в Европе, США, Канаде, Японии подтвердила идеи великого учёного. Его научное наследие изучают в Англии, Франции, Италии, Индии, США, Латинской Америке, и этот интерес носит не научно-исторический, а практический характер.

Аграрный и земельный вопросы остаются злободневными в России и спустя сто лет. Именно поэтому новое значение приобретают работы А. В. Чая-

нова по кооперации в сельском хозяйстве, страхованию, исследованию бюджетов домашних хозяйств, определению оптимального размера сельскохозяйственного производства, землеустройству, организации коллективного хозяйства, общественному устройству сельской жизни. Не потеряло своей значимости сформулированное учёным положение о формах и методах кооперации, о выборе оптимальных решений практически в любом вопросе экономического строительства, о приоритетности человека и семьи, о многообразии организационных форм в самом крупном производстве, о необходимости учёта всей совокупности объективных условий. Изучение и практическое использование трудов Чаянова является насущной необходимостью сегодняшней российской аграрной науки. Работы Чаянова, несомненно, помогут современным учёным в разработке рекомендаций по аграрному реформированию, в поисках путей увеличения эффективности аграрного производства России.

В конце XX века новое поколение реформаторов начало в очередной раз реорганизовывать личное хозяйство. Первым актом реформы послужила либерализация цен, которую провели без должной подготовки необходимой законодательной базы, без серьёзной организационной и разъяснительной работы. Произошло резкое самоустранение государства – от практически вездесущего влияния и централизованной системы управления сельским хозяйством до оставления отрасли и её работников на произвол судьбы. От такого стресса аграрная отрасль впала в депрессию, и мы наблюдали самый сильный спад в сельскохозяйственном производстве за всю историю страны.

В 1994 году было принято постановление Правительства РФ “О программе аграрной реформы в Российской Федерации на 1994–1995 гг.”, где утверждалось: “Аграрная реформа в России предусматривает комплексное переустройство агропромышленного производства, многоукладность сельского хозяйства, многообразие форм собственности на землю и средства производства, государственный протекционизм в регулировании развития агропромышленного комплекса, его технико-технологическое переоснащение, развитие кооперации и интеграции”. Однако количественные изменения, в частности, рост числа фермерских хозяйств и создание на базе колхозов и совхозов новых форм хозяйствования не смогли нейтрализовать разрушающего воздействия диспаритета цен, рыночной стихии, самоустранения государства от выполнения объективно присущих ему функций управления.

И вот в результате шести лет преобразований агропромышленного комплекса на новых основаниях был сделан общий вывод: **без государственной поддержки сельское хозяйство нормально существовать не может**. Был принят Федеральный Закон от 14 июля 1997 года № 100 “О государственном регулировании агропромышленного комплекса”. Так были установлены правовые основы экономического воздействия государства на агропромышленное производство.

Однако процесс перехода аграрной экономики к рыночным отношениям достаточно сложен и противоречив в силу крайней запущенности проблем, корни которых уходят вглубь истории социально-экономических и других общественных отношений нашего государства. Аграрный сектор два последних десятилетия преодолевает череду преобразований, однако ни одно из них пока не помогло окончательно решить по-прежнему актуальный крестьянско-аграрный вопрос.

Динамичное и эффективное развитие сельского хозяйства должно стать не только общеэкономической предпосылкой успешного развития большинства накопленных в отрасли производственных, финансовых, социальных проблем, но и способом системного согласования установок на удвоение валового внутреннего продукта, сокращение бедности и укрепление продовольственной безопасности страны, то есть должно обеспечить успешную реализацию комплекса целей социально-экономического развития страны. В связи с этим разработан Приоритетный национальный проект “Развитие АПК”, который включает в себя три направления: ускоренное развитие животноводства; стимулирование развития малых форм хозяйствования; обеспечение доступным жильём молодых специалистов на селе. Также принята Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы. Целями Программы на пятилетний период являются: устойчивое

развитие сельских территорий, повышение занятости и уровня жизни сельского населения; повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на основе финансовой устойчивости и модернизации сельского хозяйства; сохранение и воспроизводство используемых в сельскохозяйственном производстве земельных и других природных ресурсов.

В ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 года Президент Российской Федерации Д. А. Медведев заявил: “Мы продолжим политику поддержки села и в будущем. У нас есть все возможности, чтобы сделать сельское хозяйство одним из лидеров экономического роста на годы вперёд. И в результате этого улучшить и качество жизни на селе”.

Будем надеяться, что вековая мечта российского крестьянства сбудется.

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

СТАРЫЕ ПЕСНИ НА НОВЫЙ ЛАД

Дебаты по поводу ювенальной юстиции и всего того, что с ней тематически связано, — это не просто академичные споры или информационные баталии. За ними уже стоит немало реальных судеб опороченных, оболганных взрослых и осиротевших детей. Особенно это касается темы жестокого обращения с детьми. Казалось бы, тут все ясно и однозначно: изверги-родители, несчастные маленькие жертвы. Только услышишь — и кровь закипает от ужаса, от возмущения, от бессильной ярости, от острого желания и одновременно невозможности спасти малыша. И, конечно, не возникает сомнений в том, что все рассказанное и показанное — чистая правда.

Но так уж получилось, что за несколько последних лет нам довелось столкнуться с заметным числом случаев оговора родителей, ни в каком насилии над детьми не виновных. Оговора, имевшего и для них, и для детей весьма печальные последствия.

Помнится, в середине 90-х, услышав на проходившем в Гамбурге Международном конгрессе по социальной психиатрии, что проблема номер один современного западного мира — сексуальное насилие над детьми (sexual abuse) и что от четверти до трети немецких женщин подверглись ему в детстве, мы испытали настоящий шок. Информация была настолько “потусторонней”, что словесно-образная связь прерывалась, слова не порождали образы. Ужас блокировал процесс воображения.

“ВРАГ РЕБЕНКА”

Но когда мы стали обсуждать услышанное с людьми, долго жившими на Западе, некоторые говорили нам, что процент пострадавших сильно преувеличен и что обвинение в эбьюзе во многих случаях — форма шантажа. Хочет мама, к примеру, получить большие деньги — подучивает несовершеннолетнюю дочь пожаловаться в соответствующие инстанции, что папа делал с ней **это**. И перед папой возникает невеселая дилемма: или откупиться от мамы, подбивающей ребенка на шантаж, или отправиться в тюрьму.

Тогда, полтора десятка лет назад, нам казалось, что вся эта жуть, весь этот бытовой ад если где-то на другом конце земли и происходит, то к нашей жизни не имеет и никогда не будет иметь никакого отношения.

Но прошли годы, и вполне сопоставимая история развернулась на наших глазах в Москве. Жена ушла к любовнику, оставив пятилетнюю дочь мужу. Когда же период “рая в шалаше” завершился, встал вопрос о разделении жилплощади. Тут мама вспомнила о дочке, поскольку это сулило лишние метры, и обманным путем ее умыкнула. А чтобы отец, у которого на руках было решение суда о проживании ребенка с ним, “не возникал”, обвинила его в со-

вершении развратных действий. И заставила девочку подтвердить ложь. К счастью для оклеветанного отца, Москва тогда еще не была пилотной площадкой ювенальной юстиции. Поэтому он отделался потерей ребенка и большей части квартиры, получил тяжелейшую душевную травму, был ославлен, поскольку девочку показали по телевизору, но хотя бы не сел в тюрьму, так как экспертиза, проведенная в специальном центре, была честной и подтвердила его невиновность.

Теперь даже честная экспертиза совсем не факт, что повлияет на исход дела. В фильме о ювенальной юстиции “Стена”, который многие уже успели посмотреть, рассказана трагическая история семьи Ольги и Андрея Соловьевых. У них, опять-таки из-за “квартирного вопроса”, незаконно отняли троих детей. Причем незаконность отобрания была признана судом, который постановил детей вернуть. Однако вместо того, чтобы выполнить решение суда, отца обвинили в изнасиловании старшей дочери. Обвинили, невзирая на то, что при изъятии девочки из семьи было произведено множество соответствующих осмотров, и ни один из них никаких нарушений не выявил. Судебно-медицинская экспертиза, проводившаяся затем в ходе следствия, показала, что не только следов изнасилования, но и каких бы то ни было сексуальных действий со стороны отца не было. Цитата: “Эксперты-психологи отмечали: девочка не понимает фактического смысла тех действий, о которых говорит (изнасилование, сексуальное насилие), что она склонна к фантазированию, чрезмерно зависима от взрослых. Эксперт-психолог профильного экспертного института прямо указала в суде на то, что, по ее мнению, ребенок оговаривает отца и что дела подобного рода – не исключение” (см. сборник “Родителей в отставку”, изд-во “Даниловский благовестник”, М., 2009, стр. 219).

Тем не менее, отца посадили на 13 (!) лет. Причем, в лучших традициях ГУЛАГа, “враг ребенка”, как когда-то “враг народа”, был лишен в суде права дать показания, и суд прошел для него заочно. Ольге же (по крайней мере, на момент написания этой статьи) детей так и не вернули.

Пытаются засудить, только на сей раз по ст. 117 (“истязание”) и отца четверых детей Дмитрия Матвеева. Об этом подробно писала газета “Радонеж”. Двое старших – дети жены Дмитрия от первого брака. К несчастью для новой семьи, дедушка пасынков, бывший свекор Елизаветы, является членом Совета директоров “Газпрома”, то есть человеком весьма влиятельным и денежным. Родной отец, уйдя из семьи, детьми не интересовался, за семь лет ни разу даже не позвонил. Дедушка же поддерживал с невесткой и внуками хорошие отношения, но, как оказалось впоследствии, преследовал свои далеко идущие цели. Когда старшему внуку Тимуру исполнилось 14 лет, дедушка, взяв его, как обычно, на выходные, вдруг заявил, что Тимур теперь будет жить у него. После этого мать с отчимом не могли связаться с ребенком. В конце концов Елизавета подала в милицию заявление о розыске сына. Тогда влиятельный дедушка решил показать, кто тут начальник, и против человека, который, в отличие от родного отца, занимался воспитанием Тимура, было выдвинуто обвинение в том, что он регулярно избивал, истязал ребенка и выгонял его из дома.

ДЕТИ-ОБВИНИТЕЛИ

В деле нет ни одного факта или свидетельства очевидцев, не зафиксировано никаких телесных повреждений. Обвинение строится исключительно на жалобе Тимура, который находится сейчас под влиянием деда, посулившего ему учебу в Швейцарии и другие жизненные блага. Несмотря на это, отчиму грозит лишение свободы (вот она, приоритетность прав ребенка в действии, даже без специального закона о ювенальной юстиции!), а дедушка, который чувствует себя хозяином положения – непобедимым и, тем более, безнаказанным, – уже затевает изъятие второго внука, десятилетнего Амира. Такое ощущение, что смотришь фильм про бесчинства итальянской мафии. Только имена не итальянские, и действие происходит не в Сицилии...

Можно вспомнить и нашуевшую историю, случившуюся в Великом Новгороде. Антонине Мартыновой предъявили обвинение в покушении на убийство двухлетней дочери Алисы. Девочка упала в лестничный пролет. К счастью, она не только осталась жива, но и не получила серьезных повреж-

дений. И все бы отделались, как принято говорить, “легким испугом” (хотя испуг, конечно, у матери и у ребенка был нешуточный), если бы не свидетельство одиннадцатилетнего мальчика, стоявшего в момент происшествия этажом выше. Он утверждал, что видел, как “одна девочка толкнула другую”. Свидетельства этого несовершеннолетнего очевидца оказалось достаточно, чтобы возбудить дело против Антонины. Мало того, что никаких других свидетельств не было, она еще и прошла независимую экспертизу на детекторе лжи, которая удостоверила, что Антонина “не имела намерений нанести вред своему ребенку и не причиняла его”. И тем не менее, сидеть бы ей в тюрьме, если бы ее муж-журналист не поднял большой шум в интернете и не заручился поддержкой Общественной палаты. В прокуратуру Великого Новгорода посыпались запросы. Через некоторое время взятую под стражу мать выпустили, но запретили встречаться с дочкой наедине. То есть мать и дочь оставались разлучены. Потом, правда, и этот запрет под давлением общественности отменили. Однако, насколько нам известно, дело до сих пор не закрыто, и Антонина предпочла от греха подальше скрыться вместе с дочкой в неизвестном направлении. Но если их обнаружат, не исключено, что мать опять окажется за решеткой, а девочка в приюте.

“НАСИЛЬНИКИ” ИЗ БАЛАШИХИ

Обвинили в насилии над ребенком и семью Лапиных из города Балашиха. Попробуем кратко пересказать то, что об этом написала в “Новой газете” Елена Костюченко. Хотя начало статьи “Симпатьяшка”, выдержанное в стиле дневниковой хроники, хочется процитировать большим куском, поскольку в нем удивительно точно передана атмосфера той гулаговской реальности, с которой мы знакомы по мемуарам о сталинских временах и в которой при “развитом ювенализме” может оказаться каждый из нас.

“29 марта <2008 г.> Зинаида <приемная мать>, рассказывает, что в этот день купала Владилену и, чтобы девочка не “клюнула головой” о нависающую над ванной раковину, придерживала рукой ее сзади, за шею. Девочка выскользнула, Зинаида инстинктивно и сильно сжала пальцы, и на шее осталось четыре царапины от ногтей.

30 марта. Сотрудники детского сада просигнализировали о травме в органы опеки.

1 апреля. В квартиру Лапиных пришли сотрудники органов опеки с внеплановой проверкой. Сделали несколько замечаний про расположение книг и игрушек, но в целом остались довольны.

2 апреля. По словам Зинаиды, Владилена разрисовала лицо фломастерами, и мама ее отмывала. Мыло попало в глаза, девочка заплакала, и бдительный сосед вызвал наряд милиции.

3 апреля. С утра к Лапиным пришла делегация из десяти человек – сотрудники милиции, органов опеки, заведующая детсадом. Родителям объяснили, что ребенка забирают по устному распоряжению помощника прокурора города Шавыриной.

Лапин сказал, что по устному распоряжению ребенка не отдаст, но согласился проехать с девочкой на медосвидетельствование. Результаты родителям не показали.

4–14 апреля. Инспекторы стали приходить к Лапиным каждый день. Вот их отчеты: “Мною посещена семья Лапиных без предупреждения <...>. Девочка была спокойна, улыбалась <...>. Для ребенка имеются необходимые продукты, овощи, фрукты, лекарства <...>. Мною осмотрена девочка. Тело чистое <...>. Отдельное спальное место. Игрушек в достаточном количестве <...>. Девочка проснулась и стала искать маму...”

15 апреля. Новое медосвидетельствование девочки, включавшее гинекологический осмотр. Травм не выявлено.

16 апреля. Сотрудники милиции и органов опеки предъявили Лапиным “распоряжение об отобрании” Владилены. Александр заявил, что документ неправомочен – по закону на распоряжении должна стоять подпись главы муниципалитета. Тогда сотрудники опеки предложили отвезти Владу на очередное медосвидетельствование. “Владочку посадили в “скорую помощь”, мы поехали следом на машине, – рассказывает Зинаида. – “Скорая” въехала на территорию больницы, и сразу за ней ворота закрылись. К нам вышла Шавы-

рина и сказала, что интересы ребенка мы уже не представляем и что против меня возбуждено уголовное дело”.

Дальше все кроилось по стандартным ювенальным лекалам. Последовали страшные обвинения. Сотрудница отдела по делам несовершеннолетних утверждала, что “у девочки было фактически оторвано ухо”. По ее словам, сотрудницы детсада дали показания, что Лапины душили девочку веревкой.

Правда, медсестра детского сада, куда ходила Влада, “оторванного уха” не видела. Равно как и детский врач, наблюдавшая ребенка в последние полгода, не видела следов побоев и удушения. Да и сама девочка свидетельствовала: “Мама меня поцарапала нечаянно”.

Однако следствие им не верило, и обвинения в насилии над ребенком не прекращались. На суде по лишению родительских прав сотрудница отдела по делам несовершеннолетних заявила, что Владилена “уже не вспоминает родителей, не скучает по ним. В приюте ей нравится”.

Но Лапины не поддались на эти лживые уверения, тоже весьма типичные для работников ювенальных служб, и продолжали бороться за свою дочь. Им удалось поднять довольно-таки большой шум и, в конце концов, почти год спустя после начала этой истории, девочку им вернули. Причем в приюте она заболела туберкулезом (!). Однако дело еще не закрыто, опека подала на пересмотр, нервы Лапиным мотать продолжают, и исход неизвестен.

Хочется процитировать и самый конец статьи. Отвечая на вопрос, зачем балашихинская милиция и прокуратура так стремятся разлучить девочку с родителями, Елена Костюченко пишет: “Возможно, это служебное рвение. Уголовные дела по жестокому обращению с детьми имеют свои печальные особенности. 2007 год был объявлен Годом ребенка, и речи первых лиц государства о необходимости защиты “нашего будущего” на местах превратились в директивы. Были ужесточены так называемые внутренние нормативы милиции и прокуратуры – уголовные дела по издевательствам над детьми были вынесены в отдельную строку “палочной системы”. **Это привело к валу сомнительных уголовных дел** (выделено нами. – **И. М., Т. Ш.**). Сейчас грядет вторая волна показухи – Совет Федерации по предложению Медведева ужесточил наказания за педофилию. (Кстати, балашихинские милиционеры активно пытались подтолкнуть свидетелей к подобным утверждениям в отношении Лапиных). И скольких невинных эта волна погребет под собой – неизвестно”.

(P. S. Когда эта статья уже была написана, пришло известие, что Лапины, измученные ювенальными преследованиями, сначала отправили Владу, а вскоре и сами эмигрировали в одну из социалистических стран Восточной Азии – подальше от балашихинских блюстителей детских прав. Как теперь принято выражаться, “туши свет”...)

ШИШКА НА ЛБУ КАК ВЕСОМАЯ УЛИКА

Активно пытались подтолкнуть к принятию на себя вины за насилие над ребенком и многодетных родителей из Краснодарского края. Однажды, когда молодой священник Н. и его жена принимали гостей, их пятилетняя дочка, расшалившись, упала и ударилась головой о деревянную спинку кровати. Ушиб был несильный, но малышку на всякий случай решили показать врачу. Врач, с непривычки явно чувствуя себя неловко (в маленьком кубанском поселке все друг друга знают и уж тем более местного батюшку), сказал, что теперь, по новым правилам, он должен сообщить о случившемся в милицию. Конечно, это чистая формальность, ничего страшного...

На следующий день супругов вызвали. Милиционер допросил их и отпустил. Уже одно это было фактом новой реальности: допрос по поводу шишки на лбу ребенка. Но вскоре выяснилось, что это лишь первая серия. Второй допрос состоялся на дому, и милиционер, который его проводил, был не столь благодушен, как предыдущий. Дома оказалась лишь хозяйка, кормящая мать с младенцем на руках, и блюститель порядка терзал ее целых 5 (!) часов, выжимая признание либо в том, что она оставила девочку без присмотра, либо что эта шишка – результат побоев. Оба признания по нынешнему УК тянут на статью. Хорошо, что жена священника, будучи профессиональным юристом, сумела противостоять давлению. Но когда милиционер

ушел, измученная женщина так долго и безутешно рыдала, что у нее пропало молоко. Такая вот ювенальная охрана детства...

Специфически позаботились о здоровье беременной женщины (а значит, и ее будущего ребенка) в Москве. Наряжая елку, она оступилась, упала со стула и случайно задела свою девятилетнюю дочь. Та ударилась головой о шкаф. Ничего похожего на сотрясение мозга не было, и на следующий день девочка пошла в школу. Но синяк все же остался. На этом основании ребенка, не известив родителей, отправили прямо из школы в приют. А матери, которой уж никак не полезно волноваться в ее положении, пришлось сначала, когда дочка не вернулась из школы, сходить с ума от ужаса, потом – вывозить ее из приюта, а дальше – отстаивать свои родительские права, которых ее с мужем собирались лишить. Только она и Господь Бог знают, чего ей это стоило. И девятилетняя девочка вряд ли восприняла такую защиту прав как желанный подарок от деда Мороза.

ДЕЛО АГЕЕВЫХ

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает нашумевшее “дело Агеевых”. Если читатель помнит, их обвинили в чудовищной жестокости по отношению к приемному сыну Глебу. Мальчика, а заодно и второго приемного ребенка, двухлетнюю Полину, отняли, а против Ларисы и Антона возбудили уголовное дело.

Нам эта история с самого начала показалась странной. А вернее сказать, подозрительной. Прежде всего потому, что все это уж очень было похоже на заказную кампанию. А во-вторых, настораживали сами обвинения: матери инкриминировали, что она била ребенка раскаленным чайником. Давайте попробуем себе представить, как это – бить раскаленным чайником? Вода выплеснется – и ошпаришься. Да еще, ошпаренный, выронишь чайник из рук, а он на ноги упадет. В общем, увечье гарантировано.

Ну, и конечно, удивило нас поведение чиновников. Люди эти по определению достаточно осторожные и обычно в случае скандала не торопящиеся выносить оценки, а предпочитающие подождать результатов расследования. И если “следствие покажет”, то “виновные будут привлечены к ответственности”. А тут они, не дожидаясь никаких судебных вердиктов, наперегонки стремились заклеить позором “злодеев-родителей” и поспособствовать скорейшему изъятию детей. Даже честь мундира, которую они всегда так рьяно защищают, – и той пренебрегли! Ведь сотрудники органов опеки, в течение года наблюдавшие Глеба и Полину в новой семье, не выявляли никаких нарушений. В акте обследования жилищно-бытовых условий, составленном вечером 27 марта 2009 года после возвращения Глеба из больницы домой и подписанном тремя сотрудниками уже не одной, а трех (!) разных опеки, столичной и областной, тоже дана положительная характеристика: “Из беседы с детьми выяснено, что родители они любят. Дети выглядят ухоженными и опрятными. Во время прихода специалистов дети играли, выглядели веселыми, потом смотрели сказку, обнимали и целовали маму, выказывая ей любовь”.

Но и это, и показания многочисленных свидетелей в пользу того, что родители не избивали Глеба (например, педагоги, занимавшиеся с ним и Полиной 4 раза в неделю в развивающем кружке, заявили в суде, что регулярно видели мальчика в майке и шортиках, и никогда никаких побоев не было, в том числе и за день до происшествия 20 марта), и объяснения родителей, до сих пор категорически отрицающих свою вину, – все это потонуло в море журналистской истерии. В СМИ тиражировались фотографии маленького Глеба, украденные корреспондентами у Агеевых и не имевшие никакого отношения к случившемуся. Одна была сделана в кафе. Руки Глеба, испачканные в клюквенном соусе, были представлены журналистами как измазанные кровью. Хотя в кафе тогда же была сделана целая серия снимков, где Глеб еще не успел измазаться. Ими, естественно, пренебрегли.

Другая фотография датирована февралем (примерно за месяц до происшествия). Накануне мальчик играл во дворе, залез на собачью будку, упал с нее и набил шишку на лбу. Родители помазали шишку рассасывающей мазью “Бодяга-форте”. Мальчик чувствовал себя нормально и вечером спокойно уснул. А наутро у него появились синие круги под глазами. Врачи впоследствии

подтвердили, что у Глеба явно выраженная “очковая болезнь”. Это когда шишка на лбу, разжижаясь, перетекает в синюшность под глазами и потом быстро рассасывается.

Фотография эта, как рассказал А. П. Агеев, была отретуширована журналистами. “Крови под носом у Глеба на фотографии, конечно, не было и синяка под левым глазом тоже: тут уж на славу постарались “дизайнеры” из Life.ru, – говорит Агеев в интервью сайту Liberty.ru. – Отретушировать видео, которое мы сняли тогда же, оказалось труднее, и эта разница бросается в глаза”.

Ларису Агееву, которая водила детей то на танцы, то на лепку, а в промежутках вязала им свитерки и шапочки, журналисты, затеявшие травлю, представили “деградировавшей хронической алкоголичкой”. Чем это отличается от сталинских процессов, когда людей огульно обвиняли в том, что они агенты сразу нескольких разведок?

В заключении комиссии специалистов общероссийской общественной организации “Независимая психиатрическая ассоциация России” (НПА), проведенной комплексное психолого-психиатрическое освидетельствование Ларисы Агеевой, сказано: “Индивидуально-психологические и личностные особенности Л. В. Агеевой не содержат ни клинических, ни экспериментально-психологических по личностным тестам характеристик, которые обладают интеркорреляцией с жестокостью: ни первичного, ни эпилептиморфного, ни органического круга. Проведенное исследование позволяет характеризовать Л. В. Агееву как добросовестную, любящую мать, а предположение об истязании ею своего ребенка Глеба Агеева следует признать крайне маловероятным... Нет никаких оснований полагать, что Л. В. Агеева страдает алкогольной и наркотической зависимостью...” Заключение подписано четырьмя специалистами, профессиональный стаж которых превышает паспортный возраст большинства бесстыжих писак и телевизионщиков, клеймивших “мать-садистку”.

Но ни это заключение, ни две судмедэкспертизы, доказавшие, что Глеба не били раскаленным чайником и не прижигали утюгом, погоды не сделали. Когда пропагандистская машина разогналась и несется на всех парах, в ее вое и свисте тонут все предупредительные сигналы. А “защитникам детей” удалось ее разогнать на полную катушку.

“На наш взгляд, именно СМИ были организованы гонения на нас и давление на якобы бездействовавшую исполнительную власть, – говорит Лариса Агеева. – Остается открытым вопрос: кто за этим стоит? Кто финансировал съемочные группы, круглосуточно дежурившие около нашего дома? Кто разрешил съемку в больнице? Кто информировал телевизионщиков о выписке Глеба из больницы 27 марта? Кто на протяжении двух недель ставил очерняющие нас репортажи в каждый выпуск “Новостей”? У нас в стране ничего другого не происходит? Или это отработка действия психотронного информационного оружия? Зомбирование и программирование граждан на желаемый результат? Даже если не говорить о той лжи, клевете, грязи в наш адрес, то все-таки хочется сказать о том, какое количество наших прав с первых дней было нарушено. Раскрыты тайны усыновления, медицинского диагноза, проведена незаконная съемка ребенка, вмешательство в личную жизнь и т. д. Список состоит из 10 пунктов. Кто-то за это ответил? Нет и еще раз нет”.

Да, разбаловались наши граждане при демократии... В ювенальной реальности, в которую их так грубо и резко окунули, родителям о своих правах и вспоминать-то не положено, не то что заикаться. Какие права могли быть в тридцатые годы у “врага народа”? И можно ли было себе представить, что осужденный по ст. 58 будет задавать такие вопросы осудившим его? Вот и “враг ребенка” не сможет вступать ни в какой диалог с устроителями нового светлого будущего. Зачем вообще разговаривать с врагом? Его надо обезвредить, а не ласы с ним точить.

Пока что для нового ГУЛАГа только роют котлован. Хотя шустрые ювеналы-законотворцы очень торопятся подвести материалы для закладки фундамента. Но если усилиями честных людей все же удастся заморозить эту юридическую “стройку века”, то Лариса Агеева сможет рассчитывать на ответ. Пускай не по статье закона, а хотя бы на человеческий: дескать, простите, ошибочка вышла.

КАК ВАЖНО БЫТЬ ОТЗЫВЧИВЫМИ

Вообще, в том, что строители нового миропорядка так обнаглели, виноваты мы сами: разучились приходить на помощь попавшим в беду. Когда же механизмы человеческого участия и взаимопомощи вновь начинают работать, оказывается, что не так-то просто поднять волну, которая захлестнет очередную жертву потоками клеветы.

Так, во всяком случае, произошло с приютом при Свято-Боголюбовском женском монастыре Владимирской епархии. История вкратце такова. Шестнадцатилетняя девушка-сирота при помощи заинтересованных в ее побеге взрослых покинула монастырский приют и вскоре оказалась в другом. Да не просто в другом, а в приюте главного ювенала О. В. Зыкова. И направила оттуда открытое обращение к Президенту, Генеральному прокурору и Патриарху, требуя защитить ее попранные детские права. Обращение было составлено (по крайней мере, на наш непросвещенный взгляд) весьма юридически грамотно и повергало в ужас, поскольку чуть ли не каждая фраза “тянула” на уголовную статью. Приютское начальство (монахини) выглядело там страшными истязателями: за малейшую провинность заставляли класть 1000 земных поклонов в день, избивали пряжками от ремня, морили голодом, запирали в темной комнате, заставляли работать на полях от зари до зари. . .

И снова, будто по выстрелу стартового пистолета, наша независимая пресса соревновалась за первенство опубликовать письмо “несчастливого ребенка”, сопровождая этот впечатляющий текст не менее впечатляющими комментариями. И все пошло бы по накатанному сценарию шельмования, если бы в Боголюбово сразу не выехала общественная комиссия, состоящая из представителей разных – тоже общественных – организаций, и не началась встречающая информационная компания, оповещавшая о ходе расследования и не дававшая возможности ангажированным журналистам беспрепятственно лгать. Информационные ресурсы у защитников приюта, прямо скажем, были куда более скудными, чем у его противников, но и этого оказалось достаточно, чтобы намеченный план реализовать не удалось. А план намечался серьезный. Погром приюта был отнюдь не единственным его пунктом. И, может быть, даже не главным. Теперь, по прошествии некоторого времени, картина вырисовывается все более отчетливая и объемная. Чтобы ее получше рассмотреть, мы вернемся немного назад, к делу Агеевых.

НОВАЯ “ЧРЕЗВЫЧАЙКА”

На недоуменный вопрос, почему “мальчиками для битья” избрали именно их, обычно дается ответ: “Попали под раздачу”. Дескать, нужно было “продавить поправку”, ужесточающую наказание родителей, а тут подвернулся удобный случай. Но это объяснение трудно назвать исчерпывающим. Все равно непонятно, зачем нужно было раздувать именно это дело, а не удовлетвориться другими, сообщения о которых тоже мелькали в прессе и на экране? Ведь там были еще более душераздирающие подробности: какой-то ребенок жил в собачьей будке, кого-то забили до смерти.

А дело в том, что провозвестники ювенальной юстиции тщательно прорабатывают аргументацию оппонентов. И, собственно, дело Агеевых было ответом на чуть ли не основной аргумент, заключающийся в том, что для асоциальных родителей (алкоголиков, наркоманов и проч.), которые, утратив человеческий облик под влиянием своих зависимостей, издеваются над детьми, есть соответствующие статьи в УК.

“Ах, так?! – решили ювеналы. – Тогда вот вам образцовые родители: прекрасно обеспеченные, с тремя высшими образованиями и якобы наилучшими намерениями – усыновили двух сироток. А на поверку – изверги хуже любых оборванцев!” Иными словами, “дело Агеевых” призвано показать властям и обществу, что насилие над детьми возможно в любой семье, даже в такой суперблагополучной. Каждый ребенок может оказаться в опасной ситуации, каждый может стать жертвой своих родителей, ни один не застрахован! А потому необходимо срочно создавать систему юридической защиты, то есть – ювенальную юстицию. Что мы и услышали от главных детозащитников после того, как на Агеевых были вылиты в СМИ ушаты грязи и клеветы. Крича, что нигде так не издеваются над детьми, как в России, эти энергичные ре-

бятя фактически потребовали очередной перестройки всей жизни общества: поощрения массового доноительства, беспрепятственного доступа органов опеки в каждый дом, быстрого изъятия детей при малейшем подозрении, что ребенку угрожает опасность, и столь же стремительного лишения очередных “извергов” родительских прав. Яркой иллюстрацией сказанного нами служит стенограмма заседания Общественной палаты, куда Антон Агеев по наивности обратился в поисках справедливости. Он тогда ничего не знал ни про ювенальную юстицию, ни про то, какое отношение имеют к ней некоторые лица, присутствовавшие на этом заседании. Весь текст стенограммы по причине его громоздкости мы приводить не будем, хотя там много красноречивых фрагментов. Ограничимся небольшой цитатой. Выступает О. Н. Костина, член Общественной палаты.

Костина: “Я постараюсь коротко, потому что здесь аудитория профессиональная, все понимает друг друга с полуслова. Первое, значит, чем я предлагаю тоже воспользоваться. 16 числа Президент проводил совещание... Это совещание, которое он проводил по итогам нескольких обращений и Госдумы, и Палаты, и общественных организаций. Оно было посвящено насилию над детьми. Очень жесткие выводы, было внятно сказано всем заинтересованным министерствам: “В течение 10 дней дать предложения, как это прекратить”. Не знаю, какие предложения они дали, я была у Нургалиева в предыдущие выходные. Значит, я понимаю следующие вещи. Первое. Нам надо как-то по-другому структурировать КДН (комиссию по делам несовершеннолетних. – **И. М., Т. Ш.**). Давайте все быстро об этом подумаем. Это должна быть понятная, четкая структура с полномочиями... Во всем мире все, что касается насилия над детьми, имеет чрезвычайные полномочия. **Это ЧК, если хотите.** (Выделено нами – **И. М., Т. Ш.**) В Соединенных Штатах даже без заявителя, если есть подтвержденный факт насилия над ребенком, приезжает прокуратура, соответствующие инстанции, забирает сначала... Внимание! Сначала забирает ребенка из опасной ситуации, а потом начинает выяснять, что там было... Поэтому первое предложение. Давайте воспользуемся вниманием “первого” лица, вниманием уже отчаянного свойства. Я думаю, что он будет в бешенстве, потому что только он проговорил, один случай: педофил вышел, сразу прямо на этом фоне, и второй случай – то, что мы сейчас разбираем. Не надо разбирать”.

Это что же получается? Не только народу, но и самому Президенту морочат голову, добиваясь от него решений, угодных ювенальщикам? Ну, а про ЧК – это уж совсем откровенно. Мы, по правде сказать, на такую откровенность даже не рассчитывали. Начиная писать статью, мы еще не ознакомились со стенограммой, и нам казалось, что сравнение ювенальной реальности с реальностью ГУЛАГа – это, несмотря на сходство, все же отчасти метафора. А получается – нет, никакая не метафора. Обвинения, которые предъявляются людям, выбранным для показательной порки, совершенно из того же ряда, что и обвинения “врагов народа”, которые рыли туннель от Бомбея до Лондона или работали сразу на пять враждебных Советскому Союзу стран. Все это какие-то густопсовые страшилки.

Мать “била раскаленным чайником”, “душила веревкой”, “отрывала ухо”, “подносила горящую зажигалку к губам” (этот пример мы услышали на конференции в Новосибирске и привели в статье “Троянский конь ювенальной юстиции”). Отец “ставил на мешки с солью”, “доставал раскаленной кочергой, чтобы изнасиловать”, “насилывал девятилетнюю девочку на глазах у матери” (эти примеры взяты с сайтов ювенальщиков и из телепередач). В монастырских приютах (множественное число тут не случайно, поскольку попытки разгрома предпринимались и в отношении других подобных учреждений, например, детского дома-пансиона “Отрада” при Свято-Ильинском женском монастыре в Тюмени) – “велят делать по 1000 земных поклонов в день”, “морят голодом”, “в наказание вынуждают стоять с табуреткой на вытнутых руках”, “изнуряют работой на полях от зари до зари” и одновременно (хотя непонятно, как это совместить физически) “заставляют выстаивать многочасовые службы”.

Ну, как тут не вспомнить инструктаж по пиару, который осуществляла в теперь уже далекие 90-е одна из первых руководительниц РАПСа (Российской ассоциации “Планирование семьи”)?! Выступая перед журналистами, нанятыми для продвижения контрацепции и стерилизации в массы, она советовала

приводить примеры, которые сражали бы наповал и потому бы запоминались. Особенно настоятельно она рекомендовала давно апробированный в других странах пример про мать-бомжиху, которая пыталась продать своего **восьмого умственно отсталого ребенка на органы**. Разве можно такому чудовищу позволить рожать, сколько ей заблагорассудится? Конечно, она нуждается в принудительной стерилизации. И сколько еще таких ходят неохваченными?!

А недавно на одном весьма ответственном официальном мероприятии именная врач-гинеколог, вероятно, хорошо усвоившая вышеупомянутые пир-ар-технологии, заявила о необходимости безотлагательно ввести сексуальное просвещение в школьную программу, мотивируя это, в частности, тем, что 94% четырнадцатилетних девочек уже якобы сделали аборт (то есть даже не каждая вторая, а практически все!). И, разумеется, потому, что их вовремя не просветили.

“ТРЕПЕЩИТЕ, МРАКОБЕСЫ!”

Но вернемся к приютам. Как мы уже написали, нападки на Свято-Боголюбовский монастырь предпринимались с далеко идущими целями. И тут как раз легко провести аналогию с “делом Агеевых”. За их делом стояла идея беспрепятственного вмешательства в любую семью, здесь – в любое детское учреждение, находящееся под эгидой Русской Православной Церкви, установление там своих ювенальных порядков. А вернее, своего диктата. Но это еще не все. История в Боголюбове была ответом на встречу Патриарха с представителями партии “Единая Россия”. Встречу, на которой Святейший постарался донести до депутатов этой лидирующей в Думе фракции озабоченность православного народа перспективой введения в нашей стране ювенальной юстиции. Для ее сторонников это был, конечно, сильный удар. Они-то делали вид, что против такого чудесного нововведения выступают только отдельные маргиналы, которых не стоит принимать в расчет. А тут – на тебе, сам Патриарх! Но ничего, неутомимые печальники о правах детей маленько отдышались, пришли в себя, провели мозговой штурм, и их коллективный разум нашел выход из создавшегося положения. Примерно через месяц было заявлено, что Патриарха ввели в заблуждение мракобесы. И для пущей убедительности был срочно подготовлен видеоряд. Отсюда и обвинения, рисующие картину мракобесия и изуверства. Если бы план Зыкова и К^о удался, то при любой попытке возразить против ювенальной системы раздавался бы гневный окрик:

– Вы что, защищаете извергов и мракобесов? Может, вы и сами изверги и мракобесы, которым нравится мучить детей?

КАК ЖЕ БЫТЬ СО “СЛЕЗИНКОЙ РЕБЕНКА”?

К счастью, Господь посрамил эти планы. Но только в данном конкретном случае. В целом же ювенальная вакханалия набирает обороты. В последнее время не бывает недели, а то и дня, чтобы из того или другого города, городка, поселка не пришло бы известие об очередном погроме семьи. То в Орске отца посадили на 3 года, осиротив четверых детей, в том числе грудничка. То в Ставрополе у матери-одиночки отняли шестерых детей, и одного из них в приюте изнасиловали. То в Колпине Ленинградской области у вдовы отняли четверых детей, потому что мать и дети живут в одной комнате. То в Дзержинске Горьковской области разлучили родителей с тремя детьми, в том числе и с 5-месячной дочкой-грудничком, не постеснявшись дать такое объяснение: “У вас тут чисто, но слишком бедно”. Пермь, Саратов, деревня около Ростова Великого, Тульская область, Краснодарский край, Екатеринбург, Пермь, Иркутск, Подмосковье, Чувашия, Марий Эл... Каждая такая история – это убитые горем взрослые, до смерти перепуганные дети.

И – стремительный рост статистики по насилию в семье. Ювеналы же говорят, что оно, семейное насилие, повсюду, мы просто не знаем. Вот и кинулись срочно наращивать показатели. Ведь как славно! Зачем искать реальных злодеев? Куда проще назначить таковыми нормальных людей и измываться над ними. От злодеев мало ли чего можно ожидать?

С каждой такой историей все отчетливее видны жестокость и равнодушие наших либерал-гуманистов. Сперва они презрительно отмахивались: дес-

кать, все это выдумки, истерики, нагнетание ужасов. “Покажите хоть один случай!” Теперь, когда таких случаев больше, чем им хотелось бы, они сочинили новые песни (которые, впрочем, совсем не новы): про “отдельные недостатки”, “перегибы”, “низкий профессионализм”, “беспредел опеки” и, конечно, “раздувание из мухи слона”. Стоит ли из-за таких мелочей поднимать шум и отвергать прекрасную идею? Всего-то по регионам изъято детей где чуть меньше тысячи, где полторы тысячи в год, где две с небольшим... А как же тогда, господа либералы, быть с вашей любимой цитатой из Достоевского про “слезинку ребенка”? Ну-ка, умножим слезинку на тысячу, потом — на количество регионов, ведь их в России более 80... Получается около 100 тыс. детей в год! Ну, пускай даже поменьше — порядка 70 тысяч (в последнее время в печати несколько раз мелькала такая цифра). 70 тысяч детей, которых лишили семьи. Причем, при нынешних ювенальных нравах добрую половину детей изымают вовсе не в крайних случаях — у опустившихся вконец родителей, — а тогда, когда семья еще вполне можно помочь. А нередко (как в вышеприведенных случаях) и тогда, когда семья вообще не нуждается во вмешательстве извне. Или все это тоже мелочи и истерика? А если приплюсовать сюда страдания родителей, которых оболгали, зачислив в изверги и обвинив в “ненадлежащем воспитании”, да еще вспомнить про бабушек и дедушек, которые получают от потрясения кто инфаркт, кто инсульт, кто расстройство нервной системы, а иные и вовсе умирают раньше отпущенного срока, то счет “мелочей” и “перегибов” уже пойдет, пожалуй, на сотни тысяч.

Ну, и чем же вам тогда сталинский ГУЛАГ не нравится? “Лес рубят — щепки летят”, известное дело... Или ювенальный ГУЛАГ — это “наш сукин сын”, потому что он экспортирован из “прекрасного далека”? Оттуда, откуда ничего плохого по определению прийти не может?

Впрочем, не будем втягиваться в полемику с теми, с кем она, к сожалению, бессмысленна. Мы пишем не для них, а для людей не ангажированных, не потерявших разум и совесть, которых пока еще, слава Богу, большинство. И им мы хотим сказать: разрушение семьи, клевета на родителей и изъятие детей по разным надуманным причинам — это не ошибки, а тяжкие преступления. И необходимо добиваться наказания преступников. Не надо верить в наспех состряпанную ложь про беспредел опеки. Беспредел всегда хаотичен, а тут все почему-то “беспредельничают” в одном строго заданном направлении, по одному сценарию, переведенному то ли с английского, то ли с французского. Подлинник несущественен, поскольку на всех языках, вплоть до иврита, эти ювенальные сценарии выглядят одинаково. Необходимо выяснить, на основании каких распоряжений органы опеки вдруг стали вести себя, как разбойники с большой дороги, добиться отмены этих распоряжений и наказания тех, кто учинял разбой.

Чтобы общество узнало, кто настоящий, — без кавычек! — враг ребенка. Он же и враг народа, поскольку дети и их родители — это и есть народ.

ВЛАДИМИР ПОПОВ

РОССИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ УТИЛИЗАЦИЯ?

“...Но государство ведь тоже не целиком от дьявола. Оно имеет своё призвание. Его идеальное имя — справедливость”.

Георгий Федотов
“Судьба и грехи России”

Понятие модернизации сформулировал для себя как профессиональную способность людей научно управлять изменением общества. В моём кратком определении нет идеологии, всё предельно понятно, кроме одного — что считать наукой и где в современной России взять “вождей”, которые хотя бы на уровне просвещённого дилетантизма понимали действительные проблемы развития собственной страны. А не строили “инновационные” песочные замки с полями для игры в гольф в Подмоскowie, по-детски радуясь словам одобрения своим планам “железного Арни”, теперь уже бывшего губернатора Калифорнии. Россия, да будет известно кремлёвским звездочётам, в своей истории трижды, благодаря радикальным реформам, выходила на мировой уровень развития. Особенность их заключалась лишь в том, что модернизации были догоняющими, мобилизационными и проводились авторитарными методами. Поэтому небольшой экскурс в историю, чтобы не было иллюзий о нашей исключительности, а это всё больше наблюдается в поведении руководителей страны, будет уместен.

Первая средневековая модернизация — пороховая, — была проведена, что важно знать и нашим западникам, не в Европе, а на Востоке. Её возможностями тогда умело воспользовались китайская династия Мин и Япония, почти триста лет мучительно преодолевавшая феодальную раздробленность. Примерно в середине XVI века, на пике новых географических открытий и технологий создаются индостанское царство Великих Моголов, Османская Турция и Сефевидский Иран, во многом изменившие политическую картину мира той эпохи. Новые империи и их правители, включая испанских Габсбургов, опирались в своей экспансии на мощную армию, вооружённую уже огнестрельным оружием, и религии, ставшие идеологиями, которым суждено было сыграть огромную роль в истории развития человечества. Выявилась и общая пробле-

ма новых государств, ставшая для них роковой. Неизбежный при азиатской деспотии консерватизм бюрократии, набравшей силу, не позволил ей вовремя поймать и “оседлать” новую волну назревших реформ, что в дальнейшем разрушило казавшуюся незыблемой государственность.

А патриархальная Россия при Петре I – смогла. История, как известно, дама своевольная, и потому желания и поведение её слабо предсказуемы. Поразительно, но стимулирующими оказались последствия страшного Смутного времени. В этом, вероятно, и проявляются парадоксы развития. Многим неведомо, что Иван Грозный в управлении государством не стыдился заимствовать опыт исторического врага – Османской империи. У султана были янычары, у нас – стрельцы. Московский царь учредил кавалерию помещиков, а более ранний турецкий аналог высокородных воинов – тимариоты. Приказы и, полагаю, сохранившие недобрую память в веках опричники – тоже османского происхождения. Дело в том, что в составе подразделений янычар находились отряды, которые пользовались особым доверием султана. Их главная задача заключалась в уничтожении явных и потенциальных врагов. Самые настоящие эскадроны смерти. Другой, не менее важной их функцией была – идеологическая. Эти блюстители порядка и веры воспринимались всеми подданными империи, как источники и хранители животного “страха” перед наместником аллаха на земле. Неким мистическим воплощением неотвратимости возмездия за любые отклонения от установленных “божественным” правителем правил поведения. Как убога порой человеческая природа – проходят века, а мы по-прежнему мыслим категориями средневековья и поступаем соответственно с ними.

Вернёмся всё-таки к России, её судорожным поискам себя в хаосе исторического потока. При Иване Грозном центральная власть необычайно усилилась, её функции усложнились, более строгим, а зачастую жестоким стал спрос за должное исполнение царской воли. Родившаяся в те сумрачные годы бюрократия стала многочисленной, соответственно возросли её амбиции и алчность. Разорительные войны, физическое устранение целых боярских родов и многолетнее грабительское изъятие “излишков” у крестьян – чем не продрозвёрстка! – породили в стране страшный голод и бесконечные бунты “черни”. Все эти свалившиеся на народ несчастья совпали с трагическим для царства кризисом правящей династии и фактическим распадом государства. Понадобилось время, чтобы, пройдя через хаос, немислимые человеческие страдания, национальное унижение, польскую оккупацию и освободительную войну, наконец-то наступило “озарение” и сплочение народа с частью боярской элиты. Россия вновь, как после освобождения от ига Золотой Орды, возродилась из пепла и, по мере обретения сил, стала, к недовольству монархов европейских стран, разумно обустривать свою национальную жизнь.

Реформы Петра I рождались явно не на пустом месте. Экономические и идейные предпосылки второй модернизации формировались в муках ещё в предшествующем веке. Россия была далеко не в пещерном состоянии – эта, навязанная во славу Петра, грубая ложь исказила её историю и нанесла огромный вред формированию национального самосознания русского народа. По своему мировоззрению и методам управления государством император всея Руси вполне заслуженно мог бы причислить себя к наиболее радикальной части большевистского руководства. Какие якобинцы – пусть отдыхают! Он и только он, более чем кто-либо другой, впряме претендовать на роль их предтечи. Отсюда и уважительное к нему отношение коммунистических вождей. Знаменитая реплика И. Сталина: “Не дорубал Петруха...” – говорит для знающих людей о многом. Император не только жестоко и порой бездумно корчевал вековые традиции и сложившийся уклад жизни, совершая тем самым преступления против своего народа, который для него был обычным строительным ресурсом и пушечным мясом. Он решительно уничтожал и устаревшие государственные структуры, в своё время организационно обеспечившие предыдущую реформу. Ликвидировал стрелецкое войско, систему приказов, превратил церковь в государственный институт, создал новую элиту – дворянство, лучшая часть которого в течение полутора веков верой и правдой служила развивающейся стране. Увы, у многих новоявленных аристократов очень быстро обнаружилось общее для всех нуворишей стремление к красивой жизни “по-царски”. Как только они достигали больших чинов – тотчас начинали с изрядной ловкостью “кроить” государеву казну и брать мзду

с просителей за “правильные” решения. Как всё до боли знакомо — меняются времена, но не люди. Нельзя сказать, что российские самодержцы безусловно наблюдали за происходящим, наказывали, порой и достаточно строго, берущих взятки, но сил и воли для искоренения зла явно не хватало. Не случайно император Николай I, отличавшийся огромной работоспособностью и личной скромностью в обыденной жизни, изрёк однажды с нескрываемой горечью: “В России не ворую только я”.

Тем не менее, модернизация прошла успешно. Территории и ресурсы империи значительно выросли за счёт исторических врагов — поляков, шведов, персов и турок. Были созданы отечественная металлургия, промышленное производство современного вооружения и, что очень важно, судостроение. Россия, завладев незамерзающими портами на Балтике, стала великой морской державой. Кто сегодня этого не знает? Риторический вопрос. Эпохой “славных дел” в современной России гордятся и даже стараются ей подражать, особенно в возрождённых имперских ритуалах, хотя выглядят они излишне театрально и, скажу прямо, не естественно — “дворяне” явно не те, да и фактурой не вышли.

Что поделаешь, нравится аристократическая вычурность “птенцам с голубой кровью” столярного града Петра Великого. Не наигрались ещё, подождём-с. До сих пор любимы народом написанные, правда, ещё в советское время, с захватывающим сюжетом исторические романы о деяниях Петра и его удачливых соратников. Не забыты и снятые тогда же талантливые кинофильмы с прекрасными актёрами в главных ролях; в поэмах и бронзе увековечен царственный лик государя-реформатора. Цена его трудов тоже хорошо известна — численность мужского населения страны резко сократилась, так как потери в войнах и смертность от каторжного труда на казённых заводах и при строительстве европейского города на Неве были огромные. Не будет преувеличением сказать, что Северная Пальмира была построена на костях “подлого” люда. Когда Владимир Путин, оправдывая жестокость основателя Петербурга, утверждает, что его патологическое бессердечие было в пределах нормы того века, я невольно себя спрашиваю: а в чём же тогда вина Ивана Грозного или Иосифа Сталина? Последний волей судеб возгласил Россию в ещё более жёсткое время, но ему нет прощения от либеральной власти. В отличие от Петра I, он не западник, великоросс, и потому гореть ему вечно в либеральной “геенне огненной”. Замечание это — по ходу рассуждений, и не более того.

Церковь, униженная и преобразованная императором по византийскому образцу в “министерство” по делам религии, потеряла в те годы навсегда свою независимость. Ей уже ничего не оставалось, как только обслуживать интересы самодержавной власти и, разумеется, преданно служить императорам, вынужденно признав их власть от Бога. Поэтому после Петра Великого было уже неважно, как человек попадал на трон, чем охотно воспользовались его “наследники”. Сыновья устранили негодных отцов на престол, убивали, заточали в монастыри родственников и, заняв трон, получали через помазание отпущение своих смертных грехов. Тогда и начался губительный для церкви раскол, и трагический отход от веры русского народа, равнодушно встретившего через два века свержение монархии Романовых и смиренно принявших надругательство большевиков над православием. А для крестьянства безбожный император был и оставался вплоть до 1917 года царём-Антихристом. Советские историки об этой стороне личности выдающегося реформатора предпочитали не говорить, в отличие от учёных прошлых веков, да и нынешние, вот незадача, предпочитают не особенно распространяться. Что делать — “питерские” на хозяйстве в стране!

Вместе с реформами на Русь пришла ещё одна негаданная беда — “западные специалисты” — неведомая до той поры чужеродная и своекорыстная публика, сразу заявившая о своих финансовых притязаниях и, разумеется, о видах на власть. Потому что в России власть и деньги, перефразируя любимого мной пролетарского поэта Владимира Маяковского — “близнецы-братья”. Появились и “новые” русские, для которых Европа с тех лет стала “землёй обетованной”.

Но правда не бывает одноцветной, и уже к концу XVIII века Российская империя стала сверхдержавой. А в 1815 году диковато красивые донские казаки генерала Платова с удовольствием гарцевали по булыжным мостовым

Парижа и Берлина и, молодцевато подкручивая усы, благосклонно отвечали на многообещающие взгляды внешне очень “беззащитных” европейских дам, так разительно непохожих на гордых и своевольных казачек. Дело обычное, природа не терпит пустоты, и победители во все времена влекли к себе женщин поверженных стран. Мужское же население Франции, “благодаря” победоносным, до похода на Москву, войнам Наполеона, пало на полях сражений за историческое бессмертие своего неистового корсиканца. Поколение же властителей дум XIX века, всемогущих банкиров, владельцев промышленных империй и просто добропорядочных буржуа – отцов семейств, только подрастало. И будущие, “подбитые ветерком” французы, слетевшиеся потом, как коршуны, “на ловлю счастья и чинов” в Россию, ещё невинно агукали. Никто не знал Дантеса, а о юном поэтическом даровании Александра Пушкина уже вовсю шептались в аристократических салонах северной столицы. Всё было в руках судьбы, казалось, благосклонно распростёршей свои длани над огромной державой, и Чёрной речки могло не быть, но неумолимый рок избрал уже своей целью Россию.

Именно в те годы родилась неразрешимая до сих пор проблема – успех реформ порождает вполне, на первый взгляд, естественное стремление бюрократии любыми путями закрепить и сохранить достигнутое. И не утруждать себя мыслями о будущем, забывая, что на земле нет ничего вечного, а человечество, вслед за техническим прогрессом, уверенно вышло на марафонскую дистанцию, с которой уже никогда не сойдёт. По этой причине царь, его приближённые не смогли вовремя отменить в России крепостное право, реформировать армию, что было крайне необходимо после Крымской войны, и провести индустриализацию, которую всё равно пришлось, перенапрягая силы народа, делать в значительно худших условиях И. Сталину. Если кто и был духовным отцом М. Горбачёва в XIX веке, так это Александр II. Его важные, но половинчатые реформы невольно сплотили аристократию вокруг непримиримых консерваторов, которые с той поры стали ещё более жёстко отстаивать свои права на занятие государственных должностей и доходы от помещичьего землевладения. Им противостояла не менее радикальная разночинная интеллигенция, чисто российское социальное изобретение, чьи знания и энергия были заблокированы дворянством при явном попустительстве монархического государства. На поддержку царя-батюшки рассчитывать не приходилось. Не видя перспективы, молодые люди бросились очертя голову на создание проектов переустройства мира, стали писать социальные романы и пошли в народ, горя фанатичным желанием осчастливить и просветить его, невежественного, не оставляя, между тем, надежды вместе с ним решить и свои проблемы. А когда “неблагодарные” селяне стали сдавать их в полицию за подстрекательство к бунту, они, сильно обидевшись, начали стрелять и метать бомбы в кого ни попадя. Опасный был народец, эти лёгкие на подъём российские “разночинцы”. Будущие ужасы гражданской войны, где обезумевший народ захлебнулся собственной кровью, и на их совести тоже. Народолюбцы, эсеры и прочие борцы за народную волю, как правило, из местечковых евреев и недоучившихся студентов, походя убили более полутора тысяч царских сановников в преддверии первой русской революции. Они породили страшную иллюзию эффективности террора как универсального метода решения объективных общественных противоречий, привив опасный вирус равнодушия и жестокости новым поколениям революционеров, для которых человеческая жизнь стала простым расходным материалом в достижении коммунистических утопий. “Хворостом”, который “демон” Октябрьской революции Лев Троцкий намеревался бросить в топку так и не свершившейся мировой революции. Россия в начале XX века в полной мере испытала на себе трагические последствия запоздалой реакции косной властной элиты на объективные требования проведения назревших социально-экономических и политических реформ.

Судьба, по моему убеждению, была крайне несправедлива по отношению к СССР, отведя ему такой исторически короткий срок. Но и этих семидесяти лет вполне хватило, чтобы убедительно доказать себе и всему миру, что народ, объединённый идеей, дисциплиной и политической волей вождя, способен штурмовать небо. Первые советские пятiletки – убедительное свидетельство огромных возможностей и в то же время объективных пределов догоняющего развития, к сожалению, вынужденного. Законы диалектики ни-

кто не отменял. Историю страны не просто переписать, хотя желающих это сделать во все века было предостаточно. Правители, разумеется, из лучших побуждений, с упоением занимались “творческим” переосмыслением прошлого под себя, неповторимого. Советские историки, не будем кривить душой, были далеко не безупречны. Они умудрились даже историю СССР так запутать, что чёрт ногу сломит.

Потому такие, как я, до сих пор и не могут до конца понять, где находятся истоки управленческой гениальности Иосифа Сталина. В 1917 году ему было всего 38 лет, и за душой, кроме врождённых способностей, подпольной революционной работы, бесконечных ссылок и побегов, ничего. Даже “провинциального” Оксфорда. Ни одного дня созидательной работы на ниве российской государственности, наоборот, все силы были отданы её разрушению. Тем не менее, в течение десяти лет после Октябрьской революции ему удалось создать мощный и профессиональный государственный аппарат управления. Административная система справилась с поставленными перед ней задачами, и в аграрной стране появилась многопрофильная, высокотехнологичная индустрия, которая в годы войны успешно конкурировала с промышленностью всей Европы, работавшей на фашистскую Германию.

Но высшим политическим достижением его в те годы, является, конечно, альянс с промышленниками США, обеспечивший в конечном итоге успех индустриализации. Им в период жесточайшего кризиса было предложено такое сотрудничество, от которого невозможно было отказаться. Кремлёвский горец, писавший совершенно справедливо в анкетах, что он русский, обладал редким стратегическим мышлением и пониманием не только природы экономических отношений при капитализме, но и психологии людей, принимающих важные управленческие решения. О сталинской модернизации написаны горы книг и монографий. В них много правды, наветов ещё больше, но, с разными оговорками, даже российские западники, кому научная добросовестность не позволяет без потери репутации протестировать, вынуждены признавать величие подвига, совершённого страной и народом. Эта эпоха будет всегда интересовать истинных учёных и политиков, независимо от их мировоззрения. В ней скрыты ответы на многие вопросы, которые уже поставлены новым временем.

Нужно снять затемнённые очки догматических идеологий и хотя бы один раз признаться честно (вдруг понравится), что сталинизм, без его крайностей, как система политических, экономических и социальных отношений в сложнейших условиях переходного периода, наиболее эффективная форма государственного управления. Мир, государства уже неумолимо втягиваются в длительный и сложнейший период кардинальных изменений всей человеческой цивилизации. Должна быть найдена адекватная сложности происходящих процессов модель управления. Иначе всё пойдёт вразнос. Глобальные корпорации и те, кто стоит за ними, не собираются властвовать, используя порядком поднадоевшую демагогию, именуемую ими демократией. Поэтому И. Сталин не остался в XX веке, он растворился в будущем.

История СССР великая и трагическая, и одна из основных причин его распада для меня, по крайней мере, очевидна. КПСС, являясь стержнем всей системы управления, не смогла своевременно внедрить в повседневную жизнь государства устойчивые мотивации к творческому труду, организационные формы, правовые и экономические стимулы замены материальных активов, отработавших свой срок. Инновации, как естественный процесс и неперемное условие научно-технического прогресса, не стали нормой производственной деятельности. Моральный и физический износ основных фондов – процесс объективный, его какое-то время можно не замечать, но технологическое отставание и последующее снижение производительности труда неизбежно дадут о себе знать. И всё вернётся на круги своя.

Теперь-то, по прошествии лет, мы стали подозрительно умными, иначе чем божественным “просветлением” это объяснить невозможно. Все сразу поняли, что тотальное огосударствление сферы производства и чрезмерный контроль за общественной и личной жизнью свобододолюбивых, как выяснилось, советских граждан с неотвратимостью порождали своих могильщиков и их идейных вдохновителей. “Архитекторы и прорабы” перестройки, плоть от плоти сгнившей советской бюрократии, виновного во всех перегибах и смертных грехах нашли сразу. Им оказался, естественно, И. Сталин.

Не без помощи хитроватых соратников, преждевременно ушедший в мир иной, он оказался после смерти очень удобной фигурой для оправдания собственной бездарности всех последующих правителей СССР и новой России. Ведь нынешнее поколение и их родители не знают ни грана правды о руководителе, при котором народ поднял страну из пепла гражданской и Великой Отечественной войны и создал цивилизацию, ставшую прообразом будущего. Что делать, не всем дано понять логику развития человечества. Тем более, мы вынуждены жить в мире мифов, сложенных лукавыми и своекорыстными идеологами, в том числе и коммунистическими.

Вернёмся всё-таки к началу реформ 90-х годов, той спешке, в которой проходила приватизация и борьба за власть, когда “забыли” ещё об одном важном факторе, недооцененном и коммунистами – человеческой природе. Любая диктатура, независимо от политической и правовой формы, внушает страх и, прежде всего, номенклатуре, даже если она сама её неотъемлемая часть. Причина одна – административная система, в стремлении сохранить стабильность, пыталась жёстко регламентировать источники дохода допущенных во власть и контролировать “рекомендованные” нормы потребления и поведения. Такое “нормирование” повседневной жизни, сознательно преувеличенное либеральными критиками Советского Союза, вступило в противоречие с естественным желанием человека “системы” жить лучше дозволенного.

В СССР, что являлось неожиданностью для КПСС, “мелкобуржуазные” инстинкты потребления оказалось сильнее официальной идеологии и даже страха перед наказанием за отступничество от коммунистической морали, на страже которой стояли некогда всевластные партийные и правоохранительные органы. Поэтому, как показал наш, теперь уже исторический опыт, срок жизни “чистой” командной экономики максимум два поколения – пятьдесят лет.

Хотя попытки демонтажа системы начались раньше, ещё при активной жизни её отцов-основателей. Тридцатые годы XX столетия вскрыли всю глубину грехопадения многих большевиков, не потерявших человеческого лица в царских тюрьмах и мужественно переживших лишения гражданской войны. Но иммунитета, приобретённого в годы борьбы, не хватило на противостояние соблазнам власти, а точнее, появившихся возможностей резко улучшить свой скромный, до чёртиков надоевший быт. Аскетизм как важнейший критерий морального облика революционера быстро потускнел и был с раздражением отброшен. Вместе с ним, увы, исчезла и позолота высокого и бескорыстного служения народу. Здесь не бывает спасительной середины: или ты с народом, и ты его часть, или ты над народом, и ты его господин.

Наличие партийного билета при И. Сталине не являлось индульгенцией от наказания за отступничество, вождь меньше всего походил на человека, отпускающего грехи, ибо сам был грешным, но только не мелочным. Бог ему судья!

А мы вернёмся к субъектам демонтажа СССР, так как отрекаются от идеи не только управляющие, но и управляемые. Первыми, ещё в конце 70-х годов, начали “бунтовать” специалисты, наиболее образованная и социально активная часть населения. У них, как утверждали некоторые партийные догматики, были явно завышенные ожидания от жизни и чрезмерная потребность в самореализации в сферах, недоступных, из-за отсутствия специальных знаний, рабочим и крестьянам – науке, технике и культуре. Они были молоды, честолюбивы и мечтали успеть сделать карьеру – эти интеллигенты в первом поколении. Многим удавалось, а многим – нет, потому что успех зависел и от членства в КПСС. И тогда на арену вышли дождавшиеся своего часа “властители дум”, фанатичные борцы за права человека, свободу и прогресс.

Демократизация, как объективный процесс обновления общественного строя в Советском Союзе, уже лет двадцать настойчиво ломилась в двери и стучалась в окна, но её, как незнакомую разбитную девицу, пожилые хозяева дома боязливо не пускали на порог, не зная, что с ней делать. Они были кержаки, люди религиозные, устоявшихся взглядов, и потому неукоснительно соблюдали традиции и правила, завещанные исстари. И, когда в конце 80-х годов с помощью младшего хозяйского сына, выломав дверные косяки, она, хмельная, ворвалась в горницу, то сразу же попала в похотливые объятия заранее собравшейся там номенклатурной челяди, смертельно уставшей жить в атмосфере стареющих запретов.

Мы все, кто жил в то время, невольные свидетели этого. Поразительно быстро выяснилось, что многие партийные, советские и хозяйственные руко-

водители не желают больше работать на государство только за зарплату, им надоело “шакалить” и не иметь возможности распорядиться мёртвым капиталом под страхом репрессий, зная по горькому опыту, что молох террора всегда возвращается к его вдохновителям. А “низы”, смертельно уставшие от бесконечных и оскорбительных очередей в магазины с полупустыми прилавками, перестали видеть смысл дальше тянуть, как бурлаки на Волге, “бичеву” безрадостного быта, без видимой перспективы дожить до коммунизма. Эту часть правды о Советском Союзе непременно должно знать среднее поколение и молодёжь, выросшая в другой России. Она, конечно, не вызывает чувства гордости за советскую элиту 80-х годов, но как говорил В. И. Ленин, наша сила в заявлении правды.

Самое время с “большевистской” принципиальностью задать друг другу вопрос, а возможно ли время повернуть вспять и провести в России ещё одну, догоняющую модернизацию? Тем более, за последние двадцать лет, благодаря “титанической” деятельности теперь уже антисоветского правительства, произошло катастрофическое погашение её научно-технического и промышленного потенциала, созданного коммунистами. Уточним, что для такого типа реформ необходимо, – история чему-то иногда учит, – избыточное в деревне крестьянское население, а также единство внутри правящей элиты и готовность “вождей” вместе с народом затянуть “пояса” на неопределённое время. Далеко не праздный вопрос, который требует профессионального и честного ответа. Есть ли ещё, славяне, порох в пороховницах?

Некоторый анализ вариантов и условий модернизации нам с вами, уважаемый читатель, не повредит. Но, прежде всего, необходимо уточнить, в какой же стране мы живём сегодня. Лично я – гражданин государства с необычным названием: “Углеродородный “Третий Мир”. Моя первая книга, изданная в 2004 году и посвящённая постсоветскому периоду, так и называлась. К сожалению, в диагнозе экономической болезни страны я оказался прав и точен в определении её социально-политической сущности. Амбиции у либеральной России, как у имперского СССР, а за душой уже почти ничего, кроме данных Богом энергетических ресурсов и, скажем спасибо тоталитарному режиму, ракетного ядерного зонтика, вешающего год от года. А теперь пусть говорят цифры, они, как правило, бывают убедительнее любых рассуждений. В 1989 году добыча нефти и газового конденсата в СССР составляла 607 млн тонн. Экспортировали 115 млн тонн, или 20% от общего объёма. В 2009 году мы поставили на экспорт уже 247 млн тонн, или почти 50% из добытых 494 млн тонн. Всего же доля ресурсов во внешней торговле составляет более 80%. Россия сегодня, не будем лукавить и вслед за руководителями страны надуть щеки, – сырьевой придаток европейских стран, в том числе и государств Восточной Европы, ещё недавно входивших в СЭВ.

Поражает, если не сказать больше, динамика некоторых показателей состояния экономики в годы реформ. Весьма любопытен анализ последних двадцати лет. По сравнению с 1989 годом ВВП снизился в 1998 году до 55,8%. А наибольшее падение производства достигало 40,9% от уровня 1990 года. В течение последних пятнадцати лет ВВП, в расчёте на душу населения, был значительно ниже показателя 1990 года. О структуре его даже говорить не хочется. Лишь только в одном году, 2007-м, благодаря лукавой статистике он в рублёвом исчислении превысил дореформенные показатели. Не мудрствуя лукаво, вместо физических объёмов произведённой товарной продукции стали считать её стоимостное выражение, благо, что цены на углеводороды были запредельные. Невесть что, конечно, а картина улучшилась. Нынешний же его уровень должен быть предметом особой “гордости” правительства, он был достигнут Францией и Великобританией ещё в 1980 году, а США – примерно 50 лет назад. История XX века не знает такого масштабного падения производства среди других экономик мира, даже в годы войн, революций и экономических кризисов, как в Российской Федерации. Главная причина произошедшего ясна, как божий день – “младореформаторы” и питерская “бригада” избрали самую худшую из возможных моделей проведения реформы. Своими безграмотными решениями они породили нищету, тотальную коррупцию, криминализацию всех сторон жизни и нравственное падение общества.

Рассмотрим ещё один показатель, характеризующий положение дел в экономике. В 1989 году физическая изношенность основных фондов составля-

ла 45%, и новый Председатель Правительства СССР технократ Н. И. Рыжков хватался за голову. Ему уже тогда было ясно, что на такой технологической базе невозможно добиться повышения эффективности общественного производства. Тем не менее, именно в эти годы мы были на третьем месте в мире по станкостроению – вслед за Японией и Францией. США обиженно дышали нам в спину.

Сегодня всё, что осталось от бывшего величия отрасли, производит 5% от уровня 1989 года. “Живём”, если можно так сказать, за счёт импорта из Китая, который за валюту поставляет в Россию простые универсальные станки ещё советской разработки. Итоги 2010 года совсем удручающие – износ равен в среднем 70%, а по некоторым отраслям и того больше. Доля реального производства в ВВП России – около 50%, всё остальное – заслуга торговли и сферы услуг. Удельный вес промышленности в нём – 13%, высокотехнологичных производств – менее 8%. Для сравнения – на мировом рынке наукоёмкой продукции он оценивается в 2,3 триллиона долларов, доля США – 30%, Германии – 23%, Японии – 17,4%, России – 0,3%.

Только в энергетике мы впереди планеты всей – 20%. Страны “золотого миллиарда” в последние двадцать лет без лишней шумихи провели структурную перестройку промышленности и передислоцировали многие предприятия с традиционными технологиями в государстве с избыточной рабочей силой. А сами усиленно занялись созданием условий для развития инновационного сектора экономики, обеспечивая переход к шестому технологическому укладу. В России же в оставшемся производстве до сих пор господствующим является третий и четвёртый. Зачатки второй стадии пятого уклада проявляются лишь в космической, авиационной и атомной промышленности. И ещё несколько цифр, звучащих как приговор проводимой в стране промышленной политике, где используется в экономике лишь 8–10% инновационных идей и продуктов: в США – 62%, Японии – 95%. Научные институты, непосредственно связанные с российским производством, выполняют по его заказу всего 6% исследований, а в любимом либералами ЕС – 65%, Японии – 71%, США – 75%. Полный провал, иначе и назвать сложно, в фундаментальных и прикладных исследованиях. По публикациям российских учёных в признанных мировых изданиях мы на 14-м месте, по цитируемости – на 19-м. Показатель патентной активности ещё более печальный. Россия на 42-м месте.

В последние четыре года ни одна отечественная кампания не приобрела лицензию на использование патента или результатов научно-исследовательских разработок. Их собственники по невежеству, иная причина на ум не приходит, не считают интеллектуальную собственность капиталом. У КБ Сухого она составляет всего 0,04% стоимости всех активов. Для сравнения: у “Дженерал электрик” – почти 40%. Потому мы ничего и не можем предложить на рынке инновационных продуктов.

Написал эти строки, и вдруг на память пришло выступление лучшего счетовода “всех времён и народов” А. Кудрина 22 сентября 2006 года в Государственной Думе в связи с обсуждением проекта федерального бюджета. Сдерживая с трудом волнение и слёзы радости, он провозгласил “граду и миру”, что, начиная со следующего года, нас всех, имея в виду, вероятно, и сомневавшееся глупое человечество, ждёт самое настоящее “российское экономическое чудо”. Не сомневаюсь, в это мгновение он искренне верил в то, что говорил, и само будущее восхищённо смотрело на него широко раскрытыми глазами. Через два года мировой финансовый кризис внёс ясность в сроки наступления светлого капиталистического завтра в углеводородной России. Изуродованная реформами, она пострадала в разы сильнее других, о чём многие годы неустанно предупреждали независимые эксперты. Зато какие открылись у правительства легальные возможности распечатать огромную “заначку”, спрятанную подальше от чужих глаз в американских и европейских банках, имеющих колоссальный опыт “стерилизации” чужих денег.

Да, чуда не случилось – ведь оно возможно только при наличии умных голов у правящей элиты, но чего нет – того нет. Мозги мозгами, конечно, а жить нужно в любом случае. Тем более, попробуйте возразить, народ наш талантлив, терпелив и, как это ни странно на первый взгляд, чертовски изворотлив. Перефразируя известный народный афоризм, скажу – там, где русский прошёл, и хохлу, и еврею делать нечего. Поверьте, знаю по собственному опыту работы в бизнесе множество случаев поразительной предпри-

имчивости “наших”. А пока согласимся, читатель, с моим основным тезисом — при таком положении дел альтернативы модернизации нет.

И ответим ещё на один вопрос, есть ли в России всё необходимое и достаточное для её проведения. Готовы ли к решительным действиям правящая элита и общество, потому что без согласия власти и народа все попытки что-либо изменить будут обречены изначально. Недавние серьёзные исследования показали — 75% “простого” народа за модернизацию. Такой поддержки хватит с лихвой для начала любой самой сложной работы, но есть и настоящие живающие моменты.

Большинство, обращая внимание, считает главной целью будущей реформы укрепление государства, способного реально обеспечить соблюдение принципа социальной справедливости, прав человека и, что очень важно, равенства всех перед законом. А та задача, которая должна быть основной — создание высокотехнологичной инновационной экономики с высокой степенью интеллектуального труда, затерялась где-то очень далеко в сознании. Прискорбный для либералов социологический факт — квалифицированное большинство респондентов по-прежнему видят в государстве гаранта своих жизненных интересов. Можно, конечно, не соглашаясь, с негодованием продолжать “талдычить” о наследии тоталитарного советского прошлого, но в обозримом будущем уже ничего не изменится.

Как не вспомнить к месту любимого советским читателем весёлого хитреца Ходжу Насреддина, любившего поучать земляков: сколько ни произноси слово халва, во рту слаще не станет. Психическое состояние народа, назовите это ментальностью, формируется многими столетиями, если не более. Так что пенять коммунистам за испорченный ими человеческий “материал” глупо, а потому не продуктивно. Они сами, неожиданно для себя, столкнулись с непреодолимым сопротивлением этого материала. Мы имеем дело с типичным проявлением традиционного сознания, которое стало органичным для нас ещё задолго до 1917 года.

Есть смысл наконец-то внимательнее изучить историю древней Руси, познакомиться в архивах Киева — матери городов русских, беспристрастно познакомиться с жизнью простотюдинов и знати времён Московского царства, эпохой Ивана Васильевича. Ведь о том, что он был, оказывается, Грозным, русский люд узнал через много лет после его смерти от “заграничных” историков. Хотя, при всём желании, человеколюбивым назвать его очень сложно, даже если не смотреть на ночь последний шедевр российского кино с названием “Царь”, с очень странным актёром в главной роли. Нам придётся согласиться, что столь “неожиданно” проявившаяся психологическая особенность, и прежде всего, русского народа плохо сочетается с представлениями либеральной власти о непреходящих ценностях демократии и рыночной экономике. Особенно, с её криминальной российской модификацией.

У граждан России есть выстраданное за многие века понимание, в какой стране они хотели бы жить. Ничего нового своим утверждением я не открою — в авторитарном, не коррумпированном государстве с “человеческим лицом”. Как выяснилось, россияне ничего не имеют против частной собственности, но природные ресурсы, по общему мнению, должны быть в руках государства. А не “уполномоченных” правительством, сделавшим в экономике, а значит и в политике, ставку на олигархический капитал и замеченных в особых симпатиях к некоторым из них, “равноудаленным” от интересов России и народа.

Вообще винить людей в том, что они “не продвинутые”, смешно. В XX веке мы прошли такой курс “молодого бойца”, что многим “старослужащим” и не снилось. Пожили и послужили при разных режимах: и при монархии, и при социалистической демократии, и уже буржуазной вдоволь насладились, которая на глазах изумлённых россиян моментально превратилась в служанку новых “избранников судьбы”. Демократия и её якобы неотъемлемые ценности, торжественно провозглашённые в начале 90-х годов трубадурами буржуазных свобод, оказались фантомом. Не случайно поэтому одна треть граждан считают парламентаризм и многопартийность излишествами. Совершенно правильно понимая, что за обязательными атрибутами этой политической системы в условиях жёсткого диктата крупного капитала и всевластной бюрократии нет ничего содержательного, что имело бы отношение к их повседневной жизни. Разрыв в понимании, каким должен быть новый общественный строй, непреодолим. Политические верхи, неизлечимые, потому что

выгодно, от ложного либерализма, продолжают настаивать на принятых в западных странах “священных” принципах, взывая к естественным правам человека в духе Вольтера и Дидро. Безмолвное же, как выясняется — до поры, большинство, благо было время одуматься, на дух не принимает навязанную ему политическую систему. Люди просто хотят жить по-человечески: иметь стабильную работу, социальную защиту в случае житейских невзгод, возможность дать детям образование и гарантию от чиновничьего своеволия и преступности. А всё остальное, о чём так любят говорить новоявленные жрецы, от лукавого.

Здесь возникает ещё одна проблема, от которой просто так не отмахнёшься. Кого видит народ в качестве главного субъекта хозяйственной жизни и модернизации? Неистребимо в нас всё-таки советское прошлое — рабочих и крестьян, разумеется. И здесь даже я вынужден развести руками. Нет, дороги сограждане, взгляните на календарь. На дворе 2011 год от рождения Христова, и по бездорожью бывшей святой Руси уже который год с кистенём в руках гуляет молодой варнак-капитализм. Сегодня центровые: бюрократия, не любимая всеми, верхняя прослойка так называемого среднего класса, предприниматели и интеллигенция с её “комиссарскими” амбициями и безответственностью. Власть и собственники, конечно, не считают “творцов” серьёзными людьми, уж больно дешёво продаются, как уличные девки по дороге в аэропорт Шереметьево. Но, учитывая их безотказность, способность к лицедейству и откровенный цинизм (деньги не пахнут), держат на всякий случай рядом, на подхвате. Авось сгодятся для общения с населением, которое так радо обманываться, лишь бы сам процесс дух захватывал.

Главным же фигурантом нормальной рыночной экономики, при любой роли государства, является предприниматель. Без него проведение модернизации и создание инновационной экономики невозможно. Это аксиома, но только не у нас. Мы вынуждены учитывать, что в России нет критической массы цивилизованных бизнесменов, а есть олигархи, финансовые интересы которых не связаны с возрождением страны. Зачем им эта морока с инновациями на всю оставшуюся жизнь, без гарантированного успеха? Свою прибыль, в комфорте проживая в европейских столицах, они и так регулярно получают. Хочу ещё обратить внимание на сознательно отвлекающие нас от желания понять истинные проблемы пассы руководителей государства и околоремлёвских экспертов, продолжающих и в XXI веке добросовестно постигать современный капитализм по популярным учебникам, рассчитанным на папуасов.

Все они твердят одно и то же — без иностранных инвестиций нам, горемычным, Россию-матушку не поднять с колен. И потому наши целеустремлённые вожди без устали мотаются по белу свету с протянутой рукой, рассказывая, кому ни попадя, удивительные байки о безграничных возможностях, ожидающих мужественных инвесторов в далёкой, полуразваленной, но очень европейской стране. Главное, успеть занять очередь в первых рядах. Народ же в Европе, а теперь и в Индокитае, как на грех, стал образованный, они молча слушают, но в силу воспитания не могут себе позволить задать вслух всего один риторический вопрос, застывший на их лицах. Господа, а почему же при таких возможностях российские олигархи и само государство не инвестируют в современные отрасли? Вы говорите, что в России непочатый край работы, но за последние двадцать лет не построено ни одного крупного промышленного предприятия. Нехватка капиталов? Допустим, есть такая проблема, и не только у вас. Денежных ресурсов всегда не хватает в странах с догоняющим развитием. Тем более, откуда им быть, когда, по мнению специалистов, сумма вывезенного капитала достигла 1,3 триллиона долларов, что сопоставимо со стоимостью основных фондов России. И на государственных закупках чиновники, по признанию Д. А. Медведева, в 2010 году разворовали триллион рублей. Это, на всякий случай, для очень любознательных, годовой бюджет г. Москвы, в схватке за право распоряжаться которым Ю. Лужков проиграл и с позором покинул поле боя. Один лучший мэр “всех времён и народов”, не лишённый хозяйской хватки, ушёл, пришли другие лица. Посмотрим, чем они прославят себя и многострадальный город-герой.

Но дело даже не в том, что коррупция в России является системным условием государственного строительства и неизбежным фактором управления. Я давно пришёл к убеждению — этот генетический порок нынешней социально-политической модели заблокирует любые попытки здравых реформ, даже

самых благих по целям. Слишком высоки “откаты”, не хватит собственного капитала, а он, как ни странно, есть.

К удивлению многих экономистов, о чём убедительно свидетельствует профессор Александр Бельчук, Россия даже в девяностые годы имела высокую долю сбережения – около четверти ВВП. А при высоких ценах на углеводороды она доходила до немислимых 40%. В странах “золотого миллиарда” этот показатель значительно ниже, примерно равен одной пятой ВВП. Разрыв доходов в верхних слоях общества и нижних – чудовищен, что позволяет с полным основанием поставить под сомнение утверждения многих маститых социологов о появлении в новых экономических условиях некоего полнокровного российского среднего класса. Если это социологический факт, то позвольте полюбопытствовать, а где же у зажиточных граждан деньги? Статистика, будем называть вещи своими именами, тоже нагло привирает о структуре российского общества, даже не заботясь об аргументации.

Предприниматели в “нормальной” капиталистической экономике, хотя есть смысл сразу договориться, что в современном мире, находящемся на пути к новому технологическому укладу, ничего классически нормального уже не осталось, вкладывают большую часть доходов в инновационное развитие предприятий и упорно добиваются результатов. Но только не наши, “изголодавшиеся” в советское время. До 75% их сбережений через офшоры растворяются на счетах западных банков. По-человечески искренне жаль мировую элиту. Окончательно потеряв сон и погубив от зависти печень, она в последние пятнадцать лет вынуждена ежедневно читать в жёлтой прессе о загулах и безумно дорогих покупках “новых” русских, странные фамилии которых с таким трудом переводятся на европейские языки. По разным экспертным оценкам, инвесторы из России вложили таким образом свыше триллиона долларов в западную экономику. В развитие же высоких технологий в собственном бизнесе перепали копейки. Не более 20% кредитных ресурсов, как считают эксперты. Собственников больше интересовал рост капитализации компаний, потому что первокласснику известно: чем выше стоимость акций, тем легче получить кредит. И зачем морочить себе голову, добиваясь повышения качества продукции, если можно просто купить конкурента. На это в основном и тратились в прошлые годы кредитные ресурсы. Слияние и поглощение компаний – любимое занятие “эффективных” российских собственников.

Смею заверить читателя – игра после финансового кризиса продолжается ещё в большем масштабе! Деньги стали дешевле, и соблазны виртуального успеха, заменившие мотивацию в бизнесе, не изменились. Прошедший 2010 год по объёмам сделок в сфере слияний и поглощений стал рекордным в современной истории. Прямо скажу, сомнительный успех отечественного предпринимательства, тем более, когда риски неизмеримо выросли. В период нового витка кризиса, а его исключать нельзя, даже если он не будет глобальным, Россия лишится экономики.

Вам интересно знать, что произойдёт, когда упадёт стоимость фондовых активов? Извольте, процесс будет развиваться следующим образом. Банки потребуют от заёмщиков увеличить залоговое обеспечение. Допустим, хотя сделать это очень сложно, необходимые активы найдутся. Но в условиях длящейся нестабильности резкие колебания на фондовом рынке не прекратятся, соответственно и цены на акции будут падать. Нужно понимать, что фондовый рынок уже давно не самостоятельный рыночный институт, на площадке которого продают и покупают конкретные доли в бизнесе. Он лишь малая часть глобального финансового рынка, где, шутят эксперты, торгуют не столь активами, сколько мнением о будущих активах, а подчас ещё более абстрактными предположениями о “будущем мнении”.

И, когда наступает маржинколл, кредитор требует от заёмщика внести недостающие деньги или вновь увеличить залог. Но ни финансов, ни свободных активов больше нет.

Два года тому назад мы это уже проходили. Спасая корпорации с виртуальной капитализацией, а честнее будет сказать, “равно не удалённых” от Кремля олигархов, Президент страны и всесильный глава правительства, неплохо изобразив на лице мучительные раздумья, с радостью раскулачили национальные запасы, о чём в душе долгие годы мечтали. Спасли тем самым многих “идейно близких” от неминуемого разорения, активы которых на вполне законных основаниях перешли бы под контроль иностранных банков. Рос-

сийская экономика, изрядно потрёпанная, прошла над пропастью по лезвию бритвы. Мне казалось, что наступил момент истины, и в 2010 году будет дан старт новой промышленной политике страны, рассчитанной на десятилетия. Увы, вынужден признаться — я оказался не прав. Надлежащих выводов не сделано. В действиях правительства, в правилах ведения бизнеса и мотивации поведения собственников крупных корпораций ничего не изменилось.

Эпоха капитализма, методом проб и ошибок, выработала определённые пропорции в объёмах инвестиций в зависимости от их источников. Есть непреложное правило, по сути, принятая в бизнесе норма, когда страна, проводящая модернизацию экономики или отдельных её отраслей, до 85% капитальных вложений осуществляет за счёт внутренних накоплений. При этом, в зависимости от авторитета государственной власти, её заинтересованности в решении той или иной проблемы и реальных финансовых возможностей, доля бюджетных ресурсов в общем объёме инвестиций может быть разной. Она определяется одним фактором — участие государства в проекте в различных формах должно убеждать частных инвесторов в серьёзности намерений.

Иностранные инвестиции привлекательны, кто с этим спорит. С их приходом всегда возникает надежда на получение более лёгкого доступа к высоким технологиям и новым рынкам сбыта продукции. Всё бы ничего, но реальность совершенно иная. Мировой рынок давно поделён между сильнейшими производителями, и неведомо откуда взявшиеся конкуренты никому не нужны. Даже потребители зачастую в этом не заинтересованы. Одни давно прикуплены, другим же просто не нужна головная боль.

Потому никаких иллюзий, мы живём в век глобальных монополий, порождённых всем ходом развития мировой капиталистической системы. Они и определяют правила игры. Проблем хватает у них и без России — один Китай, с его 10% процентами развития в 2010 году, чего только стоит, а на марафонскую дистанцию вышла уже Индия и не собирается сходить. Кому нужны какие-то жалкие зелёные побеги российской экономики, надёжно закатанной под асфальт либеральными реформаторами под аплодисменты американских консултантов.

По-настоящему неразрешимой при нынешней социально-экономической системе является проблема низкого качества человеческого материала. Россия этого страшного несчастья ещё не осознала или, не исключая, уже не способна понять, а власть без угрызений совести делает вид, что её всё устраивает. Об этом и поговорим, прошу только без обид. Хорошего не скажу — нечего. Имя трагедии, произошедшей с народом после распада СССР, названо давно — Русский Крест. Число убийств, суицидов, несчастных случаев на производстве и в быту со смертельным исходом, смерти от наркотиков и алкоголя можно сравнить только с происходящим в странах, вышедших из состояния войны. В конце 80-х годов было 8–10 случаев, в 2010-м уже 14. Развал страны и её социально-экономической системы нанёс убийственную психологическую травму народу, равную по последствиям пережитой в начале XX века революции и гражданской войне. Посттравматический синдром самым неожиданным образом будет сказываться и в последующих поколениях. Прежде всего, он проявится в психическом состоянии населения. Изменившаяся ментальность будет проявляться в ослаблении воли к жизни и преодолению трудностей, неуверенности в себе и отчуждённости в межличностных отношениях. Следствием униженного и попираемого до сих пор национального достоинства будут только на первый взгляд немотивированные взрывы агрессии в отношении других народов и окружающих людей с иными взглядами на прошлое, настоящее и будущее страны. Всё произошедшее и происходящее характеризуется мною, как всеобъемлющий кризис человеческих ресурсов. Прямо скажу, неутешительный диагноз в преддверии “славных дел”. Последствия его могут неизменно изменить политическое и социальное устройство России, её границы и положение в мире.

Поговорим ещё немного на языке цифр. Есть такое понятие — коэффициент качества человеческого материала. Численность населения и его способность конкурировать с другими народами в различных областях деятельности на уровне середнячков сохраняются при показателе, равном 1,0. В нашей стране жизнеспособность народа равна 0,48, работоспособность — 0,39, способность к обучению — 0,45, способность к инновациям, что имеет прямое отношение к модернизации — 0,59. О чём свидетельствуют эти цифры?

Вывод напрашивается сам — от нынешнего поколения россиян при всём желании нельзя ожидать большего, чем оно даёт сейчас. На судорожный прыжок мы, возможно, ещё способны, если разбежимся, но нет сил на разбег.

Тем более, вымираем, как в годы Великой Отечественной войны. Динамика снижения количества населения удручающая. В 1950 году в России в составе СССР было 102,7 млн человек, или 4,1% населения планеты. В 2000 году 145,6 млн — 2,4%. По усреднённому прогнозу ООН в России численность к 2050 году составит не более 101,5 млн — 1,1% землян, владеющих 1/8 территории планеты. Не сомневаюсь, любознательные евразийские соседи с большим интересом изучают развитие наших демографических процессов.

Как свидетельствует история, Китай, мыслящий категориями тысячелетий, умеет ждать, если внутренние проблемы не продиктуют ему иную логику поступков. Народы, исповедующие ислам, не столь терпеливы, и потому уже сегодня создают в России, а не только в Европе, мусульманские анклав, в которых они вольготно живут по своим законам и не собираются считаться с нормами общежития приютившей их страны. Наблюдая за поведением “новых москвичей”, я убеждаюсь, эта публика не страдает комплексами провинциалов, впервые приехавших в столицу. Они не собираются жить в столице России по одной простой причине — для них такое государство, общее с русскими, не существует. Их воодушевляет идея халифата, и потому перед ними не стоит задача адаптироваться в незнакомом и чуждом обществе, изучить его культуру и национальные традиции. Цель иная — подстроить, а точнее, подломить под свои интересы созданную другими среду жизни. Им очень нравятся созданные гяурами материальные активы. Завладеть ими, заставить работать на себя русских — в этом стратегическая задача. Своим вызывающим поведением они уже сегодня демонстрируют свою независимость, сплочённость и решимость в достижении цели.

Во что превратились религиозные мусульманские праздники, которые от года к году с всё возрастающим размахом отмечаются в Москве и облюбованных ими областных центрах, напоминать уже не приходится. Когда-то, во времена СССР, в Москве постоянно проходили празднования дней национальных культур СССР, и заключительные концерты из Кремлёвского Дворца съездов транслировались по центральному телевидению на всей территории страны. Помню, с каким восхищением смотрели мы и радовались богатству нашей, как нам казалось, общей культуры, и, конечно, всех зажигала темпераментная лезгинка. А сейчас, когда я вижу, как небритые северокавказские “джигиты” по случаю и без случая устраивают на площадях российских городов дикие пляски со стрельбой под присмотром “застенчивых” русских милиционеров, почему-то не радуюсь. Знаю, это не наш “праздник” на нашей улице.

Мой приятель на рождественские дни с семьёй отправился в Бельгию и в последний час уходящего года с женой и детьми в приподнятом настроении пришёл на Гран-Плас — центральную площадь Брюсселя. Ощущения незабываемые, рассказал он, — всё пространство было заполнено многотысячной, шумной толпой развязных молодых арабов, и растерянные туристы, потерявшиеся в этой массе, испуганно жались друг к другу, уже не понимая, зачем они сюда пришли. Апофеозом встречи первой минуты Нового года стало многоголосое, всё заглушавшее скандирование “Аллах Акбар”. Европейцы, с доведённой до абсурда политикой защиты прав человека, высекли сами себя. Как тут не вспомнить известную героиню Салтыкова-Щедрина. Мусульманский мир последовательно поглощает христианскую цивилизацию в Европе вместе с её прекрасными городами и селениями. Это ждёт и нас в отсутствие национально мыслящего правительства. Пройдёт лет сорок, и русскому человеку вход на свою родную землю будет заказан. Скажете, быть такого не может? Меньше всего я хотел бы осознавать себя проициателем, и с большой радостью буду готов признать в своём заблуждении. Поживём — увидим.

О Северном Кавказе как части модернизируемой России говорить не имеет смысла, он, как и Южный Кавказ, потерян. Горько, обидно, но если взяться за ум, дальнейший распад страны можно остановить. Нас по-настоящему сегодня должна тревожить и понуждать к разумному противодействию агрессивная экспансия живущих там малых народов. После распада Советского Союза и уничтожения индустриального уклада жизни они, незаметно для себя, вернулись в средневековье. Массовых протестов я не наблюдал. Как, впрочем, и в новых республиках Средней Азии.

И ещё одно наблюдение. Любимая “пионерская” речёвка молодых вайнахов: “Горы над нами – Россия под нами” – не просто каким-то остряком придуманное, оскорбительное для русских, словосочетание. Эта мировоззренческая матрица, идейная установка, взывающая к историческому реваншу, уже положена в основу воспитания нового поколения, и она даёт обильные ядовитые всходы. Винить в том, что происходит с нами, некого. Будущее станет закономерным результатом проводимой именно сегодня правительством политики, при нашем, каком-то неестественном безразличии к судьбе собственной и своих потомков. Я счёл необходимым вновь обратить внимание читателя на упорно не замечаемую властью опасность. Она имеет самое непосредственное влияние на проведение в стране реформ, от успеха которых зависит наше будущее. Наплыв в Россию огромного количества неквалифицированных рабочих из бывших среднеазиатских советских республик и северокавказских новых “абреков”, признающих только законы шариата и адатов и не готовых к созидательному труду, сведет на нет любые попытки власти, даже если она и захочет изменить к лучшему что-либо в нашей жизни.

У нас нет ни единого шанса провести модернизацию без людей, обладающих современными знаниями и профессиональными навыками. Массовый квалифицированный рабочий, сформированный в годы советской власти, “благополучно” исчез вместе с высокотехнологичным производством. Используя марксистскую терминологию, можно сказать, что он был уничтожен новой российской буржуазией как класс. Grimасы истории в России всегда отвратительны и алогичны. Что называется, отомстили почти через век классовому врагу! А как жить собираетесь дальше, господа? Кто вам будет создавать потребительскую стоимость, без которой вы быстро окажетесь в ночлежке вместе с бывшим “гегемоном”?

С тем, что осталось от промышленности, вы уже свалились в XIX век. Кадры и те готовите, как более ста лет тому назад, на рабочих местах. Система профессионального образования, лучшая в мире, разгромлена. Работать даже на оборонных предприятиях некому, средний возраст рабочих более 60 лет. Порождённая новыми условиями бытия люмпенизация с неизбежностью возродила почти забытый в СССР тип массовой личности с низкой общеобразовательной и технологической культурой. Сегодня в оставшихся отраслях экономики от 40 до 57% занятых не могут работать в области высоких технологий. Молодёжь, которая, по идее, должна стремиться в современное производство, элементарно безграмотна и лишена мотиваций к производительному труду. У них мысли такой нет, что труд является единственной, исторически обусловленной формой самореализации личности.

Российская публицистика с её духовными вождями, я бы даже сказал, настоящими “гуру” свободной мысли, завоёванной в борьбе на баррикадах с тоталитаризмом, как-то подозрительно обходит стороной признание убийственного для них факта. Фактически в России после установления “либерального царства” произошёл дефолт в сфере кадровой политики. Значит, всему тому, о чём так сладко мечталось на овечьих легендах коммунальных кухнях, заливая “горькой” свою непризнанную гениальность, не суждено быть. Страна по прошествии двадцати лет не только не достигла уровня стран “золотого миллиарда” по производительности труда, потреблению, а опустилась в промышленно-технологическом и экономическом развитии, не говоря уже о духовной сфере, значительно ниже СССР. Из первой десятки мы переместились на 67-е место в мире и по качеству человеческого материала. “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день”!

Именно поэтому у нас постоянные техногенные катастрофы, нет новых идей и не создаём ничего путного в технике. А всё огромное, во многом уникальное наследие в сфере науки и технологий, что нам досталось от “азиатского” социализма, морально и физически устаревает и доживает последнее десятилетие. Ничто не вечно в этом мире. Потому и живём в начале XXI века не благодаря интеллекту, а за счёт банальной продажи не возобновляемых природных ресурсов и, прежде всего, углеводородов.

Будет уместен ещё один вопрос. Кто живёт и за чей счёт? Не правда ли, интересно знать, сколько же человек из трудоспособного населения занято сегодня в производстве ВВП. Не поверите, почти 102 миллиона человек в России ничего не производят и существуют исключительно за счёт бюджета, то есть налогоплательщиков. Из них на долю силовых структур, включая армию

с её вспомогательными подразделениями, днём и ночью охраняющих нас от всевозможного криминала и коррупции, приходится 6 136 000 чел. Не мало, прямо скажем. Почему только среднестатистический россиянин при такой-то силе не испытывает чувства защищённости ни дома, ни в офисе, ни на улице? Правда, почему? Снова риторический вопрос. О количестве чиновников, чтобы не расстраивать читателя, скажу только одно – цифра неприличная. Даже после сокращения на 20% числа госслужащих по указу Президента России бюрократов через два года станет не меньше, чем силовиков. А это означает, что число “слуг народа” всё равно превысит в 5 раз количество чиновников всего СССР, включая партийных и комсомольских работников, получавших зарплату не из бюджетных денег.

Лично я, вероятно, по вредности характера, никогда не верил “ни тогда”, ни сейчас в подобную оптимизацию аппарата управления. Сам много лет был “начальником”, и говорят, не плохим. Извините, конечно, за явную нескромность, но, видит Бог, кое-что понимаю в управлении. Результат будет тот же, что и при изменении структуры правительства России в бытность, когда Владимир Путин был Президентом. Метод “ручного управления”, постоянно используемый им теперь уже на посту главы правительства, лучшее доказательство “эффективности” работы обновлённых министерств и государственных органов.

Профессиональная неадекватность поведения высших чиновников во время летних пожаров 2010 года, зимних метелей и холодов, многочисленных катастроф очевидна. Несостоятельность в вопросах экономики и социальной политики, а также неспособность гарантировать соблюдение конституционных прав человека тоже не вызывает сомнений. Всё это невольно наталкивает на крамольную мысль: а может быть, в целях экономии финансов, сократить само правительство и оставить лишь МЧС? Полномочия министерству даны достаточные, чтобы оперативно реагировать на постоянно возникающие чрезвычайные происшествия. А руководить страной так, как это делается уже много лет, просто нельзя. Опасно для той части населения, которое является стратегическим резервом в создании ВВП. Таких осталось всего 30 037 000 человек, вместе с малолетними детьми и школьниками. Есть расчёты, рисующие ещё более драматичную картину, по которой в реальном секторе экономики занято сегодня едва ли 10 млн человек. Может ли правительство России, я имею в виду все высшие органы государственной власти, и дальше делать вид, что ничего трагического в нынешнем состоянии народа нет? Если это так, то диалог между властью и наиболее образованной частью общества, осознавшего всю глубину падения страны, невозможен.

Настало время прервать теоретические рассуждения и ясно сформулировать условия, при которых модернизация в России всё-таки возможна. Прежде всего, мы должны быть убеждены, что страна и народ преисполнены амбициозным желанием доказать себе и всему миру, что русские-россияне чего-то стоят. Элита общества, в том числе интеллектуалы и творческие работники, договорившись по всем важнейшим вопросам проведения реформы, консолидированно встают в ряды сторонников национального возрождения. Это чрезвычайно важно, так как резко повышаются требования к нравственным и профессиональным качествам политиков и духовных лидеров, которым суждено стать носителями высшей идеи. Предприниматели, без которых бесполезно что-либо начинать, осознав свою гражданскую и социальную ответственность, ограничивают свои купеческие запросы и направляют все финансовые ресурсы на технологическое развитие производства.

Общество же должно понимать, что профессионализм людей, занятых серьёзным бизнесом – такое же национальное достояние, как и любой талант. Особая роль отводится бюрократии – это никем не заменимые штабные работники, человеческое воплощение государственной воли в проведении модернизации. Без квалифицированного госаппарата не будет ни осмысленных и дерзновенных планов реформы, ни организаторов их исполнения. Чиновники клянутся своей свободой на Уголовном кодексе Российской Федерации в бескорыстии. Никаких взяток, всё это в кошмарном прошлом. И последнее условие. Правоохранительные органы являют пример бескорыстного служения Отечеству, обеспечивают безопасность его и народа в этот самый сложный период истории. Власть, элита и большая, лучшая часть народа должны символизировать собой знаменитую русскую тройку, запряжённую орловскими

рысаками, которые в предчувствии азарта борьбы, не имея возможности больше сдерживать свою мощь, бьют копытом и рвут поводья из рук опытного наездника. В процессе работы над статьёй, поверьте, я многим, не самым глупым людям, исповедующим разные идейные и экономические воззрения, задавал одни и те же вопросы о наличии в обществе предпосылок, готовности к поведению модернизации. Что может дать инициатива Президента о создании в Подмоскowie российского центра инноваций и как она позитивно повлияет на сознание деловых людей. В ответ было длительное тягостное молчание. Не береди, мол, душу, приятель. Ни один серьёзный человек в эту затею не верит. Но, если не модернизация, то, значит, нас ожидает утилизация России?

Я до сих пор был убеждён — при грамотной политике правительства большая и лучшая часть граждан России за модернизацию, в надежде даже на иллюзорное светлое будущее. Ведь сама надежда, как бесспорное свидетельство продолжающейся жизни, активизирует волю человека, подталкивает его к осмысленным и созидательным поступкам. Как правило, не могут договориться своекорыстные элиты. Их собственные финансовые или политические интересы, личные амбиции, отсутствие понимания необходимости перемен, а зачастую, по-человечески понятное нежелание что-либо менять в своей устроенной жизни могут привести страну к катастрофическим последствиям.

Реальность такова, что сегодня вне планов назревших реформ находится большинство тех, от кого зависит успех, и в том числе технократы — носители бесценных знаний и практического опыта в сфере науки и технического прогресса. Народ же пребывает в растерянности. Он подавлен собственным бесправием, пришедшим пониманием, что от него ничего не зависит — за душой нет ни материальных, ни финансовых активов, ни понимания своей роли.

А между тем в эпоху управляемых перемен чрезвычайно важна вера в себя и в собственные силы. Ведь копировать чужую историю бессмысленно, хотя знать и использовать мировой опыт необходимо. Но главным всё-таки является учёт национальных традиций, культуры, особенностей исторического развития и, естественно, собственных возможностей. Чем выгодно и отличалась советская модернизация.

Начиная реформы в промышленности, нужно ясно представлять, на какое место в мировом разделении труда Россия может рассчитывать в дальнейшем. Успешное внедрение передовых технологий с трудом, но, тем не менее, позволяет потеснить конкурентов на мировом рынке, но продукция должна быть, прежде всего, востребована на внутреннем рынке. Это важнейший фактор консолидации национальной элиты и народа, которые могут наглядно убедиться, что результаты реформы не заставили себя ждать.

До такого благостного состояния ещё очень далеко, а пока нам всем нужно согласиться с тем, что либеральный подход к фундаментальным основам экономики отбросил Россию в прошлое. Она, как никакая другая страна, была жестоко наказана за легкомыслие и доверчивость к новоявленным “Моисеям”, навеваящим сладкие грёзы. Сегодня нам впору снова садиться за букварь и учиться работать с материальными и интеллектуальными активами, осваивать премудрость повышения отдачи в инновационном секторе промышленности, без которого движение вперёд невозможно. Хотя порой с отчаянием думаю, что моё Отечество не подвластно законам гегелевской диалектики, и потому вся его история — бесконечное движение по замкнутому кругу.

Сделать что-либо в условиях деградации политической воли руководства государства, науки, техники и кадрового потенциала общества очень сложно. Возврат к созидательной диктатуре, как методу и гаранту достижения поставленной цели, невозможен. Иное историческое время, другая страна, люди. “Буйных мало, вот и нету вожаков...”, как не вспомнить шутивную песню Владимира Высоцкого. Попытка же русифицировать версию “атлантического” пути изначально обречена на провал. Мы — русские, и это многое объясняет, как бы, находясь под очарованием европейских идеалов, от самих себя ни отрещивались.

При таком положении, если вдруг будет явлена воля власти, рассуждаю гипотетически, страну ждёт догоняющая модернизация, и исторический круг для России замкнётся. Это будет означать возрождение “спасительного” классического российского авторитаризма, хотя, будем откровенны, он никуда не исчезал. Ещё больше усилится власть коррумпированной бюрократии, и тогда, со всей очевидностью, все издержки переходного периода тяжким

бременем лягут на плечи народа, а не финансово благополучной части общества. Любая модернизация предполагает значительную интенсификацию человеческого труда, а в условиях частной собственности на основные средства производства она, как следует из политэкономии капитализма, усиливает эксплуатацию человека человеком.

Знакомые формулировки, не правда ли? А такая эксплуатация, по К. Марксу, теоретические выводы которого ещё никто не опроверг, кроме Гайдара, разумеется, неизбежно порождает концентрацию богатства и бедности. И всё бы ничего, да вот беда — на разных полюсах. Что дальше может последовать, догадаться не сложно. Выражу свою мысль предельно корректно — социальный взрыв.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

Председатель Союза писателей России

ИТАК, О РУССКОМ

Размышления

Почему русскими пугают в России

События на Ленинградском проспекте, и особенно на Манежной площади и у Киевского вокзала, вызвали массу откликов и большое разнообразие оценок. Но вот что удивительно: большинство из них уходило от главных ответов. Находили причины событий и в кознях националистов всех мастей и национальностей, в фанатизме болельщиков, в невыдержанности милиции. Но как-то умело и усиленно и СМИ, и политологи, и власти обходили, на мой взгляд, два важных вопроса. Первый – это все усиливающееся социальное неравенство, достигающее почти катастрофической пропасти, за которой следует взрыв. (Это особый разговор.) И какое-то постоянное утаивание, уход от обсуждения, боязливое опасение и даже страх говорить о русском народе, о русском. Этот страх многие годы воспитывался агитпропом коммунистического периода, либеральными властью и СМИ. Когда начинают говорить о русском, сразу возникают подозрения и обвинения в шовинизме, ксенофобии, антисемитизме.

На мой взгляд, вопрос о проблемах русского населения у нас в стране и за её рубежами, о русской культуре, о русском языке, о национальном самоощущении, о месте русских в государстве (где мы впервые за два века имеем абсолютное большинство 80%), а также о пренебрежении к русской истории, о грубой, тенденциозной её фальсификации и очернении, об игнорировании созидательной позиции русской провинции, об отчужденности от русского народа телевидения и СМИ стал приобретать обостренный характер.

Хотелось еще раз обратиться к вопросу, который у нас стыдливо, с испугом замалчивают. В 20–30-е годы под борьбу с русским шовинизмом подвергались расправу с сотнями тысяч жертв – казаками, богатыми крестьянами, священниками, не говоря уж о купцах, интеллигентах, богатых сословиях общества. Застрельщиками были победоносные Троцкий, Свердлов, каратели Тухачевский, Уборевич, Якир и иже с ними, чьи потомки потом громко кричали, что в 30-е годы они попали под волну сталинских репрессий. То, что та-

---

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич родился в 1933 году на станции Пестово Ленинградской области. Окончил Киевский государственный университет. Доктор исторических наук, профессор. Председатель Союза писателей России, заместитель председателя Всемирного Русского Народного Собора. Автор многих книг. Живёт в Москве.

кие репрессии были, никто не отрицает, но то, что по большей части жертвами были русские люди, об этом почти не говорят.

Вплоть до Великой Отечественной войны, когда понадобился стойкий характер, мужество русского народа, на нём был выбит ярлык шовиниста-должника и угнетателя других народов. А на самом деле всё было наоборот. Русские люди составляли главную тягловую силу страны. Лишь РСФСР, Украина и Белоруссия были не дотационны, и их доходы шли прежде всего на развитие союзных и автономных республик, на индустриализацию всей страны, на армию, на аппарат. Если употреблять марксистскую терминологию, то большую часть государственной эксплуатации, или тягловой нагрузки, нес русский народ.

Когда мы в 90-е годы создавали Всемирный Русский Народный Собор, мы увели многих недовольных, обиженных, растерянных людей на созидательное поле, на поле Веры, Русской Православной Церкви, служения Отечеству, высшим духовным и нравственным ценностям – на поле соборности, то есть соединения народов, людей всех национальностей вокруг русского народа.

Первые решения Собора были встречены в либеральной и прозападной среде улюлюканьем, возгласами: национализм, мракобесие, шовинизм. Потом Собор укрепился, и его тезисы о национальном самосознании, национальной культуре, национальной школе, о защите русского языка стали программными тезисами всех ведущих партий. И все-таки как внутри страны, так и за рубежом есть силы, которые постоянно говорят о “шовинизме”, о якобы реакционном характере русского народа, не хотят признавать его высокую духовную роль. Слегка успокоившись, перегруппировавшись после образования Собора, они придумывают новые обвинения в его адрес, в адрес русских людей, периодически вбрасывают в общество некие антирусские бренды типа “русский фашизм” (и не один уж год талдычат о нём на телевидении и в прессе). Продолжают долдонить о неполноценности, незрелости русской цивилизации, её отсталости, о лени и пьянстве русских людей, будто бы извечном воровстве. Поражает мощная негативная струя в изображении отечественной истории. В подобных заявлениях и работах утверждается, что история России – сплошной дефект, история ошибок, правовых преступлений.

С убежденностью вершителей судьбы нашего Отечества заявляют: “Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код” (“Западники и националисты: возможен ли диалог”. М., 2003, с. 16).

Ко всему прибавился фактор иммиграции, рост количества гастарбайтеров, поведение приезжих, неотрегулированное никакими правилами, нежелание их интегрироваться в российское общество, овладеть русской культурой, языком и т. д.

Надо вывести русский вопрос из тени, из замалчивания не для того, чтобы ринуться на баррикады, а для того, чтобы выйти на стройку: стройку духа, восстановления, самоуважения, созидания, гордости своей историей.

Накапливается не только недовольство и непонимание, ухудшается положение русского народа. Это проявляется то схваткой в Кондопоге, то межнациональной бойней в Калязине, то волнениями в Хотьково, то массовыми драками в Москве, Ростове, Майкопе, а с другой стороны – все нарастающим количеством “русских маршей” (в этом году они прошли в 45 городах).

Всё больше захватываются протестными настроениями, недовольством и благополучные слои населения: мелкий бизнес, низовая администрация и даже учителя и научная интеллигенция.

Достаточно вспомнить недавнее нашумевшее дело профессоров МГУ А. Вдовина и А. Барсенкова, когда их учебник по истории России, выдержавший несколько изданий, был подвергнут идеологической порке, похлеще всяких агитпроповских разносов, за “излишние прорусские акценты”. Авторы были вызваны в Общественную палату для проработки. Стенания о преследовании инакомыслящих в советское время обернулись идеологической мстостью защитникам советского прошлого. Все это вызвало взрыв возмущения. Появилось письмо за подписью ста выдающихся писателей, известных ученых, деятелей культуры о нападках на академическую науку, на свободу мнения. Вслед за этим прошла масштабная конференция по поводу развернутых фаль-

сификаций, атак на русскую историю и профессию, подготовившая обращение во все ветви властей, в Конституционный суд, в Прокуратуру.

Санкт-петербургский писатель Д. Каралис требует “отдать должное русским” (сам он открыто заявляет, что в нём течёт литовская, греческая, польская, молдавская и другие крови). Он заявляет: все знают, что “русский народ слили в российский”, фактически лишили его национальности. Он утверждает, что народ лишается уверенности: нынешняя Россия занимает 73-е место в мире по ощущению счастья своими жителями: “Мы на одном уровне с ЮАР и Ливаном, где постоянно ведутся боевые действия. При этом страдает у нас каждый пятый! Ну что это за общество, где большинство населения несчастно?” – вопрошает он. Д. Каралис пишет, что последний раз к русскому народу власть обратилась с похвалами в 1945 (!) году. “Действительно, какие беды, несчастья испытал он до войны и во время войны, какие жертвы принёс народ. Но это была его страна, его отчина, и он был благодарен за доброе слово, и снова впрягся в возрождение Отечества”.

Кто и когда в последнее время обращался к русскому народу с благодарностью, выражением восхищения его терпением, работой на благо державы?

Нет, его все продолжают упрекать за недостаточную динамичность в преобразованиях, медлительность в восприятии реформ, за неспособность модернизироваться. Опять выполняют работники розни, оценивая издания, исследующие “русский вопрос”. Так, в прошлом году прокурор и судья города Иваново обвинили в ксенофобии писателя А. Севостьянова и потребовали запретить его книгу за то, что она “чрезмерно проникнута русским духом” (буквальные слова приговора). Вот до чего можно запутать и органы юстиции. Так, в этом году во Владимирской области обрушились на бывшего узника ГУЛАГа, писателя В. Н. Осипова за его гневные публикации в защиту русского народа, обещая снова посадить его. Где же вы, правозащитники?

Воспрянула ли книжная “Росси́ка”?

Что радует – все больше появляется книг, глубоко осмысляющих судьбу России, диалектику ее истории, ее культуру, ее демографию, быт, государственность, национальный характер и, конечно, нашу Веру.

В обществе вновь усилилась тяга к познанию России. Философия, история, филология, экономика, геополитика, культурология пытаются дать ответ о ее предназначении. В моей домашней библиотеке не менее 1 000 книг своеобразной “Росси́ки”. Возьмём те из них, где обозначаются очень важные грани России. Например, замечательную книгу доктора филологических наук профессора из Санкт-Петербурга Владимира Викторовича Колесова “Философия русского слова” и его фундаментальное исследование о русской ментальности в категориях русского языка (“Русская ментальность в языке и тексте”, СПб, 2007).

Подлинным накопителем исторических и философских знаний о России стали сочинения сопредседателя Союза писателей России, доктора исторических наук, профессора С. В. Перевезенцева. Он один из тех, кто осветил русскую философскую мысль XII–XVIII веков, которую догматическая марксистская наука или не замечала, или отрицала, ибо она выражалась в религиозных категориях. Его последние книги “Тайны русской веры”, “Смысл русской истории” и “Русский выбор. Очерки национальной самосознания” (“Русский мир”, 2007), в которых он подытоживает свои размышления: “Сегодня, по большому счёту, русский выбор обозначен: быть или не быть русским”.

Другой историк, член нашего Союза писателей, профессор Александр Вдовин тоже посвятил свои работы осмыслению пути русского народа. В его книге “Русские в XX веке. Факты, события, люди” сделан очень важный вывод: “Осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской империи в 1917 году и Советского Союза в 1991 году заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе “империи”, утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей”. Когда же власть в нашем государстве прислушается к этому?

Он же осаживает некоторых наших ретивых патриотов, которые чуть ли не требуют запретить слово “русский”, и пишет, что ещё в “Лексиконе трёхязычном” в 1704 году писалось “русский – зри российский”. Да и современные словари русского языка гласят: “Россиянин – то же, что русский”. И поэтому, считает автор: наименование Российская Федерация равнозначно понятию Россия, Великая Русь, Русское государство. Но это бы и следовало отразить в государственных актах. Вспоминаю тут постоянные выступления нашей пламенной поэтессы из Коми Надежды Мирошниченко, которая требует, чтобы в Конституции РФ было записано: “Россия (Российская Федерация)”.

А. Вдовин считает, что “русская идея” может и должна стать интернациональной для всех народов России, или, как он пишет, “российских народов”. Хотя один мордовский писатель мне убеждённо сказал: “Валерий Николаевич, Россия состоит из народов русских. Вот мордва, во всяком случае, народ русский”.

Другой пласт “русскости” – её народная культура. О ней размышляет писатель Анатолий Рогов в книге “Мир русской души, или История русской народной культуры” (М.: “Книжный клуб”). Анатолий Петрович резко говорит: “Не знает большинство нынешних россиян свой народ, постыдно, позорно не знает”. И заканчивает книгу ответственным, по существу неопровержимым выводом: “Тем же, кто сейчас властвует в России и любит твердить о её величии, надо понять, что великих государств не бывает без великих идей и великой культуры”.

Назову ещё несколько значимых книг. Одна принадлежит перу политолога, профессора Михаила Ивановича Кодина – “Россия в сумерках трансформации”. Автор жестко говорит о новых российских реалиях, размышляет о политических, идейно-нравственных переменах в российском обществе, о поисках новой национальной идеи (духовность, народовластие, державность). Автор двух других – “Россия над бездной” и “В поисках России” Александр Казинцев. Он опирается на широкий диапазон сравнений, на опыт многих стран, где побывал (Сирия, Ирак, Китай, славянские страны). Казинцев никогда не теряет исторического оптимизма, даже тогда, когда Россия терпит поражения.

Очень важную просветительскую миссию осуществляет доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России Игорь Янин, составивший книгу “Из русской мысли о России”. Это подлинное звёздное небо огненных пророчеств, мерцающих откровений. Тут Аксаков и Гоголь, Пушкин и Данилевский, Достоевский и Ильин, Толстой и Хомяков, Флоренский и Победоносцев.

К сожалению, общество мало знает о России: об этом говорил ещё А. Пушкин (“Мы ленивы и нелюбопытны”), вторил ему Хомяков (“Мы Россию не знаем”), об этом сокрушался Гоголь (“Велико незнание России посреди России”). Янин собирает кристаллы знания, и недаром Валентин Распутин в своём расширенном эпиграфе написал: “Кажется, книги, подобной этой, где был бы представлен свод рассуждений русских о России, у нас ещё не было. Свод, конечно, регламентированный, чтобы вместить главное из главного и не растечься мыслию по древу. Но древо, взращённое русской мыслью, получилось живым и могучим. Под ним, широко раскинувшим крону, так полезно будет подумать о себе, о том, кто мы были первоначально, и кто мы по сегодня, и что может ждать нас впереди”.

Уже много лет на ниве истории, философии, культуры, этнографии, политологии России работает известный подвижник русского дела Олег Платонов. Его усилиями создана серия книг, историко-архивных исследований, “Большая энциклопедия русского народа”, издана серия книг “Святая Русь. Открытие русской цивилизации”, “Терновый венок России”, “Тайна истории мASONства”, “Русский патриотизм” и другие.

Смотрю на полки своей “Россики” и вижу: сколь многовекторны и разнообразны подходы к России, её прошлому и будущему. Вот авторы В. Медведев, В. Хомяков и В. Белокур выпустили ряд остро публицистических книг о России. Одна из них, “Национальная идея, или чего ожидает Бог от России” (изд-во “Единство нации”, 2008) резко ставит вопрос о национальной идее и предназначении России в разделах извечных для России вопросов: Что происходит? Кто виноват? Что делать? Как делать? Над иными книгами, в частности, “Жизненные силы русской культуры: пути возрождения России в начале XXI века” (Смагистр-пресс, 2003) работали целые научные коллективы. Кри-

тику научный анализ состояния мира конца XX века, авторы делают довольно уничтожающий вывод о том, чему поклонялось общество весь век: “Наука к исходу XX века, несмотря на важные достижения, оказалась неспособной к решению стратегических задач развития общества и человека, эволюции их жизненных сил. И не потому, что ей не хватает аргументов, способности решать актуальные проблемы. Наука настолько хорошо приспособилась к сложившемуся порядку жизни, типу господствующей социальной культуры, уравняв истину с получением пользы, что вывести из этого состояния можно, лишь разрушив классический характер общественного развития, классическую социологию, традиционно сложившийся социальный интеллект”.

Работы и авторы – разные. Вот книга бывшего диссидента М. Назарова “Тайна России”, рядом труд доктора наук В. Большакова – “По закону исторического возмездия”, воспоминания генерала Н. Леонова “Крестный путь России”. О каждой можно помногу рассуждать, полемизировать. Важно, что они есть – работает общественная мысль России.

Думаю, что мы ещё поговорим о впечатлениях по поводу сегодняшней литературы, но вот в связи с прямой “русской темой” не могу не сказать о блестящих трудах современного русского мыслителя Бориса Тарасова. Его книги “Паскаль”, “Чаадаев”, “Куда движется история” поражают глубиной мировоззренческого анализа творчества авторов, времени, в котором они жили. Одна из последних его книг “Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте” (Наука, 2006). Это размышления о неких, не всегда видимых глубинах русской мысли, о воззрениях поэта, соотнесённых со взглядами представителей русской философии, современных мыслителей Запада. В общем, это опять книга о России и её путях развития. Эта книга о пророчествах поэта, о его призывах предотвратить распад, усиление материальных appetитов, эгоистических инстинктов. Поэтому Тютчев призывал создать “мощное, умное, уверенное в своих силах направление – вот кричащее требование страны и лозунг всего нашего современного положения”. А это и есть та “русская партия”, которой пугают, дабы позволить антирусской партии проникать во все сферы общества, припугивая власть, а самой в это время становиться властью.

Вызревание русского национального сознания в среде современной творческой интеллигенции, среди литераторов ярко показано в трилогии Станислава Куняева “Поэзия. Судьба. Россия”.

Не могу не вспомнить ещё две знаковые книги последних лет – одну из них, работу А. Панарина “Искушение глобализмом” (2002 г.), я брал с собой в командировку в Вену, когда в мае 2006 года участвовал в довольно необычной для западного мира научно-богословской конференции с символическим, взывающим к справедливости названием: “Верните душу Европе!”, на которую собрались учёные, священники, общественные деятели Европы и России. После знаменитого X Всемирного Русского Народного Собора, провозгласившего, что “права человека, которыми пытаются измерить каждое государство, должны учитывать исторические, веровательные, бытовые особенности каждой страны, а главное, не открывать, под видом свободы, дорогу греху”, многие в Европе восторжеслись, ведь там христианство не только изгоняется из общественной и государственной жизни, но оно всё больше ограничивается в правах. X Собор взбодрил христиан Европы, они внимательно слушали на конференции соборян из России. У меня был доклад о том, как классическая русская литература в советское время защищала и утверждала мораль, христианскую нравственность. Это действительно так, ибо в 30-е годы, вопреки идеологическим догмам 20-х, часть руководства страны приняла решение издавать миллионными тиражами Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чехова и других классиков, правда, подчёркивая их антибуржуазную суть (что в немалой степени было верно). Какое счастье, что наш народ, овладевший грамотой в период истинной “культурной революции”, не получил масскультуру американских комиксов, шлягеров и киллерских триллеров, какие ему пытаются всучить сегодняшние ТВ и СМИ.

Это в своём приветствии писателям, пишущим на историческую тему, подчеркнул и Святейший Патриарх Алексий II, отдавая должное русской классической литературе – литературе, находящейся на нравственных, христианских координатах.

Вот такое мнение и у А. Панарина, и он предостерегал, что “было бы самым опасным – потерять не территорию (её для русского человека можно бу-

дет возвратить в будущем), а потерять свой культурный код, свой культурный слой, свой русский дух, которые под воздействием СМИ могут и не возродиться”.

Ну и, конечно, книга Натальи Нарочницкой “Россия и русские в мировой истории” (Международные отношения, 2003). Для продолжающихся споров между патриотами и западниками, между почвенниками и либералами, между тружениками и ростовщиками эта книга даёт немало возможностей увидеть смысл и цели национального бытия.

А вот ещё одна, я бы сказал, стратегическая книга у меня на столе “Россия в пространстве и времени”. Её авторы – член-корреспондент РАН Б. Н. Кузык, доктор экономических наук А. И. Агеев, кандидаты технических, военных, экономических наук О. Доброгеев, Б. Куроедов, Б. Мясоедов. Это выявление и осмысление фундаментальных характеристик нашей исторической динамики.

Авторы, анализируя русскую историю, рассматривают её как своеобразный музей стратегий с большими запасниками, закрытыми, как правило, для публичного просмотра. Здесь всё проанализировано на сотнях примеров, с помощью таблиц, карт, сравнительных характеристик. Пред нами ключевые действующие лица истории, народные массы, внешние силы воздействия, войны, союзы, территориальные изменения. Я восхищён проделанной работой и думаю, что она не только для Академии Генерального штаба и российской элиты – она для лучших, самых высоких, обеспокоенных нашим будущим, умов России!

Да, если в 90-е годы XX столетия появились по-своему пионерские авторские труды о России, русском народе, то в начале XXI века публикуются обобщающие, стратегические работы. Одну из них “Россия в пространстве и времени” я уже назвал, много разговоров ведётся вокруг нее. Сочинение же “Русская доктрина” (“Сергианский проект”) является, по-моему, прорывным произведением молодых учёных. Я впервые принял участие в его обсуждении на Корфу, когда в 2005 году во время Ушаковских чтений её проект был представлен на обсуждение широкой группе социологов, политиков, философов и историков. Эти группы вдохновлённых энтузиастов работают под покровительством фонда “Русский предприниматель” (президент Олег Костин) при участии молодых учёных Андрея Кобякова, Виталия Аверьянова, Вардана Багдасаряна, Александра Рудакова и др.

Известно, что есть время разбрасывать камни, и есть время их собирать. Собирают их для того, чтобы строить, созидать новое сооружение. То же в каком-то смысле происходит и с доктринами.

Наше общество славно потрудилось в 80–90-х годах, чтобы разрушить существовавшие доктрины. Сначала разбросали камни марксистской доктрины вроде бы за непригодностью, воздвигали либеральное доктринерское сооружение, сверкавшее всеми привлекательными красками. Не прошло и 15 лет, как оно разрушилось под напором жизни, полетели во все стороны картонные камни либерального высокоумия.

Пришло время искать созидательную, объединяющую, вдохновляющую идею, обозначать её контуры и определять вектор развития страны.

Русская доктрина выросла не на пустом месте. Я постоянно пытался участвовать во всех созидательных мыслительных процессах, создающих схему и планы, стратегию жизни и движения державы, народа.

Действительно, удалось быть в начале 90-х годов на Всерусском конгрессе Аксючица, Бабурина, Астафьева, на Русском Соборе генерала Стерлигова, на съезде “Державы” вице-президента Руцкого, собраниях Русских общин Дмитрия Rogozina. Наряду с болевым ощущением, потребностью осмысления положения России немало там было и мифического, фантазмагорического, сказочного.

Работу по воссозданию целостной программы русского народа, нашей державы с 1993 года ведёт и Всемирный Русский Народный Собор. Действительно, провозгласив принципиальную цель, он стал общественной трибуной для русского народа. Вот темы Соборов и Соборных встреч:

- Пути духовного обновления русского народа и его движения к национальному возрождению.
- Русские соотечественники за рубежом.
- Роль России и русских на пороге XXI века.
- Вопросы физического и духовного возрождения нации.

- Вера и знание не антагонисты.
- Создание русской национальной школы.
- Ядерная безопасность России. Защита русского языка.
- Проблемы богатства и бедности.
- Вера и труд.
- Права человека и неприятие греховности.

С самого начала деятельности ВРНС поставил главную цель – духовное возрождение нации.

Резко вырастает роль мировоззрения, способности придумывать и воплощать новое, продолжая лучшие традиции старого.

Та цивилизация, которая разовьёт этот высший творческий ярус социальной-общественной жизни, и будет доминировать.

Общество, народ, наши люди отвергают хаос, вседозволенность. Успех будет сопутствовать тем, чья политика отличается наибольшей твёрдостью, жесткостью, упорством и последовательностью, а для нас – это государственность, которая включает и такое ключевое понятие, как **русский национальный характер**.

А вот ещё книги, которые должны быть хотя бы названы в рассматриваемом контексте – работы профессора В. Соловья “Кровь и почва русской истории” (М., 2008), сборник “К ненашим” (составитель С. Семанов и А. Лотарева), книга “Русская партия” Н. Митрохина, выдвинувшего то ли из либерального страха, то ли как предостережение версию о “русской партии”, которая якобы существовала и, не дай Бог, снова появится.

Линия фальсификации. Краткий курс

Известный публицист и ученый Игорь Шумейко своей книгой “Вторая мировая война. Перезагрузка” сорвал не только флер с действий союзников во время Второй Мировой войны, но и показал, как вся Европа, исключая Англию и Югославию, но включая не только Германию и ее прямых союзников: Италию, Финляндию, Венгрию, Румынию, Испанию, но и те страны, которые в советской истории представлялись нашими союзниками, – на самом деле помогли Гитлеру изо всех сил. Достаточно вспомнить Чехию, чьи танки утюжили Советский Союз до 1944 года, а также фашистские легионы из Голландии, Франции (воевавшие, кстати, опять на Бородино), Словакии, Австрии, Голландии, Бельгии. А железная руда для Германии из Швеции, нефть из Румынии?

И не одна Чехия снабжала фашистскую Германию танками, та же Франция на заводах “Верк-3” в Бордо изготавливала один из лучших немецких самолетов “Фокке-Вульф”. Эта та разведческая “рама”, которую тяжело было сбить и после пролета которой над нашими позициями начинался точный и губительный огонь немецкой артиллерии, унесший сотни и тысячи жизней наших солдат.

В новой книге “Большой подлог, или Краткий курс фальсификации истории” И. Шумейко подверг анализу многочисленные инсинуации и фальсификации русской истории. Идут они и извне, “от веков”, и от скоропалительных и амбициозных отечественных толкователей. Тут рядом и академический пунтик Фоменко, вторгшийся в “Научпоп” без всякого исторического знания. Возможно, самыми лучшими и благородными мотивами руководствовались те, кто хотел дощечками “Велесовой книги” продлить наше славянское прошлое, хотя, судя по исследованиям ученых, энтузиастам “Велесовой книги” пришлось создавать её самим.

Шумейко обозначает имена и воззрения самых заметных фальсификаторов. Например, маркиз де Кюстин, востребованный каждый раз в Европе, когда начиналась кампания, а то и война против России. (Он издавался перед Крымской войной, Первой и Второй мировыми войнами.) У нас он в массовом количестве (более 200 000 экз.) издавался в период “перестройки”, когда надо было оболванить русский народ.

Нельзя сказать, что во всем можно согласиться с Игорем Шумейко, но безусловной его заслугой следует признать выход “Большого подлога, или Краткого курса фальсификаций истории”. Сейчас дело за созданием, если хотите, Антологии или серьезного научного однотомника по таким фальсификациям. С фальсификациями, организация которых для многих стала профессией, надо бороться. Однако значительно важнее для науки и в целом для всего

общества представить ход развития нашей истории, культуры, общества. И, я уверен, что представить ее необходимо в возвышенном, патриотическом ключе. Это отнюдь не “квасной”, “лапотный”, “совковый” патриотизм, как стараются представить так называемые демократы все светлое, победное, разумное, высокое, что появляется в наших книгах, журналах, газетах о России и русских. Надо представить нашу историю как историю русского народа, ибо он ее творец.

Россиеведение без России

Об этом, в частности, напоминает в своей книге “Кровь и почва русской истории” доктор исторических наук В. Д. Соловей. Не удержусь от длинной цитаты: “. . . История России создавалась не какой-нибудь “многонациональной общностью”, а русским народом. Давайте говорить без экивоков: формально-юридическое признание равенства народов и презумпция уникальности культур не могут и не должны заслонять того обстоятельства, что роль народов в истории различна, и не все они выступали ее творцами в равной степени. . . Это – политически некорректное, но исторически совершенно бесспорное утверждение. Российская история – история не только русского народа, а Россия – плод и результат сотворчества многих народов, населяющих нашу страну, **однако именно русским принадлежит ключевая роль в формировании этой истории и создании государства Россия, которое потому можно уверенно назвать государством русского народа**”. Совершенно верное и, безусловно, обоснованное как книгой В. Соловья, так и всем ходом истории утверждение. Сама же книга являет образец небоязливой, аргументированной, развернутой и довольно полемичной панорамы в утверждении “русскости” в современной России. (Об одном фундаментальном несогласии с автором я напишу позднее.)

Можно добавить, что многие построения, схемы, системы, которые предложили России либералы и Запад на основе своих взглядов на нашу страну, были построены, по довольно точному определению известного политолога Стивена Козна, на основе **“россиеведения без России”**. То есть никто из “творцов нашего будущего”, консультантов власти не опирался на нашу историю, конкретные материалы русской жизни, на итоги ее побед и поражений и, главное, на глубины ее нравственной и духовной жизни.

С. Козн представил американскому правительству доклад, в котором сомневается в победоносности американской политики в России. Автор буквально потребовал от исследователей, разведок изучать **национальные основы культуры, образования**, а не только политические и экономические аспекты русской истории. Поэтому надо, писал он, и сосредоточить все свое внимание на изучении глубин русской народной жизни, быта, школа, церкви (Козн С. “Изучение России без России: крах американской постсоветологии”. М., АИРОХХ, 1999 г.). Имеет ли это отношение к нашей власти, науке, культуре? Хотелось бы надеяться.

Возвращаются ли массы на арену истории?

Когда я уже почти закончил “размышления”, то получил книгу Александра Казинцева “Возвращение масс. Дневник современника” (М., 2010 г.). Казинцев человек известный в литературном мире, в общественно-политической сфере. Я уже писал, что он, безусловно, философ, историк, политолог, аналитик и блестящий русский публицист. До поры до времени его приглашали на Центральное телевидение, но его логика, знания, аргументы не оставляли камня на камне от “глубокомыслия” либерально-демократических теоретиков, они почти никогда не могли вразумительно ответить на доводы А. Казинцева, на драматические цифры и факты нашего экономического и политического кризиса, обличающие их верховенство в экономике и политике страны. Приглашать на телевидение его больше не стали: себе дороже – работодатели уволят телеведущих как не справляющихся.

Книга А. Казинцева “Возвращение масс” – подлинная энциклопедия общественного движения масс, широких народных слоев, еще недавно застывших перед лицом оголтелого обмана, экономического террора, орд охранников всех мастей, а ныне всколыхнувшихся. Казинцев за минувшее десятилетие

проследил их движение по всем континентам. Латинская Америка, Ближний Восток, ныне протест пришел во вроде бы благополучную Европу. Падение Советского Союза, его социалистического вектора развития привело к тому, что мировой капитал освободился от сдерживающего начала, стал лишать рабочий класс, крестьянство, средний класс, все общество тех социальных завоеваний, которые он вынужден был дать после смертельно напугавшей буржуазии Октябрьской революции. Наши олигархи оказались беспомощны в модернизации. Известный экономист А. Лифшиц заметил: “Олигархи зарабатывают деньги на советских заводах – они еще сами ничего не построили”. На весы существования свои гири бросил мировой кризис. Миллионные забастовки прошли во Франции, Испании, Италии, Румынии, Греции. Казинцев подверг все эти движения анализу, выложил на страницы книги массу документов, обширную статистику, свидетельства очевидцев и видных деятелей политики, в том числе тех, с кем он встречался. Чтобы преодолеть завалы лжи, которые нагромодили обслуживающие олигархов СМИ, читайте “Возвращение масс” Казинцева. Кстати, едва выйдя в свет, эта неординарная книга получила хорошую прессу, что не может не радовать.

Для основной темы моей статьи особенно ценным явился предпоследний раздел книги “Россия не для русских?” – о русском национальном движении. Казинцев давно его изучает и показывает, что в опоре на русских – **главная спасительная сила государства**. В книге обнародованы бюджеты национальных республик и русских областей с очевидным превосходством первых, показаны уступки диким средневековым обычаям и группам лоббистов в столице, покровительствующих национальным диаспорам и боевым отрядам (ОПГ) некоторых из них. В России 2 000 преступных групп, созданных на этнической основе. В книге десятки и сотни фактов о “незамеченных” прессой и юстицией нападениях на русских людей, вытеснении их из мест проживания или с мест работы, из ларьков, с рынков, даже из школ. Могло это вызвать недовольство? Еще какое... И вызвало.

Наряду с гражданами России из национальных республик в страну хлынули мигранты из стран СНГ, КНР, Вьетнама. В книге приведены данные о том, что в Россию ежегодно прибывает более 12 000 000 мигрантов (уезжает 11 000 000). Россия, по утверждению экспертов, занимает второе место в мире после США по количеству мигрантов. “Не проблема? Еще какая!” – разбирается Казинцев. Все есть в книге, все взято из СМИ, из официальных источников. Казинцев задолго до событий на Манежной площади предсказал подобный ход событий, ибо протест против бездействия властей, против этнической преступности давно нарастал во всех слоях общества.

Совершая экскурс в историю русского патриотического движения, А. Казинцев дает полнокровный очерк молодежных русских организаций. Многие из них не имеют никаких особых программ, это “защитники своих улиц и домов”, у других в основе деятельности эклектический набор положений, размытая идеология. В некоторых основу составляют монархисты, православные, у других левые, социалистические взгляды, некоторые балуются анархизмом и даже национал-социалистической фразой. При всем при том многое в их программах и действиях неопределенно. Во многих из них четко прослеживается требование национальной и социальной справедливости.

Казинцев заканчивает эту главу энергичным пассажем: “Россия для всех – наталкивают в голову кремлевские политтехнологи... Э, нет, господа хорошие... Для всех – девка на шоссе возле Шереметьево. Россия для тех, кто связан с нею родством, любовью, ответственностью”.

Я бы добавил, что лозунг “Россия для русских...” совершенно справедлив, только не надо ставить в конце точку, а надо ставить запятую и продолжать: “...для татар, якутов, калмыков, чеченцев, адыгов и всех, кто любит Россию”.

Вера и знание не антагонисты

Александр Казинцев в своей прекрасной книге укоряет молодых ребят из ряда молодежных организаций в излишнем просветительстве. Не думаю, что здесь он прав, молодые русские должны знать отечественную литературу, патриотическое слово, классику, культуру, стремиться к образованию, прийти к вере. Она поможет им избрать точный и правильный путь действий, убере-

жет от путаницы и провокаций. Оппонента или даже врага можно превзойти лишь лучшим образом дела, умения, мысли, высотой духа.

Как говорил великий русский педагог К. Д. Ушинский: “Высказанное слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит мимо” (К. Д. Ушинский. Собрание сочинений в 6 томах. Том 2. М., с. 52). Кстати, вы заметили, что наших национальных светочей все дальше и дальше задвигают в тень, в небытие? Ныне еще многие помнят выдающиеся фильмы о Пирогове, о Попове, Мичурине, об Ушакове, Нахимове, Александре Невском, Суворове, Богдане Хмельницком, вышедшие накануне и после войны, где слово “русский” отнюдь не подвергалось остракизму. В этих фильмах был высокий подвиг во имя народа, бескорыстное служение России, глубокая вера в будущее предназначение Отечества. Ныне же попытки найти средства на съемки фильма “Святой адмирал” (об Ушакове) оказываются тщетными. Зато нашлись, и немалые, для прославления Колчака.

Конечно же, для всех очевидна роль Православия в становлении нации. Кто-то воспринимает это с раздражением, пытаясь сослаться на факты погрома церквей, низвержения колоколов после революции, совершенные якобы народом. Тут лукавство: “комиссары в пыльных шлемах”, эмиссары, приехавшие из-за границы, ставили перед собой цель не только низвержение самодержавия и русской буржуазии, а в не меньшей, если не в большей мере — разгром Православия, разрушение русских храмов и церквей.

В немалой степени этого удалось достичь. Но живительная сила христианской веры все время проявлялась в народе. Не убоявшись наказания, во время довоенной переписи 70% населения указало, что они православные. Это не могли не учитывать Сталин и его окружение, и с первых дней войны (3 июля 1941 года) коминтерновские обращения сменились православным: “Братья и сестры!..”. А в самый красный октябрьский праздник (7 ноября), обращаясь к идущим в бой красноармейцам, с трибуны Мавзолея, когда враг был в 50 километрах от Москвы, Сталин призвал главный, мистический резерв: “Пусть вдохновляет вас образ наших великих предков... Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова...” Первыми в этом ряду Сталин назвал Святых Русской Православной церкви. Стало ясно, что главной глубинной спасительной духовной силой становится Православие.

Никита Хрущев, его агитпроп пытались переломить тенденцию, обещали показать “в XX веке последнего попа”. Не вышло. В 80-е — 90-е произошел всплеск интереса, возвращение к церкви, как бы второе крещение Руси. Конечно, со всеми издержками стремительного роста. Ясно, что при таком массовом потоке идущих по дороге в Храм не все удавалось обществу, в церковной православной жизни. Может, не различимы ясно и четко подвижники, не проявляется, увы, и справедливость, которой учит Церковь. Но, как бы то ни было, православная вера, христианские ценности — вековая основа России. И тут я категорически не согласен с утверждением профессора Д. Соловья и публициста А. Севастьянова о том, что Православие ослабло, перестало быть утверждающей, державно-организующей силой. Их скептическое отношение к нынешним священникам и верующим связано, по-видимому, с тем, что к сегодняшней Церкви они не близки, по-интеллигентски возвышают себя над ней и думают, что в будущем народ обойдется без нее.

Немало боевитых патриотов, которые считают себя православными, предъявляют претензии Патриарху: он должен то, он должен другое. Владимир Крупин в ответ на это спрашивает: “А ты, друг, давно исповедовался, причащался?” — На это следует недоуменное: “При чем здесь это?” — “А при том, что спроси для начала с себя”.

“Кто молится, идет на обедню — это и есть наша опора для созидания”, — сказал один владыка. И нет сегодня никакой другой соединительной идеи. Можно сколько угодно придумывать общественные платформы, задачи, которые выдвигает та или иная партия, но нет таких идей, которые способны объединить весь русский народ так, как делает это наша православная вера.

Хорошо, что коммунистическая партия нашла в себе силы отказаться в уставах от обязательного “научного” атеизма и выступила за “свободу совести” для каждого члена партии. Я вспоминаю один из Всемирных Русских Народных Соборов, который был посвящен теме “Вера и Знание”. И вот на этом Соборе, где выступали и Патриарх, и президент Академии наук, где высту-

пали министры, митрополит Кирилл, ученые, говорили о том, что вера и знание — не антагонисты. Мы уже ушли с того поля, где пытались сталкивать науку и веру. Я думаю, что на пути самопожертвования, служения высшим идеалам, к чему призывает Церковь, мы и утвердимся как русские.

Сплотимся вокруг русского народа!

На недавнем Госсовете В. В. Путин с убедительной страстью сказал, что в советский период нашего государства такого размежевания по национальному признаку, как нынче, не было. И это верно. Я, например, помню, как до войны и во время войны жил в Марьяновском районе Омской области, в котором были колхозы “Энбекши казах”, “Червонный пахарь”, “Роте Фане”, созданные казахами, украинцами, немцами. Были в районе колхозы с латышами, мордвой, татарами, и ребята этих национальностей учились в нашей школе, в моем первом классе, и ни у кого не возникал вопрос об отчуждении по национальному признаку. Даже у ребят, вывезенных в 1944 году из Калмыкии, которые учились вместе с нами.

Правда, был один случай, когда наша “октябратская звездочка” — я, Генка Сысолятин и Ваня Плотников надавали тумачков за школой немцу Давиду Штопелю за то, что в придуманной им задачке немецкие самолеты сбили больше советских, чем наши фашистских. Давид, конечно, просто ошибся, будучи еще не в ладах с арифметикой. Директор школы, выговаривая нам в учительской за эту мальчишескую патриотическую выходку, сказал: “А вы знаете, что дядя у Давида антифашист и арестован гитлеровцами?” — и нам стало стыдно, и мы извинились и подружился с Давидом.

В украинской школе, в гоголевских местах на Полтавщине, мы, конечно, знали украинскую мову, но блестяще знали русскую литературу и язык. Может быть, эта соединенность (по слову Гоголя) и привела к тому, что из сельского класса вышло два академика, три доктора наук, пять полковников, шесть ученых и три медика — вот она, национальная и социальная соединенность!

Однако Владимир Владимирович неправ, когда говорит только о советском периоде братства. В многовековой истории России, которая спаяла народы, таких примеров немало.

Игорь Шумейко в книге “Большой подлог...” показывает, как входили в Россию разные народы. Как соединялись в веках, например, русские и татары. Да, были периоды неспаянности, но с Куликова поля, когда татарские мурзы привели свои войска к русским воеводам против космополитического войска нагайского хана Мамая, русские и татары были неразделимы и составляли крепкую ось державы.

Кто дал свою кровь русским фамилиям? Шереметевым, Юсуповым, Басмановым, Годуновым, Кочубеям, Салтыковым, Ушаковым, Строгановым? Козьма Минин имел в своих корнях татарскую кровь. И так со многими. А по количеству Героев Советского Союза в период Отечественной войны татары идут вслед за славянами. Разве не с гордостью горючат башкиры и калмыки, что их конники первыми входили в 1814 году в Париж? И их все французы называли русскими. Мы едины.

Мой военный руководитель в КГУ, майор, на занятиях по тактике рассказывал, как надо идти в атаку: “Чтобы ошеломить неприятеля, пугать его и себя взбадривать, надо кричать!” — “А что вы кричали, когда шли в атаку? — спрашивали мы. — “За Родину, за Сталина!”?” Он отвечал: “Я, тогда лейтенант, Ванька-взводный, выскакивал из окопа, подымал пистолет и кричал своим бойцам: “Вперед, славяне!” А у меня во взводе бойцы всех национальностей. А сам я татарин”.

Да возьмите наш Союз писателей. Пожалуй, нет больше общественной, культурной, хозяйственной, организации, которая соединяла бы, вернее, объединяла **все** области и республики, народы и народности России. В Якутии проходил мощный общероссийский пленум, скорее даже съезд, объединяющий писателей России. Такой же пленум проходил во время военных действий в Чечне. Тогда мы привезли с собой 200 томов Пушкина, и одна чеченская учительница сказала: “Ну если Пушкин приехал в Чечню — мир будет!”. Мир и наступил. Всероссийские встречи проходили во многих российских областях — в Орле, Курске, Липецке, Белгороде, в годовщину вторжения грузинских войск в Южную Осетию в Цхинвале и Владикавказе.

Чтобы не дать свободно говорить о культурно-экономических запросах России и русских, нас начинают пугать возможностью распада нашего многонационального государства. А уроки истории говорят, что, **когда власть пренебрегала русским народом, то у России всегда были самые тяжелые времена.** Боярское своеволие, предательство престола и передача его латинянину, то бишь католику, принесли Смуту 1612 года, захват Москвы поляками, и только когда русский народ с Мининым и Пожарским поднялся на борьбу с иноземцами, Россия была спасена. Так же было в 1812 году, когда масонское окружение царя отнюдь не руководствовалось интересами России, и только “дубина народной войны” повергла Наполеона. Так было и в Крымскую войну, когда царизм не успел отменить крепостничество. Самый драматический пример – Первая мировая война и “измена и предательство” кругом царя. Старая Россия рухнула. Новая шаталась несколько раз и выстояла за счет движения русских людей. Сталин понял, что в час смертельной опасности, в 1941 году, именно русские с их верой и стойкостью спасут Россию. Так и было, другие народы поддержали русских.

Нас пугают распадом, пытаются в большом количестве наций и народов затерять, замелочить русский народ – или демонизировать его, запугать им. На самом деле, в многонациональности наша сила, наша многовековая спаянность, в которой у каждого народа свое место. Тут и вырисовывается **общероссийская национальная идея – “народы России, сплотимся вокруг русского народа!”** Тогда Россия будет необорима.

Восточно-славянская православная цивилизация

Я много лет печатал статьи о **восточно-славянской цивилизации**, но тезис о **восточно-славянской православной цивилизации**, который высказал, пребывая на Украине, Святейший Патриарх Кирилл, является основополагающим. Он снова **нас соединяет по главному признаку.**

Честно говоря, в начале перестройки иные наши “патриоты” отрицали право на самостоятельность украинского народа, на украинский язык (якобы спорченный русский), хотя это – историческая реальность, и надо было искать не точки расхождения, а линии единения. Пока царило это русское высокомерие, украинские “самостийники” “настрогали” массу изданий о первородстве украинской нации, первородстве языка, о Киевской Руси как единственном истоке украинского народа. На их взгляд, лишь позднее на задворках Киевской Руси, в угро-финских лесах и землях, обозначились русские. Я прочитал ряд украинских “научных” изданий, которые уже отнюдь не разделяют известный исторический взгляд, что “Киевская Русь – колыбель трёх братских народов”, и не хотят к этому возвращаться. “Возврата не будет”, – заявляют они.

Положение о **единой восточно-славянской православной цивилизации**, первоочагом которой и была Киевская Русь, является **великой духовной, исторической, культурной, языковой основой, важнейшим общественно-державным рычагом для наших славянских народов.** Конечно, надо проводить научно-практические, теоретические, историко-археологические встречи, чтобы эта точка зрения возобладала. Мы на своём уровне уже пять лет ежегодно проводим в декабре месяце в Харькове украинско-российскую встречу под девизом “Переяславская Рада и духовно-культурные связи Украины и России”. Попечителем её выступает митрополит Харьковский Никодим, а организаторами – Харьковский областной совет, Политехнический университет, профессор А. Романовский, председатель отделения Союза писателей России в Харькове. (Таких отделений Союза писателей на Украине у нас 10.) На последней нашей встрече главной темой и была **“Восточно-славянская православная цивилизация. Исторические, духовные, этнические аспекты”.**

Мы возобновили в Харькове издание журнала “Славянин”, имеющего революционную историю, и вокруг него начинаем проводить эту работу. Вместе с Администрацией Белгорода учредили литературно-общественную премию “Слобожанщина” – в поддержку развития связей между пограничными областями России и Украины.

В этом русле проведена и литературно-историческая конференция, посвященная 825-летию “Слова о полку Игореве”. Она прошла в Брянске, Трубчевске и Новгороде-Северском на Украине. Приветствие участникам Патриарха Кирилла определило великую роль этого выдающегося произведения в нашей

общей истории, литературе, в наших языках (к сожалению, ни Российская академия, ни Минкультуры это событие не заметили, хотя 800-летие “Слова о полку Игореве” в свое время отмечали в Большом театре). В Новгород-Северский приветствие прислал Президент Украины Янукович. У нас в делегации были видные учёные из ИМЛИ, МГУ и других центров. В Новгороде-Северском к нам присоединились известный академик, директор Института археологии Украины П. Толочко и народный поэт Украины Борис Олейник, выступившие с замечательными докладами о “Слове о полку Игореве”. Город провёл праздник, посвященный 825-летию “Слова”, участники высказались за ежегодный праздник **“Славянского единства”**, который можно было бы проводить в Трубчевске (Россия), Новгороде-Северском (Украина). Можно было бы действительно сделать этот праздник историко-литературным, корневым, а не только эстрадно-песенным, как “Славянский базар” в Витебске.

“Бедствие хуже, чем война или голод”

Ну и еще одна острейшая проблема – это отлучение русского человека от отечественной культуры и языка. Государство (а кто еще?) на культуру махнуло рукой. Наши люди, наше общество опускаются все ниже и ниже в культурных запросах. От самой читающей страны в мире, от выдающегося кино, живописи, от гениев Шолохова, Свиридова, Бондарчука мы опустились в разряд невежественных и безразличных к своей культуре стран, к массовой шоу-культуре, часто, как говорится, “ниже пояса”. Большинство наших вузов оканчивают люди, не знающие и не понимающие историю, литературу, искусство. Образование с его ЕГЭ и программами новыми готовит невежественных людей, которым не нужна культура и которые не способны мыслить широко, панорамно, всеохватно, ибо для этого не хватает знаний. Надо вернуть духовную силу настоящему искусству, подлинной культуре, глубокой науке.

Ну, и одно из самых главных богатств, которое выкачивают из нации, не вкладывая никаких инвестиций в его пополнение. Это русский язык. Конечно, он и сегодня остается великим и могучим, но скорее в виде могучих гор и возвышенностей, грохочущих водопадов и разливиных рек классики. А его сегодняшние чистые истоки пытаются замутить, отвернуть от тех, кого они могут напоить живительной влагой.

На язык идет бешеная атака извне. Силы тьмы понимают его первородность и созидательность. Ведь “Вначале было Слово” – и далее высветляются его истоки: “И Слово было у Бога”. И предопределяется его смысл и высота: “И Слово было Бог!” Поэтому, когда ныне покушаются на язык, коверкают, портят его, подменяют чужеродным туманом, покрывают его скверной, цинизмом и пошлостью, то это покушение на Бога, на Его высоту. Это действие демона и князя тьмы против смысла жизни человека.

Когда несколько лет назад мне вручали орден Дружбы в Кремле, я поблагодарил за то, что была отмечена неустанная борьба нашего Союза писателей в защиту русского языка, и сказал, в общем-то, известные слова: “Если изменится экономическая система, но у народа остается его язык, то и народ остается. Если изменяется политический строй и даже исчезает государство, но у народа остается его язык, то и народ остается. Если разрушается, деформируется, исчезает язык народа, то и народ исчезает, остается народонаселение”.

Я далек от мысли, что именно это выступление в Кремле привело власть к объявлению следующего года Годом русского языка. Однако положение с русским языком не только не улучшилось, но ухудшилось. Нашим детям фактически отказано в праве уметь излагать свои мысли по-русски в сочинениях. Знание якобы теперь не главное для ученика, выпускника школы. А уж для заезжего гастарбайтера или нашего соотечественника с Кавказа такая задача даже и не ставится, а шуму о необходимости “мультинационального котла”, соединяющего народы, в наших либеральных СМИ полным-полно.

Добейтесь, господа хорошие, чтобы они знали русский язык, помогите им, и масса нерешаемых проблем общения и понимания уйдет на задний план. Нужно создавать бастионы по изучению и защите русского языка, иначе мы перейдем в разряд народонаселения.

Вот одно предостерегающее наш народ высказывание:

“...Язык – воплощение народного духа; вот почему падение русского языка и литературы есть в то же время падение русского духа. Это

воистину – самое тяжёлое бедствие, какое может поразить великую страну. Я употребляю слово **бедствие** вовсе не для метафоры, а вполне искренно и точно... Для всех нас **падение русского сознания, русской литературы**, может быть, и менее заметное, но несколько **не менее действенное страшное бедствие, чем война, больше, чем голод...**” (Мережковский Д. С. Эстетика. Критика. Т. 1. М. 1994.)

Надо находить силы, средства для поддержки преподавателей русского, вырывать время и место у телевидения, в журналах, газетах. Надо возвращать русскую литературу, ее классику. За это борется и профессор Иван Гончаров из Санкт-Петербурга, продолжающий со своими коллегами разрабатывать программу обучения “Русская национальная школа”.

Надо, чтобы в клубе, дворце культуры, на вечерах молодых появились чтецы, не пошлые сегодняшние юмористы-забавники, а те, кто внятно, с точными человеческими интонациями, верными фонетическими ударениями, читает лучшие стихи и прозу русской литературы.

Зал ведь замирает, когда Василий Лановой, великий подвижник русской речи на сцене (он возглавляет кафедру художественного слова), читает Пушкина, Тютчева, Маяковского. Недавно взял у нас книгу стихов раннего Василия Белова и поразил им аудиторию. В Китае, два года назад, на встрече с делегацией наших писателей в Шанхайском университете студенты читали нам параллельно куски прозы на русском и китайском языках из книг Валентина Распутина о Сибири, о Байкале. Как искусны были они в чтении, какие точные акценты ставили в словах, как улавливали не только смысл, но и интонацию автора, его внутреннее отношение к написанному. Аудитория то замирала, то смеялась, то взрывалась аплодисментами. Звучала русская речь! Валентин Григорьевич только покачивал головой.

Недавно я был поражен: из Санкт-Петербурга, из одного из цехов Кировского завода, где сидели работники завода на стульях, передавали замечательный по духу и совсем неожиданный для нашего шоу-времени вечер Николая Рубцова. Как слушали люди стихи, песни, письма Николая, работавшего в свое время на Кировском! Можем же, когда сердце не остыло, когда душа вслушивается, когда память встрепенется, дойти русским словом до многих.

Память, традиция – компас поколений

Память, традиция – это основные духовные оси России, на этом она держится, и это составляет ее образ.

Поэтому Союз писателей России стал соучредителем Всемирного Русского Народного Собора вместе с Русской Православной Церковью, поэтому создан Клуб православных писателей и наш Центр духовно-нравственного, патриотического воспитания имени святого праведного адмирала Федора Ушакова. Премиями Союза писателей – имени Александра Невского и “Имперская культура” – отмечают книги о духовных подвижниках, о державниках, о подлинных героях, которых машина массовой информации игнорирует.

Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть великую миссию нашей литературы, русской литературы, литературы всех народов России **в Великой Победе**, способствовавшей сплочению всех сил перед лицом злейшего врага, показавшей высочайшие образцы публицистики, прозы, поэзии, драматургии. Мы должны отдать должное нашим предшественникам, которые в годы войны в воинском стане воспевали подвиг и мужество воина и труд работников тыла, а в послевоенное время осознавали и художественно воплощали в своих произведениях драму и героизм войны, склоняли голову перед жертвами и славили героев. “Высокое слово правды” – такой была повестка последнего пленума Союза писателей.

Наши высшие власти добились, чтобы творчество А. И. Солженицына обязательно изучалось в школе. Уверен, что надо добиться, чтобы **литературу военной поры обязательно изучали в школе**, если мы хотим, чтобы молодое поколение знало истину, знало героев, следовало им. Думаю, что за это надо бороться.

Литература об Отечественной – это великая литература, это золотые страницы нашей отечественной словесности. Удивительно, но чем дальше мы удаляемся от мая 1945 года, тем больше у нашей Победы оппонентов и врагов. Те, кто с благодарностью ещё десятки лет назад говорили о решающем

вкладе Советского Союза, русского и других народов нашей страны в победу, стали теперь умалчивать, а то и вовсе отрицать это. Они забыли, что 600 тысяч наших воинов полегли на территории Польши, сотни тысяч – на полях сражений на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германии.

Стали ли известны вопиющие факты, отрицающие этот вклад? Да нет. Отменен ли Нюрнбергский приговор? Нет, его пока что не отрицают.

И этот зловещий, **махровый антисоветизм привел к распаду страны победителя**, к той исторической драме, о которой сказал Владимир Путин. Этот антиисторизм, антисоветизм привели к тому, что

- эсэсовцы шествуют по улицам Риги,
- убирают памятник советскому солдату в Таллине,
- Бандера становится героем Украины,
- Власов выдается за борца с коммунизмом, за пламенного предшественника Беловежской “тройки”.

Отсюда война не Отечественная, не Священная, а “война двух хищников”, война Германии и России (обратите внимание, не СССР), схватка Гитлера и Сталина. А потому, дескать, нужно громить, как враги говорят, “победоманию” в нынешней России.

Но ведь полный исторический идиотизм говорить, что войну выиграли вопреки Верховному Главнокомандующему. Несмотря на всю идеологизацию, все-таки надо пытаться исторически объективно оценивать роль каждого. Кесарю – кесарево. Богу – богово.

Может, не следует раскалывать общество? Фронтовики, прославленные писатели, Герои Советского Союза Владимир Карпов, Михаил Борисов, известные всей стране Юрий Бондарев, Михаил Годенко, Семён Борзунов, Семён Шуртаков, Михаил Лобанов могли бы высказать своё мнение о подлинном значении Великой Победы. К сожалению, на телевидение допускают только тех, кто поддерживает организованную провокационную кампанию.

Забытый геноцид

И ещё, **мы почти не говорим о гражданских потерях – жертвах войны, о великих жертвах нашего народа**, принесённых для Победы. Из-за ложной толерантности мы не говорим о своих жертвах, и это вроде бы притупляет нашу боль, хотя снимает вину с тех, кто с мечом пришёл в нашу страну.

Вполне по-человечески мы сочувствуем

- погибшим при бомбардировке Дрездена,
- сожженным в Хиросиме атомным взрывом,
- исчезнувшим из жизни в Холокосте.

И это правильно, ибо русский человек, как говорил Достоевский, – всечеловек, ему доступны страдания всего человечества. Но почему мы не вспоминаем соотечественников, уничтоженных этой войной? Не от комплекса ли, который нам прививают в отношениях с Европой и Западом? Немецко-фашистские захватчики разрушили или сожгли 1710 городов, более 70 тысяч сёл и деревень, было уничтожено 6 миллионов зданий. Лишились крова около 25 миллионов человек. Были уничтожены и разрушены 31 850 промышленных предприятий. **Почти 17 миллионов** наших граждан погибли от бомбардировок городов и сёл, на дорогах эвакуации, мирные люди были уничтожены в концлагерях, в немецком плену, погибли от рабского труда на территории Германии. Это был самый массовый геноцид в истории, большинство погибших были русские люди.

Гитлер был зловещий русофоб, он и его клика приговорили славян к уничтожению. Он патологически ненавидел Россию и русских. “Кто может оспаривать моё право уничтожать людей низшей расы, которые размножаются как насекомые... Надо взять у России всё, что нам нужно”. Эти слова Гитлера взяты на вооружение всеми сегодняшними антирусскими течениями, какой бы цивилизаторской риторикой они ни прикрывались.

Мы создали при Союзе писателей России и Всемирном Русском Народном Соборе Совет по возрождению российской деревни. Один из разделов его деятельности – память о погибших деревнях в годы войны. Белорусская Хатынь – всем нам напоминание о жертвах, в России такого мемориала нет, а между тем в одной Смоленской области уничтожены войной и оккупантами

сотни сел, свыше 530 тысяч жителей убиты или исчезли из этих деревень. Это ведь 19 Бухенвальдов! Мы помним Бухенвальд, но кто вспомнит русские Ивановки, Николаевки, Петровки, погибшие от рук врага?!

Итак, “Вера. Культура. Патриотизм. Память” – духовные оси, держащие здание России.

Учитывает ли миграция интересы коренной нации?

Ещё одна проблема – фактор миграции, рост количества гастарбайтеров, не отрегулированный никакими правилами поведения приезжих. Они не желают интегрироваться в российское общество, овладевать русской культурой, языком, создают замкнутые, чуждые обществу и государству этнические диаспоры. Например, количество китайцев выросло более чем в 35 раз, а вьетнамцев в 15 раз.

И опять троянским конём стал пресловутый либеральный тезис – **толерантность**, соблюдать которую требуют только от русских людей. Итогом столь однозначного подхода стало нарастание недовольства коренного, в основном русского, населения.

Отмечу, такое состояние становится характерным не только для нас, но и для Запада. Известно обострённое отношение Президента Франции Саркози и многих французов к иностранцам на территории страны (достаточно вспомнить погромы, совершённые арабской молодёжью, известный цыганский вопрос).

70% американцев заявили, что хотят сократить поток иммигрантов. А неизвестный Хантингтон утверждал, что “ежегодное вторжение массы мексиканцев в США – это угроза нашему будущему как страны, нашей культурной ценности”.

Потрасяющим стало и заявление канцлера Германии Ангелы Меркель, высказанное в октябре 2010 года на встрече с молодёжью: “Наша надежда на создание мультикультурного многонационального германского общества не оправдалась. Тому, кто не знает немецкого языка, мы не рады”. Она увидела тщетность попыток на основе либеральных концепций и принципов соединить общество и обнаружила, что проводит политику, не соответствующую интересам корневой нации. Немецкие газеты, учителя публично признали, что в немецких школах учеников травят “пришлые”, травят жестоко и последовательно за то, что те “неверные”. Заметьте, этих детей воспитали в семьях, уже живших в Германии. Скандал стал публичным. И немцам стало действительно страшно – так страшно, что все концепции “плавильных котлов”, мультикультурализма сразу куда-то подевались (статья “Мусульманские штаты Европы”. “КП”, 20.10.2010). Британский исследовательский центр “Полиси эксчейндж” провел исследование настроений мусульманской (иммигрантской) молодёжи в Великобритании. Выяснилось, что молодые мусульмане до 24 лет настроены более радикально, чем старшие. Половина из них живет не по законам Англии, а по закону шариата, каждый 8-й поддерживает “Аль-Каиду” и готов противостоять Западу. 85% мусульман не хотят жить по нормам британской демократии. Все это по-новому ставит и вопрос об иммиграции.

Самочувствие нации

От давления всех свалившихся на него проблем русский народ теряет уверенность. Соцопросы показывают тяжелое самочувствие нации. Тезис, что Россия – великая страна, поддержали лишь 46% опрошенных, не верят в это – 31%.

Можно было бы отнести это к сверхкритическому отношению русских к себе, но сплошь и рядом повторяется: “Россия теряет пассионарность, витальность”.

Конечно, на самом деле это не так, великие резервы таятся в душах и сердцах русских, надо только вывести на первый план в обществе подвижников, людей дела, милосердцев, новаторов, работников нивы и станка, бескорыстных и вдохновенных ученых, праведных священников, учителей, библиотекарей, честных юристов, военных. Надо найти способ одухотворить и наполнить созидательным национальным духом СМИ.

Пришел и продолжает терзать многосторонний кризис. На кого может опереться держава в его преодолении? Если не на русский народ, то не на кого.

С русским народом все можно преодолеть. Но без его участия в национальных проектах, модернизации все это обречено на безжизненность, неудачу и даже провал.

Что делаем?

Специально не озаглавил этот раздел вечным русским вопросом, обращенным куда-то вдале: “Что делать?” Обозначаю его множественным: “**Что делаем?**” Ибо без такой постановки есть некая философская неопределенность, перемещение вектора действия к кому-то, а не к себе, не к своему кругу товарищей, не к коллективу, не к народу, а к призрачным вождям. Программу предстоит выработать, все время насыщать, прочерчивать генеральные линии. Я наметил некие, скажем так – тропинки, теперь подумаем вместе.

Что же необходимо для укрепления духа, самосознания, созидательности русского народа?

I. Главное, повторяю – это **укрепление Веры**, Православия в жизни русских людей.

Можно сколько угодно придумывать политические, общественные платформы, но ни одна из них не способна воссоединить народ, нацию так, как это делала христианская вера, Православие.

И по этому пути, пути самопожертвования и служения высшим идеалам, тем общечеловеческим (которые утвердились как русские), нравственным ценностям, надо идти и искать уже в новое время опору для русского народа, для других народов страны.

Ценно то межрелигиозное сотрудничество, которое установилось у нас в стране за многие годы и даже века. Особенно с исламом. Ведь недаром при Екатерине II был учрежден муфтият в Уфе. И у нас никогда не было религиозных войн.

II. Наша русская культура, наша классика – производное христианства. Наш язык – одна из фундаментальных основ существования, развития русской нации.

Это должна быть одна из главных задач – не дать разрушить нашу культуру, не дать изменить, исказить наш язык. Иначе нация станет вульгарной, дикой, немой.

III. Великая традиция – **память народная**. Помнить победы, помнить жертвы.

IV. Великая цель рождает великую энергию. Надо сделать понятным, доступным, а главное, высоким представление о том, во имя чего, как мы живём. Мало говорить об абстрактной модернизации, надо обозначить её в качестве конкретных программ для человека, общества, России. Не позволим погасить **дух созидания**, будем поддерживать эти очаги созидания в семье, поселке, в городе, в коллективе.

Один пример: В. В. Путин проехал по трассе Хабаровск – Чита. Газеты представили это событие как некую интересную, даже забавную прогулку. А ведь на самом деле строительство этой трассы – **великое событие**: инженерное, экономическое, транспортное, государственное, геополитическое. Ведь, по сути дела, открывается державная дорога, автотрасса Москва – Владивосток. Возможно, и ряд других проектов надо представить обществу как череду важных, одухотворяющих дел. Мы предложили Министерству транспорта проект “Дорога”, в котором расскажем об инженерах, строителях, проектировщиках, транспортниках.

V. Ну и, конечно, нужно высокое ободряющее слово, обращенное к русскому народу.

VI. Еще и еще раз надо подчеркнуть, что русский человек, как говорил Достоевский, – “всечеловек”, то есть ему близки и понятны все боли и радости мира, окружающих его людей и народов. Мы, Россия – великое многонациональе. Мы, русские – в единой семье народов России, да и мира, не собираемся ни возвышаться над ними, ни падать ниц, унижаться ни перед какой-либо цивилизацией, ни перед какой-либо страной.

Национальная гордость, самоуважение, высшее знание и мудрость должны быть нашими национальными чертами.

И, как писал Игорь Северянин, намаявшись за границей:

*Что толку плакать и тужить,
Россию надо заслужить.*

Давайте будем пытаться **заслужить** Россию.

Вспомним слова: Великая Россия

У нас как-то отвыкли считать, что Россия страна великая, каким бы ВВП ни измерять ее. Когда в годовщину вторжения Грузии в Южную Осетию туда высадили наш десант, десант писателей России, мы провели во всех школах “Урок мира”, мы выступили на пограничных заставах и везде ощутили любовь и благодарность.

Все осетины, от школьника, учительницы, продавца на базаре и до Президента Кокоты говорили о **Великой России**, о Святой Руси. За Россию молятся и переживают многие люди на земле, отнюдь не только русские по национальности.

Лет пятнадцать назад в Государственной Думе ко мне подошел один депутат и сказал: “Дорогие русские братья, боритесь за Россию, ведь если она исчезнет, то исчезнем, как индейцы, и мы, ваши младшие братья: тувинцы и хакасы, нас поглотят или американцы, или китайцы. Мы молимся за вас”. Да, за Россию молятся немало добрых и честных людей.

Молитва о народе русском

Не хочу заканчивать эти размышления броскими выводами. Надо семь раз отмерить. И придет время, когда один раз будет отрезано в нашем представлении о **Русском Деле**.

Я хочу обратиться к великой мистической и загадочной молитве. Конечно, не случайно, что она появилась не у нас в России. Россия в то время открыто не молилась. Ее чада сражались друг с другом. И только в далекой, отделенной стеной гражданской войны от России Югославии прозвучала эта великая молитва святителя Николая Сербского – молитва о русском народе:

Святитель Николай знал, сколько страданий обрушивалось на русских людей, независимо от того, в каком стане они находились. Он объяснял себе и другим, что страдания не напрасны.

“Знаем, Господи, Боже наш, что Ты по всеумудрому промыслу Своему допускаешь страдания избранных Твоих, чтобы, как золото на огне и через огонь страданий очистились от земли и еще больше засияли”.

Зная пределы в страданиях простых людей, святитель умоляет:

“**Но не допусти, Боже милости и любви**, чтобы Сатана долго насмехался, лицемеры долго издевались над **Твоим крестоносным народом русским**...”

“Православные знают, – молится святитель Николай, – что и Твое славное Воскресение, Христе, совершилось после поруганий, крестных мук и смерти...”

И далее в молитве звучит возвышающаяся великая надежда: “Поэтому мы в свете Твоего страдания воспринимаем мрак русского страдания и **ожидаем воскресную его славу**”.

Окончание молитвы укрепляет дух русских людей: “Ты Скоропоспешный на помощь. **Не отложи и не откажи**, но как милосердный самарянин, обратиться к народу русскому, подвергшемуся нападению от разбойников, всему избитому, и **подай ему руку, и исцели ему раны, и возврати ему здравие, сияние славы**, чтобы самый верный слуга Твой прославлял Тебя в будущем еще больше, чем славил Тебя в прошлом – Тебя, Спасителя своего, со Отцем и Духом Святым во веки веков. Аминь”.

Мы видим, как в сиянии многочисленных храмов восходит Божие милосердие на русский народ, но рядом еще царят страдания и муки. И от усилий, молитв, созидания православных, всех соотечественников зависит возвращение здравия и сияние славы русскому народу.

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Казалось бы, что у человека есть всё для абсолютного счастья: богатство, молодость, здоровье, красота. Что ещё нужно? Но при этом человек может чувствовать себя несчастным, как героиня рассказа Ивана Бунина “Чистый понедельник”. Ей мало всего этого. Всё, что она имеет, ей кажется жалким и несостоятельным. Она напряжённо ищет что-то героическое, самоотверженное и находит свой идеал в служении Богу. В “чистый понедельник” она расчиталась с миром, с любовью и любимым и ушла на великий постриг в монастырь.

Но, может быть, это непростительный грех, и поиски этой девушки с сильным характером просто очередная блажь?

Вспомним пушкинскую “Деревню”. Это исповедь человека, у которого тоже, казалось бы, всё есть для счастья, но который, тем не менее, не может быть счастливым, потому что “мысль ужасная здесь душу омрачает” — мысль о страданиях не личных — других людей.

Вот и Левин у Толстого, казалось бы, счастливый семьянин, здоровый человек, но был так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нём, и боялся ходить с ружьём, чтобы не застрелиться. Он был в мучительном разладе с самим собою и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него. При виде любимого, безнадежно больного брата одна была мысль — о смерти. Он не видел смысла в жизни, и для него впереди ничего не было, кроме страдания, смерти и вечного забвения.

Он понимал, что так нельзя жить, что надо либо объяснить свою жизнь, чтобы она не представлялась злой насмешкой какого-то дьявола, или застрелиться. И был счастлив только в те минуты, когда не думал о значении своей жизни, когда выполнял свои обязанности, которые ему необходимо было исполнять, и чувствовал уверенность, когда видел, что дело его необходимо, и это его спасало. А когда начинал размышлять, то чувствовал себя безумно несчастным: “Без знания того, что я такое и зачем я здесь, — нельзя жить”.

Когда он на покосе разговорился с подавальщиком Фёдором о том, кто может взять землю внаём, и тот сказал ему, что “если Митюха возьмёт, то это плохо, потому что он живёт, чтобы брюхо набивать, а вот Фоканыч — для души живёт, Бога помнит, живёт по правде”, — его поразили эти слова. “Жить для Бога, а не для своих нужд. Надо любить ближнего и не душить его”. И когда он пришёл к этим мыслям, он стал радостно слышать полноту своего сердца”. Он нашёл разрешение всего, и на этом кончились его страдания.

Но вот самого Толстого, особенно в конце жизни, разрывало противоречие, которое, казалось, было неразрешимым — провозглашал одни принципы, а жил по другим законам. Обострённое чувство греха превращало жизнь

Толстого в сплошную муку. Осудив дворянство за несправедливый образ жизни, он продолжал жить в помещичьей усадьбе, пользовался благами, которые предоставляло ему положение помещика.

Понятна нервная обстановка в доме Толстых, напряжённые отношения с женой. Софья Андреевна, как и положено матери, на которой держится род, отстаивает интересы детей, внуков. Она не раз покушалась на самоубийство. В конце концов Толстой ушёл из дома. Казалось бы, какая жестокость по отношению к семье и к жене, с которой прожил полвека. Но у него не было другой возможности утвердить свои убеждения. Своей жизнью он не хотел отталкивать людей от той истины, которая ему открылась и была дороже жизни, в служении которой он видел смысл бытия.

А в чём смысл жизни для современного человека?

Сейчас много говорят о смыслах. Слово это стало широко употребляемым и вобрало в себя многие оттенки. Но, может быть, заговорили о смыслах потому, что жизнь представляется совершенно бессмысленной? К сожалению, не видят смысла даже в служении Отечеству, считая, что эти слова звучат не искренне, пафосно. Но мы всё-таки будем говорить о смысле жизни в традиционном понимании. Так в чём же он?

Как нас хотят убедить – в потреблении, в удовольствиях, в личных достижениях, которые обещают красивую, благополучную жизнь. И кино, и ТВ, и все средства пропаганды направлены на то, чтобы убедить человека: зачем делать добро, переживать, если другому плохо, неуютно, бедно и голодно? Это по крайней мере наивно. И любое действие, если связано с протестом против неравенства людей, осуждается и властью, и обществом.

Люди, дескать, никогда не будут равны в богатстве, а естественный протест против тех, кто купается в роскоши, и борьба за права тех, кто живёт за чертой бедности (а их в нашей стране более сорока процентов, если верить статистике), – смешна и утопична. Уже в детское сознание впрыскивается яд равнодушия к бедам и несчастьям людей.

А ещё Ф. М. Достоевский в “Легенде о Великом Инквизиторе” утверждал, что “. . . тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Быть твёрдого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом всё были хлебы”.

Между тем, многие наши современники оказались в этой жизни без руля и ветрил, они не знают, зачем и для чего жить. . .

Я расскажу историю одной семьи, наблюдать которую мне пришлось непосредственно. Потому что я оказалась в самом центре событий и должна была как-то реагировать на происходящее. . .

. . . Его воспитывал дедушка, которого все уважительно звали Трофимыч. Отец мальчика рано умер от цирроза печени, а мать, актриса одного из московских театров, далеко не преуспевающего, уже лет десять как пыталась устроить свою личную жизнь. Дедушка взял внука жить к себе, чтобы не рос беспризорным и не видел беспутной, по его представлениям, жизни матери. В прошлом дед был машинистом, водил поезд от Москвы до самых до окраин, по Сибирской железной дороге.

Он много рассказывал внуку о своей молодости, о нелёгкой жизни, которая выпала на его долю, о послевоенной голодной юности и о своём отце, который пережил ГУЛАГ и вернулся с Колымы инвалидом. Но страшная жизнь в лагере не сломила его, не сделала антисоветчиком, он и по возвращении из ссылки оставался романтиком, верил в идеалы добра и справедливости. Мальчик страшно удивлялся, как это он мог говорить о жизни в советское время как о счастливой. Мальчик был в недоумении – ведь в школе и по ТВ он видел и слышал совсем другое – что не было семьи, где бы кого-нибудь не посадили или не расстреляли, что жили в вечном страхе, что магазины были пустые и стране постоянно грозил голодомор.

Дедушка Трофимыч вспоминал, как однажды начался пожар в топке, и его помощник испугался, на полном ходу спрыгнул с поезда и погиб под колёсами, а ему пришлось тушить пожар и он получил ожоги первой степени. Он тогда еле выжил, но любил рассказывать о том, как его пригласили в Кремль, чтобы вручить орден за проявленное мужество, ведь он спас поезд от крушения. Он гордился своей работой и был счастлив, что работу его и труд оценили так высоко.

Жили они с бабушкой в большой квартире, где было много книг и всевозможных сувениров, которые деду дарили в дни юбилеев и праздников. И хотя ему не удалось получить высшее образование: рано женился, надо было кормить семью, и сын требовал внимания, он тем не менее всегда вспоминал прошлое как самый счастливый период жизни. Может быть, к этому пришивалась ностальгия по молодости.

Зато сегодняшнее время не жаловал, постоянно сравнивал жизнь нынешнюю и прошлую, и отношения между людьми, которые, по его мнению, были раньше теплее, сердечнее, добрее. Он не был коммунистом, не ворчал и не злобствовал, но всегда аргументированно, с фактами доказывал, что нынешнее положение страны, разруха села, абсолютная зависимость от импорта, рост цен, нищенское существование пенсионеров, пропасть между богатыми и бедными – это трагическая страница нашей жизни, испытание, которое послано народу непонятно за какие грехи, и стоило ли ради этого ломать то, что было.

Но вот когда пришёл к нему его бывший сослуживец и подробно рассказал о забастовке машинистов электропоездов на Московской железной дороге, дед задумался и потом заметил: “А не завышенные ли у вас требования по зарплате, ведь вы и так немало получаете по сравнению со всеми остальными. Получается, что ваши обиды на власть только из-за зарплаты, а ничего другое вас не возмущает?” Коллега обиделся и начал доказывать деду, что профсоюзы на Западе выдвигают как главное требование – повышение зарплаты, а не какие-то химерные лозунги, вроде того, что не должно быть богачей и нищих. “Ведь ты же хорошо знаешь, что труд машиниста особый, максимальные нагрузки на нервы, ответственность какая”.

Целый день у них на кухне гремело радио “Эхо Москвы”, и ко мне через стенку доносились позывные этого радио: “Деньги не пахнут, что почём”. Всё, что вещали на этой станции, вызывало возмущение деда. Казалось бы, он должен был вместе с ведущими обличать все порядки в нашем царстве-государстве, быть заодно с ними, но у деда они вызывали полное неприятие своей откровенно предательской позицией по отношению к стране, где они живут и процветают. И он мне не раз говорил об этом, когда я просила его приглушить радио, сделать потише. А у внука, наоборот, всё, что говорили на этой станции, вызывало огромный интерес. Деда возмущало, что никто никого не привлекает к ответственности, когда, к примеру, продают за копейки землю в зоне, где земля стоит миллионы долларов. Продают, понятно, не простым смертным, а тем, кто ближе к власти.

А женщину, которая прожила в Москве десять лет, беременную, вместе с детьми выселили на улицу зимой. Что это? Полное равнодушие и презрение к людям.

“Раньше квартиры бесплатно получали те, кто в них нуждался, вот и мы получили, мне от работы дали, а сегодня, – возмущался дед, – кто может купить квартиру? Тот, кто честно работает, не может, хоть лоб разбей об стенку. Стоит безумные деньги, которых не заработаешь за всю жизнь. Зато те, у кого есть деньги, могут купить хоть десять. Можно ли честным путём заработать такие бешеные деньги? Разве наши отцы и деды за это отдавали свои жизни?”

Особенно возмутила деда статья в “МК”, в которой говорилось, как один замминистра обороны отхватил сотки у его знакомой на Рублёвке. Тут уж дед возмущался громко, звонил своей приятельнице, советовал, как поступить, куда идти жаловаться. А через несколько дней в той же газете появилось сообщение о том, как Президент Путин вместе с этим генералом восхищались образцами новой формы для военных, которые они заказали у модного кутюрье Юдашкина. Так Путин косвенно реабилитировал замминистра.

... Вопреки утверждениям, что молодёжь совершенно не интересуется политикой, ребята, приходившие к внуку, спорили и говорили именно о проблемах современной жизни, о власти, о порядках в стране и предстоящих выборах.

Потом смотрели по интернету пародийный фильм “День выборов” и долго обсуждали, что должен делать неравнодушный человек в подобной ситуации.

“Зачем мы держим наши деньги в американских банках, они ведь работают на их экономику, да и доллар так резко упал, и мы уже, наверное, на этом потеряли огромные денежки”, – недоумевали ребята. “Наши деньги в

наших кошельках”, — заметила мать мальчика, которая присутствовала при этом разговоре и которая была более реалистична, вернее, цинична, в оценке нашей жизни.

Кстати, на день рождения сына она подарила ему сотовый телефон. В классе, наверное, только у него и не было этой дорогой игрушки. Но мальчик телефон продал, а на вырученные деньги купил деду японский тонометр, а бабушке прибор для измерения сахара в крови, а оставшиеся деньги отдал соседке, у которой было семь человек детей и которая еле-еле сводила концы с концами. Муж беспробудно пил, а жена надрывалась на четырёх работах: мыла лестницы в подъезде, в соседнем кафе делала ночную уборку, вывозила мусор и скребла тротуары по утрам.

Когда мать нашего героя — его звали Андрей, пусть простит меня читатель, что я вовремя его не представила, — узнала, что сын продал телефон, она открыла томик Достоевского, который теперь таскала с собой, благо их театр собирался ставить “Бесы” в новом сезоне, и прочитала сыну строчки из романа: “Милостыня развращает и подающего и берущего и сверх того не достигает цели, потому что только усиливает нищенство”.

А в классе с ним учился сын прокурора, которого возили в школу на “Мерседесе” стоимостью чуть ли не в сто пятьдесят тысяч долларов, так оценивали ребята это транспортное средство. А своё 16-летие юный отпрыск служителя Фемиды отпраздновал в загородном доме, напоминавшем по масштабам дворец князя Юсупова, Приём был на царском уровне — и это на зарплату чиновника не самого высокого ранга. И всё это ребята видели и могли оценить, ведь не слепые и не глупые, и не равнодушные циники, для которых приемлемо всё, что не запрещено.

Все мы знаем евангельское “Не хлебом единым жив человек”, но вот наша жизнь для многих граждан, вопреки библейскому — стала борьбой за кусок хлеба, чтобы только выжить.

Соседи мои тоже жили не богато, на пенсию бабки с дедом. Но у матери Андрея старались брать денег как можно меньше, так как зарабатывала она в своём театре немного, а на её образ жизни нужны были совсем другие заработки.

Бабушка Андрея была очень рачительной и экономной хозяйкой и все свои силы посвятила созданию “безотходного производства”. Экономила буквально на всём, постоянно считала, выискивала магазины, где было на копейку дешевле. Чистила, резала так, чтобы, не дай Бог, шкурки и очистки от картофеля не были бы толще миллиметра.

Одна юная журналистка, чтобы добыть эксклюзивный материал, провела эксперимент, поставив перед собой трудную задачу: можно ли прожить на продукты, положенные нашими экономистами в “потребительскую корзину”. Так вот, она рассказала, что, прожив две недели такой жизнью, она чуть с ума не сошла от постоянных подсчётов и экономии, не говоря уже о том, что лишила себя фруктов и необходимых витаминов. Так что целый день хотела только спать. Бабушка Андрея, правда, с ума не сошла, но вся её жизнь теперь подчинилась одной цели — сэкономить. Мать Андрея старалась подбросить в эту корзинку кое-что из продуктов, не предусмотренных государством, хотя бабушка, привыкшая экономить буквально на всём, готова уже была считать чаинки, как дед Каширин в известном произведении М. Горького.

В одном из своих сочинений Андрей написал, и мать прочитала эти строчки вслух: “У нас проповедаются дарвинистские взгляды на жизнь человека. Нельзя возводить в норму социальное неравенство, спокойно смотреть на гибель и страдания людей как на естественный закон выживания сильнейших и отмирания слабейших”. На что мать сказала: “Тебе нужна ещё одна революция? Читай “Бесы”, и ты увидишь, какие мерзавцы, истинные бесы, делают революцию”. На это Андрей уже не робко, а совсем по-взрослому заметил: “Ваш новый режиссёр хочет, видно, выслужиться перед властью, потому и решил ставить “Бесов”, мечтает получить индульгенцию на все случаи жизни, но за это надо ещё раз пнуть революцию, что-нибудь охаять из прошлого, больше всего, видно, боится прослыть патриотом”.

Андрей мечтал поступить на философский факультет МГУ, он был чистый гуманитарий, но не из тех, кого мы называем гуманитариями, когда не даётся математика и физика. У него и по этим предметам были пятёрки, но его склад ума явно тяготел к анализу и глубинному пониманию процессов разви-

тия общества. Его не устраивал готовый результат, который остаётся только выучить, а он активно погружался в текст. Процесс постижения, проникновения, исследования был для него важнее, чем просто получить хорошую отметку за выученный материал. Но на Олимпиаде он никакого места не занял, и, познакомившись и разговорившись с ребятами, которые заняли какие-то места, понял, что школьных знаний и полученных на курсах мало, чтобы поступить в университет. Нужно заниматься только с преподавателями университета, но они берут большие деньги. Где их взять?

Незадолго до того к деду приезжала сестра из Углича посоветоваться, что делать: с её внуком случилась беда, его арестовали. Она позвонила поздно вечером и что-то путано говорила по телефону, и дед предложил ей приехать, искать правду в Москве. А случилось вот что. Её внук вместе с двумя приятелями стащили ящик, который лежал около продовольственной палатки. Рабочие разгрузили товар и скрылись в палатке, а шофёр тоже на минуту отошёл от ящиков. В это время ребята умыкнули один, решив “разговориться” колбасой или ещё какими-нибудь деликатесами, а возможно, и водкой. Но в ящике оказались коробки дорогих конфет, и, наевшись вдоволь, они решили подарить оставшееся учителям. Благо было близко 8 Марта. Кто-то увидел их и сообщил в милицию. Их задержали, они сознались в содеянном, и милиция стала искать “вещдоки” в школе. Оказалось, что эти конфеты учителя подарили врачам соседней поликлиники. Но и там сыщикам не удалось обнаружить следы преступления, потому как врачи направили сыщиков в соседний детский сад, где воспитатели и няни отмечали праздник чаем и этими конфетами. А те передаривать уже никому ничего не собирались, так как давно усвоили, что поесть за детей сладкое надо сразу же, потому что детям сладкое вредно, может развиться кариес.

Всё это вызвало бы только улыбку, так как события развивались по известному анекдоту, если бы не касалось судьбы близких людей и им бы не грозил срок. И это в то время, когда кругом, куда ни повернешь, крик стоит: “Воруют!”. Об этом не стесняясь говорят все, от соседа до Президента. Но никого до сих пор не поймали за руку, вернее, поймали, но... отпустили. Так, например, за присвоение миллионов долларов дали условный срок бывшему атомному министру Адамову, а вот мальчишкам за украденные коробки грозит тюремный срок, да и не малый, так как их действия рассматриваются как групповое хищение. А между тем нам внушают, что все равны перед законом и должны отвечать за совершённое преступление по всей строгости закона, не взирая на должность и положение.

Тётка с грустью рассказывала, что друзья внука, с которыми он всё время общался, не доведут его до добра. Стал выпивать, как бы наркотой не увлёкся, ведь почти вся молодёжь в городе или пьёт, или колется, но решила, что “чикиться” (на местном диалекте – отталкивать) внука нельзя, думала, что сам во всём разберётся. Потом добавила, что у них на левом берегу целая улица вымерла. Отравились алкоголем, который купили с рук. А тех, кто продавал, так и не нашли. Пьют мужики по-чёрному, а теперь и дети тоже. Работы нет, денег тоже, продукты стоят очень дорого, а водка дешёвая, вот и пьют до смерти от безделья и тоски.

Дед зашёл ко мне занять пять тысяч рублей, сказал, что сестре намекнули: если она хочет, чтобы дело внука закрыли, надо дать деньги. Дед, конечно, сомневался, что деньги помогут, но отказать ей не мог.

“Разворовывают всё – от земли в заповедниках до чистого воздуха в городах, и всё сходит с рук, а тут ящик с конфетами простить не хотят”, – сказал он с горечью.

Вот такую картину маслом, как сказал бы артист Машков, нарисовала наша жизнь сегодня.

В такой атмосфере рос мальчик, которому было не безразлично всё, что делалось в стране и возмущало деда. И всё-таки, несмотря на столь противоречивую и трагичную информацию о нашей жизни сегодня, он и его двое друзей из класса, которые постоянно бывали у них в доме, доказывали деду, что перестройка была необходима, что свобода, которую обрела страна, даст свои плоды в ближайшем будущем. Только надо изменить строй.

Дед не был коммунистом, в 1991 году в августе провёл ночь у Белого Дома, поверил Ельцину, а потом разочаровался, увидев то, что произошло.

“Ради чего, – вопрошал он, – страна не досчиталась четырнадцати миллионов своих граждан за эти семнадцать лет?”

Однажды дед пошёл прогуляться, плохо себя почувствовал и вернулся домой. Но беспокоить никого не хотел, тихо прошёл в свою комнату и прилёг на кровать. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, там собрались ребята, приятели внука. Они о чём-то спорили, и дед, не будучи любопытным, никогда не прислушивался к их разговорам, а тут всё услышал и был потрясён.

Оказывается, ребята организовали тайное общество, которое должно было бороться с существующим строем за справедливость.

“Смысл жизни, — говорили они, — не в том, чтобы есть и пить, а в том, чтобы люди имели равные возможности, и за это надо бороться, за это можно отдать жизнь”.

Дед ужаснулся, почувствовав свою огромную вину: слишком много критиковал власть, о плохом только и говорил. Нельзя этого было делать, ведь они ещё дети. Что делать? Могли бы участвовать в “Марше несогласных”, если хотя бы справедливости, даже примкнуть к “лимоновцам”, но не создавать же своё общество. Они размножились на принтере листовки, где призывали не мириться с существующими порядками — взяточничеством и мздоимством, бедностью и нищетой народа, воровством и казнокрадством власти.

И тут у деда случился сердечный приступ. Боли в сердце нарастали, и он больше не мог сдерживаться — застонал, завыл, закричал. Прибежали ребята, вызвали “скорую”. Дед лежал с закрытыми глазами, и чувствовалось, что ему очень плохо. Приехала “скорая”, сделала укол, боли чуть стихли, но уже следы вечности проступали на его лице. Сделали кардиограмму, инфаркт подтвердился, надо было везти в больницу, но врач сказал, что состояние тяжёлое, могут не довести.

Внук держал деда за руку и еле сдерживал слёзы. Это был самый близкий, самый дорогой для него человек на свете. Приближение беды, невосполнимой потери, щемящее чувство жалости переполняли парня. И тут вдруг дед открыл глаза и тихо, еле слышно произнёс: “Я во всём виноват. Поклянись мне — это моя просьба к тебе, что ты порвёшь с ними, что ты выберешь другую дорогу сопротивления, не пойдёшь против власти”. Это были его последние слова. Потом он захрипел и откинул голову назад.

Внук сдержал слово и выполнил предсмертную просьбу деда. Так распалось тайное общество, не успевшее открыто заявить о себе. Но на этом история не закончилась. Тот, кто не может спокойно взирать на беды своих сограждан, кто видит смысл жизни в помощи и сострадании к ближнему, не будет довольствоваться бутылкой пива, пить и веселиться, боясь упустить птицу счастья. А недавно я увидела его по ТВ рядом с Зюгановым. Он нёс транспарант, на котором было написано: “За справедливость и равенство”.

* * *

Известный московский учитель С. А. Айзерман предложил десятиклассникам выпуска 1993-го и 1995 годов ответить письменно на вопрос по рассказу Чехова “Крыжовник”: почему для Ивана Ивановича Чимши-Гималайского нет более тяжёлого зрелища, чем видеть счастливое семейство, сидящее вокруг стола и пьющее чай? Хотя должно было быть всё наоборот. И вот что ответили десятиклассники:

“Плохо не то, что есть счастливые люди, плохо то, что они не замечают несчастливых. Для них главное — чай, всё остальное — второстепенное”.

“Счастливая семья не будет думать о других, которым плохо, а будет думать о своём чае. Кругом невозможная бедность, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие. Люди должны возмущаться, а они сидят и пьют чай”.

“Для Ивана Ивановича нет более тяжёлого зрелища, потому что он видит “наглость и праздность сильных, невежество, скотоподобие слабых”, видит, что кругом “бедность невозможная”. И поэтому он не может спокойно смотреть на счастливых, беззаботных людей, которые не видят чужих страданий и боли”.

“Чехов не принимает счастливое семейство, пьющее чай, потому что оно равнодушно к чужой боли. Отрицание счастья, как высшего смысла человеческой жизни, было не само по себе, а потому что невозможно быть счастливым, когда страдает подавляющее большинство народа”.

Такие ответы были характерны для выпускников 1995 года.

“А что сегодня пишут десятиклассники, отвечая на Ваш вопрос по этому рассказу Чехова?” – спросила я у Айзермана. Сейчас он преподаёт в классах, которые ориентированы на медицинский институт. И здесь лейтмотив сочинений был таков:

“Надо поступать так, как выгодно тебе...”

“На чужую боль не надо реагировать...”

Десять–пятнадцать лет назад мы не слышали ничего подобного! Так ответили девять человек из двадцати пяти тех, кто собирался стать врачом. Но может быть, это потому, что сейчас говорить можно всё, и сочинения стали менее формальными и более искренними?

И всё-таки пусть их было мало, единицы, но были и такие ответы:

“Мне стыдно так жить в стране, где старость – это бедность, несчастье, где миллионы беспризорников, хотя у нас не послевоенные годы, где беременную женщину могут выселить с детьми из квартиры зимой на улицу, где людям не хватает денег даже на самые необходимые продукты”.

Так рассказ Чехова, вопреки утверждениям псевдолибералов, что классика для современного человека не интересна, не только не устарел, он становится всё более поучительным и современным.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Публикация Станислава Юрьевича Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста” вызвала у наших читателей необычный для нашего времени интерес. В течение 2010 года в редакцию пришло несколько десятков различных откликов – начиная от коротких и эмоциональных до многостраничных писем и даже серьёзных исторических исследований объёмом в несколько печатных листов; некоторые из них в будущем могут появиться на страницах журнала.

Мы предлагаем читателям “Нашего современника” первую подачу такого рода откликов, которые мы расцениваем как естественное продолжение столь злободневного разговора, отражающего начитанность и зрелость нашего гражданского общества. Не лишне будет отметить, что в числе наших новых авторов выступают люди самых разных национальностей – русские, белорусы, выходцы из Северного Кавказа, евреи и даже потомки древних хазар.

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Восхищался и не перестаю восхищаться Вашей – даже не публицистикой, а проповедью, доверительной беседой большого писателя, – одним словом, настоящей прозой, сопоставимой по жанру с “Дневником писателя” Ф. М. Достоевского, с его острыми темами, глубокими выводами, русским чувством. Не говорю уж об аргументированности, новых фактах: важно, что рядом с ними дышит поэтическая душа, полная эмоций, ассоциаций, литературных образов, а это ещё доказательнее. Чувство оптимизма, охватывающее при чтении любой Вашей публикации, ощущение битвы и победы, торжества добра над злом; неожиданные штрихи, бьющие не в бровь, а в глаз, неповторимый юмор (лучшее оружие против “ветхозаветных” персонажей) – это почерк большого художника, этого так не хватает в наше время столь многим. Вот отчего Ваша оценка моего скромного труда – особая честь и высшая похвала для меня.

Конечно, мы всей семьёй уже читали – и “Стас уполномочен заявить”, и “Шляхта и мы” – ещё при публикации в “Нашем современнике”; помню, ждали с тем же нетерпением, с каким ждём теперь каждый номер со “Жрецами и жертвами Холокоста”. Но как отрадно перечитать всё это в книгах, да ещё подписанных Вашей рукой! К тому же супруга как раз искала “Шляхту” в книжных магазинах именно как книгу, и не могла найти...

“Жрецы и жертвы Холокоста” обещают стать лучшим (если позволительно так говорить) Вашим произведением. Именно такой беседы, такого развота, такого всеохватного анализа тема и заслуживает. А образы, характеры! В “Жрецах” вижу движение от конкретных образов – к собирательным, от имён собственных – к нарицательным. Ловлю себя на мысли, будто это уже было со мной, будто встречал, видел в своей жизни: и эту “беззащитную” журналистку самой прогрессивной национальности (которая потом ещё ох как покажет себя, ох как заблагоухает!), и громилу-прибалта, у которого щёлкнул в голове какой-то генетический тумблер, и он идёт, ничего не замечая, сте-

реть в порошок милые, прогрессивные черты... Типажи выписаны ярко, при том, что в большинстве это “мёртвые души”, — они не залиты с размаху чёрной краской, в них, как и у гоголевских “душ”, много человеческого. Подобно Ч. Диккенсу, автор не боится являть публике и самых закоренелых злодеев во всей их “красе”: порочность их побеждается лучами остроумнейшей сатиры. Главное же, разговор об этих (анти)героях новой русской действительности давно назрел, т. к. они, по выражению Л. Н. Гумилёва, “кишат”, и не замечать их — значит не быть писателем-реалистом. Конечно, известные круги до конца света будут ненавидеть Диккенса за его Феджина в “Оливере Твисте”, но писатель честен перед Богом и собой, он исполнил долг: показал обличье, манеры, уловки, обиталища — и генезис, и национальность организаторов английской преступной среды. Так и автор “Жрецов и жертв Холокоста” следует законам правды и реализма, живописуя факты современной жизни христианских народов с прихлынувшим в неё иноверческим элементом. Погружая читателя подчас в бездны, он абсолютно правомерно дистанцируется от своих антигероев, как Гулливер от лилипутов, и даёт им верный диагноз. Вот списывают друг у друга “холокостные плачи” верхи российской демократии во главе с Матвиенко, и, помимо лицемерия и флюгерности, мы видим откровенную “троечность”, серость недоучек; а вот маршируют эсэсовцы — но что-то до боли знакомое в лицах: в карих или слиском уж голубых глазах “нацистов”. “Память”, РНЕ, НБП... Как жадно, совсем по Розанову, вынюхивают они кровь и всё, что с нею связано. И сколько ещё “неонацистов”, “русских фашистов”, “черносотенцев” самой прогрессивной национальности готовы встать сегодня в строй (не на фронт, конечно), чуть только запахнет жареным! Будут и в рясах — вроде любителя Власова “отца” Георгия Митрофанова. И он, увы, не одинок: массовая мимикрия уже началась, как в средневековой Испании. Долго, долго ещё мужику чесать лоб и разгадывать этих “батюшек”... Однако диагноз “кусания себя за хвост”, самопожирания — абсолютно верный и обнадеживающий.

И. Ф. Прийма
С. Петербург

* * *

...”У Израиля есть неплохие наработки в деле поиска и ликвидации нацистских преступников. Может быть, этим опытом Израиль поделится с Россией, чтобы она могла эффективно бороться с фальсификаторами истории?” — пошутил вице-президент Центра политических технологий Сергей Михеев.

Настроившись на более серьёзный лад, эксперт предположил, что поводом для данного заявления могла стать набирающая в последнее время силу тенденция пересмотра трактовок некоторых эпизодов Второй мировой войны. Особенно она заметна в странах Восточной Европы. “Это не может не тревожить Израиль. У Москвы этот тренд тоже вызывает беспокойство. Поэтому здесь есть точка для соприкосновения интересов двух стран”, — сказал Михеев (GZT.RU).

“Антисемит Степан Бандера недавно был объявлен героем Украины. Но что-то Израиль не спешит вводить санкции против Киева или рвать с ним отношения”, — напомнил политолог.

В Палестине, где в годы Второй Мировой войны уже существовала значительная еврейская (только частью — иудейская) община, жизнь шла своим чередом. Евреи воевали с арабами за землю, а с англичанами, кому принадлежала подмандатная Палестина — за независимость. Сейчас апологеты Холокоста талдычат нам, что палестинские евреи разделились на сторонников борьбы с Англией и сторонников временного перемирия — пока та воюет с нацистами, но... Стоит взглянуть на культуру: книги, пьесы, постановки. Ни слова о том, что сейчас “русские” евреи называют “Трагедией” с большой буквы. И ещё несколько лет после окончания войны никто и не хотел вспоминать, что, мол, в лагерях в войну погибло множество евреев. Возможно, этот небольшой факт только подтверждает слова некоторых исследователей о том, что еврейству вообще, т. е. мировому еврейству, было большей частью на-

плевать на тех, кто отказался эмигрировать из Рейха: “Не хотите строить Израиль — и чёрт с вами!”

Ярославна (интернет)

* * *

С 1 по 6 номер за 2010 год журнал “Наш современник” публикует книгу Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”. Прodelана вдумчивая, кропотливая, аргументированная работа, все факты подтверждены цитатами из серьёзных источников. Это — исторический материал.

М. Шамсутдинова
Москва

* * *

Твою работу я с большим интересом прочитал. Книге этой суждено будет стать настольной для всех, кто захочет узнать подлинную правду о Холокосте. Ты подвигнул меня на то, что я стал перечитывать, а вернее, читать заново Ветхий завет. Нужна бы ещё одна книга о “холокосте” репрессий 30–40-х годов. В. Кожин писал об этом. Но нужна отдельная книга со всеми доказательствами и цифрами. Среди так называемых репрессированных добрая половина тех, кто прежде как раз и занимался репрессиями. К примеру, был такой деятель и в Воронеже, пересаженный почти всю партийную элиту. После его перевели в Днепропетровск и там самого посадили. Он что — тоже репрессированный? Кроме тебя, написать такую книгу некому.

Посылаю тебе фотографию Юры Беличенко и его жены Валентины, где с ними изображён злополучный Валентин Ерашов, о котором ты пишешь в главе “Фильмы и мифы”. По моим предположениям, “еврейские ноги” у Ерашова растут вот откуда. В 60-е годы почти вся писательская организация Калининграда состояла из евреев (Сергей Снегов, Вольф Долгий, Сэм Симкин и т. д.). Возглавлял же эту организацию Валентин Петрович Ерашов. Вот тогда, по-видимому, он и проникся соответствующим духом.

И. Евсеенко, писатель
г. Воронеж

* * *

Читаю о Холокосте и возмущаюсь... Вожди революции и советской власти до середины 30-х годов, уничтожавшие русских — это же “предки” Гербер и Брода, которые списывают эти жертвы на Сталина

*Предъявлен счёт за Холокост
и с немцев, с их страны долг взыскан,
но нам за русский наш погост
пора взыскать долги с троцкистов.*

Н. Ситников
г. Сочи

* * *

Я сразу хочу заявить, что я не антисемит и не антиеврей. Но посмотрим, кто кого “холокостил”, в чьих руках были все властные структуры. Верхушка Рейха была из людей с еврейской кровью. Гитлеровский рейх был создан на деньги еврейских банкиров. Евреи сами себе враги и должны сами разби-

раться со своими сумасшедшими единокровниками. Обратите внимание на слова еврейского пророка Иеремии, сказанные о евреях: “Они умны на зло, а добра они делать не умеют”. Надо всем, кто считает себя христианином, понять, кого Христос считал самой большой опасностью <...> Жила-была в Сербии нормальная еврейская девочка, которую сербы спасли во время Второй мировой войны, потом из этой девочки выросла Мадлен Олбрайт, давшая команду американской авиации бомбить сербов в пух и прах.

М. Семёнов
Москва

* * *

Понятия “антисемитизм”, “антисемит” и “Россия”, “русский человек” несовместны по самой своей сути. Он, русский человек, по душе своей, по менталитету своему, как теперь принято говорить, подлинно и глубоко интернационален.

Я мог бы привести десятки доводов в своём отклике на яркую, убедительную, аргументированную книгу Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста” в пользу своего, только что высказанного тезиса, но ограничусь хотя бы тремя примерами.

Я до сих пор почти во всех деталях помню великолепное южное лето 1970 года, когда я отдыхал в Доме творчества в Одессе, куда в те годы въезд, отдых и работа над рукописями были свободными и гарантированными для любого члена Союза писателей СССР, будь он хоть с Камчатки, хоть из Ленинграда.

Вот и у меня, сибирского русака, сложились там тёплые, дружеские отношения с калмыцким поэтом Тимофеем Бембеевым, даргинским писателем Ахмедханом Абу-Бакаром и украинским поэтом Василием Фольварочным. Наша дружная “четвёрка” охотно и подробно делилась друг с другом впечатлениями из своей жизни, мы рассказывали о своих родных краях (Кавказ, Калмыкия, Украина, Сибирь), проводили дружеские застолья, читали друг другу свои новые произведения – и никакого размежевания, никаких раздоров, размолвок у нас ни разу не было. Это и был настоящий советский патриотизм в писательском кругу. И я, русский человек, до сих пор, через прошедшие десятилетия, с особым теплом вспоминаю те замечательные дни в Доме творчества. Наши беседы, наши прогулки по Чёрному морю на великолепном красавце-теплоходе “Шота Руставели” – заметим, что судно, приписанное к одесскому порту, носило имя великого грузинского поэта.

Тем далёким летом, жарким днём я возвращался с Золотого пляжа. Было обеденное время, а на выходе с пляжа находился газетно-книжный киоск. Я подошёл к нему посмотреть и, возможно, что-нибудь купить.

Среди продаваемых книг я увидел новый сборник Ларисы Васильевой “Лыная луна”. Поэтессе эту я читал, ценил и захотел купить это издание. Однако был обеденный перерыв, и прямо в киоске еврейская девушка ела свой бутерброд.

Однако, увидев меня, равнодушно глядящего на книги, девушка немедленно прервала еду, открыла киоск и спросила меня, что я хочу купить?

Книга была куплена, я поблагодарил продавщицу, извинившись за то, что оторвал её от обеда.

Вы, вероятно, скажете – мелочь, пустяк, а я вот до сих пор помню этот случай, и просто негодует моя душа, всё моё существо, когда меня, русского человека, называют (могут назвать) антисемитом. Повторю – русская душа открыта всем людям, способным делать добро, отвечать на добро добром.

И после написания отклика на книгу С. Ю. Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста” я вспомнил простое и точное определение писателя, которое годится, мне кажется, для характеристики подавляющего большинства всех нас, русских людей. С этим определением, увы, невозможно поспорить – “доверчивые гой”. И здесь мне хочется процитировать небольшую, но поразительно ёмкий отрывок из книги: *“Когда жрецы Холокоста утверждают, что он уникален, непознаваем и неповторим, что он случился в XX веке и ничего такого*

в прошлом не было и ничего подобного в грядущем уже не будет, они лукавят, обманывая доверчивых гоев, дабы ошеломить их таинственным величием новой религии, которую умом не понять и в которую можно только верить” (“Наш современник”, 2010, № 3, стр. 202).

Конечно, мне, как читателю этой замечательной книги, досадно, что этот крохотный кусочек нельзя продолжить ещё несколькими (многими, им не будет числа!) фрагментами! Ведь мои короткие заметки – всего лишь немедленный отклик на прочитанные главы книги, опубликованные в журнале “Наш современник”.

И свои заметки я закончу вполне убеждённым выводом, который я адресую всем и каждому честному и мыслящему человеку – всем живущим ныне и нашим потомкам: Эту книгу надо прочитать, продумать и помнить о том, что сказал всем нам в ней наш замечательный современник – писатель Станислав Юрьевич Куняев.

Владимир МАКАРОВ,
член Союза писателей России,
кандидат меднаук, доцент
г. Омск

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Хотел бы обратить внимание на Ваши комментарии к высказыванию молодого Гитлера, когда он начал работать в тюрьме над своей книгой “Майн кампф”, в вашем блистательном историческом исследовании “Жрецы и жертвы Холокоста”, в сентябрьском номере “НС” № 9. На странице 149 Вы пишете, что “...он (Гитлер) резал напрапалую правду-матку, перемешивая её с грубой пропагандистской ложью...”

В приводимой далее Вами цитате, по-моему, нет “грубой пропагандистской лжи”, как Вы написали. Если Вы хотите сказать о преступной роли Гитлера в Великой Отечественной, то он и так в глазах советского народа и русских людей останется как убийца и палач народов. А вот в приведённой Вами цитате, как мне кажется, всё сплошная “голая” правда-матка. И вряд ли её можно квалифицировать как “грубая пропагандистская ложь”.

Не ради красного словца он употребил цифру 30 миллионов, которую Вы в своём комментарии называете “немыслимой”. Он начинал писать книгу в тюрьме в 1923 году, уже обладая информацией “сефарда” лорда Сиденхэма, который именно в 1923 году в своей речи, произнесённой в Палате лордов английского парламента, сказал о большевистской революции, что “...уничтожение в России под еврейским руководством более 30 миллионов христиан – это наиболее ужасное преступление в истории” (Т. Грачёва, “Проект Хазария”, с. 287). Не зря, видимо, такое поразительное совпадение в цифре 30 миллионов у полукровки фюрера и лорда-сефарда.

И никакой “немыслимой цифры” здесь нет, если Вы ещё обратитесь к работе уважаемого Вами В. Кожина “Тайна 37-го” (с. 64), где он приводит официальные статистические данные троцкистского правительства, понимая, насколько они занижены: “...Понятно, что из 37,5 миллиона людей, умерших за первое десятилетие после 1917 года (не считая детей до 10 лет), многие ушли из жизни в силу “естественной” смертности, но около 20 миллионов были жертвами Революции (во всём объёме этого явления). Даже по официальной статистике, к концу 1922 года в стране было 7 миллионов (!) беспризорных – то есть лишившихся обоих родителей – детей...”. Если сделать статистическую поправку на “коэффициент лжи” троцкистов, то и у Кожина будет 30 миллионов.

Совсем недавно мне попала в руки книга “Вторая мировая – Великая Отечественная”, Н. Ставров, Москва-2006. В первом томе на стр. 93 я нахожу ещё раз подтверждающие цифры – 29,5 млн человек за период 1918–1923.

А Вы говорите “немыслимо”!

По поводу второго вашего утверждения о том, что Гитлер перепутал Германию с Россией, мне кажется, что это наше незнание информации, которой

располагал Гитлер. Некоторая “наша” неточность: Гитлер знал, что говорил. Потому, что “биржевые бандиты” составляли основное ядро “новой власти”, которая расплачивалась за границей горстями бриллиантов, изъятых у убиенной русской цивилизации. И нет никакой разницы между “биржевыми бандитами” и “пламенными революционерами”, руководимыми бешеной религиозной ненавистью к русскому православию.

И последнее. Может, правильно было бы Вам, как историку, глубоко изучившему материалы русских и зарубежных авторов и решившемуся поднять такую сложную и табуированную тему, — так же, как Семён Файн из Нью-Йорка, предъявить еврейскому миру счёт за геноцид 30 миллионов русских православных христиан, уничтоженных “под еврейским руководством” в период Гражданской войны в России 1918–1923 гг.

Или такая постановка вопроса никому в мире непосильна?

P. S. Пока готовил Вам маленькую заметку, подоспел № 10 “НС” (стр. 155–156), где Вы в стихотворной форме дали ответ “о предъявлении счетов за геноцид русских”:

*...Я вспомнил про русскую долю, которая мне суждена, —
Смирять озверевшую волю, коль кровопролитна она.
Очнитесь! Я старую рану не стану при всех растравлять,
И как не печалью, — не стану свой счёт никому предъявлять.
Мы павших своих не считали, мы кровную месть не блюди
И только поэтому стали последней надеждой земли...*

Конечно, понимаю, что ответ Ваш дан в поэтической, очень красивой, полновесной концепции “истинного православия”. Я тоже хочу стать православным. Но православные прощают врагов своих, но не Божьих.

Хотите, чтобы “последняя надежда земли” ушла в небытие, не сопротивляясь русофобской мафии? А в пример ставите палестинских арабов? Странная позиция, не правда ли, Станислав Юрьевич?

Или я во что-то не посвящён, или просто “провинциал” не в теме?

М. Терентьев
г. Миасс

* * *

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Прежде читал ряд Ваших очерков. И вот пришёл новый номер “Нашего современника”, начало Вашего материала о “Холокосте” (почему-то все пишут об этой провокации с большой буквы?!). Тема эта не может оставить равнодушным любого совестливого человека, особенно русского. Нынче, слава Богу, стали говорить на эту тему более открыто. Не все, конечно. “Страх иудейский” ещё живёт и процветает с двадцатых годов... Спасибо за Вашу неустранимость!

Готовлю к изданию вторую книгу о русской эмиграции в Венесуэле. В уцелевших старых бумагах мне попалась статья американского журналиста Ховарда Рэнда, в которой он описывает прибытие малого народа на земли Палестины в 1948 году и то, чем они там занялись. Сразу учинили бойню арабов, расширяя жизненное пространство, превзойдя в своих жестокостях гитлеровцев.

В “Волшебном круге” привожу выписки из газетного материала Х. Рэнда (стр. 33–35). Бесчинства эти миру известны, но документальное свидетельство может быть, Вам не попадалось. Газета выходила в Аргентине.

Посылаю Вам на память свою книгу: только что вышла. Предыдущую, “Огненный крест”, посылаю ранее и получал от Вас письмо и ответный подарок — “Поэзия. Судьба. Россия”. Спасибо!

Ну, а в Венесуэле после свержения “диктатора” Переса Хименеса они тоже поработали. Чавесу приходится сейчас разгрести плоды этой деятельности... Всего Вам доброго.

Н. Денисов
Тюмень

* * *

Спасибо огромное за Ваш журнал, за Ваше бесстрашное произведение о “Жрецах...”

Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена!

С глубочайшим почтением

В. Посохов
г. Вейделевка

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

С большим волнением и интересом я прочитала Вашу публикацию в журнале “Наш современник” “Жрецы и жертвы Холокоста”, которая меня тронула до глубины души.

Прежде всего я хочу Вам сказать огромное спасибо за “Брызги шампанского”.

Я, Силкина (Полоцкая) Зинаида Ароновна, 1941 г., педагог. Образование высшее – Минский пединститут, факультет дошкольной педагогики и психологии. Пионервожатая, воспитатель, заведующая детским садом, методист райгороно. Сейчас руковожу литературным объединением “Лира” Красноармейского РДК.

Моя мама была учителем начальных классов. До войны в Крыму (Джанкой) она окончила еврейскую семилетку. Учась в Москве, посещала еврейские театры. А в моём возрасте в нашей еврейской общине (она была создана в 1999 г.) никто не знает еврейского языка. Отец мой погиб в 1943 г. под Колпино. В 1950 г. было перемещение учителей из Восточной (Гомельская обл.) в Западную Белоруссию. Она вторично вышла замуж. Отчим тоже участник войны, был редактором районной газеты. Отчим понимал по-еврейски, но разговаривать не умел. Да и тогда нигде почти не звучала еврейская речь. Евреи ассимилировались. Так что всё то, что Вы пишете о Западной Белоруссии – я всё испытала на себе.

Я хочу рассказать Вам о том, что 21–26 октября 1999 г. в г. Саратове проходили Дни Швеции. Шведское правительство устроило презентацию книги Е. Эйнхорна “Избранный выжить” в музее К. Федина. Сергей Викторович Штерн, переводчик и журналист, был в составе этой делегации. Представители Саратовского хеседа тоже присутствовали на этой встрече и сообщили С. В. Штерну, что в Красноармейске живёт ветеран Великой Отечественной войны Михаил Наумович Зубин, который участвовал в освобождении Польши. Сергей Штерн со своей супругой Татьяной приехали в Красноармейск и передали Михаилу Наумовичу книгу “Избранный выжить” по просьбе Ержи Эйнхорна, председателя нобелевского комитета по медицине, так как он очень хотел найти хоть кого-то из тех воинов, которые освободили его из гитлеровского концлагеря. Посылаю Вам свой материал об этом событии.

С глубоким уважением к Вам

Зинаида Силкина

СПАСЁННЫЙ ИЗ ГЕТТО

... Шёл 1945 год. В застенках Ченстоховского гетто ожидали своей нелёгкой участи тысячи евреев и поляков. Судьба их была предрешена. На железнодорожной станции стояли товарные вагоны, готовые к отправке узников в Трелинку для уничтожения в газовых камерах.

Михаил уверенно вёл свой танк. Пехота и тыловые укрепления, которые шли за танками, отстали. Надо было во что бы то ни стало не дать немцам уйти. И он принимает решение: идти без поддержки пехоты на прорыв в обход отступающих немецких войск.

Немцы, испугавшись, что путь к отступлению будет отрезан, в спешке бе-

жали, побросав всё. А его подразделение, прорвав оборону, выстроилось у моста в полной боевой готовности. И вдруг танкисты увидели толпу бегущих к ним измождённых и измученных людей. Со слезами на глазах они обнимали и благодарили своих освободителей. Смешалось разногласие польской, русской, еврейской речи.

К Михаилу подошёл невысокий, среднего роста паренёк.

– Товарищ старший лейтенант, спасибо вам, – сказал он на ломаном русском языке и показал свой номер 3170, нашитый на полосатой пижаме.

– Я верил в чудо, я не хотел поддаваться панике. Если бы не вы, нас утром увезли бы в Треблинку и уничтожили. Вы спасли нам жизнь.

И кто бы мог подумать, что эта встреча в польском городе Ченстохово будет иметь продолжение?

...К небольшому домику на Октябрьской улице подъехала машина. Встречая гостей из Швеции, хозяин дома Михаил Наумович Зубин не догадывался о цели их визита. Всё объяснил Сергей Викторович Штерн, прибывший в составе шведской делегации со своей супругой, Они привезли книгу шведского врача, профессора-онколога Ержи Эйнхорна “Избранный выжить”. Как оказалось, это и был тот самый паренёк под номером 3170. На первой странице автограф: “Глубокоуважаемому Михаилу Наумовичу Зубину и его семье от автора перевода книги и от спасённого им автора – Ержи Эйнхорна”.

Михаил Наумович вспомнил тот бой, польский город Ченстохово, отчаявшихся, измученных узников, на которых невозможно было смотреть без содрогания.

О том, как сложилась жизнь польского юноши, пережившего ужасы гетто и концлагеря, написал Ержи Эйнхорн в своей книге “Избранный выжить”.

Михаил Наумович бережно листает книгу, и его внимание привлекают такие строчки. “...Я буду всегда, до конца дней моих, с благодарностью вспоминать этих юных, смертельно уставших русских танкистов, великий русский народ, который сам, истекая кровью, переломил хребет казавшейся непобедимой немецкой армии”. Если бы русские танкисты не успели вовремя, мир не узнал бы великого гуманиста и мыслителя Ержи Эйнхорна, спасшего от рака сотни своих пациентов.

Я присутствовала на встрече Сергея Штерна и его супруги Татьяны с семьёй Михаила Наумовича Зубина, которого, к сожалению, уже нет в живых. В семье бережно хранят книгу Ержи Эйнхорна “Избранный выжить”. И я прочитала её на одном дыхании. Моё внимание привлекла фотография из книги: колючей проволокой обнесённое гетто и старый клён. Гетто уже нет, а клён стоит на том же месте.

* * *

Здравствуйте, Станислав Юрьевич. Благодарю Вас за ранее напечатанные стихи. Вы этим поднимаете мой дух. У провинциальных поэтов ведь очень мало шансов опубликоваться в столичном журнале, поэтому нам ценно любое благосклонство популярных изданий.

А ещё спасибо за разгром Холокоста. Своими статьями Вы вошли в мировую публицистику. Здорово! С нетерпением жду продолжения. Неужели народ не оценит Вашего подвига?! Все трезвые люди оценили это на “ура!”

Крепко жму Вашу мужественную руку.

В. Андреев
г. Нижневартовск

* * *

Отрывки из 40-страничной рукописи Е. СИНАДСКОГО “Преодолеть страшное наваждение”.

“Обратимся к числу жертв, принесённых бедными евреями на кровавый нацистский алтарь. Для этого рассмотрим динамику изменения этих цифр на примере самого крупного гитлеровского концлагеря Освенцима. 1) Там было

уничтожено 8 миллионов человек – согласно опубликованному в 1945 году сообщению французского ведомства по изучению военных преступлений. 2) 7 миллионов человек – согласно свидетельству заключённого Рафаила Фейдельсона. 3) 6 миллионов, согласно еврейскому издателю Тиберию Кремеру. 4) 5 миллионов человек, из них 4,5 млн евреев, согласно “Le Monde” от 20 апреля 1978 года. 5) 4 млн – согласно Нюрнбергскому трибуналу. 6) 3,5 млн отравленных газом – из них 95% евреи, согласно режиссёру Клоду Ланцману. 7) 3,5 млн человек отравлены газом только до 1 декабря 1943 года, согласно признанию первого коменданта Освенцима Рудольфа Гесса. 8) 2,5 млн человек, согласно свидетельству заключённого Рудольфа Врбы. 9) 2–3 млн убитых евреев и тысячи не евреев, согласно признанию эсэсовца Пери Бродда. 10) 1,5–3,5 млн евреев отравлено только между апрелем 1942 года и апрелем 1944 года, согласно заявлению одного из сионистских историков, а по совместительству “эксперта по Холокосту” Йегуды Бауэра, сделанному им в 1982 году. 11) 2 млн отравленных газом евреев, согласно свидетельству Люси Давидович. 12) 1,6 млн человек, из них 1 352 980 евреев, согласно заявлению Йегуды Бауэра, сделанному в 1989 году. 13) 1,5 млн человек согласно заявлению польского правительства, сделанному в 1995 году. 14) Около 1,125 млн человек и из них 1 млн евреев, согласно заявлению Рауля Хильберга. 15) 1–1,5 млн человек, согласно заявлению Ж.-К. Прессака, сделанному в 1989 году. 16) 800–900 тысяч человек, согласно еврейскому историку Геральду Рейтлингу. 17) 775–800 тысяч человек, из них 630 тысяч отравленных газом евреев, согласно заявлению Ж.-К. Прессака, сделанному в 1994 году.

Если подвести черту под этим фонтаном миллионов жертв, то на чём останowitzя? На какой цифре? Число жертв в Освенциме всё уменьшается, а цифра “Холокоста” в 6 миллионов живёт и торжествует. Откуда она выползла? Наум Гольдман ещё в 1942 году заявил, что примерно из 8 миллионов евреев, находившихся на оккупированных фашистами территориях, уничтожено от 5 до 6 миллионов.

* * *

Вот, что выяснилось на процессе эсэсовского людоеда Отто Адольфа Эйхмана: 1. “Еврейские зондеркоманды всегда нанимались для непосредственного (!) процесса (!) убийства (!), они совершали криминальные преступления, “чтобы уберечь себя от смертельной опасности”. 2. Сам Эйхман работал в самой тесной связи с Еврейским Советом. Они совместно решали, кого из евреев направлять в каждый железнодорожный состав для отправки на каторжные работы в лагеря смерти. Отбор шёл очень грамотный. На работы отправлялись неполноценные старики, старухи, дети, больные, ослабленные, слабоумные, люди без профессии. криминальный элемент, люди ненужных профессий и т. д. А остальные, здоровые, сильные, молодые, хорошо обученные, обладающие нужными профессиями мужчины и женщины отсортировывались и за небольшую мзду выкупались и отправлялись в “землю обетованную”, где из них формировались зондеркоманды Шарона и Бегина, но уже для работы с “неполноценными” арабами Палестины! 3. Далее (цитирую Ханну Арендт: “Хорошо известный факт, что в действительности работы в центрах по уничтожению находились в руках еврейских диверсионных отрядов (Гейдриха)... Они работали в газовых камерах и крематориях, они... вытаскивали золотые зубы и отрезали волосы у трупов...” 4. “В Аушвице много греческих евреев были наняты в так называемые отряды смерти, которые возглавляли работу в газовых камерах крематория”. “Судья Ятзак Равех дознал от свидетелей сопротивления, что “полиция в гетто” была орудием в руках убийц, и официально подтвердил сотрудничество юденсрат-политики с нацистами; и судья Халеви узнал от Эйхмана на перекрёстном допросе, что нацисты рассматривали это сотрудничество как основу, фундамент еврейской политики”.

Е. Синадский,
Г. Москва

Из рукописи Ю. ПЕРМИНОВА “Творцы и слуги Холокоста”.

“Привлекает к себе внимание рекламная кампания, которую в апреле 2010 года начали Европейский еврейский конгресс (ЕЕК) и Всемирный еврейский конгресс (ВЕК) “в поддержку Израиля по борьбе с попытками опорочить еврейское государство”. В их декларации говорится: *“Ни к одной другой стране не относятся так, как к Израилю. Израиль демонизируют. А между тем Израиль – это единственное демократическое государство на Ближнем Востоке, где соблюдают права человека, правовые нормы, свободу вероисповедания и свободу слова”*.

Всё правильно, если учесть, что арабов там за людей не считают. Если бы израильские власти к арабскому населению Палестины относились как к людям, то не было бы ни длящийся десятилетиями войны на уничтожение коренного населения Палестины, ни всех человеческих трагедий, связанных с этой войной.

И как тут не вспомнить, что ещё праотцы сионизма объявили Палестину “страной без народа – для народа без страны”. Видимо, когда сионистские боевики полностью вырезали беззащитных и ни в чём не повинных жителей предместья Иерусалима Дейр-Ясин, они “соблюли права человека”. Классическая монография Валида Халиди “Всё, что осталось”, которая считается одним из лучших источников по истории оккупации и этнических чисток Палестины Израилем, рассказывает, как “иргунисты”, участвовавшие в резне, захватили несколько человек, поставили их на машины и парадным эскортом проехали по улицам Иерусалима под бурные “овации масс”. После этого пленников вывезли за город и расстреляли.

Халид Амайри в статье “От Дейр-Ясина до Бейт-Хануна”, опубликованной на сайте Палестинского информационного центра 13.05.2009 года, пишет: *“Несколько районов в Аль-Кудсе получили названия по названиям тех банд – Иргун и Пальмах, которые были исполнителями кровавой бойни в Дейр-Ясине. В 1951 году на месте Дейр-Ясина стали возводить больницу для душевнобольных “Кфар Шауль”, а позднее, в 1980 г., руины палестинского селения были полностью уничтожены бульдозерами, чтобы построить дорогу для другой незаконной еврейской колонии. Кладбище Дейр-Ясина было осквернено и разрушено, чтобы построить автостраду для нового сионистского поселения. И до сегодняшнего дня эта варварская модель террора и убийств осталась неизменной”*

В совместной декларации ЕЕК и ВЕК говорится: *“Сегодня, спустя 62 года с момента своего основания, Израиль всё ещё борется за то, чтобы существовать в мире и безопасности”*. Как? Стоит, видимо, повторить слова израильского военного историка Мартина ван Кревелда – автора монументального труда “Трансформация войны”, включённого в список обязательной литературы для учащихся Академии сухопутных войск США: **“Израиль должен использовать любой инцидент, который даст ему прекрасную возможность изгнать палестинцев, например, как это произошло во время резни в Дейр-Ясине в 1948 году”**.

Озабоченность двух еврейских “конгрессов” будет понятной, если обратиться к номеру газеты “American Free Press” от 12–19 апреля 2010 г., где появилась статья американского журналиста правого толка Ричарда Уокера *“Международные судебные ордера на арест правительственных служащих Израиля высшего эшелона ожидают своего часа”*.

Ричард Уокер называет виновных в участии в убийствах 1310 и ранениях более 5600 жителей Газы (в числе прочих военных преступлений) во время вторжения армии Израиля в этот палестинский район (более 90% жертв – гражданские лица): Эхуд Ольмерт, Эхуд Барак, Дорон Алмог, Габи Ашкенази, Менахем Мазуз, Ципни Ливни, бывшая израильским министром иностранных дел во время войны в Ливане и вторжения в Газу.

В статье говорится, что Интерпол уже выдал ордера на арест 27 агентов Моссасада, имеющих непосредственное отношение к недавнему планированию и совершению убийства лидера ХАМАС Махмуда аль-Мабуха в Дубае. Кстати, 22 февраля 2010 года министры иностранных дел Евросоюза осудили и назва-

ли возмутительным убийство Махмуда аль-Мабуха, которое произошло 19 января 2010 года. Это убийство свершилось вскоре после опубликования отчёта ООН, обвиняющего Израиль в военных преступлениях во время осады и вторжения в Газу, *“что делает ещё более вероятным арест военных и политиков высшего ранга, замешанных в этой операции, во время их поездок в страны, являющимися подписантами соглашения о международном трибунале”*.

Для находящихся в розыске израильтян, говорится в статье Ричарда Уокера, такие преступления заключаются в следующем: артобстрелы районов проживания населения Газы; разрушение бульдозерами домов в Палестине; незаконные аресты, допросы, содержание под стражей и пытки подозреваемых; приказы использовать фосфорные заряды против районов проживания мирного населения; неоправданное использование кластерных снарядов, разрывших фермерские поля в Ливане, и разрушение гражданской инфраструктуры *“... с целью наказать население путём лишения людей воды, электроэнергии, продуктов питания, медицинского обслуживания и канализации”*.

“Правозащитники и их адвокаты, — пишет Ричард Уокер, — заявляют, что у них более чем достаточно доказательств, свидетельствующих о том, что Израиль несёт ответственность по всем этим уголовным правонарушениям... Ордеры (на арест. — Авт.) выданы на широкий спектр представителей Израиля, включая теперешних и бывших членов кабинета министров, руководителей спецслужб, генералов и офицеров...”

Правда, американский журналист сетует на то, что такие ордеры не могут быть использованы в США, так как ФБР находится под политическим контролем Израиля.

И всё-таки Израиль очень серьёзно относится к международным ордерам: *“В прошлом ордеры, — говорится в статье, — были выданы в Колумбии на арест трёх израильтян, обучавших полувоенных специалистов, которые командовали “отрядами смерти”. Колумбия обвинила их в том, что они в своё время находились на службе у торговца наркотиками Пабло Эскобара. Эти ордеры пока ещё не были предъявлены обвиняемым, подобно как и многие ордеры, выданные российскими властями на арест иудеев-миллиардеров, которые используют своё российско-израильское гражданство для убежища в Израиле после ограбления ими России...”*

На самом деле таких иудеев-миллиардеров, на арест которых выданы ордеры, раз-два и обчёлся, остальные очень даже хорошо себя чувствуют как в Израиле, так и в России. Ведь не будем забывать, что нас с Израилем связывает, по словам Д. Медведева, сказанным во время встречи с Нетаньяху, *“особый состав населения”!*

Дейр-Ясин не является каким-то откровением или исключением в истории Израиля. В действительности эта резня, которую бывший израильский премьер Менахем Бегин назвал *“чудом”*, представляет собой мейнстрим образа действий сионистского общества. Блицкриг в секторе Газа весной прошлого года фактически является *“естественным”* продолжением Дейр-Ясина, Тантуры, Давайми, Кафр-Касима и других преступлений, которые израильтяне совершили против Палестины и других народов Ближнего Востока. Сионизм — официальная идеология Израиля, не может воплотиться в гуманистическую практику, поскольку её суть — это антитеза истине, справедливости, миру и человечности. *“Для сосуществования с сионизмом неевреям следует смириться с униженным статусом вечно гонимых рабов, без свободы, человеческого достоинства и без каких-либо надежд на будущее”, — говорит Халид Амайри.*

Совсем недавно так называемый хранитель тайной доктрины евреев, основатель и руководитель Международной Академии Каббалы, кандидат философских наук, профессор онтологии и теории познания Михаэль Лайтман дал в высшей степени интересное интервью в эфире телеканала *“КаббалаТВ”* (есть, оказывается, и такой, мало нам НТВ). Известный телеведущий еврейского происхождения Лев Новожёнов высказал мнение о том, что различные народы человечества находятся на разном уровне развития, приведя в пример *“преимущество в интеллектуальном и духовном развитии жителей Израиля над жителями Палестины”*. Лайтман согласился с данной точкой зрения, добавив, что евреи — богоизбранный народ и стоят выше всех народов Земли, так как выполняют миссию учителей всего человечества. Что-то подобное мы уже слышали в недавнем историческом прошлом. Это верховенство евреев, по мнению *“хранителя главной еврейской тайны”*, и является источником

антисемитизма, который будет существовать до тех пор, пока “евреи не выполнят своё божественное предназначение”.

Ну и что это за “божественное предназначение”? Итак, Второзаконие, 28:20: “И будешь господствовать над многими народами, а они над тобой господствовать не будут”; Второзаконие, 20:15: “А в городах сих народов, которых Господь, Бог твой, даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души”; Второзаконие, 14:2: “Ибо ты народ (еврейский) святой у господ, Бога твоего, и тебя избрал Господь, чтобы ты был собственным его народом из всех народов, которые на земле”.

Но есть и другие книги, более современных авторов. Одну из таких, например, издал совсем недавно, как сообщается на сайте www.newsru.com. глава израильской иешивы “Од Йосеф Хай” Ицхак Шапиро, где, в частности, на вопрос: “Когда еврею разрешается убивать гоев (неевреев)?”, автор отвечает, что делать это можно практически всегда, даже если речь идёт о совсем маленьких детях.

О книге Ицхака Шапиро “Торат Мелех” (“Законы Царя”), выпущенной в поселении Ицхар, рассказывают официальные израильские СМИ (NEWSru Israel, “Maariv”, “Kol Israel”), придавая творению раввина официальный статус. Этот расистский пасквиль удостоился отзывов раввинов Ицхака Гинзбурга, Дова Лиора, Яакова Йосефа и других.

Ю. Перминов
г. Омск

* * *

Присоединяюсь к тем читателям “Нашего современника”, которые заявляют, что в журнале самым ценным является публицистика. Да, это правда, это глоток свежего воздуха в окружении всеобщего публицистического вранья. Ценны сведения об отношениях с Польшей, рассуждения К. Мяло, А. Казинцева и других.

Полезно, что Вы дали перечень литературы о евреях, которая в советское время была недоступна, и очень правильно Вами сказано: “Такого рода знания о гитлеровской верхушке не приветствовались в советской исторической литературе, как и тема “еврейского антисемитизма” в эпоху Третьего рейха”. Только зачем брать еврейский антисемитизм в кавычки? Но Вы искажаете историю появления евреев в Польше и западных районах Белоруссии и Украины. Вам, видимо, неизвестно, что в Киеве на Подоле синагога появилась раньше святой Софии. Видимо, Вам по душе ложные сведения А. Кестлера о том, что европейские евреи пришли с Востока. Врать не надо, уважаемый Станислав Юрьевич.

Е. Д. Подоксин
г. Кострома

Комментарий Ст. Куняева:

“Ну, если вру я, то вместе со мной, признавая исторически правдивой точку зрения о хазарском происхождении восточноевропейского еврейства, врут лорд Дизраэли Биконсфильд, современный израильский профессор Шломо Занд, ну и, конечно, Артур Кестлер, и Жаботинский, и многие другие известные еврейские умы, в том числе и один из отцов сионизма Ахад Хаам (Ашер Гинцберг).”

А знаете ли Вы, что писал о происхождении восточной ветви немецких евреев известный государственный деятель Веймарской республики сефард Вальтер Ратенау в своей книге “Впечатления” (1902 г.)? “Странное зрелище! Посреди немецкой жизни — обособленный чужой человеческий тип в ярких, бросающихся в глаза нарядах, с пылкими подвижными жестами. Азиатская орда на песках Бранденбургской марки!” Надо всё-таки лучше знать историю своего племени, господин Подоксин.

* * *

Главное впечатление о “Холокосте”: вся эта история, конечно, битком набита мифами, спекуляциями на мифах и откровенно спекулятивными мифами, но всё равно каждый раз душу потрясает цинизм создателей и защитников подобных мифов, цинизм смертоносный и беспощадный. Я понимаю, что публикация в июльском номере, переход совершенно на иной тон повествования, диктуется необходимостью эмоционального **“сглаживания” “болезненного” вопроса**, но всё равно мне не хватило той фактической “густоты”, которая была в предыдущих текстах. Впрочем, это впечатление сугубо личное и по большей части эмоциональное, и им можно пренебречь. Очень жду продолжения.

Тема социальной мифологии мне давно интересна в культурологическом аспекте, и ещё рядом с ней я обнаружила другую: использование театральных технологий (а я как раз ведь и преподаю сценарное мастерство) в качестве главного инструмента социальных манипуляций (“цветных революций”, в частности). Те многочисленные моменты истории, когда движителем становится не реальная потребность, и даже не идея, а просто хорошо просчитанный режиссёрский ход, имеющий своей целью спекуляцию на вполне достойных чувствах порядочных, но не очень далёких людей.

Н. Ягодинцева.
Челябинск

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

*председатель Попечительского совета
литературной Бунинской премии*

БЕЛАЯ ПРАВДА БУНИНА

(Заметки о бунинской публицистике)

Иван Алексеевич Бунин с полным основанием живёт в сознании миллионов (в моём тоже) как великий писатель и поэт: волшебник слова, классик русской литературы, первый из российских писателей нобелевский лауреат... Национальное достояние. Национальная гордость.

И мало кто знает Бунина как публициста: его публицистика была в СССР под запретом. Лишь в 1990 г. на излёте горбачёвской “перестройки” были опубликованы “Окаянные дни”, основанные на дневниковых записях Бунина 1918–1920 гг. Однако десятки бунинских статей и речей в эмигрантских газетах и журналах 1920–1953 гг. оставались неизвестными для российского читателя. Кроме всего прочего и потому, что Бунин **завещал не переиздавать свою публицистику** после его смерти.

Нашлись люди, нарушившие этот завет. Так появилась книга “Великий дурман”, напечатанная в России в 1997 г. В 2000 г. издательства “ИМЛИ РАН” и “Наследие” опубликовали книгу “И. А. Бунин. Публицистика 1918–1953 годов”.

Теперь каждый может составить своё и полное представление о Бунине-публицисте и о самой его публицистике, которая, на мой взгляд, требует гораздо более глубокого анализа, чем сделан пока в многочисленных хвалебных статьях. Дело в том, что в нынешней России Бунин как художник почти что канонизирован, неприкасаем; “Окаянные дни” и остальная его публицистика используются как своего рода акт обвинения Октябрьской революции и советской власти.

Между тем Бунин-публицист – нечто иное, чем Бунин-художник; бунинская публицистика – что-то совершенно особое, стоящее в стороне от его собственно художественного творчества, хотя исходит из того же ума, той же души, и в этом смысле художественное и публицистическое вроде бы должны представлять органическое целое. Но не представляют. Вот об этом “ином” и “особом” в бунинском творчестве я и хочу порассуждать. Думаю, что дискуссии о публицистике Бунина ещё впереди, и они будут проходить в жёстких спорах.

Публицистика Бунина, несомненно, **художественная**. Из лихорадочного, страстного потока слов, срывающихся с языка без раздумий, без всякой подготовки, с ходу, из криков ужаса, охватившего Бунина при виде того, что происходило в ходе Октябрьской революции 1917 г., что творили, как он говорил, эти “полудикари”, эти “хамы”, эта “чернь” в годы Гражданской войны; из бунри бунинских эмоций, едва успевавших облечься то в блестящие импровизации, то в схваченные на лету выразительные зарисовки уличных картин и персонажей, а то в неточные и “страшные слова”, неумеренные выражения,

поспешные оценки, шаржи и карикатуры мужиков, красноармейцев, большевиков и их вождей, перед глазами встаёт фигура буквально погибающего от возмущения и бешенства человека – фигура живописная и трагическая, фигура, переживающая катаклизмы российской истории с таким страданием, с каким можно переживать только свою собственную и невыносимую физическую боль; фигура воистину героического типа, одержимо утверждающая **свою правду** и готовая ради неё идти своим путём до конца, хоть на дыбу, хоть на крест. Нынешним публицистам учиться и учиться у Бунина не только мастерству слова, но бесстрашию и мужеству, непродажности, верности своим взглядам и своему долгу.

Скажу, однако, и другое: читать бунинскую публицистику, перечитывать “Окаянные дни” тяжело, а временами – крайне неприятно. В своих взглядах на жизнь и историю Бунин чрезвычайно пристрастен и тенденциозен, чего он сам не отрицал. Страсть затмевает человеку разум.

О прошлом, о том, что было, но что смела революция, Бунин пишет с теплотой и нежностью. И его нельзя не понять: там осталось всё лучшее в его жизни и все его надежды.

И никакого намёка на светлое ни в настоящем, ни в будущем. Все акценты в бунинской публицистике сделаны исключительно на грехах и тёмных сторонах революции, новой власти и революционной “толпы”. Бунин в упор не хотел видеть хоть что-нибудь положительное в революции и во всём, что происходило вокруг, старательно собирал всё дрянное, ужасающее, ничтожное, чем полна жизнь во всякие времена и всюду, но особенно – в период разломов истории и смут. Слишком много злобы, слишком много желчи, слишком много ненависти. Несогласие и протест вызывают именно перехлёт, нарушение чувства меры. “Люблю и ненавижу” одновременно – вот состояние, в котором пребывал Бунин долгие годы эмиграции. “Кто смеет учить меня любви к России?” – возмущённо вопрошал он. И тут же из его груди исторгался вопль: “Мщения, мщения!”

Признанный одним из лучших писателей своего времени, Бунин-публицист говорил с миром от имени русской литературы, русской культуры, полагая, что исполняет миссию перед русской историей. Говорил о России, о русской душе, русском характере, русском народе, русской истории, о русской революции, о власти большевиков и ее вождей, о мировой революции и советской власти. Не говорил, а приговаривал, полагая, видимо, что он не только имеет на это право, но и способен дать верные ответы на все вопросы бытия.

Но как избежать революций? Вот вопрос вопросов! На этот фундаментальный вопрос Бунин отвечает наивными словами Льва Толстого, которыми тот пытался упредить царя Николая II от революции, советовал ему: “Любите врагов своих!..” “Идите по пути христианского исполнения воли Божией!..” И так – во многих случаях.

Как человеку огромного таланта, Бунину во многом можно верить. Особенно в постановке вопросов. Но верить Бунину в ответах во всём, слепо и безрассудно, нельзя.

О ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ

Как известно, публицистика – это литература по общественно-политическим вопросам современности. Но в какой степени публицистика как род **литературы** может быть художественной? Конечно, прежде всего – это вопрос талантливости автора. Но будь ты гений среди гениев, коль взялся за публицистику, то поневоле погружаешься **в политику**, а значит, **и в идеологию** – особые и сложнейшие сферы жизни и области специального знания. Представить, будто “Окаянные дни” – это **“художественное произведение”**, в котором есть страницы, “которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным”¹¹, как это писал М. А. Алданов, – это слишком. На мой взгляд, “Окаянные дни” – документ сугубо политический, идеологический, талантливо окрашенный в художественные краски и тона. Но качество публицистической литературы определяется не художественностью, а глубиной проникновения в социальную материю и главное – **ответами** на злобу дня. Не злобой, не ненавистью, а истиной, способной разрешить противоречие, конфликт. Но такой позитивной задачи Бунин перед собой даже не ставил.

Безусловно, публицистика – неотъемлемая часть творческого наследия И. А. Бунина, **документ времени**. Но это документ, в который, как отмечает, например, Даниэль Риникер, Бунин **не раз** вносил **многочисленные** правки – стилистические, документальные, идеологические. Мало того, что сам текст “Окаянных дней” лишь основан на дневниковых записях Бунина московского и одесского периода 1918–1920 гг. его жизни, а в основном написан заново в 1925–1927 гг. Уже в Париже, по просьбе редактора газеты “Возрождение” П. Б. Струве, Бунин, “готовя “Окаянные дни” для берлинского собрания сочинений, значительно **переработал** текст по сравнению с газетным вариантом. Однако эта правка не была окончательной... Изучение этой правки показывает, что она носила как стилистический, так и **идеологический** характер”². Многократное и тщательное исправление текста всё-таки не могло не исказить документального начала. “В тексте “Окаянных дней”, – замечает Д. Риникер, – обнаруживаются **пласты**, различающиеся по **происхождению** и по **времени написания**”³.

Стоит задаться вопросом: что служило главным **источником** глубокомысленных выводов и ожесточённых высказываний Бунина? Газеты и слухи.

“Все слухи и слухи, – пишет он в “Окаянных днях” 12 апреля 1919 г. в Одессе. – Бешенство слухов. Петроград взят генералом Гурко, Колчак под Москвой, немцы вот-вот будут в Одессе”⁴. Ничего этого на самом деле не происходило, но Бунин жил слухами и надеждой, что они сбудутся.

Вот выдержки всего из двух страниц “Окаянных дней” от 28 февраля 1918 г. “Вести со Сретенки – немецкие солдаты заняли Спасские ворота”; “Слух, что в Москве немцы организовали сыскное отделение”; “В Петербург будто бы вошел немецкий корпус”; “Говорят, что Москва будет во власти немцев семнадцатого марта” (на самом деле этого не было. – **И. И.**); “Расказывал в трамвае солдат...”; “Д. получил сведения из Ростова...”; “Д. добавил: “Большевики творят в Ростове ужасающие зверства... расстреляли 600 сестёр милосердия; ну, если не шестьсот, то всё-таки, вероятно, порядочно”; “Повар от Яра говорил мне...”; “Вести из нашей деревни...”⁵. И так – едва ль не на каждой странице.

Читаешь – и тебя, сегодняшнего, тоже вдруг охватывает неосознанный ужас. Понятно, что, кроме газет и слухов, других источников информации Бунин не имел и не мог иметь, жил в великом расстройстве и панике. Но разве, читая эти статьи сегодня, мы не должны учитывать бунинское психологическое состояние и нескрываемую пристрастность?

10 февраля 1918 г. Бунин пишет: “Ещё не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно... Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности всё равно никогда не будет. А главное: наша “пристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна “страсть” только “революционного народа”? А мы-то что ж, не люди, что ли?”⁶.

Люди, конечно же, – люди! Только другие люди – господа, люди других сословий, других интересов, нежели интересы простонародья, “полудикарей”, “черни”.

Бунинская публицистика, особенно “Окаянные дни”, – это в значительной мере коллекция слухов, домыслов, а кое-где, наверняка, и его богатейшего воображения, о котором он сам говорил, сопоставляя свою способность фантазировать с аналогичным даром Л. Н. Толстого. 11 марта в “Окаянных днях” запись: “Толстой сказал про себя однажды: “Вся беда в том, что у меня **воображение** немного живее, чем у других...” Есть и у меня эта беда”⁷.

Слова, которые сами вот так, без раздумий, с ходу, без всякой подготовки срываются с языка, – самые правдивые. Но сколько в них истины? Вот вопрос. Если твоя рефлексия построена сплошь на слухах, а слухи тоже на слухах, то сколько смысла в твоей правдивости, какой прок от неё?.. Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна. Часто протест вызывает не правда сама по себе, а то, каким образом она подана.

Конечно, можно полагать, что правда заключается не в том, чтобы нести истину, а в том, чтобы говорить то, что думаешь. Но вряд ли этот принцип подходит к Бунину. Он жаждал перемены от сказанного им, особенно поначалу. Но для этого одной правды, одной стойкости и готовности висеть за свою правду хоть на кресте, мало. Правда о делах общественных должна всё же как-то совпадать с истиной, а не противоречить ей. Бунин противоречив,

и это не беда, когда бы не испепеляющее пламя ненависти на всех, кто не “икона”, кто только что почитался “иконой”, да перешёл в другую гавань... А правдолюбие, кроме всего прочего, обычно связано с желанием во всяком находить хорошее, а не только дрянное. Отчаянное, безмерное правдолюбие без стремления открыть свет в конце туннеля – нередко лишь проявление безмерной гордыни...

О РЕВОЛЮЦИИ

О том, что Бунин не принял революцию, известно. Согласно соросовским учебникам школьникам рассказывают, что никакой “великой” и “социалистической” революции в октябре 1917 г. в России не было, а был “большевистский переворот”, “захват власти”, да и то случайный. Такими же словами говорит о революции и Бунин. Вот некоторые его высказывания по этому поводу.

“Тихонов рассказывал мне, – пишет Бунин, – как большевики до сих пор изумлены, что им удалось **захватить** власть и что они все ещё держатся”⁸. “Луначарский после **переворота** недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели проинформировать, и вдруг такой неожиданный успех!”⁹ Позднее Троцкий писал в дневнике: “Если бы в Петербурге не было бы ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции”¹⁰.

“**Неизбежна была революция или нет?** – спрашивает Бунин. И говорит: – **Никакой неизбежности, конечно, не было**, ибо, несмотря на все недостатки, Россия **цвела, росла**, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях... Была Россия, был великий, **ломившийся от всякого скарба дом**”¹¹.

Тут Иван Алексеевич серьезно ошибался. 17 января 1895 г. при восшествии на престол в своей тронной речи Николай II прямо сказал: “Бесмысленно мечтать о всякой конституции”. В том же году царь твёрдо поддержал расстрел рабочей демонстрации в Ярославле, направив телеграмму, в которой говорилось: “Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твёрдое поведение во время фабричных беспорядков”.

О том, что К. Маркс еще в 1870 г. был убеждён, что “в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция”, и повторял это неоднократно; о том, что скорая русская революция, как говорил Ф. Энгельс, станет “поворотным пунктом во всемирной истории”; о том, что в “Письмах издалека” В. И. Ленин предрекал, что революция 1905 г. и Февральская 1917-го “должны привести Россию к революции социалистической”, царь Николай знать не знал – что за “людишки”? Слыхом не слыхивал об этом, надо думать, и Бунин.

Николай II, причисленный ныне к лику святых как великомученик, был очень слабым правителем, не способным принимать адекватные решения, верно реагировать на ситуацию, о которой ему осмеливались докладывать.

Еще в 1902 г. министр внутренних дел России Плеве в докладной записке царю говорил: “Если бы 20 лет назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что **России грозит революция**, я бы только улыбнулся. Нынче **я вынужден смотреть на положение иначе**”. В феврале 1914 г. министр внутренних дел России Дурново сообщал самодержцу, что “в случае неудачной войны в России неизбежна социалистическая революция”.

Откуда мог знать обо всём этом Бунин? Зато с полной уверенностью писал, что на Октябрьскую революцию “чернь” спровоцировали большевики. И был убежден, что абсолютно прав. Хотя позади уже были и революция 1905 г., и Февральская революция 1917-го, дававшие повод для глубоких размышлений.

Бунин пишет: “Ключевский отмечает чрезвычайную **повторяемость** русской истории”¹².

Во взглядах на революцию Бунину были по душе и слова Наполеона: “Что породило революцию? (французскую. – **И. И.**) Честолюбие! Что остановило её? Честолюбие!”.

“Честолюбие!...” Нет же: “повторяемость” причин **любой** революции, будь то английская, французская или какая-то иная. Нарождающейся российской буржуазии было тесно и душно в атмосфере феодальных и (по сути) всё ещё крепостнических отношений. В 1902 г. в забастовках и стачках участво-

вали 694 тыс. рабочих, в октябрьской стачке 1905 г. — уже более 2 млн. Царь вынужден издать “Манифест” (компромисс! — **И. И.**) и обещать народу новые свободы.

“Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона” — не раз цитирует в своих статьях Бунин русскую поговорку. “Из нас” — это из кого? Или “дубина” — из “черни”, “икона” — из помещиков, дворян, князей и прочая?.. Имущего класса? Белой кости?..

“Если бы я эту “икону”, эту Русь (? — **И. И.**) не любил, из-за чего бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто? А ведь говорили, что я только ненавижу”¹³.

“Икону” Иван Алексеевич любил. А тех, кто пел “Дубинушку”?.. Задумывался ли о том, почему из одних — только “иконы”, а из других — только “дубины”; нет ли тут подвоха какого в устройстве жизни и доколе такое будет продолжаться?.. Конечно, думал и понимал: зря, что ли, брат Юлий водил его в молодости по радикальным кружкам? Но не желал никаких радикальных перемен Бунин, да и зачем желать, если ты, хоть обедневший, но всё же дворянин, уже знаменит на всю Россию, как говорится, “сыт, пьян и нос в табаке”?

“Честолюбие!..” Если бы только! “Повторяемость”: нищета и голод постоянно и остро давали знать себя в российских деревнях, где в начале XX в. проживало 85% населения. Через каждые три-четыре года в стране — неурожай, а вслед за ними — голод. В 1891—1892 гг. в России от голода умерли сотни тысяч человек. Через каждые 10 лет в России случался большой неурожай и — большой голод. В 1911 г. голод охватил 20 губерний с населением в 30 млн человек.

Статистика: накануне 1917 г. в России насчитывалось около 2 млн богатых крестьян. Немало! Ещё около 3 млн относились к середнякам. Но 10 млн (две трети) крестьян были бедняками: ни кола, ни двора; ни лошади, ни коровы. В сущности своей, батраки все те же крепостные, хоть и “свободные”, вынужденные гнуть спину на новых хозяев, ещё вчера таких же крепостных, как они, которые были зачастую ещё более жестокими и безжалостными, чем прежние бары. Рано или поздно бедный крестьянин должен был заявить о своих нуждах и страданиях. И когда в годы Первой мировой войны его одели в шинель и дали в руки винтовку, “человек с ружьём” стал естественным резервом тлевшей революции. А когда революция грянула, встал под знамёна тех, кто обещал мир, землю и хлеб. Это были большевики. Это был Ленин.

Ленин, большевики прекрасно понимали “шаткость”, переменчивость настроений, расколотость народа на несколько слоёв: на зажиточных, довольных собой и жизнью; живущих трудно, но колеблющихся, к бунту не готовых; на бедных и нищих, голь перекатную, “проклятьем заклеянных” на то, чтобы родиться, жить и умирать в голоде и холоде, в услужении, без всякой надежды для детей или хотя бы внуков и правнуков выбиться “в люди”. Таких в России было абсолютное большинство — хоть среди нарождавшегося рабочего класса, хоть среди крестьян, деды и отцы которых всего полвека назад ещё пребывали в крепостных — в рабстве. Кому мила такая судьба? “Чернь” и “нелюдь” сознавали, что они “никто” и “ничто”. И когда провозгласили, что “никто” станет “всем” — они восстали.

Был ли Ленин честолюбив? Почему бы и нет? Человек, лишённый честолюбия, не добьётся ничего в какой угодно области. Сам Бунин — воплощенное честолюбие. Зато какой чудный писатель и поэт!..

“Все спешим влить вино новое в мехи старые и — что ж?” — вопрошает Бунин. В подтверждение бессмысленности таких занятий цитирует Шиллера: “Попытка французов восстановить (? — **И. И.**) священные права людей и завоевать свободу обнаружила только их бессилие... Развращённое поколение оказалось недостойно этих благ... Что мы увидели? Грубые анархические институты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи и с непреодолимой яростью торопятся к животному самоудовлетворению... Явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твёрдо зажмёт в своём кулаке бразды правления...”

“А Великая Английская революция? — вновь вопрошает Бунин теперь уже цитатой Герцена. — Кромвель, величайший злодей, казнит Карла и губит миллионы (? — **И. И.**) людей, уничтожает ту самую свободу, за которую он будто боролся... Меняются формы, но не сущность...”¹⁴ И добавляет от себя: “То же было во Франции с её Маратами и Робеспьерами, в Испании, в Америке,

в России... Посредством убийства осуществлять человеческое благо! Достигать равенства насилием, тогда как насилие есть самое резкое проявление неравенства”¹⁵.

Стоит ли возражать сразу трем великим людям — Шиллеру, Герцену и Бунину, — не находясь на той же высоте общественного признания, что и они? Тем более что во многом они правы... Нельзя полагать восстание и революцию благом. Нельзя не согласиться с тем, что революции развязывают в людях тёмные инстинкты и ведут к неизбежному разрушительству. Нельзя не согласиться с тем, что “насилие есть самое резкое проявление неравенства”. И это далеко не всё, что надо признать истинами, по поводу которых спорить было бы глупо и смешно. Но эти истины — истины не полные, не окончательные, признанием которых можно было бы остановить бесконечную череду народных бунтов, восстаний и революций, происходящих во всех странах от древних времён до нынешних дней. Революции, увы, всё же свершаются, доказывая этим фактом свою неизбежность, а порой и необходимость, — “в конце концов”.

Все неизмеримо сложнее, чем это представлено в статьях и дневниковых записях Бунина. Даже Лев Толстой, Герцен и Шиллер тут ему не в помощь, во всяком случае, положение дел не спасают.

Вряд ли человек рождается революционером. Вряд ли кто со школьной скамьи мечтает совершать революции. К сожалению, человеческие общества устроены так, что сами формируют спрос на людей такого толка, которые с некоторого момента своей жизни становятся на путь “профессиональных революционеров”. И коль скоро такие люди в обществе существуют, то по мере накопления их количества революция становится неизбежностью, рано или поздно — в зависимости от того, как себя чувствуют люди в верхнем эшелоне власти рядом с верховными правителями, как живётся людям второго и третьего сословий, а также простонародью, которое в любом обществе обычно составляет большинство.

Исследователи революций, которых в пору жизни Бунина было ещё совсем немного и труды которых он не мог читать, заметили, в частности, что у каждой революции есть **общие и особенные причины**, свои **движущие силы**. И это почти всегда — **люди высшего света, либо высшего духовного слоя**, недовольные устройством экономической и политической жизни, но никак не “чернь”, не простой народ сам по себе. От него можно ждать бунта, восстания, но не революции, ведущей к переустройству всех основных форм, а значит, и сущности существующего строя. Замечено, что за революцией всегда следует **контрреволюция, откат назад**, к исходным позициям, попытка **реставрации** прежних форм жизни, порой удающаяся, но не навсегда. Замечено, что **длина отката** в прошлое зависит от того, **насколько далеко** шагнула революция в своём стремлении к “обновлению” и разрушительству существовавшего образа жизни. Замечено, что высшие цели революции достигаются через **компромисс** между революционными и контрреволюционными силами, и происходит это **не враз, а постепенно**, в ходе их борьбы год за годом, на которую уходят **десятки, а то и сотни лет**.

Вот **Великая английская революция**, на которую, цитируя Герцена, ссылается Бунин... Не ясно, почему он начинает отсчёт английской истории (быть может, самой кровавой из всех в мире, в том числе кровавее российской) именно от Кромвеля? Ведь эта революция была лишь продолжением и завершением целой серии революций и гражданских войн, потрясавших Англию с гражданской войны 1258—1268 гг., в результате которой **в 1265 г. был создан первый в мире парламент**, состоявший сплошь из знати. В нем не было места “народу”, часть которого была на стороне короля и феодалов, а часть — на стороне нарождавшейся буржуазии, хотя такого понятия в тот момент ещё не существовало. И причина, по которой “народ” дрался сам с собой и убивал друг друга, была вовсе не в том, чтобы защитить интересы своих господ, нет. Этой причиной были **нищета и голод**, которые всегда влекли и загоняли обездоленных в тот стан, где им заманчивей пообещали будущую сытость и крышу над головой. Что касается борьбы между парламентом и династией Стюартов с её сторонниками — феодалами за абсолютную королевскую власть, то “народ” об этом мог и не догадываться: зачем это господам с обеих сторон?.. И разве не то же самое было в борьбе “белых” и “красных” в русской революции? В разгар Гражданской войны и “красные”, и “белые”

ввели воинскую мобилизацию. К лету 1919 г. в Северной армии “белых” из 25 тыс. человек 14 тыс. были пленными красноармейцами. Альтернатива была простой: попал в плен – или с винтовкой против “красных”, или пуля в лоб. То же происходило у Деникина, Колчака и Врангеля. То же – и в “красном” стане...

В разрыве времен почти в 400 лет – между 1265 г., когда в Англии был создан “образцовый парламент” при абсолютной власти короля (компромисс!), и началом очередной революции и гражданской войной 1642 г. – страну потрясло множество восстаний и революций. В 1641 г. казнен граф Стаффорд, фаворит короля. Парламент победил лишь потому, что за ним стоял восставший “народ” и прежде всего Лондон. Страна и народ были поделены на две части, две Англии. Весной 1648 г. вспыхнула новая гражданская война, которую принято именовать Великой английской революцией. И произошла она не по воле “народа” и Кромвеля, который только тут и появляется на политической и общественной сцене, а вследствие попытки Карла I взять реванш и вернуть себе власть. Парламент победил короля. И в 1649 г. тот был казнен. А Кромвель в конце концов стал диктатором, разогнал парламент, восстановил палату лордов (реставрация!) и чуть было не возложил на себя королевскую корону, но заболел, умер, мёртвый извлечён был из могилы и повешен... 19 мая 1649 г. Англия стала **первой в мире парламентской республикой**: высшая **цель революции 1258–1268 гг.** была наконец-то **достигнута**.

Тем не менее в 1660 г. совершилась реставрация (!) королевской династии Стюартов; король согласился санкционировать основные завоевания буржуазной революции (компромисс!). Но “народные” волнения не утихали: в 1688 г. началась “славная революция”, результатом которой в 1689 г. стал новый компромисс (!) между представителями феодальной монархии (старое) и неплохо державшейся на ногах буржуазией (новое).

Вот штрихпунктирное изложение истории “английской революции” (четырёх революций!) длиной почти в 400 лет, в ходе которой погибли действительно миллионы человек, но Кромвель тут хоть и заметная, но проходная фигура. Всё гораздо значительней, масштабней и мрачней в истории этой страны, давшей миру “образец” революционного переустройства общества...

Это сейчас Великая Британия, от которой остались только Англия, Шотландия и уже скоро семьсот лет воюющая с центральной властью Ирландия, выглядит такой мирной, сытой и особо заманчивой для новых российских богатеев. Но когда я, путешествуя по этой стране, посещал её замки и музеи, слушал гидов, зная то, о чём только что поведал, мне временами становилось жутко, хотелось крикнуть окружающим меня людям: “Слушайте! И это вы сейчас учите нас, русских, правам человека, свободе и демократии? Вы, сотни лет топившие свою страну, а потом и многие другие страны в океанах крови? Вы, тогда наши “союзники” во Второй мировой войне, холодно и расчётливо наблюдавшие за тем, как русский народ истекает кровью в борьбе с фашизмом, выжидавшие, кто кого победит: Гитлер – СССР или Сталин – Германия? Вы, задумывавшие вместе с США ещё в ходе этой войны, в 1942 г., напасть на Советский Союз, а потом планировавшие начать третью мировую войну сразу по окончании Второй мировой – 1 июня 1945 г.? Вы смеете учить нас?!”

Но, поостыв, думал: “В каком-то метафизическом смысле, быть может, всё же такое право они имеют, ибо пострадали его, только почему всё сваливают на Русь, на Россию и русских? Почему про **свой** горький опыт сказать “стесняются”?..”

Вот что думаю я, когда читаю размышления Бунина о революции и грехах “большевиков”, действительно существующих, но не исключительных.

Бунин не понимал (не хотел понимать?), что “окаянные дни” наступили не “вдруг”, а стали искуплением грехов и ошибок российской самодержавной власти, копившихся столетиями. Думать, будто для постижения смыслов истории и логики общественного развития достаточно лишь писательской наблюдательности и писательского таланта, мне кажется, весьма наивно. А Бунин, видимо, именно так и полагал. В его записках и статьях, кроме имён Льва Толстого да не слишком чтимых им Достоевского и Герцена, из значительных фигур не встречается никто. Маркс и Ленин как знатоки общественной жизни для Бунина существа ничтожные, отрицательно-негативные. А это были, что ни говори, великие умы. Между тем сам Бунин был не более чем

тонкий знаток, холодный наблюдатель жизни российской деревни, добросовестный фиксатор происходивших в ней процессов, но не противник назревавшего окаянства, исполненный желания излечить общественный недуг. Великолепный рисовальщик с натуры. Поэт — не врач, он только боль, струна и нерв?.. Страсть в душе Бунина забурлила, забила ключом лишь в тот момент, когда “дурман” и “окаянство” вырвались наружу и разнесли в клочья всё, что рисовал он в своей знаменитой “Деревне”...

Когда мы говорим о Бунине-публицисте, надо помнить, что он — помещик, аристократ, православный монархист, всей своей сутью тяготевший к старой дворянской культуре и устоявшемуся образу жизни. Этот достоверный исторический факт невозможно игнорировать. Бунин видел и описывал то, что хотел видеть, и не видел, не хотел видеть, знать и понимать то, что не отвечало его воззрениям. А временами просто не понимал, что не понимает. В том нет ничего необычного: человек — существо ограниченное. Бунин был человеком... Человек со своей — Белой правдой. Ко всем другим правдам относился свысока, презрительно. Для него не было правды ни мужицкой, ни рабочей, ни “красной”, а были только Белая идея и Белая правда.

Но что есть Белая идея? Знаменитый русский религиозный философ Иван Александрович Ильин, высланный из России в 1922 г. за антиреволюционную деятельность, широко и внятно изложил эту идею в предисловии к сборнику “Белое Дело”, изданному в Берлине в 1926 г. Белая идея, по Ильину, это не “вооружённая контрреволюция”; не “реакция”, не “реставрация”; дело не “словное”, не “классовое”, дело не “личное”, не “партийное”, не “имущественное”, не “мстительное”.

Белое Дело, утверждал Ильин, это Белый Дух, Белое Сердце, Белая Воля... “Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства. И самая белизна личной воли определяется именно этой способностью — жить интересами целого, бороться не за личный прибыток, а за публичное спасение, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело — в патристическое и государственное... мы свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков; и то, чего мы желаем для России, это — исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому недугующему состоянию, из которого выросла революция со всем её позором и унижением. <...> **Россия была духовно больна перед смутой; революция явилась, как обострение и развитие этой болезни”.**

Прекрасные слова!

Но! “Белые обороняют дело духа на земле, — продолжал Ильин, — и считают себя **правыми** перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и **несёт ему меч...**”.

Исследователи бунинского творчества пишут о Бунине как беспрекословном и последовательном стороннике Белой идеи и Белого движения¹⁶. “Белые”, по Бунину, — это те, “у которых всё отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сёстры...”¹⁷. Белые — это помещики, фабриканты, кровопийцы, пауки, угнетатели, деспоты, сатрапы, мещане, обскуранты, рыцари тьмы и насилия¹⁸. “Белые” — это Авель; “красные” — это Каин. В марте 1919 г. Бунин говорил: “...я чувствую, что я не должен быть писателем, а должен принимать участие в правительстве”, “...всё больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство”¹⁹.

Абсолютно “своим” считали Бунина и в Белом стане. В августе 1920 г. П. Б. Струве от имени правительства Вооружённых сил Юга России пригласил Бунина в белый Крым: “...Мы решили, что такая сила, как Вы, гораздо нужнее сейчас здесь у нас на Юге, чем за границей”²⁰. Представьте: Бунин стал членом Правительства на Юге, куда его приглашал П. Струве с согласия Врангеля, — и что бы произошло в случае их победы? Бунин был барин, помещик-крепостник, православный монархист. Вот это и есть векторы его мыслей и действий: на барщину, мужички! Или — к стенке. В злобе нет исхода. Ненависть грозит, злоба мертвит, но не плодоносит.

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была разбита... Бунин остался в Париже...

Бунин пытается представить дело так, будто его правда — особая, кристально чистая, дистиллированная, абсолютная. В 1919 г. он определил своё политическое кредо в таких словах: “Я не правый и не левый — я был, есмь и

буду непреклонным врагом всего глупого, отрешённого от жизни и злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило". Но, кажется мне, что это позиция не человека, а Бога, парящего надо всем и надо всеми.

Понимал ли Бунин, что "русская революция" победила не соблазнами большевиков, а потому что в стране был общенациональный, как говорят сейчас, "системный кризис"? Что народу осточертела война, что крестьяне изголодались, что царь и его власть до самого дна исчерпали доверие подданных? 240 тыс. солдат петроградского гарнизона перешли на сторону революции — это как? Когда в непримиримом конфликте сошлись Красная идея и Белая идея, то почти половина русских армейских офицеров и больше половины офицеров и генералов **Генерального штаба** (цвет армии!) пошли служить в Красную армию. Это — как? На сторону революции перешла большая часть Центрального аппарата русской **военной разведки** во главе с генерал-лейтенантом Н. М. Потаповым!.. Царские генералы и офицеры не были большевиками, и почти никто из них не вступил позднее в партию. Их выбор определялся гражданским долгом, любовью к России и её народу.

30 мая 1920 г., когда на польском фронте сложилось угрожающее положение, знаменитые генералы А. А. Брусиллов и М. Д. Бонч-Бруевич вместе с большой группой генералов издали обращение "Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились": "В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанёс, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить её расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию".

Отвечая на обвинения "белых" одноклассников, бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: "Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в её прошлом и будущем".

В силу неопровержимой пристрастности Бунин видел всё происходившее в России в годы революции, гражданской войны и советской власти под своим углом зрения и объяснял его сообразно своим взглядам и убеждениям пятидесятилетнего знаменитого человека и помещика. Что ему не нравилось, того он не замечал или с ожесточением опровергал, и наоборот — выпячивал выгодное его представлениям.

Например, Бунин "упускает из виду" тот факт, что Гражданскую войну в 1918 г. развязало Белое движение, изначально надеясь на решающую помощь Антанты, то есть **интервентов**. Бунин наверняка знал, но "не придавал значения" тому, что без западных поставок вооружения, обмундирования и материалов, особенно Англией, Белое движение вообще не могло бы образоваться. Бунин то ли не знал, то ли знал, но не хотел признавать и понимать, что ненависть к России всегда жила на Западе, и "белый проект" вынашивался там задолго до Февральской и Октябрьской революций.

Бунин знал, что Колчак назначен Верховным правителем России Англией и США; что Деникин сознательно работал на Запад. Бунин должен был понимать и то, что иностранные державы используют Белое движение в борьбе с революционным народом, не жертвуя своей "живой силой", но в случае победы "белых" им гарантирована возможность "обустройства" России на свой лад и **в своих интересах**.

Где были в тот момент русские чувства и патриотизм Бунина? В годы Октябрьской революции и Гражданской войны они словно испарились из его души.

Пусть придут любые иностранцы — немцы, англичане, французы, финны, поляки, всё равно кто! Пусть захватят Москву и Кремль, Петербург и Зимний дворец! Пусть оккупируют хоть всю Россию, только бы избавили от русской "черни", "полудикарей", от большевиков. "Лучше черти, чем Ленин!.." — пишет Бунин. Читаем в "Окаянных днях": "В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: "Ах, если бы!"... Вчера были у Б. Собралось поря-

дочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то **польских** легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоеывая, а “просто едут по железной дороге” — занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошёл немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В. В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками **вместо того, чтобы идти оккупировать Россию**” и т. п.

А вот записи Бунина из Одессы:

“Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идёт не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждём помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушёл ли, избави Бог, **французский** броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором всё-таки как будто легче”.

О НАРОДЕ

Народолюбие вызывало у Бунина только сарказм. “Чернь” и “полудикари”²¹, “проклятые обезьяны”²², “скотина без пастуха”²³ — вот что такое народ для Бунина. Эти слова разбросаны по всем его статьям. Вот несколько зарисовок...

“Слишком много было и есть у нас субъектов чистой уголовной антропологии. Разбойнички муромские, брянские, саратовские и прочая, прочая, бегуны, шатуны, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, на сто тысяч коих — один святой...”²⁴; “А в красноармейцах главное — распушенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает “шевельюр”. Одежды в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля”²⁵; “...Красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в разратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, тёмными, кокаинистическими глазами...”²⁶; “А народ не виноват!.. Народ будет впоследствии валить всё на другого — на соседа и на еврея: “Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жиды на всё это дело подбили...”²⁷.

“Ну а “белые” — они, конечно же, сплошь орлы!” — полагал, надо думать, Бунин. И народу советскому “белых” представляли именно так. Вспомним атаку каппелевцев в фильме “Чапаев” (кто видел его): идут бесстрашно, плечо к плечу красавцы-офицеры — рослые, в парадных кителях с золотыми погонами, штыки блестят, падает впереди шагавший, его тут же замещает шедший сзади... И никакие пулемёты им не страшны!..

А ведь о “белых” в ту пору можно было говорить столь же ядовито, как и про красноармейцев. Вот свидетельство одного из артиллерийских офицеров Э. Н. Гиацинтова: “Мне смешно смотреть кинокартины, в которых изображается Белая армия — веселящаяся, дамы в бальных платьях, офицеры в мундирах с эполетами, с аксельбантами, блестящие! На самом деле Добровольческая армия в это время представляла собой довольно печальное явление. Одеты мы были кто как попало. Например, я был в шароварах, в сапогах, на мне вместо шинели была куртка инженера путей сообщения, которую мне подарил ввиду поздней уже осени хозяин дома, где жила моя мать, — господин Ланко. Он был в прошлом начальником участка между Екатеринодаром и ещё какой-то станцией.

Вот в таком виде мы щеголяли. В скором времени у меня отвалилась подошва от сапога на правой ноге, и пришлось привязать её верёвкой. Вот какие “балы” и какие “эполеты” мы в то время имели!”

Гражданская война была трагедией для всей России: для “белых” и “красных”. Вряд ли артиллерист Гиацинтов доподлинно знал, что Белая идея, за которую он умирал, в сущности своей была антирусским, антигосударственным проектом Запада, подхваченным российскими либералами, сокрушившими монархическую государственность в ходе Февральской революции 1917 г. Тысячи корнетов и поручиков, вставших “За Веру, Царя и Отечество!”, певших гимн “Боже, царя храни!”, были “пушечным мясом”, “военной рукой”

Антанты, которая упустила свой шанс раскромсать Россию только потому, что внутри каждой из стран, входивших в этот союз, в тот момент вызрели свои восстания и революции. Генералы – основатели Белого движения (Корнилов, Краснов, Деникин, Колчак, Кутепов, Врангель и другие) меньше всего собирались разрешать проблемы, которые привели к революции. Первое, чего они хотели, – вернуть “свое”, прекрасно понимая, что собственными силами, без иностранной помощи им не победить.

Волею Запада Верховный правитель России адмирал Колчак, “дитя Февраля”, писал о русском народе буквально следующее: “обезумевший дикий (и лишённый подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ”. При власти Колчака в Сибири было построено 50 концентрационных лагерей, около миллиона человек были брошены в тюрьмы.

Бунин же перед Колчаком и Деникиным, с которыми встречался позднее, просто млея, пел им дифирамбы как национальным героям. Хотя даже злейший враг Советов З. Н. Гиппиус записала в дневнике 2 сентября 1919 г.: “На Деникина, вероятно, почти никто не надеется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успехи, на все эти Харьковы, Орлы, на Мамонтова и т. д. Слишком мы здесь зрячи, слишком всё знаем изнутри, чтобы не видеть, что ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши “белые генералы”, старые русские “остатки”, – если они не будут честно и определённо поддержаны Европой”. По существу своему Белое движение выступало как прозападная сила, принявшая от Антанты материальную и военную помощь в форме иностранной интервенции. Умом своим Бунин был куда как посылнее Гиппиус, был способен смотреть на вещи поглубже... Или не так?..

В рассуждениях об отношении Бунина к народу было бы ошибкой забывать: Бунин – дворянин знатного рода, чем гордился чрезвычайно. После отмены крепостничества в 1861 г. имения его матери в Воронежской и Орловской губерниях были на грани разорения, но существовали и позволяли господам жить вполне сносно: держать хорошие связи, путешествовать, бывать в свете, на званых обедах, в театрах, иметь хорошую одежду, знать вкус “налимьей ухи, розовых ярычиков в крепко пожаренной сметане”, “дорогих вин и коньяков”. Прекрасно, прекрасно!.. Но это всё – не для городских и сельских обывателей – людей низших сословий, которые составляли почти 90% населения России и звались “народом”, который Бунин наблюдал, изучал и описывал, глядя на него со стороны, сверху и свысока. Себя самого Бунин к “народу” не причислял. Сказать о себе “чернь”, “полудикарь”, “обезьяна”?..

О “ВОЗРОЖДЕННОЙ” РОССИИ

В публицистике своей Бунин не раз обращается к Герцену, то укоряя его в ускорении революции, то восхищаясь его пророчествами. 20 апреля 1919 г. Бунин записывает “замечательные строки” Герцена: “Нами человечество протрезвляется, мы его похмелем... Мы канонизировали революцию... Нашим разочарованием, нашим страданием мы избавляем от скорбей следующие поколения...” Бунин заключает: “Нет, отрезвление ещё далеко”.

Следуя герценовской и бунинской мысли, “опохмелились” и “отрезвились” мы ельцинской ультралиберальной и ультрадемократической революцией 1991 г. Можно сказать, что Белая идея восторжествовала. Белое дело совершено. Бунинские мечтания осуществились, бунинские страдания вознаграждены...

Но вернемся к предисловию философа И. А. Ильина “Белое дело”, уже цитированному мною. В 1926 г. И. А. Ильин писал: “Да, Белое дело состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая, утверждая народное спасение и народное достояние, но не помогаясь прибытка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под неё; служа живой справедливости, но не естественному равенству людей. Мы не верим в справедливость насильственного уравнивания и имущественного передела; мы не верим в целесообразность общности имущества, в правоту социализма, в спасительный коммунизм. Дело не в бедности, а в том, как справляется дух человека с его бедностью. Дело не в богатстве, а в том, что делает человек со своим богатством. Дело не в бедности и не в богатстве, а в том, чтобы каждый человек мог трудиться; трудясь, строить и преумножать; преумножая, творить новое и делиться с другими. Мы утверждаем естественность и необ-

ходимости частной собственности и видим в ней не “грех” и не “стыд”, а личное и общественное духовное задание. И потому наши девизы: собственность и творчество; изобилие и щедрость.

И мы знаем, что на этих основах будет строиться грядущая, новая Россия.

Она предносится нам единою, ибо в центробежном распаде государство не живёт, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет. Она предносится нам великою — в качестве и в размере, в духе и в силе, в заданиях и в достижениях. Она предносится нам примирённою — установившей мир, терпимость, доверие и уважение среди своих народностей, классов, провинций и сословий. Она предносится нам **возрожденною** — в религии и в просвещении, в правопорядке и в хозяйстве, в семье и в быту. И мы выражаем этот облик в нашем исконном девизе: единая, великая, примирённая, **возрождённая**.

Мы не сомневаемся в том, что это грядёт и осуществится”.

Красиво сказано!

Ну вот — осуществилось! И что же? “Отрезвилась” Россия?

Незначительная часть населения “возрождённой” России живёт представлением, будто в стране наконец-то установился “естественный” строй общества, сменивший советский — “искусственный”, установился навсегда, что капитализм победил социализм окончательно и никаких возвратов в походе на него прошлое быть не может, что никаких великих потрясений никогда уже не случится. Ох, как хотелось бы и мне, чтоб жизнь наша шла в мирном русле, текла, будто вода среди зелёных берегов, поворачивая то чуть влево, то немного вправо, но становясь всё полнее, шире, привольнее. И никаких перекатов, водопадов...

Но вряд ли так оно и будет.

Ельцинская революция 1991 г. чрезвычайно похожа на революцию 1917 г. и всё, что ей предшествовало (слабость власти, неспособность накормить народ, видеть новое, изменяться самой и изменять общество и т. д.). Так же, как в октябре 1917 г., советская Система рухнула при первом дуновении ветров перемен, а сам зачинщик “гласности”, глашатай свободы и затейщик “перестройки”, возжелавший изменить мышление народов огромной страны и всего человечества лишь болтовнёй с экрана телевизора, элементарно струсил и сдал власть.

Беда России XXI в. в том, что она встретила новое время под лозунгами ультралиберализма в форме “дикого капитализма”, которые давно исчерпали себя, и, следуя этой дорогой, можно прийти только к катастрофе. Ельцинскую революцию 1991 г., если мыслить законами революции, нужно рассматривать не как шаг вперёд, а как огромный по меркам времени **откат назад** к старым формам бытия в новых, превращённых формах, как **реставрацию** дореволюционной России. Что, собственно, существенно нового появилось в “новой” России? Компьютеры? Интернет? Мобильники? Это — несомненно. Президент? Тот же царь. “Элита” общества? Та же знать: князья, графья, дворяне, духовенство, генералитет. Власть? Такая же малоспособная, как при царе и на закате СССР, только ещё более алчная, беспринципная и безответственная.

“...Новая Россия страшна... Особенно молодежь... Много холодных убийц... Много спекулянтов, дельцов, хулиганов, головорезов...”

“Россия будет!” — Да, но какая? И новая ли? **Так ли уж ново наше новое?**”

Согласитесь, звучит куда как современно. Но это слова Ивана Алексеевича Бунина, им уже под девяносто лет.

“Блеск звезды, в которую переходит наша душа после смерти, состоит из блеска глаз съеденных нами людей”. Это одно из древнейших дикарских верований. И, право, оно звучит теперь не так уж архаично. Тоже понравившаяся Бунину мысль, но как подходит она к нашим дням, когда, пожалуй, самым затёртым стало словосочетание “новая Россия” (“Белая Россия!”), в которой миллионы бедствуют, нищенствуют и мрут не из-за неурожаев, как в царской России, негодуют не из-за нехватки товаров и продуктов, как бывало временами при советской власти, а потому что одни (ничтожное меньшинство) жрут от пуза, лопаются от жира, состязаются в том, у кого дворец на Рублёвке больше, яхта в Средиземноморье длиннее и дороже, а другие (огромное большинство) не знают, как прокормиться, собрать ребёнка в первый класс, где жить, как жить и — зачем жить? Имущественный разрыв между “возрож-

денной” российской знатью и народом беспрецедентен в новейшей мировой истории, если мыслить Россию в ряду “цивилизованных” стран. А именно этот разрыв и порождает недовольство, протест, возмущение, гнев и ненависть, именно в этом разрыве вновь возникают мысли о несправедливом устройстве общества и разного рода идеи о том, как устранить эту несправедливость. И появляются люди, способные чувствовать чужую и общую боль острее, чем собственную. Их принято называть революционерами. Можно сколько угодно проклинать революционеров и революцию, но народ государства, жить в котором становится невыносимо, в силу правового основания необходимой обороны своего права на человеческую жизнь имеет право восстания, право революции, отменить которое не дано никому. Это ведь совсем не случайно едва ли не в каждой американской семье числится по нескольку единиц огнестрельного оружия: народ вооружён и тем опасен. Демократия, то есть власть народа (говоря это вообще, а не в похвальбу политсистеме США), должна иметь возможность защитить себя.

Как и обещал И. А. Ильин, “новые белые”, полагаясь на свою безусловную правоту, принесли возрождаемой ими России не мир, но меч – меч управляемого Хаоса, меч ускоренной Глобализации, меч тотальной, невиданной ни в одной стране мира по своим масштабам преступной приватизации.

“Но взойдёт наше солнце – нет среди нас ни единого, кто бы не верил в это!” – писал Бунин. Вот оно взошло, Ваше солнце, Иван Алексеевич!.. И что же мы видим в его сияющих лучах?

Воистину сказочные богатства страны разворованы, розданы в загребущие, но неумелые руки по преимуществу бездарных и порочных людей, ухлопаны на взятки, заказные убийства, на рекламу, на выборные технологии и откровенную пропаганду нового режима, на создание бандитских телесериалов, развращающих молодые поколения...

Могучая экономика, мощнейшая промышленность, построенные за небывало короткие сроки, с крайним перенапряжением сил за счёт здоровья и жизни миллионов людей, уничтожены.

Десятки миллионов людей, и прежде живших кое-как, ныне пребывают в полной нищете, болеют, не имея денег на лекарства, ускоренно уходят на тот свет, а у родни нет даже денег, чтобы похоронить их по-человечески.

Под видом реформ развалена некогда лучшая в мире система образования, и теперь посреди землетрясения, когда всё вокруг только рушится и невозможно вести никакое строительство, сверху беспрестанно талдычат о том, что всё это сделано во имя повышения качества образования, требуют и далее его повышать. Да разве ж можно жить и строить на вулкане? Что это, если не сумасшествие? А если всё же нет, то умысел? Обезумить, оглупить народ, обезглавить нацию, дабы легче было управлять... “чернью”, “полудикарями”, “обезьянами”?

“Слишком много образования, слишком много науки в России”, – всё ещё слышу я слова Егора Гайдара. С образованными-то да умными, глядишь, и новая революция подоспеть может, а тёмный люд, “чернь” – дело известное: ему довольно “хлеба и зрелищ!” С “хлебом” пока откровенно плохо, зато телезрелищ – невпроворот. Пошлых, но много: есть из чего выбирать. Свобода выбора! Свобода!..

Чего не смог сделать Гитлер почти за пять лет войны, сделали отечественные интервенты и колонизаторы, правда, и тут не без злого совета и крепкой помощи Запада...

Но хватит “страшных слов”! В ход идут страшные цифры...

К 2007 г. на социальное “дно” в России опустилось 14 млн человек: 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4 млн беспризорных детей, 3 млн уличных и привокзальных проституток.

300 тыс. детей в возрасте до 16 лет считаются пропавшими без вести. Свыше миллиона детей не посещают школу.

720 тыс. детей содержатся в сиротских домах (после Великой Отечественной войны и гибели 27 млн человек в сиротских домах было 680 тыс. детей).

Ежегодно в стране пропадает до 80 тыс. человек всех возрастов, из них 30 тыс. – бесследно.

По данным МВД России, в организованную преступность вовлечено 6 млн человек, которые контролируют более 80% банков, 41 тыс. предприятий, практически все предприятия сферы услуг и торговли, всего около 550 фирм.

Ежегодно официально регистрируется более 30 тыс. убийств, в том числе 20 тыс. — заказных. По количеству убийств Россия занимает первое место в мире.

По результатам исследований ВЦИОМ, из 60 млн трудоспособного населения России одна треть — хронические алкоголики, 4 млн наркоманов, более миллиона отбывают сроки в тюрьмах и лагерях. На 100 тыс. жителей России приходится 38 самоубийств в год (почти вдвое больше предельной черты) — одно из первых мест в мире²⁸.

Будущим поколениям грозит маразм, одичание, вырождение не только духовное и моральное (оно уже налицо), но и физическое. Не утешайте себя, господа, многотысячными тусовками “Наших” (чьих “наших” — то, чьих, господа?) на озере Селигер... Видно же, что это всего лишь Большая Игра, но не Дело и не Работа. Будущее грозит, бойтесь Будущего!..

Вот такие (пока?) результаты “возрождения России”... Но об этом не услышишь по радио, не узнаешь по телевизору — СМИ снова под жёстким контролем. Если верить им, жизнь становится всё радостней и веселей...

Ах, милый Иван Алексеевич! Вот взошло Ваше белое солнце, вернулось в Россию время господ, но чрезвычайно редко кто решается обратиться к другому словом “господин”. Даже Президент России и её премьер-министр предпочитают слово “коллега”, хотя звучит это, право же, очень смешно. Мало, безумно мало тех, кто чувствует себя господином в этой жизни, несколько десятков, ну, может, сотня тысяч на всю 140-миллионную Россию. И только Вы, дорогой Иван Алексеевич, ровня им, потому что хоть и обедневший, но всё же помещик и дворянин. Настоящий белый. Но пообщались бы Вы с некоторыми из них, и Вас бы стошнило от их духовного убожества и морального уродства... Вот уж воистину — “чернь”, “белая чернь”.

* * *

Снова скажу: тяжело, невыносимо тяжело было мне перечитывать “Оканные дни”, читать одну за другой бунинские статьи, до самых краёв налитые яростной злобой, испепеляющей ненавистью и барской брезгливостью ко всему, что происходило в революцию, в годы Гражданской войны и в Советском Союзе.

Однажды вдруг поймал себя на мысли: Боже мой, да ведь мне, родившемуся в 1936 г., в ноябре 1953 г., когда Бунин умер, было уже семнадцать лет!.. Семнадцать лет я и Бунин жили в параллельных мирах. Я родился в Ленинграде и вырос при советской власти, обучен и воспитан ею; за эту власть, за Родину отдали жизни в Великой Отечественной мой отец и его брат — оба коммунисты; семья наша — мама, сестра, старший брат и я пережили полтора самых страшных года фашистской блокады Ленинграда; я был пионером, комсомольцем, членом компартии, служил стране преданно и честно. И было за что служить — одно образование моё чего стоит!.. Я — из простонародья, но, как говорится, “вышел в люди”...

Выходит, Бунин яро и скопом ненавидел меня, мою семью, моих друзей и товарищей, миллионы людей, по его понятию сплошь “большевиков”, которые между тем сотворили “советское чудо” — превратили Россию лапотную в Россию индустриальную и электрическую, победили фашизм в Великой Отечественной войне, первыми в мире начали освоение космоса — Боже, да разве надо перечислять всё великое, что сотворили “большевики”?.. И всё это псу под хвост?!.

Но Бунин — не сверчок за печкой: великий русский писатель. А я, волею судьбы, председатель Попечительского совета литературной Бунинской премии, должен знать, что такое — Бунин. И я продолжал читать...

Моментами что-то хорошее в моём уже сложившемся отношении к Бунину рушилось, но вскоре восстанавливалось на прежнем месте, возрастало ещё выше... и снова падало, и снова возвышалось... Час за часом, день за днём в моей душе происходили какие-то чудеса превращения: она протестовала, возмущалась, тоже презирала и ненавидела, болела, стонала, плакала и кричала, но, кажется, всё же росла... И Бунин — злой, холодный, отстранённый, замкнутый и высокомерный — становился мне... не скажу — ближе, но объяснимей и понятней: за каждой строкой я почти воочию видел и чувст-

вовал **человека**, от боли и страданий у которого вот-вот разорвётся сердце. То и дело Бунин отмечает это своё состояние: “омертвение головы, сердцебиение, дрожь в отваливающихся от бешенства, от обиды руках и ногах”²⁹; “как никогда раньше страшно плакал”³⁰; “хватал газету прыгающими от волнения руками”, писал “дрожащими, холодными руками”³¹. Жаловался: потерял всякий вкус к жизни. “Я просто погибаю от этой жизни и физически, и душевно. И записываю я, в сущности, чёрт знает что, что попало, как сумасшедший... Да, впрочем, не всё ли равно!”³²

В такие мгновения я злорадно подмечал: “Вот именно: несёшь “чёрт знает что” и “что попало”. Временами, мне кажется, я видел Бунина таким, каким он бывал в те моменты, когда писал “как сумасшедший” – нервного, озлобленного, обиженного и жестокого, ненавидящего всех и вся. Тогда я думал: “Да, Бунин вот такой. А каким бы был ты, окажись в его положении?” И признавался: “Пожалуй, таким же”.

Отринувшись от текста бунинских записей, я не единожды спрашивал себя: “И всё-таки: почему же не бросишь читать?” И отвечал: “Бунин говорит правду, которой ты не знал, и ты хочешь знать эту правду, как ни противно это твоему уму. Но отчего ж “противно”?.. У Бунина **своя** правда. Да, бунинская правда **не вся** Правда, не чистая Правда, правда знатных и богатых – “белая” правда, которую Бунин преподносит как истину в последней инстанции, с диким напором и ожесточением. И всё-таки – правда. По-человечески Бунина нельзя не понять. И я сочувствовал и сострадал...

И это совсем другое дело, что существует правда простолюдинов, простонародья, правда бедных и нищих, правда мужицкая, рабочая, правда “черни”, правда “полудикарей”, как говорил Бунин, – правда “красная”. И две эти правды никогда не сольются воедино. “Белая” правда никогда не сможет затмить и отменить другую правду – “красную”. И наоборот.

Две России, две горькие правды эти обречены сосуществовать в человеческом сознании, и не дай Бог сорваться с крючка той или иной! Вот тогда – снова Беда, по поводу которой так страстно и горестно кричал всему миру Бунин, тогда снова – революция... Тут всё зависит от того, кто и как будет управлять страной. Но это – другая тема.

Изучив публицистику Бунина, я подумал, что совсем не случайно он не хотел, чтобы статьи и речи его не печатали после смерти: Бунин-публицист, что ни говори, **ниже Бунина-художника**. Обида, злоба, ненависть, желчь и сарказм по поводу всего и вся, что было связано с новой – революционной и послереволюционной Россией, изумляли Бунина, застали его глаза, не позволяли взглянуть на происходившее менее пристально, более объективно. И это понятно: он потерял всё, что имел и ценил, чем дорожил, на что надеялся. Осуждать его не вправе никто. И то, что Бунин говорил безудержно, тоже естественно, а для тех, кто пытается понять, что такое Бунин-писатель и Бунин-поэт, крайне важно: публицистика до конца прояснила художественное начало, характер его героев, манеру письма – “холодность”, “отстранённость”, “сарказм”, “надменность”, “консерватизм” и другие подобные изъяны творчества, о которых писали современные ему критики и чего порой невозможно не заметить. И всё же бунинская публицистика, отличная по форме, слову, силе эмоции и страсти, смелости и мужеству говорить то, что хочется сказать, всё-таки проигрывает прозе и стихам его безнадёжно...

Можно ли осуществить операцию по отсечению в творчестве Бунина художественного от публицистического? “Физически” это не сделать никак. В публицистике Бунин со всей откровенностью выразил те черты своей натуры, которые проглядывались в его поэзии и прозе, но не могли быть объяснены и поняты вполне. Бунин-публицист обнажил их. Теперь можно внести некоторые поправки в понимание сущности этого великого человека и великой личности, достоинства которого как художника в моём представлении ничуть не упали. Гений – это интеллектуальная, психическая аномалия, это необыкновенный человек, и судить о нём обычными способами невозможно.

Вот строки из “Исповеди” Л. Н. Толстого: “Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспоминать об этих годах... Я убивал людей на войне, вызывал на дуэль, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков; казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодение всех родов, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал...” Страшные признания. Но Толстой остаётся Толстым. Так и Бунин. Великий ху-

дожник слова. Публицистика? Несомненно, художественная. Остальное отставим в сторону. Как говорится, не за это ценим и любим...

* * *

В 2009 г. Президент России Д. А. Медведев своим указом создал комиссию, призванную бороться с фальсификацией истории “в ущерб интересам России”.

Наконец-то власть заметила, что у государства и народа украли не только нефть, газ, золото, бриллианты, заводы, фабрики, промышленность и сельское хозяйство, одним словом – экономику, но потихоньку, с помощью соросовских наёмников, умыкнули самое главное – историю страны в её истинном содержании и сущности, нафаршировав Прошлое баснями, мифами и чистопородной ложью – в интересах Запада и “в ущерб интересам России”. История СССР представлена как совокупность преступлений, безрассудств, безумств и несчастий, как сплошной криминал...

В указе Президента говорится прежде всего о новейшей истории России и истории Великой Отечественной войны. А я-то думаю, что проверке на объективность, на истинность следовало бы подвергнуть всю советскую историю, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции, не обеляя, но и не очерняя её. Сказать однажды твердо и навсегда: “Всё, что было в Прошлом России, – это наша история. В этой истории были героические и великие события и личности, были события трагические и постыдные, были люди мелкие и ничтожные. Так или иначе у нас нет другой страны, нет и другой истории. Но в целом история России от дней её возникновения и поныне оказала и оказывает огромное и благотворное влияние на облик всего человечества. Мы можем и должны гордиться своей историей”.

Для фальсификаторов годны даже липовые источники, а тем более заманчиво использовать в своих целях авторитеты в науке, литературе, политике. Бунин как нельзя лучше подходит на эту роль, хотя сам Бунин вовсе не думал о “фальсификации” истории, напротив, он был абсолютно убеждён в том, что речёт абсолютную правду, и делал это с неистовой страстью, талантливо, включая на всю мощь свою феноменальную наблюдательность и безудержное воображение. Перед нами уже не писатель и поэт, а идеолог и политик с талантами истинного художника, излагающий собственные философские, политические, социальные и исторические воззрения со всей беспощадной жестокостью своей природы.

Завлабам “молодой российской демократии” бунинские “Окаянные дни” пришлись как нельзя кстати, ибо создавали ужасные образы Великой Октябрьской революции, Ленина, большевиков и шедшей за ними “черни”, чем на корню, как мнилось им, уничтожали коммунистическую идеологию. Не имея возможности ни согласиться, ни возразить, Бунин начал “работать” на идею “возрождения” России, хотя на самом деле его втянули в новую русскую революцию, во главе которой встали странные и страшные люди, для которых Россия – не любимая Родина, а открытое географическое пространство, огромный “кормящий ландшафт”, “зона для свободной охоты” в поисках добычи; место утоления непомерных политических амбиций и жажды власти.

Бунинская публицистика способна захватить внимание читателя почище детективного романа, перевернуть мозги в удобном автору направлении. Без сомнения, в ельцинскую революцию 1991 г. Бунин помимо своей воли внёс немалую лепту. “В ущерб интересам России...” Увы.

Пропагандистская машина “возрождённой России” (прежде всего – телевидение, видеопродукция, а сейчас ещё и интернет) поработала весьма умело, переняв все формы и методы современных социальных технологий влияния на сознание человека. И многие дети из простонародья всем своим наивным умом восприняли новые мифы и – возненавидели дела своих дедов и отцов: революцию, Гражданскую войну, всё советское – заводы и фабрики, идеи, героев тех времён, образ жизни и самих людей – “совков”, не отдавая себе отчёта в том, что вот теперь-то они навсегда простонародье, воистину “чернь”, путь которой “в люди”, “наверх”, во власть перекрыт уже не тонким слоем новых “господ”, новой “элиты”. Так далеко Бунин, конечно, не заглядывал, но то, что он является ныне одной из числа избранных опор формирования “нового сознания” молодых поколений – это факт.

Бунин был человеком совести, и она, как внутренний закон, вела его по жизни, не позволяя выйти за рамки правил и собственного понимания смысла жизни, определяла все его поступки на поворотных этапах жизни: неприятие Октябрьской революции, советской власти и — эмиграция; отказ от сотрудничества с немцами в годы войны, грозивший ему смертью, и — нищета; отказ от возвращения в СССР, обещавшего ему новую огромную читательскую аудиторию, материальное благополучие, и — тоска по Родине до самой смерти.

В публицистике Бунин был неистово страстен и одержим, бесстрашен и мужествен, вёл себя как герой, упрямо шёл дорогой одиночества с гордо поднятой головой, хотя с каждым годом всё глубже сознавал, что силы и нервы его уходят в пустоту, на борьбу с ветряными мельницами. Донкихот русской культуры. . .

С годами бунинское неистовство, бессильное и невостребованное, затихало, время заставляло порой размышлять над ранее сказанным, иногда, наверное, рождало сомнения в излишней категоричности своих прежних высказываний. Во всяком случае, этому есть некоторые свидетельства.

В воспоминаниях поэта и писателя К. Симонова “Об Иване Алексеевиче Бунине” есть такие строки: “Сколько мне помнится, Бунин два раза возвращался в разговорах со мной к своим “Окаянным дням”, даже спросил меня, читал ли я их. Я сказал, что нет, хотя на самом деле читал. Он сказал, что в этой книге много такого, под чем он сейчас не подписался бы, но она писалась в другое время и в других обстоятельствах, а кроме того, даже и тогда он в этой книге не позволил себе писать о большевиках много такого, что писали в то время о них другие литераторы”³³. И ещё пишет Симонов, что Бунин сказал ему: “. . . Вы должны знать, что двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года (начало Великой Отечественной войны. — **И. И.**) я, написавший всё, что писал до этого, в том числе “Окаянные дни”, я по отношению к России и к тем, кто ею ныне правит, **навсегда вложил шпагу в ножны. . .**”³⁴.

В другом месте К. Симонов писал, что “в сорок шестом году Сталин был для него (для Бунина. — **И. И.**) после победы над немцами национальным героем России. . .”³⁵. Во время одной из встреч с Симоновым Бунин предложил тост: “Выпьем за великий русский народ — народ-победитель! И ещё — за полководческий талант Сталина!”³⁶

На самом деле Бунин с тропы войны не свернул, ещё много раз выступал со статьями, враждебными СССР. И это естественно для Бунина. Издал книгу “Воспоминания” — по тону своему сродни всем прежним публикациям, в 1953 г. готовил к переизданию “Окаянные дни”.

Бунин-публицист и Бунин — писатель и поэт — это единая и целостная Личность, в творчестве которой художественное выше публицистического, но берёт своё начало из бурлящей страстями и мыслями природы этого человека, включая страсти политические и социальные. Снова скажу: Бунин-публицист ничуть не принизил в моём сознании Бунина-художника, напротив, я лучше понял его как человека, стал уважать за смелость и мужество.

Но — не сотворим себе кумира! Жил да был на белом свете очень русский человек со своею Белой правдой — Иван Алексеевич Бунин. Красивый и умный, бывал велик и мал, добр и зол, любил и ненавидел, страдал и наслаждался, был бесстрашен и пуглив, милосерден и жесток. . . Был человек, обыкновенный гений. . .

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алданов М. А. И. А. Бунин. Собрание сочинений. “Петрополис”, 1935. Т. IX, X // Современные записки. 1935. Кн. 59. С. 472.

² Иван Бунин. Pro et contra. СПб., 2001. С. 629.

³ Там же. С. 641.

⁴ Бунин И. А. Окаянные дни // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. С. 309.

⁵ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 292–293.

⁶ Там же. С. 282.

⁷ Там же. С. 296.

⁸ Там же. С. 297.

⁹ Там же.

- ¹⁰ Цит. по: Бунин И. А. Т. 6. С. 414.
- ¹¹ Бунин И. А. Миссия русской эмиграции // Бунин И. А. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 8. С. 391.
- ¹² Бунин И. А. Окаянные дни. С. 343.
- ¹³ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 311.
- ¹⁴ Бунин И. А. Ещё об итогах [из "В. д."] // Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 380–381.
- ¹⁵ Бунин И. А. Ещё об итогах. С. 381.
- ¹⁶ Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. / М.: Наследие; ИМЛИ РАН, 2000. С. 5.
- ¹⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 318.
- ¹⁸ Там же. С. 334.
- ¹⁹ Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 8.
- ²⁰ Цит. по: Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 8.
- ²¹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 342.
- ²² Там же. С. 331.
- ²³ Там же. С. 332.
- ²⁴ Бунин И. А. Ещё об итогах. С. 384.
- ²⁵ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 333.
- ²⁶ Там же. С. 317.
- ²⁷ Там же. С. 306.
- ²⁸ Пугачёв В. День грядущий на закате. Механизм скрытого национального самоуничтожения в современной России // Советская Россия. 2008. № 147. 10 января.
- ²⁹ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 331.
- ³⁰ Там же. С. 408.
- ³¹ Там же. С. 310.
- ³² Там же. С. 374.
- ³³ Бунин И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 423.
- ³⁴ Там же. С. 422–423.
- ³⁵ Знамя. 1988. № 3.
- ³⁶ Цит. по: Лавров В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). М.: Молодая гвардия, 1989. С. 342.

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

ВЕЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

Я познакомился с Валентином Распутиным в Иркутском университете более полувека назад. Мне было 17 лет, ему 18, мы жили в одном студенческом общежитии, а один год, когда он был на третьем курсе, а я на втором, — даже в одной комнате. В отличие от Александра Вампилова, в отличие от меня, от будущего прозаика Кима Балкова — в отличие от нас, ходивших в литературное объединение к своему педагогу и уже тогда известному литературному критику В. П. Трушкину, Распутин не бывал на наших посиделках, не печатался в родной многотиражке “Иркутский университет”. Первый рассказ “Я забыл спросить у Лёшки” он напечатал в 1961 году в альманахе “Ангара”, через два года после окончания университета. У Вампилова в тот же год вышла книжечка рассказов “Стечение обстоятельств”. Наверно, по стечению обстоятельств и мои первые стихи — восемь опусов, как любил говорить Вампилов, появились в книге молодых поэтов “Здравствуй, жизнь!” тоже в 61-м. То есть мы оказались людьми одного призыва.

В годы, когда Распутин переехал из Иркутска в Красноярск и работал там в молодёжной газете, а я в Бурятии, мы встречались в Новосибирске, где вместе с такими же бойкими журналистами готовили объединённый номер комсомольских газет Сибири. Позже, уже став членами Союза писателей, виделись на писательских съездах. Приезжал Распутин и в Улан-Удэ, где мы тепло общались. В восьмидесятых годах он возглавил Байкальское движение — сообщество литераторов многих стран, поднявших свой голос против загрязнения озёр и рек планеты. Мы были вместе в Армении, на озере Севан, где проходила встреча писателей Европы, Азии, США и Канады, оттуда специальным самолётом перелетели в Ташкент, где тоже бурно обсуждали судьбу среднеазиатских водоёмов, прежде всего, умиравшего Аральского моря, потом отправились в Алма-Ату и на озеро Балхаш, участь которого оказалась не менее плачевной. И, наконец, в девяностых и двухтысячных годах уже в Иркутске, где мне волею судеб было определено несколько лет руководить писательской организацией, общение с Валентином Григорьевичем было постоянным. Без его авторитета и помощи не были бы возможны ни государственное финансирование нашего отделения творческого Союза, ни крупные культурные и литературные акции.

Что я скажу о личности В. Распутина после полувекового общения с ним? Хочу спросить своих читателей: какими вы представляете наших великих писателей? Чехова — мягким, интеллигентным, Толстого — мудрым, Достоевского — великим знатоком души, Тургенева и Гоголя — возвышенными, лирическими авторами? Для меня Распутин стоит в этом ряду — понимающий другого человека, спокойный, очень надёжный, свято придержащийся правды и в творчестве, и в жизни, хорошо чувствующий красоту и поэзию. Как и Алек-

сандр Вампилов, которого я знал неплохо, он самобытен; но как выдающийся русский писатель несомненно схож со своими предшественниками в главном: Распутин сохраняет в какой-то особой чистоте и святости свою душу. Русские писатели могли совершать в быту, в частной жизни ошибки, оплошности, но в области духа, в творчестве они не теряли высоты, да и в частной жизни — благородства и нравственной силы, потому что нечестный, мелкий человек не может стать крупным писателем, тем более такого масштаба, как Распутин.

Мне не раз приходилось присутствовать на многолюдных сборах людей умных, знающих жизнь основательно, понимающих искусство и давно служащих ему. Такое собрание не удивишь; имя очередного оратора, часто знаменитого, оно воспринимает спокойно, без видимого проявления чувств. Но стоит объявить Распутину, стоит ему, устраиваясь за кафедрой, только-только произнести первое слово — публика уже натянулась, как струна; все замерло, насторожились, приготовились не слушать, а внимать, ибо произнесено будет что-то особенное, важное, чуть ли не пророческое.

У меня хранится одна любопытная страничка. Весной 1995 года мы, писатели-иркутяне, пригласили из всех районов области литературно одарённых детей. Помню, дня три (а у ребят были каникулы) мы разбирали стихи, сказки, крохотные рассказы юных “писателей”, давали им советы. В последний день определили триумфаторов творческого конкурса и подарили каждому из них стопочку книг с автографами. Во все стопочки я, тогдашний руководитель писательской организации, вложил новый сборник В. Распутина “Россия: дни и времена”, предварительно попросив его написать ребятам свои пожелания. Я предполагал, что он напишет что-нибудь традиционное. Но, заглянув под обложку первой книги, прочитал такие строки, которые остановили бы внимание всякого любопытствующего. Такие слова не пишут, отбывая повинность. Такое говорят человеку близкому — о сокровенном, сто раз передуманном, тяжело выношенном. Это не могло кануть в Лету. Торопясь и волнуясь, я отыскал ручку и переписал пять коротких пожеланий — не безвестным школьникам, нет, а родным наследникам.

Автографы такие:

“Оксане Сапрыкиной, г. Тулун, школа № 4, 11 класс.

Если бы в литературу приходили только нравственные люди и писались только нравственные книги — разве таким был бы сегодня мир? Как бы хотелось, чтобы об этом помнили вы, проходящие...”

“Сергею Семёнову, профессиональное училище № 21, г. Тайшет.

Кто-то из великих сказал, что человек, берущийся за литературное перо, приводит в движение миры. И это так. Но: хорошо быть повелителем, однако нужно быть добрым повелителем. Желаю таковым тебе и стать”.

“Марине Васильковой, Усть-Удинская средняя школа № 1, 7 класс.

Много профессий в жизни, но, быть может, самая трудная и изматывающая человека, но и самая-самая, приносящая утешение, — та, в которой ты пробуешь силы. Успехов тебе!”

“Виктору Котову, лицей г. Черемхово, 10 класс.

Дорогой юный коллега! Эта книга из трудных времён России — хотелось бы, чтобы в будущем с твоим участием была написана другая, о временах более счастливых, книга”.

“Жене Михайловой, Усть-Удинская средняя школа № 2, 11 класс.

Надеюсь на встречу на страницах общей книги. И как знать! — может быть, скоро. Удачи тебе!”

Это — о личности. Теперь о творчестве.

Мне кажется, при оценке В. Распутина, как и А. Вампилова, говорится много несуразностей. Вот известный режиссёр и актёр рассуждает о Вампилове: “Этот драматург обогнал время, не знаю, на сколько, на 25, на 50 лет, но обогнал”. Другие пишут: “Вампилова не поняли и потому не приняли”. И то, и другое — глупость. Вампилов и Распутин не обгоняли время. Они восстановили в тогдашней текущей литературе классические традиции, они через временную пропасть взяли из рук классиков волшебное перо и начали писать, как писали русские классики. Они продолжили традиции Пушкина, Толстого, Достоевского, Горького и Шолохова — писать о глубинной народной жизни, о её трагедиях, изломах и её немеркнущей красоте, рисовать характеры не кукольные, а живые, противоречивые, с обвалами в грязь и мрак, но

зато и с постоянным, может быть, судорожным, смертным желанием вырваться наверх, к свету и вере.

Вот Распутин. Первые свои сочинения – 1961–1964 годов – он теперь не печатает, это написанные по тогдашним канонам рассказы и очерки.

Подлинно распутинская проза началась с рассказов “Встреча” (1965 г.), “Рудольфо” (1965 г.), “Василий и Василиса” (1966 г.) и с повести “Деньги для Марии” (1967 г.). Вспомните рассказ “Василий и Василиса”, в основу которого, по признанию писателя, он положил историю бабушки и дедушки. Два человека всю жизнь любили друг друга, во всяком случае и детей нарожали, и всегда оставались друг подле друга. Но неуправляемые характеры трагически разводили их, и только под конец жизни, после изломов, душевных ран, после странного для родных и соседей обитания в одном дворе, обитания враждебного и в то же время неразрывного, они простили друг друга и опять обрели родство, определённое им Богом. Рассказ молодого Распутина жил по своим художественным законам – их на века определила классика. Почти в те же дни пишет своё самое трагическое, самое бесстрашное произведение – пьесу “Утиная охота” и Вампилов. Его, говорят, не поняли и потому не приняли. Ерунда. Умных людей, критиков и режиссёров, было много и тогда, они могли сравнить Зилова из “Утиной охоты” с известными героями русской классики. Например, с Федей Протасовым из “Живого трупа” Льва Толстого, да и с “лишними людьми” из романов других великих писателей, но идеологический надзор не позволил поставить пьесу в театре.

Обогнал ли В. Распутин время? Эта категория “обогнал” вообще не подходит к литературе. Обогнал ли время М. Шолохов, написав в очень молодом возрасте “Тихий Дон”? Нет, он продолжил классику, того же Льва Толстого или жившего ещё тогда Максима Горького с их романами, повестями и рассказами, открывшими такие глубины национальной русской жизни, которые для других писателей были недоступны.

Думаю, что и те, кто постоянно, уже традиционно рассматривает В. Распутина в ряду писателей-“деревенщиков” (Ф. Абрамова, В. Белова, М. Алексеева, В. Шукшина, даже А. Солженицына с его “Матрёниним двором”), затемняют, даже искажают картину русской литературы второй половины двадцатого века.

Конечно, каждый крупный писатель не вырастет на голом месте, без почвы, которая подготовлена не только дальними предшественниками, но и мастерами слова – современниками. И в тематике, и, отчасти, в художественном своём методе Валентин Распутин использовал опыт “деревенщиков”. Но никто из них так обострённо, художественно убедительно, выстраданно не показал, что нравственная, духовная жизнь народа оскудевает, подрубаются вековые корни, которые питали национальную Россию. Трагическое движение народной жизни к распаду – от пятидесятих годов прошлого века до нынешних дней – никто не передал так полно и художественно мощно, как прозаик из Сибири. Для каждого отрезка нашей национальной истории, когда родная почва всё явственней и явственней уходила у нас из-под ног, писатель нашёл ёмкое определение. Ведь повести и рассказы Распутина можно назвать художественными метафорами русского двадцатого века. И “Последний срок”, и “Прощание с Матерой”, и “Пожар”, “Дочь Ивана, мать Ивана” – всё это метафоры-предупреждения, которые не мог не услышать современник автора, они отложились, как грозные письмена на особых скрижалях памяти. Эти письмена ещё пригодятся при выборе исторических путей.

* * *

Многие из пишущих боятся или не умеют сказать правду о губительном положении народа. В. Распутин выбирает таких героев, которые видят бездну трезвыми глазами. Кажется, что само место этих людей в гуще страдающего народа и сами характеры героев, их закал и прочность, позволяют им иметь своё суждение и смело высказывать его другим. Да и у самого писателя такой закал и такая прочность в творческом характере, что он без страха скажет в лицо мучителям России справедливый и смелый приговор.

Юный Иван из последней повести прозаика, по-своему переживший трагедию сестры и матери, приходит к своему страшному открытию:

“Только сейчас, оставшись наедине, он, казалось, наконец вытиснулся из себя и вышел в мир. И то, что увидел он в нём, поразило его. Огромные и страшные перемещения, от которых взрослые почему-то отворачивают глаза, происходят в мире, одни наступают, другие отступают, и среди вразброд отступающих, растерянных и обессиленных, как приговорённое жертвенное стадо, теснимое к обрыву и не понимающее, что с ним происходит, был и его народ. На самой-самой кромке обрыва вынесут ему окончательный приговор: одних, просветлённых новыми знаниями и новыми правилами поведения, помилуют, других, обсудив, как гуманнее поступить с ними, отправят восвояси, в те глухие и немые свояси, где уже ничего нет. От помилованных потребуют: отрекитесь! И отрекутся. А вослед избранным скажут: вы видели, как много среди них было больных и дурных, преступников и староверов; мы сделали это, чтобы спасти от них мир. И мир согласится: тому и быть, каждый получает то, чего он заслуживает”.

“Избранные” уже приняли этот порядок; чиновничество увидело в новом своём положении выгоду: нет такой инстанции, перед которой они отвечали бы, зато есть бесчисленные кормушки и сказочные бездонные карманы, из которых можно брать для себя без боязни и мёд, и сало, и наряд, и путёвку на заграничный курорт, и машину, и роскошный особняк.

Эта повесть — и тщательное дознание, и справедливый суд, и выверенный приговор. Каждый из героев-свидетелей положил перед незримым судьёй свою беду. Мается среди ночи вечный труженик Иван Савельевич; не находит места ни днём, ни ночью Анатолий; бежит от себя, осквернённой, и никак не может убежать Светка; ищет приложения своим силам и долго не находит поприща Иван; со смертной болью переживает неожиданный удар судьбы Тамара Ивановна. Это в одной семье столько страдающих душ, а сколько их за пределами стен, где мечутся эти пятеро, — сколько искалеченных, не до смерти убитых, опозоренных, раненных несправедливостью, горящих от гнева душ, сколько их по всей России! И нет для них поводырей, нет Мининых и Пожарских, которые бы повели их. Есть ли враг? Конечно, есть. Это он, хитрый, лицемерный, жестокий, кричит на всех перекрёстках, что врагов нет, что виноват сам народ, безвольный и ленивый. Врёшь, мерзавец, народ наш русский смел, работающ, трезв, это ты, враг внутренний, договорившись с врагами забугорными, пленил его, спеленал и теперь опаиваешь отравой, лишаешь воли к сопротивлению...

Философия социального устройства государства сложна и в то же время предельно проста. Если завтра вымрут все богатые, то с нищих не упадёт ни один волос. Но если завтра сгинут все нищие, то мгновенно перемерут и все богатые: из кого же они будут сосать кровь?

Каждый читает своей душой, у каждого из миллионов русских людей свой счёт грабителям и разрушителям, насильникам и растлителям. Свой счёт власти, под чьим крылом развернулась страшная российская вакханалия. Каждый день даёт повод для жестоких размышлений, которыми мучаются и герои повести. Просто, как редко сейчас случается в литературе, страницы книги и безмерная по жестокости жизнь, творящаяся вокруг, совпали. Человеческая душа у края.

Но те, кто не слышит голоса народа, не услышит и голоса его глашатая.

* * *

“Дочь Ивана, мать Ивана” — повесть классическая. Действие в ней развёртывается на фоне полнокровно текущей жизни. В кабинете ли следователя, в коридоре ли присутственного места, на рынке ли, на дождливой ли улице — всюду автор выписывает этот фон событий с его узнаваемыми, подлинными чертами. И чем драматичней, невыносимей положение, в котором находится сейчас, сию минуту, герой, тем пронзительней становится повествование, тем безжалостней рвёт писатель свою душу, выворачивает себя на изпод, мучаясь вместе с людьми и сострадая им. К примеру, всю ту часть повести, где отец и мать ищут дочь, находят её, сидят в прокуратуре, приезжают втроём домой — всю эту тяжёлую, чёрную часть повествования Распутин ведёт с огромным напряжением. Иной писатель ведёт рассказ нейтрально, отстранённо. Здесь же всё дышит живым участием к героям, тем сопереживанием, на которое способен лишь близкий, родной человек.

А разве не таковы произведения Л. Толстого “После бала”, “Крейцерова соната”, “Воскресение”? Там тоже всё время рядом с читателем родной собеседник, нравственный судья.

Особая способность вдумчивого писателя — смотреть на жизнь глазами своего героя. Герой этот не похож на автора ни душой, ни телом — и профессия не та, и нажитый опыт иной, и характеры совсем разнятся, а поди ж ты, автор, как близкий друг, как брат, смотрит на жизнь чужими глазами и понимает её, как понимает — тот.

Я опять слышал упрёки автору: зачем в художественную ткань вкраплена публицистика? Зачем, описывая молодость Тамары Ивановны, детство Светки и Ивана, а особо — отчаянный поступок их матери, автор всякий раз даёт свои оценки, пускается в собственные размышления? А как иначе? Не просятся ли сами на уста единственные слова, которые любой не потерявший разум человек только и может после такой истории сказать: “. . . как ещё можно противостоять бешеному разгулу насилия и жестокости, если государство своих обязанностей не исполняет, а правосудие принимается торговать законами, как редькой с огорода? Как? Тамару Ивановну жалели и втайне её оправдывали; о дочери же её, как только заходил о ней разговор, неопределённо вздыхали, не желая договаривать: слишком большую приходится платить за её честь цену — будто эту цену запрашивает она сама или будто слабость вивата в том, что она слабость”.

У Распутина особенные герои: каждый из них словно изваян из одного материала. И старуха Анна, и старухи из повести “Прощание с Матёрой”, и Иван Петрович, и Сеня, и Настёна, и Пашута — все они светоносны, и все явились на страницы повестей и рассказов словно бы в законченном, до конца развившемся облике. Каждый из них замешен из своего однородного материала. Душа каждого из них — как глубокий шурф, и сколько ни копай, всё будет твёрдая порода. Не как у Достоевского, например. Там за кремневой породой может идти рассыпчатый песок, потом болотная жижа, а ниже скальный гранит. Даже у современника и друга Распутина, Александра Вампилова, герои драм и комедий — характеры “многослойные”. Его Зилов может броситься на помощь человеку, пожертвовать чем-то для ближнего, а может быть бездушным, жестоким, эгоистичным. Он всякий — не злодей и уж далеко не ангел, не конченный в своей безнравственности и уж, конечно, не пример другим. У героев Распутина нет такой нравственной амплитуды, и мы с радостью принимаем их такими — цельными, прошедшими какой-то особый закал в жизни. И кстати, повести его, прежде всего, “Прощание с Матёрой”, “Живи и помни”, “Дочь Ивана, мать Ивана” тоже видятся мне похожими на строгих, неподкупно правдивых людей. Они принесли страшные свидетельства, на каждом из этих свидетельств — своя мета времени. Я сравниваю в уме: “Записки охотника” или “Степь” стоят у Тургенева и Чехова как-то особняком, их трудно объединить с другими сочинениями этих писателей. Оба произведения — очищенное, промытое зеркало, в котором видны русский человек, русская душа. И у Распутина, конечно, можно взять одну из названных (да и неназванных) повестей, в ней тоже увидишь неискажённую русскую душу. Но лучше взять три сразу, в них она, душа, увидится в разные времена, на разных ветрах и, конечно, яснее, вся до донышка. Только такие произведения соответствуют художественной задаче, о которой когда-то говорил философ Иван Ильин: “Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи”. И ещё. Только над такими произведениями повторяешь мысли Ивана Шмелёва о том, что значит для русского писателя — найти родину и выразить её в правдивых образах: “Прежде всего: душу её почувствовать. . . Надо её познать, живую! Не землю только, не символ, не флаг, не строй. Чуют её пророки — её поэты: по ней томятся, за неё отдают себя. Отдают себя за её лик, за душу; ими вяжет она с собою. . . Поэты называют её Женой, Невестой; народ — Матерью, и все — Родиной. Что же родное в ней? Всё, что заставляет трепетать сердце, что перехлестнулось в душу, как через один взгляд неожиданный вдруг перельётся из родных глаз бездонное, не называемое. . . без чего — нельзя жить”.

* * *

Мне приходилось кратко писать о языке В. Распутина*. Но всегда повторное чтение приносит новые открытия. В его рассказах и повестях на каждой странице находишь светящиеся слова. Кажется, что до поры до времени они лежали где-то в запасе — памятные, но подёрнутые налётом покинутости, родные, но отчуждённые временем, красочные, но не протёртые мягкой губкой художника. И вот они опять явились в своём торжестве — выплывшие в памяти, обретшие былую красоту: “Заходили в ограду люди — изба стояла как на пупке (здесь и далее выделено мной. — А. Р.), и видно было от неё на все четыре стороны света. Особенно хорошо был виден разлив воды в понизовьях — могучий, широко раздвинувший берега и какой-то захлёбисто-мерклый, без игры и радости. Тут, в Агафьиной ограде, было над чем подумать, отсюда могло показаться, что изнашивается весь мир, — таким он смотрелся усталым, такой вытершейся была даже радость его. Здесь можно было вволюшку повздыхать, и столько здесь скопилось невыразимых вздыханий, что тучки на небе задерживались над этим местом и полнились ими, унося с собою жатву людских сердец”.

Повторите эти строки, выделяя светящиеся, главные слова — и вы поймёте, с каким тщанием и любовью подбирал художник свои речения. Конечно, такая работа не каждому даётся: надо знать всё богатство родного языка, иметь чутьё, дарованное писателю, может быть, многими прежними поколениями, и видеть красоту каждого слова.

Кажется, что это о прозе сибиряка сказал когда-то Николай Гоголь: “Здесь-то увидят наши писатели, с какой разумной осмотрительностью нужно употреблять слова и выражения, как всякому простому слову можно возвратить его возвышенное достоинство умением поместить его в надлежащем месте и как много значит для такого сочинения... это наружное благополучие, эта внешняя обработка всего; тут маленькая соринка заметна и всем бросается в глаза...”

* * *

Не всё, что хотелось сказать, легло на бумагу. Но ведь созданное художником — это вечные письмена, и ты можешь возвращаться к ним снова и снова. Лишь бы на них откликнулась душа.

---

* См. кн. “Лицом к свету”, Иркутск, 2003, с. 310–311.

АННА ГРОДЕЦКАЯ

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

К 80-летию Глеба Горышина

Разбирая архив отца и уже разобрав, думала о том, как и что написать о нем, что опубликовать. Чтобы помнили. Нельзя же забыть.

Последняя его прижизненная книга – “Гора и Берег” – вышла в 1989 году. Печатал Глеб свои “записи”, “записки”, уже не изменяя любимому, очерково-дневниково-новеллистическому жанру, только в журналах и газетах. Печатался он и раньше в “Нашем современнике”, и в 80-е, и в 90-е, прозу Глеба ждали, читали, любили. Здесь он опубликовал около десятка рассказов, очерков, рецензий и мемуарных “записей”^{*}.

Выходили раньше и книги, выходили почти ежегодно, всего более тридцати сборников прозы. Он много писал, писал всегда, ежедневно. Хорошо помню его признания в этой своей ежедневной радости. И пишущим его помню – за машинкой стоящим (под машинку были подложены ящики из письменного стола, чтобы – в рост), и на пеньке в лесу или у палатки сидящим. Остались десятки записных книжек, летучих ежедневных дневниковых записей. Легкий (но нелегко читаемый), летучий, улетающий почерк – причудливый, похожий на рисунок полевых и лесных растений и трав. Похожий на то, что Глеб любил и в словах рисовать – и травы, и листья, и цветы, и деревья, озёра и реки, ветры и зори. Странно, что он не цитировал Бунина-поэта. Прозу его любил, а вот стихи... Он вспоминает, конечно, то Хемингуэя, которым сражен был в молодости, то Пришвина и Соколова-Микитова, чьей “странствующей музе” был предан, то Шукшина и Юрия Казакова, с которыми был дружен, но вспоминает “к слову”. И эти редкие в его прозе вкрапления воспринимаются как литературный орнамент. Так и должно быть. “Записки натуралиста” и “письма из деревни” – те главные жанры, в которых работал Глеб, по природе своей не книжные, но литературные. У них иной поэтический источник – поэт “слышит, как растёт трава” (по Гёте).

Литература и рассказы о ней, рассказы о писателях – другая проза, другой жанр, которому Глеб отдал много души. Наверное, “Жребий: Рассказы о

---

^{*} Вот основной список публикаций Горышина в “Нашем современнике”: “Остров большой, остров маленький...”: Рассказ (1975. № 3); “Я сам был Россия...”: О творчестве И. С. Соколова-Микитова (1985. № 8); Послесл. к очеркам: Абрамов Ф., Чистяков А. На nive духовной (1986. № 7); “Сначала было слово...”: Воспоминания о Ю. Казакове (1986. № 12); “Мой мальчик, это я...”: Записки по вечерам (1994. № 6, 7); “Грибы поздней осени. Неубитая птица. Чья резина лучше”: Рассказы (1996. № 9); “Что читать при инфаркте. Записи по вечерам”, 1982–1986 (1997. № 8); “Проза престарелых красавцев” (1998. № 3).

писателях” (Л., 1987) — книга, в которой собраны записи-впечатления ученические — дружеские, читательские. Это записи о старших: М. М. Пришвине, И. С. Соколове-Микитове, Ф. А. Абрамове, — и о близких: В. Шукшине, Ю. Казакове, В. Курочкине, В. Голявкине.

Хотя главной своей книгой сам Глеб считал повесть “Запонец” (1970)*, повесть-хронику о ленинградских девушках, работавших в блокаду на лесозаготовках, книгу, посвященную отцу — Александру Ивановичу Горышину, возглавлявшему в военные годы трест “Ленлес”, главной всё-таки стала последняя книга — “Слово Лешему”, которую автор так и не увидел изданной. Он собирал её более 10 лет, предлагал книгу в издательства, но издать эту последнюю, дорогую ему позднюю прозу удалось только спустя год после его смерти, в 1999 году. В середине 80-х в деревне Нюрговичи на Вепсской возвышенности Глеб купил избу. То есть — отдал 300 рублей её бывшей хозяйке и жил в избе из лета в лето. Деревня — даже не в лесу, а в тайге, на берегу глубокого тёмного озера — умирала. Последних оставшихся в ней стариков переселили в посёлок, в опустевшие избы постепенно вселялись дачники. Медленную смерть деревни Глеб и писал год за годом — на фоне бессмертия таёжных боров.

“Середина августа. О, Ваше Августейшество! Высоко на голубизне неба неподвижные подмалевки облаков. Ветер дунет с юго-востока и стихнет. Рано утром над озером воцарилась сплошная белая шуба из тумана. Как будто озеро укрыли дымовой завесой от посторонних глаз. Утро выдалось изобильно росное, в росе по колено. Чем дольше здесь живу, тем сильнее во мне чувство долга — быть здесь; не уехать, даже не отлучиться. Кажется, отлучусь и чего-то лишусь, недополучу”.

“Надо уходить в леса, плыть по водам, закидывать уду. <...> Что надо — прожить здесь зиму, весну, написать каждый день и как начнётся лето. В этом цель, смысл, задача, это — моё; всё другое — чужое, от людей”.

“Домой плыл в час угасания дня, пришествия ночи. Озеро сделалось гладким, а небо ещё более светлым, с белыми облаками, синими промоинами, и невысоким. Греб еле-еле, но подвигался. Было тепло, хотелось одного: чтобы так ещё было, было. Жизни не переделаешь, легче не станет, но есть же, есть приют для души, пристанище для брэнного тела. Прости, Господи, грешного раба Твоего непрощёного...”

Так не хотелось ехать в город, так дорог здесь день, час, солнечный луч. Если что приходит, то только мысль. А и ладно, чего ещё ждать? Кого?”

“Пора уезжать, но что-то держит, прежде всего особенная цена здесь прожитого времени. Здесь нет ни одного пустого, ничего не стоящего мгновения. Просто смотреть, дышать... Уходить не хочется. Некуда. Здесь последний приют. Я вернулся в природу. Всё исполнилось в моей жизни благополучно: к исходу подыскался исконный, неиспорченный русский (хотя и вепсский) лес, озёрный край, мир тихих нег”.

“Не написаны зима, весна, лето; я всё пишу предосеннюю пору. В позднюю осень тоже не залегаю. Я нахожусь в ранней и середине осени, моя поздняя осень скорёхонько придёт”.

Не пришла к Глебу поздняя осень, он умер в апреле 1998 года, встретив в марте своё 66-летие. Его раннеосенняя проза поэтично-любовна. И с какой нежностью названы очерки — “Луна запуталась в берёзе”, “Возвращение снега”, “И вздох осин при каждом шаге”...

Если в ранней прозе Глеб был странствователем, то в поздней он называет себя то Беглым, то Лешим. В его руссоистском бегстве в деревню была, наверное, доля протеста. В 70-е и 80-е годы Глеб возглавлял экологические

---

* Впервые опубликованная в журнале “Звезда” (1970, № 8), повесть вошла в сборники Горышина: Водопад: Повести, рассказы. Л., 1971; День-деньской: Повести и рассказы. М., 1972; Повести и рассказы. Л., 1976; Запонец: Повести, рассказы, очерки. Л., 1980.

комиссии, боролся за чистоту Ладоги и Онеги. Он хотел быть публицистом и, правду сказать, на рубеже 90-х и в 90-е написал много острых и раздражённо-желчных статей о том разрушительном десятилетии, пережить которое ему не хватило сил. Желчность проникла в разные жанры, и даже “рассказы о писателях” из признаний в любви превратились в эти годы в рассказы о непризнании. Но, позволив себе желчно-энергичное раздражение, Глеб тут же – нет, не остывал, ему как будто становилось за себя неловко. И он снова убегал к своим лесам, ягодам-грибам, травам и росам, к живущим в лесах кротким людям, принимающим перемены в жизни как перемены погоды: холодно – тепло, сумрачно – ясно. Так, мне кажется, привыкал в последние годы жить и Глеб.

Я помню отца и нежным, и кротким. Да, он, бывало, сердился, но тут же смягчал. Очень не любил моей максималистской горячности: “Что ты! Тише!” Помню его больше молчащим, чем говорящим. Молчать вдвоём с ним было легко. Впрочем, я, дочь его первой семьи, с которой он рано расстался (мне было года 3–4). Вместе с отцом я никогда не жила, но вместе – много ездила. В 1976-м привёз меня на Алтай, на Телецкое озеро, где началось его писательство, куда сам он любил возвращаться – к своей молодости, к своей первой таёжно-озёрной любви.

В деревне Нюрговичи, на Горе, на крутом берегу Корбьозера я тоже бывала с отцом. “Кто украл хомуты?” – кричал Глеб с Горы, и эхо из дебрей, из корбей – это вепсские лесса – отвечало с другого берега: “Ты, ты-ы-ы...”. Признаюсь, привязанности к этим местам у меня не возникло. Полюбить их не просто – эти мрачные боры, узкие и глубокие, неподвижно-тёмные, почти чёрные озёра.

В последней книге “Слово Лешему” много стихов. Стихи у прозаика Горышина в его раннеосенние годы писались легко, он опубликовал несколько поэтических подборок* и два сборника – “Виденья” (1990) и “Возвращение снега” (1996). Но и проза его легко и органично ритмизовалась и рифмовалась. Многие стихи родились именно на страницах его вепсских очерков, “выпелись” в вепсских лесах. Перечитывая и готовя к переизданию его последнюю книгу, я среди стихов, мне известных по сборникам, нашла и несколько оставшихся в книге: одни выделены в тексте, другие даны прозаической строкой, из неё вырастают.

*За полдень в сентябре. Деревня Чога.
Дождь мельтешит в окне. Потрескивает печь.
Спокойно на душе. Изба моя убога,
но кров не просквозила течь.
Куда ни кинешь взор, зелёные увалы,
разводий синева, рябиновый окрас...
Те счастливы, что побывали
на нашем берегу хотя бы раз.*

Звенит тишина. С той стороны Озера двоит кукушечий голос. Того гляди распустятся купавы: стоят на косогоре, будто павы. Их лица желты, головы круглы. В избе просели печка и углы.

На небе ласточек не стало, зато привольно комарам. И всё же плакать не пристало, не слышно воплей по дворам. Не видно птиц – такая малость! Уж на лугу второй укос... Разлетье. Красок побегалость. Пустынно небо, как погост.

---

* См.: “Алтай”. Альманах. (1990. № 3); “Аврора” (1990. № 8; 1995. № 2); “День русской поэзии” (СПб., 1994).

НИНА КАТАЕВА

ЮБИЛЕЙ НА ФОНЕ БЕСПРЕДЕЛА

“Боян” — это символ державности
Анатолий Полетаев

В марте народному артисту СССР, профессору Анатолию Полетаеву, художественному руководителю и главному дирижёру Государственного академического русского концертного оркестра “Боян” (лауреата Международного конкурса в Берлине, лауреата премии Ленинского комсомола, участника многочисленных международных фестивалей) исполнится 75. Блистательный коллектив, которому в советские времена, до самой перестройки, на Западе аплодировали стоя, преклоняясь перед этим “островом духовного начала, олицетворяющего первозданную мощь русичей, величие культуры земли Русской”, — драгоценное детище Полетаева. Необъяснимо приподнятая атмосфера на концертах “Бояна” возникает благодаря уникальному звучанию — инструменты симфонического оркестра руководителем-виртуозом по наитию были соединены с народными — недаром музыковеды называют оркестр “восьмым чудом света”.

В Центр славянской музыки в Москве, выстроенный самими музыкантами на руинах церкви Святого Власия, в течение десяти лет, вплоть до 1995 года, спешили ценители “настоящих” Глинки, Чайковского, Дворжака, Сметаны, Рахманинова, Свиридова — спешили со всего света. У зарубежных туристов концерт “Бояна” значился в программе ознакомления с достопримечательностями Москвы. С таким чувством и глубиной, как “Боян”, никто не исполнял славянскую музыку. Но храм передали церкви, и в жизни уникального оркестра, который по праву именуют “национальным достоянием России”, началась странная полоса. Существование без помещения, настоящие мытарства по временкам, распоряжения бывшего мэра Москвы Ю. Лужкова “срочно решить вопрос” упорно не выполнялись. А в 2006 году в ведомстве, руководимом тогда М. Швыдким, коллектив и вовсе решили ликвидировать по причине “внежанровости” и в связи “с оптимизацией бюджетных расходов”. И только благодаря поддержке участников Второго Собора славянских народов Беларуси, России, Украины в 2006 году в Минске, обратившихся с письмом к президенту Путину, “Боян” выжил. Основателя оркестра, отметившего в те дни 70-летие, тепло поздравили Путин и министр культуры Соколов.

Но хорошо сказать — выжил. Лаконичные строки правительственных документов в поддержку оркестра и тёплые слова поздравления руководителю “Бояна” от первого лица государства и прямого начальника оркестрантов по сути ничего не изменили. Всё, что происходит с оркестром вот уже в течение не-

скольких лет, бесчисленные его поклонники из самых разных сфер именуют не иначе, как “травлей” Анатолия Полетаева – виртуозного исполнителя, уникального аранжировщика, талантливого композитора, который многие годы служит делу просвещения, сохранения и развития традиций русской музыкальной культуры. В оркестре затеяли необоснованную реорганизацию, суть которой сводится к тому, чтобы отобрать первейшие функции у главного дирижёра, отодвинуть его от непосредственной работы с коллективом, которому отдано 40 с лишним лет жизни, а главное – сам оркестр ужать до размеров народного коллектива. То есть пустить насмарку многолетнюю работу дирижёра.

Уникальный по звучанию оркестр, деятельность которого в любой стране мира (а “Боян” концертировал в Японии, Великобритании, Германии, Югославии, Польше, Чехословакии и множестве других стран) под пристальным вниманием чиновников от культуры изучали бы музыковеды, психологи, педагоги, врачи... По нему защитили бы десятки докторских диссертаций. И у нас делают это энтузиасты, но результатам их исследований никто не даёт ходу, журналисты и писатели в сотнях статей вопиют втуне. Высокие руководители, однажды отдав дельное распоряжение, не находят времени проследить, как оно выполняется. Получается, что коллектив сознательно губят. О каком сохранении великих культурных традиций России и о каком будущем культуры в нашей стране можно говорить, вникнув в детали одного только этого “сюжета”?!.. Впрочем, всё по порядку...

Когда спрашиваешь Анатолия Ивановича, что за обвинение из серии “вне жанра” выдвигали “Бояну” в ведомстве г-на Швыдкого, собираясь закрыть его, он углубляется в предысторию. Рассказывает, в каком “жанре” задумывал свой “Боян” в 1968 году. И как умудрился – после всемирного признания оркестра – из этого жанра выпасть спустя 40 лет. “Боян” изначально предназначался для демократической, как модно сейчас говорить, публики, а вовсе не для элиты, которая ходит в консерваторию и изучает современные изыски. Люди, которые составляют основу государства и являются “национальной средой”, убеждён Полетаев, не имеют доступа к настоящей культуре. Им всё время навязывается вредная звуковая среда под названием “попса” и всевозможный рок – “панк”, хэви-метал, “хард”, рэп, которая воспитывает эгоцентристов и суперменов. Среда эта вредна для человека не только в эстетическом, духовно-интеллектуальном плане, но и в физиологическом. И если образованный человек может пойти в филармонию на симфонический оркестр, то молодые люди, которые приходят на рок-сборища, через несколько часов тряска зомбируются настолько, что готовы употреблять наркотики и совершать преступления. Анатолий Иванович вспоминает, что во времена его детства детей воспитывали так, что всякое дурное дело наказуемо, в то время как нынешних молодых приучают к безнаказанности. Они ничего не хотят знать, кроме удовольствий в дискотеках. “А у тех, кто расслабляется без ограничения, – говорит музыкант, – начинается регресс и деградация. Приглушается чувство ответственности за свою судьбу. Я считаю это прямым предательством национальных интересов. И всегда говорю о возникновении проблемы национальной безопасности”.

Будучи гастролёром-исполнителем, баянист Анатолий Полетаев много ездил по стране, встречался с публикой на целинных землях, в Нечерноземье, в самой глубинке. Вот тогда и решил создать оркестр, который был бы пропитан народным духом, демонстрировал образцы патриотичности, культуры и “чистой музыкальной среды”. Прошло немало лет, прежде чем возник “Боян”. Имя Бояна, древнеславянского певца, ставшего настоящим символом державности взяли неслучайно. Боян – это человек, реально живший в IV в. н. э., за 6 веков до появления христианства на Руси. Летописец, сказитель. Гимн, который он написал славянскими рунами, недавно перевели на русский язык. И удивляет то, что за 17 веков в жизни славян не произошло кардинальных изменений. Суть гимна – “Славяне, объединяйтесь от внешних врагов!” – до сих пор актуальна. Энтузиасты определили даже место земного существования Бояна – район Братиславы, Карпаты. В России Бояна воспринимали не только как оракула, само имя его было достойным символом. И когда в 1902 году построили самый большой в мире крестейер, назвали его “Бояном”. А через 5 лет в Петербурге гармонный мастер Стерлигов изготовил концертную гармонику, которая за певучесть тоже назвали “Бояном”. Отсюда и пошло название инструмента – баян.

То, что понятие “Боян” очень древнее, оркестранты осознали только тогда, когда обрели популярность в своей стране и за рубежом. Они выступали от имени Советского Союза на Днях культуры в Лондоне, Берлине, Токио, Будапеште, Праге. В 1982 году, будучи на гастролях в Японии, с радостью узнали, что их наградили престижной в те времена премией имени Ленинского комсомола.

А “ликвидаторов” оркестра удивляло то, что “Боян” не подпадал ни под определение симфонического, ни эстрадного, ни оркестра народных инструментов, хотя музыку исполнители играли разнообразную. “Да, мы можем сыграть всё, что любит слушать публика на симфонических концертах, – говорит А. Полетаев. – Сыграем и репертуар русского оркестра народных инструментов. Но мы не занимаемся народными инструментами, подобно оркестру Осипова, хотя и у нас есть баян, гусли, балалайка, домра. Мы можем сыграть то, что они не сыграют. Мы не занимаемся народной музыкой, этнографией ради этнографии, у нас нет такой цели, нас интересует проблема народного духа в музыке. У нас в оркестре есть и рожки, и жалейки, если понадобится их звучание, мы их используем, но играть на них будут трубачи. А это очень важно при исполнении, например, музыки к “Руслану и Людмиле” Глинки, этого шедевра истинно русской музыки. В оркестре народных инструментов, считая, эту музыку исполнять нельзя, она прозвучит как пародия. Важно учитывать музыкальную палитру. Своей сверхзадачей считаем укрепление национального самосознания, заботу о славянском единстве, это для нас главное. А жанровость – это совсем другое, сегодня многие выплывают на волне “русскости”, например, Надя Бабкина, моя ученица. В своё время она была солисткой созданного мною ансамбля “Русская песня”. А когда я уходил руководить оркестром Осипова, отпустил Бабкину с “Русской песней” на свободу. С инструментами, костюмами, репертуаром. Так она теперь и не вспоминает об этом. Якобы сама собой “Русская песня” возникла: ходили-ходили девочки по факультету Гнесинки, и – родился ансамбль... Впрочем, это закон жанра”.

Понятие народности в музыке Полетаев чит по Белинскому – “Народно то, что интересно для народа”. И в этом смысле для него Иоганн Себастьян Бах – русский национальный композитор. “Для народа – ясным, понятным языком – писали Глинка, Чайковский, Рахманинов. Понятно, что глубина восприятия музыки зависит от культуры человека, от его образованности и одарённости. Но музыка этих композиторов понятна любому – ребёнку, крестьянину, рабочему. Она реалистична, демократична, в высшей степени благородна и духовна. А разве Тургенева, Чайковского, Рахманинова мы не считаем частью народа? Они стоят на вершине лестницы, у основания которой находятся те, кто не умеет писать романы и романсы, но именно они выращивают хлеб и добывают руду, да, собственно, “поставляют” жизнью своей литературный и музыкальный материал этим гениям. Не потому ли Рахманинов и Чайковский стали ярчайшими выразителями народных чаяний на планетарном уровне духа и интеллекта? А эти “простые люди”, так ли простые они? Знаете ли вы, что в XII веке деревенские хоры на Руси пели на 12 голосов? Эта культура сохранилась в генетической памяти народа ещё с дохристианских времён. Думаю, потому и имеет такой успех наш “Боян”, что мы стараемся тянуть эту нить традиции именно оттуда, из древней Руси”.

Служение народному искусству Анатолий Иванович воспринимал всегда как особую миссию. “Боян” начинался с того, что 8 человек играли на народных инструментах. Руководитель и сам много лет был баянистом-исполнителем, считает себя последователем Василия Васильевича Андреева, создателя Великорусского оркестра народных инструментов. И Полетаева удивляет, что под народным репертуаром нередко подразумевают примитивные песни и танцы. Музыка народна в принципе, считает он, но зачастую искажается интерпретаторами. “Ведь народную песню как представляли, особенно на ТВ, с подачи М. Швыдкого, проводившего фестивали? Необразованные бабули надевали псевдорусские костюмы и начинали петь матерные частушки, уголовщину всевозможную. И никому не было стыдно, устроители за это ещё и благодарности получали, и бабuleк поощряли. Хорошо задание выполнили! Вот мы с нашими программами – “Русские, какой восторг!”, “Русский вальс”, “Сокровища русской песни и романса”, “О России петь”, “Сказка русской музыки”, “Бояна целебные звуки”, “Русский концерт” – и вели ту самую “борьбу с внешними врагами”, о которой говорил Боян. Врагам России что всегда

было нужно? Забрать себе территорию с огромными ресурсами. А как это сделать, не уничтожив многомиллионный народ? Не зря один из президентов США говорил, что “уничтожить Россию силой нельзя, её можно только разложить”. Что американцы и делают не без успеха, и это задание выполняется, как внутренними, так и внешними врагами нашей страны. Говорить об этом надо прямо, не боясь никого, как это делает президент Беларуси Александр Лукашенко”.

* * *

Спросите Полетаева о целебной силе концертов “Бояна”, удивившись, что недуги можно излечивать музыкой, и в ответ услышите: “Вам нужна справка с печатью? Пожалуйста, в 2003 году по результатам исследования Проблемной медицинской лаборатории Минздрава России установлено биоэнергетическое воздействие оркестра “Боян” на слушателей, о чём выдано соответствующее заключение. С гербовой печатью Минздрава РФ. Доктор биологических наук, член РАЕН, профессор Станислав Зенин сам вышел на наш оркестр”. Специалисты, действительно, исследовали публику, замеряя энергетику зрителей до и после концертов. И были поражены тем, насколько позитивно воздействует на людей музыка “Бояна”. На экране воочию можно было видеть, как под воздействием музыки аура человека восстанавливается: меняется её цветовая гамма, плотность, исчезают “пробои” – энергетически ослабленные места.

Собственно, чему удивляться, считает Полетаев, ещё в Древней Греции за нарушение музыкальных канонов грозила не темница, а смертная казнь. А Конфуций, известно, считал, что с помощью правильной музыки можно управлять государством. Обществом, во всяком случае. А вспомните, как сплывают людей “Прощание славянки”, государственные гимны. Все мы читали о том, что растения лучше растут под одну музыку и угнетаются под другую. А кто-то, возможно, слышал о феномене ре-мажорной сонаты Моцарта для фортепиано, слушая которую больные избавляются от тяжёлых недугов...

Как выяснилось, классическая музыка является самой чистой звуковой средой, и она целебна, если находится в соответствующих руках профессионалов. Благодаря правильно заданным темпоритмам исполнения тех или иных вещей, в концертном зале создаётся позитивное биополе, заполненное полезной информацией, которая и начинает лечить человека независимо от того, хочет он этого или нет (подобное воздействие организм оказывает радонная пещера). “А знаете ли вы, что настоящую лечебную силу таит в себе Второй концерт Рахманинова?! – спрашивает вдруг Полетаев. – Послушайте, и вы получите огромный жизненный заряд”.

Сергей Рахманинов, к слову сказать, любимый композитор Анатолия Ивановича. И его произведение “Боян” исполняет в новой интерпретации Полетаева. “Сергей Васильевич играл свои сочинения, и вряд ли кто сыграет точнее его, – говорит Полетаев. – Но однажды я пришёл к выводу, что его произведения в наши дни могут звучать иначе. Почему? А потому, что перед Рахманиновым не стояло проблемы национального самосознания. У него не было необходимости отстаивать интересы своего великого народа, который не был так ущемлён в правах, как сегодня. Скажите, ну почему мы, протягивая руку помощи соседям, что правильно, так равнодушны к собственному народу, который умирает в нищете, спивается, деградирует? Спрашивается, кто будет защищать россиян, и, в частности, русских?! Американцы? Европейцы? Нет, только собственное правительство может это сделать. По зову совести, чувству принадлежности к своему народу и ответственности, прежде всего. Да я и не ушёл от Рахманинова в своих новых интерпретациях”.

И Полетаев рассказывает, как слушал однажды рахманиновский концерт в Москве, в Большом зале Консерватории – в одном из лучших залов Европы, на одном из лучших инструментов – “Стейнвее”, в исполнении лауреата международных конкурсов, с дирижером-знаменитостью. Казалось бы, всё было для того, чтобы услышать исполнение, достойное великого композитора. Однако руководитель “Бояна” слышал не Рахманинова, а пианиста, который, играя Рахманинова, говорил о себе: “Какой я талантливый, виртуозный,

как я тонко чувствую, как я хорош, вот давайте мне цветы, аплодисменты, признание"... "Этому пианисту было всё равно, что играть, – Рахманинова, Бетховена, Сен-Санса, Листа, потому что он всегда будет играть себя и считать, что это нормально. Увы, так ведут себя артисты, движимые тщеславием. Через 5 минут их слушать неинтересно. А если бы исполнитель играл проблемы человечества, великой державы, или хотя бы зала, мы бы духовно сопереживали ему и стали участниками события. Поэтому, интерпретируя Рахманинова, я высвечиваю национальную, народную проблему. Например, Сергей Васильевич записал свою "Элегию" на фортепиано. Салонная пьеса, а в оркестре "Боян" она звучит как реквием. И, знаете, на Западе нашу интерпретацию, особенно в Японии и на Тайване воспринимали абсолютно правильно – на уровне подсознания. Жаль, что после перестройки всё славянофильское в России обрекают на гибель".

О том, что японцы по-особенному воспринимают русское искусство, немало пишут и говорят. Полетаев разделяет это мнение, объясняя такую приверженность жителей Страны Восходящего Солнца тем, что "они люди чести и так же любят правду, как и мы". А во имя правды, известно, русский человек готов жертвовать собой. И японцы чувствуют это, понимают.

Несмотря на то, что коллектив лишили последнего пристанища в ДК имени Войтовича, и оркестрантам негде репетировать, концерты "Бояна", благодаря энтузиастам из Клуба друзей оркестра, в Москве всё же проходят. Выехать на гастроли музыканты не могут – никакой аншлаговый концерт не окупит расходов. Выступают на праздниках симфонической музыки, устраиваемых муниципальными властями. Спонсоры на горизонте не появляются, считая, что "Боян" не "Челси" и не "Гараж", дохода не принесёт. Рассуждать о том, как велик их просчёт, не будем, это отдельная тема. Возможно, ещё не время, и, как знать, может быть, на последней грани, как это всегда бывает у русских, такой меценат появится и спасёт коллектив, который протянет золотую нить музыкальной традиции в век XXI – сейчас самое время.

* * *

Недавно Клуб друзей оркестра издал книгу "Боян" – любовь народная", это настоящая монография, в которой, кроме всесторонней информации об оркестре и его создателе и бессменном руководителе А. И. Полетаеве, собраны воедино сотни свидетельств вселенской зрительской любви к оркестру. Читатель найдёт здесь подробный перечень публикаций последних лет о "Бояне", дискографию оркестра и другую информацию, которая представляет интерес, как для поклонников коллектива, так и для всех любителей русской народной и славянской классической музыки.

Приведём из этой книги лишь некоторые высказывания наших современников.

Алексей Муравлёв, лауреат Госпремии, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат международных конкурсов, композитор, профессор Российской Академии имени Гнесиных: Созданный и руководимый Анатолием Ивановичем Полетаевым оркестр "Боян" – уникальное явление среди современных оркестров и вместе с тем крупнейшее художественное достижение. Органичное сочетание в его составе симфонических и народных инструментов удивительным образом обновило и обогатило выразительные возможности оркестра и его звуковую палитру. Появился совершенно новый тип оркестра, которому подвластны решения невозможных ранее задач. Недаром коллектив этот почти сразу завоевал признание и любовь многочисленной слушательской аудитории и музыкантов-профессионалов, а уже солидная концертная деятельность полностью доказала его жизнеспособность.

Галина Боева-Машинская, музыковед Московской филармонии, заслуженная артистка России: Оркестр "Боян" сегодня – самый интересный концертно-симфонический коллектив России. Ни одно политическое воззвание не сравнится с той духоподъёмной силой, которую несут его выступления, воспринимаемые любой аудиторией как величественный и искренний гимн России. Эта огромная сила воздействия целиком зависит от точности и прочувствованности, с которыми раскрыты все образы, вся драматургия и конечная цель авторского замысла.

Александр Ведерников, солист Большого театра, народный артист СССР, лауреат Госпремии СССР, лауреат международных премий: В отличие от других оркестров народных инструментов в “Бояне” очень приятно радуется гибкость в отношении состава музыкантов. При необходимости привлекаются инструменты классического симфонического оркестра. Это говорит о гибкости и музыкальности руководителя, который сам делает оркестровки и аранжировки исполняемых произведений. . . Под руководством Анатолия Ивановича Полетаева оркестр выполняет важную роль популяризации отечественной классической, народной музыки, как в России, так и за рубежом.

Виргилиус Норейка, профессор, завкафедрой пения Литовской академии музыки и театра: Анатолий Иванович запечатлелся в моей памяти и как баянист суперкласса (мне известно, что он окончил Гнесинку), и как прекрасный руководитель оркестра, и как великолепный знаток русской народной и классической музыки.

Леонид Зимненко, народный артист России, профессор, солист Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко: Если есть человек, который любит Россию, то это Полетаев. Всей жизнью он подтверждает это. Своим прекрасным оркестром он доказал, что Россия жива, и жить будет!

Лариса Курдюмова, народная артистка России: Русская культура многого лишилась бы без оркестра “Боян”, без такого истинного служения лучшему, что есть в музыкальном искусстве! Благодарю судьбу за причастность к этому служению!

Дмитрий Белокин, народный художник России, член-корреспондент Российской Академии художеств: Я был удостоен большой чести: моя картина “Матушка Русь. Ярославль” в главном парадном зале Ярославского вокзала Москвы открывалась при участии замечательного детища Полетаева – оркестра “Боян”. Когда сдёрнули ткань, и открылось пятиметровое полотно с яркими цветами бабьего лета, золотом куполов монастырей и голубеющей вдаль Волгой, оркестр грянул “Славься!” М. И. Глинки. Это мощный и радостный гимн настолько бы созвучен теме Матушки-Руси, что не только у меня, но и у зрителей сначала захватило дыхание, потом выступили на глазах слёзы, а дальше зал разразился громом оваций.

Николай Бурляев, народный артист России, президент Международного кинофорума “Золотой витязь”: Выдающийся русский музыкант, подвижник А. Полетаев, создавший “Боян”, осознанно избрал путь служения Истине, служения Русской музыке. Его новая программа “Русский концерт” – яркое тому свидетельство. Она очищает засорённые современные слух и сознание, лечит и укрепляет душу, истязаемую современным демонизированным шоу-эфиром, возвращает к спасительным истокам. Такая музыка нужна нашей молодёжи, нужна России, нужна миру, ибо русская музыка спасительна и целебна.

Подобное цитирование можно продолжать очень долго – книга составлена из отзывов слушателей. Но оркестр, увы, по-прежнему находится “в кювете”. “Боян” не получил, подобно всем московским академическим оркестрам, президентский грант по результатам конкурса, потому что в разгар “ликвидационных” действий о коллективе никто не позаботился. Не вошёл и в число обладателей 14 президентских грантов оркестрам России, которые были получены коллективами в 2009 году. Официальная зарплата музыкантов “Бояна” ничтожна. Оркестр не поддерживается ни властями Москвы, ни Министерством культуры, ни Правительством РФ. И хотя Полетаев по-прежнему числится худруком и главным дирижером коллектива, но фактически он отстранён от решения кадровых вопросов и репертуарной политики. Как и что играть – ему диктуют чиновники. А они хотят свести задачи “Бояна” к банальному аккомпанированию известным народным певцам, лишают оркестр его высокого духовного ореола, его музыки, его эстетики. “А мы не занимаемся жанром, мы занимаемся русской концертной музыкой, – в тысячный раз говорит Полетаев. – Эстрада – это и есть концертность, яркость, виртуозность, именно поэтому вы прочли столько восторженных отзывов. Знаете ли вы, что Чайковский – настоящий эстрадный композитор, не знаю ничего лучше “Плясок скоморохов” в качестве эстрадной музыки? А утилитарная, бытовая скрипка – это не концертная форма”.

В орбиту борьбы за “Боян” оказались втянуты первые лица государства. И здесь тоже не обойтись без цитирования. “Вы внесли существенный вклад

в сохранение и преумножение лучших традиций русской музыкальной культуры, воспитание и просвещение молодого поколения. Возглавляемый Вами талантливым коллективом оркестрантов по праву славится поистине уникальным репертуаром, виртуозным исполнительским мастерством. Его выступления неизменно пользуются вниманием публики. Желаю Вам успехов, доброго здоровья и благополучия. Президент РФ В. В. Путин”.

“Оркестр Анатолия Полетаева я бы слушал не после заседаний, а перед ними, потому что он буквально поднимает дух аудитории, зовёт на некую невидимую вершину, напоминает о величии истории нашего народа. А значит, и об ответственности, то есть может быть прологом к принятию самых серьёзных, ответственных решений. Вообще “Боян” – это не только яркое культурное явление, это, конечно, явление русского духа, героического и жизнелюбивого одновременно. Не было бы его – мы бы чего-то важного не узнали о самих себе. Заместитель председателя Госдумы второго и четвёртого созывов (1996–2007 гг.), доктор юридических наук, профессор, ректор Торгово-экономического университета С. Н. Бабурин”; “Природа щедро одарила Вас талантом, способностью пропустить через сердце все великие проявления духа. Вы – музыкант от рождения, и все Ваши мысли, чувства, страсти, боль и радость – всё это музыка, благодаря Вашему высочайшему профессионализму, тонкому чувству музыкальных стилей. Руководимый Вами Русский академический концертный оркестр “Боян” получил признание как в России, так и далеко за её пределами. Примите мою благодарность за всё, что Вы сделали для нашей Родины, её блага и духовного процветания. Жалею Вам доброго здоровья, жизненной энергии и творческого вдохновения. Министр культуры РФ А. С. Соколов”.

Выступление нынешнего министра культуры А. А. Авдеева, которое я слушала прошлой весной на открытии музыкального форума “Золотой витязь” в Московской консерватории, было крайне созвучно словам его предшественника. И остаётся только догадываться, как высокий руководитель может быть столь равнодушным к порушению “национального достояния”. Именно так называли оркестр на Втором Соборе славянских народов Беларуси, России, Украины в 2006 году: “Второй Собор славянских народов Беларуси, России, Украины выражает решительный протест замыслам ликвидировать единственный в России Центр славянской музыки и Государственный академический Русской концертный оркестр “Боян”. Всемирно известный, уникальный оркестр, управляемый народным артистом СССР, вице-президентом Международной славянской академии, профессором А. И. Полетаевым, является подлинным достоянием славянской культуры”.

Глава государства не дождался доклада, а оркестр – “поддержки”. Всё сделано с точностью до наоборот, но это не значит, что в истории с “Бояном” поставлена точка. Мы позаботимся о том, чтобы номер журнала с публикацией о “Бояне” попал в утреннюю почту президента Медведева, премьера Путина и министра культуры Авдеева и постараемся проследить, как будет оказываться поддержка “Бояну” в 2011 году.

* * *

На Соборе в Минске было предложено сделать “Боян” оркестром Союзного государства, и вроде бы все восприняли это с энтузиазмом, но из-за несогласований с Министерством финансов от этой идеи отказались. А у Полетаева есть на диске программа “Славянские ритмы”, где звучит музыка сербов, болгар, чехов, словаков, поляков, украинцев и русских. Сам дух славянской цивилизации зашифрован в песенных ритмах, там есть и Дворжак, и Шопен, и Сметана, и Глинка, и Рахманинов. Именно эту музыку приходили слушать в концертный зал в храме Святого Власия зарубежные артисты. Некоторое время коллектив арендовал помещение в ДК Войтовича, а сейчас лишился и этого. И если бы не бескорыстные помощники – из Клуба любителей оркестра, которые за свой счёт организуют концерты, рекламу, публику, оркестр погиб бы окончательно.

Между прочим, в программе “Бояна” есть Гимн Союзного государства. Вначале Анатолий Иванович написал его как “Гимн единения России с Белоруссией”. После исполнения гимна на правительственном концерте автора уп-

рекнули – а Украина где же? Тогда и был написан “Гимн славянского единства”, где есть такие слова:

*Белая Русь и сестра Украина
Вместе с Россией едины навек.*

А также такие:

*Пусть от Камчатки до Украины,
Пусть от Полесья до Сахалина
Будет цветущей наша земля.*

Гимн этот хорошо воспринимает публика всех трёх стран. “А как иначе, – говорит Анатолий Полетаев, – для меня украинцы – это русские люди, Киевская Русь стала великой Россией. И белорусы – Белая Русь – тоже русские люди. Нам всегда быть вместе”.

От редакции: Обращаемся к госчиновникам и меценатам России и Белоруссии, всего славянства – неужели на огромном пространстве, завещанном нам великими предками, не найдётся силы, способной помочь оркестру “Боян”?! Просим считать публикацию статьи о знаменитом оркестре призывом к действию.

ЕЛЕНА ПАПКОВА

ВОЖДИ, КРИТИКИ, ЧИТАТЕЛИ...

На столбовых и окольных дорогах русской литературы XX века

От научного исследования читатель, как правило, тоже исследователь, редко ждёт ответов на сокровенные вопросы. Скорее – концепций, новых парадигм, неизвестных фактов и т. п. Автор книги “Нэповская оттепель”, член-корреспондент РАН Н. В. Корниенко*, рассматривая формирующиеся в эпоху нэпа (1921–1927) стратегии литературной критики, идеологию и культурную политику этого периода, одновременно ставит те пронзительные вопросы, на которые мы все ищем ответа. Это вопросы о прошлом, настоящем и будущем России, её народа, её большой литературы, которая всегда в нашей истории “добывалась кровью и муками”. Вектор размышления над этими вопросами задан автором в предисловии: “... перед нэповскими политиками стояла задача провести скорейшую модернизацию всего уклада русской жизни, <...> у литературной критики того времени задачи были не менее глобальными по замыслу и масштабу”. “Форсированную модернизацию России как одной из традиционных культурно-исторических цивилизаций” Н. В. Корниенко не случайно называет среди “ключевых в российской истории XX в. метапроблем”. Мы поставлены перед этой проблемой и сейчас – в начале XXI века. Размышления ученого-филолога о “либеральной” нэповской оттепели 1920-х гг.; приведённые в книге многочисленные документы и факты, касающиеся не только литературной борьбы, но и определяющей её борьбы партийно-политической; вдумчивый и тонкий анализ романов М. Шолохова, А. Платонова, Л. Леонова, хранящих в памяти “пласты рассказов об этой борьбе”; исследование поэзии 1920-х гг., ведущей непростой диалог с лирикой С. Есенина, – весь этот колоссальный материал, помимо безусловной научной ценности, обладает ценностью иной. Новая книга Н. В. Корниенко ненавязчиво помогает не забывать, что, сколько бы ни выстраивали политики, партии и литературно-критические школы здание национальной жизни и национальной литературы по своим проектам, есть нечто неуничтожимое, что сохраняет эту жизнь в её истинной сущности.

Имя Натальи Корниенко, историка и текстолога литературы, заведующей отделом русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН, руководителя группы Собрания сочинений А. Платонова, автора книги “Сказано русским языком...” Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе” (2003), известно читателям “Нашего современника” и по журнальным публикациям. В № 11 за 2005 г. напечатана её статья “Авторство” Шолохова как доходная тема, или Почему Андрей Платонов не писал роман

* Н. В. Корниенко. “Нэповская оттепель”: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

“Они сражались за Родину””. Совсем недавно, в № 10 за 2009 г., – статья “Покрой есенинский мне узок...”: Есенин и комсомольская поэзия в 1925–1926 гг.” (материал вошёл в новую монографию).

Новая книга “Нэповская оттепель” состоит из двух частей: “Смена веж: идеология и критика” и “Крестьянский вопрос эпохи нэпа: критика и литература” – и приложения “А судьи кто?” Писатели о критике. 1926 г.”. В него вошли выступления писателей, принявших участие в дискуссии о критике 1926 г. Кроме завершающего книгу приложения, есть ещё одно, внутреннее, – приложение к главе “Покрой есенинский мне узок...”, которое включает двадцать стихотворных текстов, написанных в 1925–1926 гг. литературным молодняком “в ответ” Есенину (в журнальной публикации это приложение отсутствовало).

Обложка и форзацы книги представляют одного из её центральных “героев” – главного идеолога нэпа Л. Троцкого. На первой странице обложки воспроизведен шарж А. Дени “Георгий Победоносец” (Л. Троцкий) из серии “Советский календарь” (журн. “Прожектор”. 1923. № 2). С другой стороны обложки – комментарий к нему, взятый из повести А. Платонова “Сокровенный человек” (1927): “Плакаты были разные. Один плакат перемалевали из большой иконы – где архистратиг Георгий поражает змия, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуя; кресты же на ризе Георгия-Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая – и из-под звёзд виднелись опять-таки кресты”. Оформлением первого форзаца служат страницы периодики 1922 г. с характерными заголовками: “Железная когорта революции”, “Диктатура, где твой хлыст?” – и статьями Л. Троцкого о литературе, в 1923 г. составившими его знаменитую книгу “Литература и революция”. На втором форзаце – “Дерево современной литературы” И. Новича (журн. “На литературном посту”. 1926. № 3), где советские писатели представлены в соответствии с классификацией Троцкого: попутчики, мужиковствующие и др.

Роль “второго вождя русской революции” (определение А. Луначарского) в постановке и решении грандиозных задач тотальной переделки русской жизни раскрывается в первой главе монографии на материале статей, выступлений, критических отзывов, писем Л. Троцкого. Борьба с “русским национализмом”, исторической памятью, религией и Церковью, философией культуры; “рационализация” быта – традиционного уклада русской жизни; “пригонка” интересов науки к потребностям новой общественности и т. п. – в таком политико-идеологическом контексте проходило становление советской литературной критики, вознесенной, по словам Н. В. Корниенко, “текущим моментом на ту высоту, на которой она никогда в истории литературы не стояла”. Легендарный нарком становится и главным литературным критиком советской России. Дебютом его в этой роли стала “гневно-патетическая” статья “Диктатура, где твой хлыст?” (опубликована 2 июня 1922 г. в газете “Правда”. Подпись: О.), в которой, как пишет Н. В. Корниенко, “жгуче современные религиозно-церковные вопросы были напрямую адаптированы к ситуации в современной литературной критике”. Спектр этих вопросов широко представлен в монографии. В феврале-марте 1922 г. утверждена государственная программа борьбы с Русской Православной Церковью. В феврале принят декрет об изъятии церковных ценностей. В мае по всей стране идут “суды над церковниками”. Политбюро утверждает расстрельные списки духовенства. Первая глава книги, на протяжении которой в хронологической последовательности представлены основные этапы партийно-политической и литературно-критической борьбы первой половины 1920-х гг., где ведущая фигура – Л. Троцкий (с 1925 г. это место постепенно начинает занимать Н. Бухарин), завершается следующим кратким выводом автора книги: “Привычно называемый ленинским период советской критики 1921–1927 гг. правомее назвать троцкистским и лишь с большой натяжкой – троцкистско-бухаринским”.

В главах 2–5 первой части книги рассмотрены основные литературные группировки эпохи нэпа: “Серрапионовы братья”, “Перевал”, ЛЕФ, “Кузница”, группы, вошедшие в МАПП (“Октябрь”, “Молодая гвардия”, “Рабочая весна”), которая станет организационным ядром Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Н. В. Корниенко, называя имена ведущих исследователей темы (Г. Белой, А. Галушкина, Е. Добренко, С. Тиминой, Б. Фрезинского и других), практически нигде не вступает с ними в полемику. Избран-

ный ею “метод аналитической хроники и историко-литературного комментария” предполагает анализ каждой литературно-критической школы в предельно широком политическом и литературном контексте, включающем и газетную хронику, и новейшие архивные материалы, и периодику русского зарубежья. Лишь в предисловии отмечено, что при формировании концепций той или иной литературно-критической школы “политические контексты нэпа упростились”, в результате “романтизировались одни группы критиков и демонизировались другие”. Позволим себе указать лишь на некоторые издания, внутренний диалог с которыми угадывается в книге. Заданная в книге С. Шешукова “Неистовые ревнители” (М., 1970) поляризация критических лагерей была продолжена Г. Белой в обстоятельной монографии “Дон-Кихоты 1920-х гг.” (М., 1989; 2-е изд., доп.: Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004): “По эстетическим и социокультурным параметрам в критике 20-х годов явно просматриваются две модели – та, что была сориентирована на “казарменный социализм” (Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ), и та, что считала ближайшей целью развертывание культурной революции (“Перевал”)¹. Идея двух полюсов (моделей) в разной степени нашла своё воплощение в работах В. Агеносова, Е. Елиной, С. Кормилова, Е. Скороспеловой, В. Перхина и др. На основе научных монографий были созданы современные пособия для студентов-филологов: “История русской литературной критики”. Под. ред. В. В. Прозорова. М., 2002; Голубков М. М. “История русской литературной критики XX века (1920–1990-е гг.)”. М., 2008” и др. К моменту оформления материала для начинающих свой путь в науке филологов он неизбежно схематизировался и упростился. В результате в чистом остатке студенты российских университетов получили следующее. Признавая, что “власть формировала из критики мощный инструмент, который давал возможность партийно-государственного руководства литературным процессом”², автор пособия отмечает отличие раннего периода от последующих: “Двадцатые годы характеризуются как полицентрический период литературной жизни. <...> Литературный полицентризм оказывается возможным потому, что в этот период противодействуют две тенденции: свободного диалога, естественного для развития критической мысли – с одной стороны, с другой – постепенно усиливающегося давления государства с целью монологизировать литературу и придать ей идеологическую и агитационно-пропагандистскую роль”³. В соответствии с названными тенденциями выделены два полюса 1920-х гг.: “На одном догматически понятый классовый подход, возведённый до истерии классовой ненависти, насилие над литературой и личностью – личностью художника, писателя, героя. На другом – искусство как цель жизни художника, оправдывающая его общественное бытие”⁴. К “другому” полюсу относятся прежде всего “Серapiионовы братья” и “Перевал”. “Нервом литературного процесса XX столетия” названы “отношения власти и литературы, политики и художественного творчества, властителя и художника”⁵.

Романтический облик серapiионов и перевальцев – общая черта многих научных работ и пособий. Читаем в “Истории русской литературной критики”: “Серapiионовы братья” – необычная и яркая страница литературной истории. В пору жесточайшего голода и бытовой разрухи молодые писатели весело и бескорыстно ежечасно доказывали свою любовь к литературе. Живя в одном городе, а иногда и по соседству, буквально через стенку, они любили обмениваться письмами, каждое из которых по традиции начиналось словами: “Здравствуй, брат! Писать очень трудно”. В этом трогательном приветствии была заключена и преданность литературе и понимание своей ответственности перед ней”⁶. Справедливости ради отметим, что ни одно из писем К. Федина, Вс. Иванова, В. Каверина, Л. Лунца, М. Слонимского, включённых в издание “Серapiионовы братья в зеркалах переписки” (М., 2004), так не начинается. “Серapiионы! Вернее Федин и другая мелочь, которая торчит в Питере”⁷ (Лунц – серapiионам. 10 июля 1923 г.) – стиль более характерный для самых молодых, Лунца и Каверина. Остальные писали просто: “Дорогой Костя (Миша, Лева, Всеволод и др.)”. Братская любовь некоторых серapiионов тоже вызывает серьёзные сомнения. Чего стоят, например, характеристики в письме В. Каверина Л. Лунцу от 14 декабря 1923 г.: “О Никитине нечего писать. Он испаскудился, заложил себя как дурак за пустой успех и ужины в ресторанах”⁸; “...у меня хватает ещё злости, чтобы наплевать на проклятую размазню Пильняковщины и Ивановщины”⁹. и т. п. Однако эти факты, как и

другие, более существенные, остались за рамками исследований: речь ведь шла об “интеллигентах”.

В свою очередь, противники — пролетарские писатели и критики нарисованы самыми чёрными красками. Как правило, в роли ругательного выступает слово “масса” — “широкие слои трудящихся, население, народ”. Такую сноску на Словарь русского языка (В 4 тт. М., 1982. Т. 2. С. 233) дают, не без некоторого цинизма, авторы коллективного труда “История русской литературной критики”, чтобы у читателей не осталось никаких сомнений в том, кто был главным виновником сложившейся в литературе ситуации. “Массы народонаселения”, пришедшие после Октября “в активный водоворот”, “жаждали ощутить себя хозяевами жизни. Они немедленно хотели получить не только углы в дворянских особняках, не только занять места в управленческой сфере, но и принять новый образ жизни, в которой новый быт будет сочетаться с новым сознанием”¹⁰. Они же создали “массовые литературные организации” — МАПП, ВАПП, РАПП. Думается, не случайно эпиграфом ко второй части книги Н. В. Корниенко “Нэповская оттепель” поставлены слова А. Платонова из романа “Котлован” (1930): “Эх ты, масса, масса! Трудно организовать из тебя кулеш коммунизма! И что тебе надо, стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!”. Насчет авангарда, кстати, из того же пособия наиболее любознательные студенты могут узнать, что Л. Троцкий создал “оригинальную классификацию литературного процесса”, что в термин “попутчик” он вкладывал “вполне позитивный смысл” и что его литературно-критические суждения “достаточно корректны и исполнены надежды на приобщение попутчиков к революционному пафосу”¹¹.

В книге Н. В. Корниенко практически впервые рассматривается “интертекстуальное поле критики” 1920-х гг.. В результате оказывается, что борцы за гуманизм и подлинное искусство в решении ряда существенных вопросов (о литературе эмиграции, о религиозной парадигме русской классики и др.) парадоксально смыкались со своими противниками, и **каждый** критический лагерь предлагал свою модель “модернизации самого здания русской литературы как литературы национальной”. Направление модернизации было задано Л. Троцким в 1922 г.: “Социалистическое искусство возродит трагедию. И, конечно, без бога. Новое искусство будет безбожным искусством. Оно возродит также и комедию, потому что новый человек захочет смеяться. Оно даст новую жизнь роману. Оно даст все права лирике...”¹².

Приведём лишь один пример из книги “Нэповская оттепель”. В главе “Идеология или сюжет? (Серапионы-критики в литературно-политической борьбе первого периода нэпа)” Н. В. Корниенко ставит широко известные, трактуемые в постсоветское время однозначно как диссидентские выступления серапионов о свободе от идеологии, об автономности искусства в иной, по сравнению с привычно филологическим контекст.

Скупым языком газетной хроники перечисляются факты:

“Август 1922 г., когда вышел в свет журнал “Литературные записки” с серапионскими материалами, был, как и август 1921 г. (смерть А. Блока, расстрел Н. Гумилёва), чёрным для литературной общественности Петербурга. Завершился начавшийся в мае суд над митрополитом петроградским Вениамином и его паствой. 8 мая исполком Петросовета принял решение о вскрытии мощей святого князя Александра Невского в Троицком соборе Александро-Невской лавры <...>. С 9 мая “Петроградская правда” в специальной колонке “Суд над церковниками” сообщала каждый день о работе революционного трибунала, обрушивая на читателя потоки лжи: “Это суд над старой церковью, крепко спаявшей себя с российской контрреволюцией, суд над церковью, которая после разгрома белогвардейщины продолжает под сенью креста контрреволюционную работу Колчака и Деникина (9 мая. С. 1.) <...> 6 июля “Петроградская правда” извещала читателей о вынесенном трибуналом приговоре: к высшей мере наказания были приговорены 2 человека. В ночь с 12 на 13 августа митрополит Вениамин был расстрелян. <...> В подобной же стилистике освещался и процесс эсеров. <...> 7 августа поздно вечером, на 49 день процесса, верховный трибунал объявил приговор по делу петербургских эсеров (суды над эсерами шли не только в столицах, но и в других крупных городах)”.

Далее рядом поставлены фрагмент из выступления главы питерских большевиков на пленуме Петросовета 29 августа по вопросу идеологии:

“По отношению к буржуазным интеллигентам мы избрали самую гуманную меру, мы их выслаем и говорим: “Идите в “страны свобод”, где, по вашему мнению, интеллигенция в почете и фаворе. <...> ...значение акта, предпринятого против части интеллигенции, можно кратко сформулировать словами, что — “кто не с нами и не хочет помогать возрождению России, тот против нас””, — и фрагмента из статьи теоретика “Серрапионовых братьев” Л. Лунца “Почему мы Серрапионовы братья?” — декларации группы:

“Мы собрались в дни революционного, в дни мощного политического напряжения. “Кто не с нами, тот против нас!” — говорят нам справа и слева. — С кем же вы, “Серрапионовы братья”? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?”

С кем же мы, Серрапионовы братья?

Мы с пустынным Серрапионом”.

Комментарий Н. В. Корниенко: “В этом контексте чаще всего цитируемые строки из статьи Лунца обрели своих адресатов не только в недавнем прошлом, но и в гжучем политическом настоящем и звучали не столь героически, как принято считать”.

Столь же удивительным образом авангардные литературные идеи серрапионов пересекаются в конце 1922 г. с программой модернизации всего здания русской истории и русской культуры, выдвинутой большевиками и активно проводимой в жизнь Наркомпросом и другими государственными институтами. Вновь рядом поставлены факты и указаны даты. Доклад Н. Бухарина на 5 Всероссийском съезде комсомола “Коммунистическое воспитание молодежи” (опубликован в “Правде” 14 октября) положил начало дискуссии о “красном Пинкертоне”, то есть советской авантюрной литературе. А 2 декабря на собрании серрапионов Л. Лунц выступает перед собратьями с новой масштабной программой, впоследствии изложенной в статье “На Запад!”:

“На Западе искони существует некий вид творчества, с нашей русской точки зрения несерьезный, чтобы не сказать вредный. Это так называемая литература приключений, авантюра. <...>

А мы, русские, с фабулой обращаться не умеем, фабулы не знаем и поэтому фабулу презираем. <...>

Тот, кто хочет создать русский авантюрный роман, должен учиться на Западе, ибо в России учиться не у кого”.

Комментарий: “Лозунгом “На Запад!” обозначается главное направление поисков для новой русской литературы. Это направление, по Лунцу, открывает резервы для новаторских экспериментов в прозе, прежде всего в области фабулы, и одновременно разывает с “общественнической”, “учительной” традицией, которая стоит за русским романом XIX века. <...> Вдохновенный гимн фабуле сопровождается у Лунца тонкой перекодировкой ценностей русской классической литературы: вместо учительности — занимательность; вместо серьезности и скуки — игра и мистификация; вместо тяжелого русского психологизма, лирической обнаженности и вязки “тяжелых слов” — увлекательная фабула и интрига; вместо автора — его маски, ирония и пародия”.

Сюжетно-фабульная революция серрапионов — переделка русской литературы по модели западной, традиционно трактуемая как оппозиционная по отношению к диктату власти, как убедительно показывает Н. В. Корниенко, оказалась близка именно этой власти, “озабоченной (по своим причинам) вопросами преодоления идеологии русской классической литературы” и построения здания новой интернациональной культуры. В рамках развернувшейся дискуссии об общечеловеческих сюжете и фабуле, преодолевших национальный психологизм, быт и подобные анахронизмы (в книге приводятся фрагменты статей представителей разных литературно-критических школ), парадоксально близки друг другу оказываются те, кто традиционно стоял по разные стороны баррикады: серрапионы и — лефовцы, серрапионы и — напостовцы.

Эта неудобная интертекстуальность прошла незамеченной для исследователей. Так же, как “несвоевременными” для апологетов группы, не без иронии отмечает Н. В. Корниенко, оказались мнения тех, кто выступил с жесткой критикой сюжетной кампании, — А. Белого, М. Кузмина.

Роль выводов к главе играют фрагменты из периодики 2-й половины 1920-х гг., посвященные серрапионам. Приведем лишь один из них:

“Серрапионы выполнили обещание, которые за них давали другие. Их приняла эпоха. Они оказались близки ей и созвучны. <...> Их связывает совме-

стный пятилетний путь”, — так отметила петроградская “Красная газета” 11 февраля 1926 г. пятилетний юбилей группы “Серапионовы братья”.

В центр второй части книги “Нэповская оттепель” поставлен крестьянский вопрос эпохи нэпа, традиционно остававшийся на периферии исследовательских работ. По утверждению Н. В. Корниенко, этот вопрос — центральный в литературном процессе 1920-х гг. и в политическом плане (“определил наступление первой советской оттепели” и “оставался главным до 1928 г., когда, по сути дела, и начался “год великого перелома””), и в плане литературном (“генерация писателей, вступивших в литературу после революции, имела в основном крестьянскую родословную”). Рассматривая разные его контексты, автор книги и здесь опирается на аналитическую хронику. Партийно-политическая и литературно-критическая линия на “раскрестьянивание”, на уничтожение русской деревни, “остававшейся главным тормозом советизации страны”, показана в книге на широком материале. Это статьи и выступления В. Ленина, Л. Троцкого, Н. Бухарина, М. Горького и представителей разных лагерей литературной критики, которые были ориентированы на борьбу с “новокрестьянскими” (Н. Клюев, С. Клычков, С. Есенин) и “мужиковствующими” (Б. Пильняк, Вс. Иванов) писателями, в конце 1926 г. вылившуюся в грандиозную, на высоком государственном уровне “антиесенинскую” кампанию. Это государственные проекты по созданию новой крестьянско-пролетарской литературы. И многое другое. “Нешадная борьба” с “идеологией мужикопоклонников и деревнелюбов” (слова М. Горького из письма к Н. Бухарину) — реальный “нерв” оттепели 1920-х гг. — является лейтмотивом второй части монографии Н. В. Корниенко.

То, как ответила на эту борьбу большая русская литература, составляет содержание глав второй части книги: “Покрой есенинский мне узок...” Есенин и комсомольская поэзия в 1925–1926 гг.”; “Есенин и “есенинщина” в интерпретации русского романа (“Вор” Л. Леонова, “Чевенгур” А. Платонова)”; “Факт” и образ: шолоховский опыт преодоления канона комсомольско-крестьянского текста”.

Существенную часть книги “Нэповская оттепель” занимает Приложение — “реакция жизни против теории” (А. Григорьев), как определяет его эпиграф. Это прямое, непосредственное слово писателей Советской России, произнесенное в 1926 г. против всевластия критики. В организованной дискуссии о критике, начавшейся в январе 1926 г. в ленинградском журнале “Жизнь искусства” и московском “Журналисте” и продолжавшейся до конца года, приняли участие А. Толстой, К. Федин, Вс. Иванов, Б. Лавренев, Ф. Гладков, И. Оксенов и другие писатели. В диспуте, прошедшем в Колонном зале Дома Союзов 12 февраля 1926 г., — М. Булгаков и В. Шкловский. В диспуте в Союзе писателей в мае и июне 1926 г. — Ф. Сологуб и Е. Замятин. Кроме прозвучавших во всеулышание выступлений, некоторые остались неопубликованными — например, статья А. Платонова “Фабрика литературы” (1926). Все эти материалы в хронологическом порядке представлены в Приложении.

Высокий статус литературной критики был закреплён в 1925 г. резолюцией ЦК РКП (б) “О политике партии в области художественной литературы”, 12-й пункт которой звучал так: “Ни на минуту не сдавая позиций коммунизма, не отступая ни на йоту от пролетарской идеологии, вскрывая объективный классовый смысл различных литературных произведений, коммунистическая критика должна беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе <...> и в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем литературным прослойкам...”. В 1926 г. все выступившие писатели высказали единодушное желание освободиться от партийно-государева ока. “Оппозиционность писательских выступлений, — комментирует Н. В. Корниенко, — разного масштаба. На открытый бунт <...> решились единицы, да и то не на предоставленных для дискуссии страницах “Журналиста” и “Жизни искусства”, а в непечатных документах (дневниках, письмах) и, конечно, в творчестве”.

Уникальные материалы книги “Нэповская оттепель” — две статьи писателя Пантелеймона Романова (1884–1938) “К движению и неподвижности” и “Эпоха и писатель”. В Приложении по авторизованной машинописи из РГАЛИ печатается первая, неопубликованная редакция статьи “К движению и неподвижности” (1926), написанная, видимо, как ответ перевальскому критику А. Лажневу. Остроумно и дерзко выстроенная, она бьет по болезни — общей,

как указывает П. Романов, всем направлениям советской критики: и тем, которых постсоветские исследователи причисляют к защитникам “свободного диалога”, и их противникам. “Надо читателя ориентировать — и ориентировать *немедленно* — в многообразной массе художественной продукции”, — эта фраза критика Лежнева становится предметом размышлений писателя, который, не без насмешки перечисляя многочисленные методы разных критических лагерей: “...сколько методов!... И социологический, и публицистический, и психологический, и формальный”, — в итоге приходит к выводу: “...сейчас нет знания тех процессов, через какие проходит мысль при *выборе* жизненного материала и превращения его в художественный”. Нет того “религиозного”, как называл его писатель XIX в. Л. Толстой, или “общего”, как его называет в Советской России в 1926 г. писатель П. Романов, сознания, которое “охватывает всю жизнь” и является той *неподвижностью*, которая “определяет вторичие” и отличает “добро от зла”.

Фрагменты второй статьи П. Романова “Эпоха и писатель” (1929–1930), которая так и не была опубликована (печатается по машинописи из РГАЛИ), приводим без комментариев:

“Свободен ли у нас писатель?

Нет, не свободен.

Кто мешает ему быть свободным?

Цензура, читатель и критика. В общем это составляет — требования эпохи. Эпоха заставляет его быть не свободным.

Наша эпоха, как ни одна, как ни одна эпоха раньше, давит на писателя. Она хочет, чтобы писатель выполнял её заказ. <...>

И тот писатель, который наивно поддастся этому требованию и будет служить только ей, окажется, что он тянет одну ноту с другими десятками и сотнями старательных. Они образуют хор, от которого ухо читателя устанет уже через год.

Писатель должен победить эпоху, сделав её материалом для себя. А иначе он не став сам её материалом.

Служа ей, он должен сопротивляться ей, и из этого сопротивления родится прочная ценность. Из хора безликих наивных усердных исполнителей заказа останется только одно лицо смельчака и упрямца.

Служить эпохе часто значит морально жить на готовом, в духовной богдельне, не производя ничего от себя. Таких трутней в каждой эпохе невероятное количество. Они на первый взгляд кажутся неутомимыми работниками и создателями новых ценностей эпохи. Они кажутся голосом эпохи.

Но всё проверяется временем. Их забывают через год-два.

Неблагодарность?

Мудрая справедливость.

Они были не голосом эпохи, а её подголосками. Великие эпохи не любят льстецов. Хотя бы и искренних, хотя бы и усердных. Они, прежде всего, требуют реальной ценности, которую даёт человек”.

Заключение книги Н. В. Корниенко, в соответствии с законами жанра, содержит выводы и обобщения, обоснование методологии, слова благодарности отечественным и зарубежным исследователям-предшественникам, и т. п. В противоречии с законами жанра научной монографии находятся только “детские вопросы”, которые автор ставит перед читателями, прежде чем они закроют книгу. Один из этих внешне наивных вопросов нам хотелось бы процитировать в заключение рецензии:

“Как так получилось, что революцию 1917 г. и красный террор русская интеллигенция не примет (это публично признавали все лидеры партии), а в “год великого перелома” — “второй большевистской” революции, только единицы из армии писателей советской России скажут “нет” и литературе, занятой в эти годы новыми дискуссиями, и творцам коллективизации с миллионными раскулаченными и уничтоженными “мужиков”. <...> Можно обратиться с этим же детским вопросом к 1933 г., там тоже зияет пропасть между просто жизнью (массовый голод) и оттепельной литературной жизнью после закрытия РАППа <...> к 1937 г., к дискуссиям о критике 1940 г.”

Такой же незамысловатый вопрос можно адресовать и нам — писателям, филологам и критикам 2010 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Б е л а я Г. А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004. С. 14.
- ² Г о л у б к о в М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М., 2008. С. 11.
- ³ Там же. С. 17.
- ⁴ Там же. С. 90.
- ⁵ Там же. С. 4.
- ⁶ История русской литературной критики. Под. ред. В. В. Прозорова. М., 2008. С. 272–273.
- ⁷ Серапионовы братья в зеркалах переписки. М., 2004, С. 128.
- ⁸ Там же. С. 223.
- ⁹ Там же. С. 224.
- ¹⁰ История русской литературной критики. С. 261.
- ¹¹ Там же. С. 277–278.
- ¹² Т р о ц к и й Л. Литература и революция. М., 1991. С. 189.

ЛЕВ КОТЮКОВ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ

К выходу в свет книги стихотворений И. И. Переверзина “Грозовые крылья”

Мы все – пришельцы из мира иного, но и в мире ином мы – вечные пришельцы. Мы – вечные странники! Но наши души, наша общая душа, сотворённая любовью, – родина Земли. Без нас, без нашей жизни и любви Земля перестанет быть Землёю и обратится в безымянное пространственное ничто, не существующее во времени и вечности.

Отцветает дикий шиповник близ тихой реки, и следа не осталось на щеке от укола тёмно-зелёного шипа. А душа болит, плачет, скорбит душа, и почти засохла уколывшая тебя когда-то молодая цветущая ветка. Но вновь расцветут сады, вновь запоют птицы, когда найдёшь дорогу к отчему дому.

Тысячи дорог ведут в необъятный мир из родного дома, но только одна дорога приведёт тебя на родину. И воссияет в душе незримый свет любви, и откроется Миру душа поэта:

*Пишу не потому, что это
дано — судьбой, а потому,
что верю в тяжкий путь поэта,
ведущий к свету через тьму.*

Книга замечательного русского поэта Ивана Переверзина “Грозовые крылья” открывает читателю тайны жизни и смерти, любви и предательства, тайны вечности. Ибо вечность в наших душах. Тысячелетие за тысячелетием надвигается, обрушивается на нас время, и каждая человеческая жизнь, прожитая и непрожитая, противостоит его чудовищной энергии.

Но, о, как тяжело давление времени, как хрупок и ненадёжен скафандр человеческого сознания! Гасит холодный ветер одуванчики свеч, с каждым мигом мы всё глубже погружаемся в бездонные, огненосные глубины жизни. Дай-то Бог, если давление времени раньше срока не разорвёт нас, не обратит нас в ничто без имени, без памяти, без любви. От любви не надо требовать добра, нужно самому отвечать за свою любовь перед жизнью и смертью.

*О смерти молчу, потому что в ней,
как в жизни, смеются и плачут,
только, пожалуй, чуть-чуть страшней,
но это немного и значит.
Прощай! И скорей обо мне забудь,
и всё, что сказал, — тем боле.*

*У каждого свой единственный путь,
и каждый волей — неволен...*

Поэзия — это единственный путь Божественного проявления Любви в отчем Слове. Оно чуждо тем, кто не помнит вкуса родниковой воды, кто не в состоянии отличить её от профильтрованной водопроводной, кто живёт и гордоносно утешается так называемой второй природой, стеклотарной блескучестью банковских офисов и ползучими чёрными квадратами микрорайонов.

Иван Переверзин родом из далёкой Якутии. Человек нелёгкой судьбы, он не склоняется перед жёсткими штормами эпохи — никогда не предпочтёт сиюминутное вечному. Он — истинный поэт, и нет для него последних времён, нет последней строчки.

*И полетят деревья в небо,
не отрываясь от корней,
в преддверии дыханья хлеба
с туманных утренних полей.*

*Потом рассветные синицы,
и красногрудки, и чижи
сумеют песнею пролиться
в бессмертном выдохе души.*

Стихи Ивана Переверзина — исповедь души настоящего русского человека, исповедь открытая и сокровенная. Как бы ни талдычили горе-”рыночники” о коммерческой убыточности поэзии, Россия без стихов — это уже не Россия. И всё явственней чудовищная самоубыточность сих околотитературных самозванцев. И всё явственней негасимый свет русского слова.

Идёт непримиримая борьба Числа и Слова! И похоже, что сейчас власть Числа (Числа Зверя — если быть точным!) над миром почти достигла высшей отметки. Число правит миром через нуль, множит на этот чёртов нуль всё — от единицы до бесконечности.

Россия — страна печали, ибо слишком убыточна жизнь на её ознобных просторах, в её безумных глубинах и теснотах. И борются с великой печалью угрюмые обитатели российских пространств с помощью водки: под заборами, в подворотнях, в подъездах, на тесных кухнях — где придётся, и небезуспешно борются. И лишь поэт не бежит от печали, ибо не дано человеку убежать от самого себя.

Но рождаются в сердце поэта

*После долгого молчанья,
после долгой немоты
все слова — как восклицанья
при явленье красоты.*

*И готовы уж потоком
хлынуть без оглядки в стих...
только я ведь перед Богом
буду отвечать за них...*

И отвечает Переверзин перед Богом и Вечностью не только за себя, но и за всё своё поколение. Рождённый в середине пятидесятых, он не стал частью советского поэтического мейнстрима, — того поколения 30–40-х годов рождения, которое беззастенчиво пользовалось возможностями идеологического проталкивания своего рифмоплётства в периодику, государственные издательства. А нынче вроде бы и не с руки примыкать к нарождающемуся сонму агрессивных интернет-графоманов. Так и выросло поколение поэтов в “затемнении времени”, к которому принадлежит и Иван Переверзин. Поколение, не услышанное массовым читателем.

Ну и что с того? — скажу я, ведь мнимая власть над временем строчконогов прошлого и графоманов будущего, над деньгами в силу несокрушимого человеческого дебилизма обернётся заурядным заложничеством. Понаделают они армады новых машин, надувают новые финансовые пузыри — и снова нач-

нётся... О, такое начнётся, такая круговерть, что все предыдущие войны и революции померкнут, всё померкнет, и Господь волей-неволей вынужден будет прекратить это безобразие. Это и будет настоящий конец истории. Не социально-экономический, а метафизический. Господь вернёт время к своему истоку. Сначала оно обвалится, сметая всё, потом потечёт вспять: мёртвые восстанут из гробов, станут юношами, детьми, младенцами, переживут смерть как рождение... Поколение за поколением, до Адама и Евы. А потом?! Потом начнётся всё вновь, недаром сказано Господом: "Творю всё заново". И Бог опять отпустит время в путь с надеждой на человека, с надеждой, что когда-нибудь он станет достоин Божьего одиночества. И так с надеждой до бесконечности, поскольку у Бога ничего нет, кроме надежды, в отличие от нас, верующих в Него. И, может быть, когда-нибудь в бесконечном круговороте времён эта надежда сбудется!..

Потому и помнит об этом Иван Переверзин, потому рвёт свою и читательскую душу, ибо у каждого поколения, даже не услышанного, есть шанс вернуть своё время и отсрочить конец истории.

*И мы, неслыханные грешники,
в ушанках, сдвинутых на лоб,
увидим, как легко подснежники
в ложбину сдвинули сугроб.*

Но несутся по-прежнему сквозь время поезда нашей жизни: мимо вечерних огней, мимо тёмных опадающих рощ и перелесков, мимо родины и чужбины. И, может быть, само время, движимое чудовищной вселенской энергией, гигантским незримым облаком пронесится мимо вмёрзших в чёрные рельсы составов. И все мимо друг друга, мимо себя, неведомо зачем и во имя чего, — но мимо, мимо, мимо!.. И не надышаться горечью рябиновой листвы, свежей сырьё леденеющей осоки, тёплой сладостью последнего костра у дрожащей, замерзающей воды.

*И, стало быть, не всё пропало,
и я без слёз не пропаду,
вот только жить начну сначала
у жизни старой — на виду.*

Через слёзы, через борьбу, когда поражения неотличимы от побед, а друзья вдруг становятся врагами, через соперничество смыслов с массовым помешательством, шаг за шагом поэту удаётся отыскать тот единственный в жизни путь к истинному обретению Родины.

Иван Переверзин — поэт прямого открытого стиля, и в этом он следует традициям Михаила Исаковского, Павла Васильева, Бориса Корнилова. Он — из их плеяды и по ярости жизни, и по мироощущению. Они были оклеветаны коллегами, стали жертвами информационного, литературного и государственного террора, а Павел Васильев и Борис Корнилов даже заплатили за это и своими жизнями.

Но несёт свой крест русский Иван, крест поэта, которому в бессильной злобе завидуют бесталанные неудачники. И терпит унижение завистью и непониманием. Сколько ни твори благодеяний, сколько ни отдавай себя писательскому братству, заботясь о благе и благополучии коллег по цеху (а Иван Переверзин руководит Литературным фондом России), результат один — чёрная зависть и доносы.

Но, слава Богу, на дворе не 37-й год, а времена, хоть и яростные, но власть не идёт на поводу у доносчиков. И несёт свой тяжкий крест поэта и руководителя простой якутский мужик Иван Переверзин — борец за Родину, за права писателей, но не в декларациях, как многие так называемые патриоты, а на деле.

*Ах, за что мне такая награда?
Или я в самом деле прошёл
все круги распроклятого ада, —
и свой мир наконец-то нашёл.*

Потребительское отношение к таланту в России доходит до безобразия. И всё равно потребители ещё чего-то требуют. И очень часто потребители об-

ращаются в завистников. И вспоминается мне литературная поговорка “Мы не от старости помрём, от зависти помрём”. Но стоически идёт Иван Переверзин той единственной дорогой, что ведёт его и Россию к Богу, и не требует ничего взамен ни от поэзии, ни от друзей, ни от недругов.

*Если срок подойдёт, помяните добром
и простите грехи, коль были.
Если ставил вопрос — то всегда ребром,
я любил — и меня любили.*

*Но когда-нибудь грянет кленовая медь,
и простятся друзья со мною.
Но страшной моей смерти — родниковая смерть,
там бессмертье моё земное.*

В вечности нет условного деления на прошлое, настоящее и будущее, в ней всё существует одновременно, подобно истории земной в нашем сознании. Но одновременность вечности есть творческая бесконечность, где каждое мгновение неповторимо, где всё рождается заново и повторяется, не повторяясь.

*Но — сердцем удержи слезу, —
и одолей, как боль, бессилье,
ведь если жизнь несёт грозу,
то смерть душе дарует крылья...*

Истинная трагедия любого человека — в любви, ибо жаждущих быть любимыми многократно больше, чем способных на любовь. Истинная любовь есть мгновение и вечность, она не знает времени от и до, без любви мы мертвы в этой жизни, и нет для нас жизни иной.

Будучи многолюбивым в молодости, Иван Переверзин испытал всю сладость греховных страстей и всепроникающую пустоту души, не озарённой истовой любовью.

И вот в зрелости, когда ему открылся единственный путь, он стал непритворным и настоящим однолюбом. Его любовь обрела верность, ибо всё проходит, кроме любви, ибо вечность крепится любовью и не существует без любви.

Иван Переверзин — поэт широкого дыхания, он владеет тайнами самоцветного русского слова, звучна и летуча его речь, ярки и объёмны его жизнеутверждающие образы. И думается мне, что Ивана Переверзина по праву можно назвать одним из ведущих поэтов новой русской волны начала XX века, что поэтическая звезда его будет всё ярче сиять на небосводе отечественной поэзии.

ВИТАЛИЙ СЕРКОВ

“И ПРОШЛА ЗЕМНАЯ ОСЬ ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ ЭТО”

Надежда Мирошниченко. “О любви”. Сыктывкар, 2008.

Когда-то, прочитав в журнале “Наш современник” стихи Надежды Мирошниченко впервые, я понял, что автор их – человек мужественный и неординарный, но и представить себе не мог, что таится в душе этой женщины. Надежда Мирошниченко восхитила множество раз своей поэзией, напоминая сильному полу о мужестве и верности, о чести и совести.

Родилась она 3 июля 1943 года в Москве в семье партийного работника. С 6-ти лет живёт в Республике Коми. Окончила Коми пединститут. По сути, вся жизнь поэта связана с Севером. Видимо, не сразу суровый северный край стал для неё родным, и не сразу её приняли за свою. Ведь провинциальная жизнь имеет свои особенности, свои приоритеты, свои законы, никем не писанные, а в северной провинции – особенно. И люди там живут непростые. Их на мякине не проведёшь. Ложь и лицемерие они видят не хуже рентгеновского аппарата. Помогли Надежде стать “своей”, как мне кажется, открытость, правдивость и честность. А ещё – отсутствие заносчивости, которую в провинции на дух не переносят. В стихотворении “Вечер поэзии” Надежда Мирошниченко об этом со свойственной ей искренностью и поведала:

*Она такая — из крестьянской поросли.
В руках её надёжных вся семья.
И мы приходим к ней на вечер порознь.
И тяжела ей ветреность моя.*

*Джинсовая, залётная, кудрявая,
Господь, в невестки эту не пошли!
Как горячо крестьянке не по нраву я,
А мы ведь с ней ровесницы почти.*

*Не тороплюсь к любви её, не сетую,
Что ни к селу на этом берегу.
И с Дарьей Николаевной беседую,
И ей ни в чём, как матери, не лгу.*

*Мне с ними хорошо и неприкаянно.
А кто-то шепчет: “Надо же, своя!”
И хлопает мне Дарья Николаевна,
Великая соперница моя.*

Провинция – это не только простые люди, рядом с которыми живёшь, для которых стала своей и которые понимают и любят твою поэзию, не только коллеги по литературному цеху, но ещё и “чиновничье болото”, от которого зачастую многое зависит. Только самые сильные и целеустремлённые люди могут, презрев равнодушие, непонимание, а иногда и необразованность и хамство местных чиновников, выйти на всероссийскую поэтическую орбиту и заявить о себе так, что не замечать их и не считаться с ними в родной провинции уже не могут:

*Провинция любит потом.
Сначала глядит и не видит.
Ей кажется: в люди не выйдет
Из провинциалов никто...*

*...Неправда, что легче в селе,
Ну разве что навеселе.
Провинция любит потом,
Когда на щите золотом.*

Хотя и это не всегда является достаточным аргументом. Попробуй, обратиться за помощью в издании книги. Попробуй-ка, запишись на приём к мэру города. Перед тобой встанет непреодолимая стена из мелких чиновников с бесцветными глазами, просеивающих посетителей через сито равнодушия и непонимания. Можешь услышать и такое: “Это ваше личное дело. Хотите – пишите, хотите – не пишите. А мы-то при чём?” Конечно же, они не при чём. У них задачи глобальные. Таким хоть кол на голове теши. Это я привёл пример из личного провинциального опыта поэта, живущего в “курортной столице России” и в “столице будущей олимпиады 2014 года”. И порадовался за Надежду Мирошниченко и чиновников Республики Коми, зная, что книга, о которой я здесь веду речь, издана на средства администрации к юбилею поэта.

Наверняка и у Надежды Мирошниченко не всегда и не всё складывалось гладко. Наверняка и ей приходилось раз за разом преодолевать “сопротивление материала”, иначе откуда могли произрасти такие признания: “. . . И я, как все, окрепнув от забот, // Себе назначу новые пределы. // И, сетуя, что дел невпроворот, // Хвататься буду за любое дело”. Но в том-то и дело, что чем дальше и выше пределы, за которые поэту удалось заглянуть, тем скорее приходит откровение. “Но вымажутся зеленью двory. // И с вологодским кружевом проталин // Я вспомню вновь: до тех мы пор мудры, // Пока на нежность нас не испытали”.

Поэзия Надежды Мирошниченко – олицетворение загадочности – русской, противоречивости – женской души и необузданности чувств:

*Ах, какое это право —
Огороды городить!
Говорить: пойду направо,
А направо не ходить.
Говорить: прошу участия,
А участием отогреть.
Говорить: умру от счастья.
И от счастья умереть.*

И ярче всего это проявляется в любовной лирике:

*Свяжите, а то я ударю его.
Заприте, а то я к нему убегу.
И лучшего я не хочу никого.
И худшего тоже. А с ним — не могу.*

*Пусть всё умирает: и слово, и жест.
Уйдите, чужие, — у нас разговор.
А разве меня ты не любишь уже?
А разве тебя я люблю до сих пор?*

*Как видишь, всему наступает предел.
Мы думали — в шутку, а жили всерьёз.
Когда ж ты, единственный мой, поседел
От строчек моих, от бессонниц, от слёз?!*

Такие строки вряд ли могут быть переведены на чужой язык, а такие чувства вряд ли могут быть понятны людям нерусским. Запад — слишком рационален, а Восток — закрыт в чувствах. И только русская душа жива изо дня в день, из года в год искренностью и открытостью, сокрушаясь при этом: “Если бы ложь не умела прикинуться Золушкой, // Если бы истина сразу вступала в права...”. В том-то и штука, что и в окружении лжи и лицемерия, в условиях, когда и до истины докопаться становится всё трудней и трудней, потому что она — одна, а правда у каждого — своя, поэт Надежда Мирошниченко знает (что бы о русских ни говорили, в каких бы грехах ни обвиняли, какие бы небылицы о нас ни плели): “Главное в нас, что мы всё ещё верим в хорошее...”. И только истинно русский поэт может признаться: “Мне хорошо, я опять попадаю на искренность. // Чувство опасное, а всё равно хорошо”. Потому, видимо, и хорошо, что не таила правду, не являла в стихах полуправду и ложь, которые, как ржавчина, разъедают душу. И вовсе не случайно написалось, как выдохнулось:

*Горжусь, что не завидовала счастью
Чужому. Что чужого не брала
Что радовалась людям настоящим.
И воду родниковую пила.*

*Горжусь, что, боль и страх преодолевая,
Училась правде. И теперь не лгу.
Горжусь, что понимаю негодяя,
А жить, как он, на счастье, не могу.*

*Горжусь, что ты со мною не расстался,
Хотя пытался. Что душа чиста.
Что голос мой окреп и не сорвался.
Как сложен мир. Как истина проста.*

Основополагающее свойство поэзии Надежды Мирошниченко — максимализм: если знать, то или всё, или ничего. Если любить, то так, что и от нежности твоей близкие люди могут получить ожоги. И в отношениях с родными, и в любых других проявлениях жизни чувства оголены и раскалены до опасного предела:

*Ничего не получается без раны.
Если нежность — обжигая до костей.
Если память — угрызенья да изъяны.
Если карты — драматических мастей.
А хотела, чтобы рядышком да вместе,
Чтобы всем достался поровну калач.
Если праздник, чтобы искренность и песни.
Если похороны — искренность и плач.
То ли меченая, то ли чумовая,
Одного на этом свете не пойму:
Ведь не ада я желала им, а рая,
Почему они сгорели? Почему?*

В таком энергетическом накале жить непросто и самому поэту. И не только потому, что волны её энергии не всегда безболезненно задевают родных и

близких, людей, которые по-настоящему дороги, но страдают порою от случайных ожогов. Происходит произвольный перерасход энергии, доходящий до почти полной разрядки. А после всё повторится. И другую причину, по которой поэту непросто жить, я нашёл в одном из лучших, на мой взгляд, стихотворений Надежды Мирошниченко:

*...Нам не понять, за что, хоть всё оплачено
Парною кровью, мёртвой головой,
Опять Россия бесом раскулачена
По новой по цене, по мировой.*

*Нам этого бесчестия не вынести.
Ещё чуть-чуть — и разорвут страну
Очередной непоправимый вымысел,
Оправленный в гражданскую войну.*

*Нас всё равно ни галльские, ни шведские
Подачки не сумеют устеречь.
Неукротимы души наши детские.
И неподвластна плену наша речь.*

*Уже не знаешь, что за чем последует.
Как муравьи, политики снуют.
Мне говорят: на Родину не сетуют.
Но Родину ведь и не продают.*

Вряд ли эти строки прочтут, а если прочтут, то вряд ли правильно поймут “снующие, как муравьи, политики”, но русские люди эти строки должны знать. Да и среди политиков, я уверен, есть ещё русские люди, которым судьба России и русского народа не безразличны. По крайней мере, в это хочется верить. Ведь русские — государствообразующий народ. И появлению слова “россияне” мы, видимо, обязаны тем, кому слово “русский” мешает торговать русской землёй, за соби́рание и сбережение которой заплачено на протяжении веков неисчислимой русской кровью. А раз “россияне”, то нечего вроде бы и горевать за русскую землю. И Надежда Мирошниченко это хорошо понимает.

*Нет, не россияне мы, а русские.
Россияне — те, что без креста.
Те, что не справляясь с перегрузками,
Страх пережидают по кустам.*

*Те, что ищут тёплого да сладкого.
Кто не знает: горе — не беда.
Русские — мы славились ухваткою,
Верностью России навсегда.*

...Какой бы энергоёмкой ни была душа поэта, но и она устаёт от постоянной борьбы, от понимания, что почти ничего сделать невозможно, от глухоты политиков и бесполезность протестов. И неудивительно, что среди энергетических смерчей, которыми полна книга “О любви”, вдруг натыкаешься на полную опустошённость и усталость: “Всё надоело, Люди на сходки // Мчатся, а мне, паршивке, // Всё надоело. Краткие сводки // С митингов, как фальшивки. // Всё надоело: тропы и трассы. // Вижу, как в очерёдный // Раз оболванят родные массы // Ненависти народной”.

Готовясь к написанию этой статьи, я заглянул в “Лексикон” Вячеслава Огрызко (Русские писатели. Современная эпоха. Эскиз будущей энциклопедии. Москва. Литературная Россия. 2004 год) и прочитал о Надежде Мирошниченко следующее: “В последние годы в своих стихах постоянно использует слова “Русь”, “Россия” и “русский”, из-за чего их высокое значение читателями порой уже не воспринимается”. Попал пальцем в небо! Для русских читающих и думающих людей эти слова от частого употребления стереться не могут. На-

дежда Мирошниченко раз за разом, вскрывая болевые точки, не боится самоидентификации, не боится назваться русской, не боится сказать нелицеприятное в адрес нынешних правителей и тех, кого мы называем “пятой колонной”, а проще — предателей. Как же можно обойтись без понятий “Россия”, “Русь”, “русские”, если речь идёт в стихах именно об их судьбе, о их горестях и проблемах? Ведь всё, о чём пишет Надежда Мирошниченко, — на устах у простых русских людей. А поэт лишь чутко уловил чаянья людей, чувствуя “пласты и времени, и совести, и слова”.

Я считаю Надежду Мирошниченко русским национальным поэтом. И вовсе не важно, что она живёт в Республике Коми. Ведь в республиках Северного Кавказа, к примеру, присваивают звание “Народный поэт”. Поскольку русский народ является государствообразующим, но не имеет своей государственности, то и назвать невозможно кого бы то ни было из русских поэтов народным. Но русским национальным поэтом мы имеем право называть достойных представителей своего народа.

Слова, которые проакцентировал автор “Лексикона”, употребляются поэтом всегда кстати, не выпирают из текста и никаких умозаключений не педалируют. Не побоюсь привести для примера стихотворение, посвящённое Станиславу Куняеву:

*Не зря веки мы не торопились
Принять чужое ближе, чем своё.
Не зря над Русью вороги глумились,
А не сгубили таинства её.*

*Не зря нас покупала заграница,
Где каждая былинка — напоказ.
Но, обернувшись девицей, жар-птица
С ума сводила молодца у нас.*

*Но рвань и пьянь, что вяла под забором
С единой мыслью: поутру напьюсь, —
Вдруг поднималась в страшный час позора
И умирала праведно за Русь.*

.....
*Зато нас помнят и Царьград, и Плевна.
Да стоит ли об этом говорить!
О, Русь моя! О, Спящая Царевна!
Мне горевать, что снадобье варить.*

*О, Русь моя! Единственное имя,
Которому служить не разучусь!
Болею всеми болями твоими.
Но всей твоею радостью свечусь.*

Вот и я воспринимаю стихи Надежды Мирошниченко, особенно те, что кровоточат ранами и вопиют болями за Русь, за Россию, за русский народ, как снадобье, помогающее выжить.

Если бы господа демократы не убрали из паспорта графу “национальность”, если бы нынче в школах не преподавали детям историю по учебникам Сороса, в которых и во Второй мировой войне Советскому Союзу отводится второстепенная, вспомогательная роль, если бы за последние два десятилетия не подвергались нападкам со всех сторон Россия, русский народ, российская армия, если бы не вызрело возмущение во многих и многих русских сердцах от этой несправедливости, то не пришлось бы русским поэтам писать кровоточащие стихи, в которых они раз за разом пытались достучаться до сердец своих соотечественников, в том числе и употребляя слово “Русь”, “Россия”, “русский”. А если вспомнить, что русская культура загнана на задворки СМИ, что ни по радио, ни с экрана телевизора не услышишь нынче ни русских песен, ни чистой русской речи, что памятники воинам-освободителям в республиках бывшего Союза и за пределами его сносятся, что героями объявляются бывшие нацисты и их пособники, а русских героев, которые осво-

бодили Европу от коричневой чумы и доживают свой век за пределами России, таскают по судам, как оккупантов, то и удивляться не приходится, когда поэт поднимает раз за разом русскую тему в своих стихах:

*Я столько раз тропой ходила узкою,
А вот дождалась часа своего.
Я столько раз сказала слово русские,
Что наконец услышали его.*

Накануне Нового 2011 года в Сочи трое гастарбайтеров, приехавших из Средней Азии на заработки, изнасиловали и зарезали двадцатилетнюю русскую девушку. Все трое задержаны, идёт следствие. Но надеяться на то, что дело это получит широкую огласку, не приходится. Наверняка местные власти этот факт захотят утаить от широкой общественности, а зря. Это необходимо хотя бы для того, чтобы девушки были разборчивей в знакомствах, чтобы приехавшие на заработки гастарбайтеры знали, что любое преступление с их стороны будет караться. Такие стихи Надежды Мирошниченко, как “Русский манифест”, посвящённые Валентину Распутину, думаю, не оставят равнодушными русских людей, :

*Пропадёт моя Русь, так никто на земле и не выстоит.
Нету русским начала, и, видно, не будет конца.
И какой басурманишка в белую лебедь ни выстрелит,
Всё вернётся стрела и убьёт самого же стрельца.*

*Что вы, чёрные вороны, по полю чёрному рыщете?
Что вы, чёрные вороги, наши считаете дни?
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы не лучше, не хуже. Мы просто такие одни.*

Поэзия Надежды Мирошниченко давно уже шагнула за пределы северной провинции и стала близкой и понятной в самых отдалённых уголках России не только русским людям, а всем, кому не безразлична судьба страны, всем, кто не мыслит своего существования вне русской культуры и русской литературы.

А СУДЬИ — КТО?

В течение нескольких дней в конце января и в начале февраля 2011 г. наша массовая пресса (“Литературная газета”, “Новая газета”, “Московский комсомолец”) совершила беспрецедентный наезд на Верховный Суд России за то, что он вынес определение о приостановлении решения Савёловского суда г. Москвы по итогам V конференции Международного литературного фонда. Заодно и всё руководство МЛФ, выбранное на этой конференции, было в который раз оболгано и ошельмовано.

Особый вклад в эту развязную кампанию внесли самые лихие и бессовестные перья “Московского комсомольца”:

“Не первый год продолжаются тяжбы вокруг наследия Литфонда СССР, — вещает газета П. Гусева в тексте за коллективной подписью “Отдел культуры”. — Наследие это хорошо тем, что его можно выгодно продать. Уже давно нашлись в Российском и Международном Литфондах люди, которые пишут не очень хорошо, зато, якобы сообщая, хорошо продают имущество” (“МК”, № 21, 2011 г.).

Сообщаем “следователям” из “МК”, что новое руководство МЛФ, избранное 15 апреля 2008 г., хотя и пишет “не очень хорошо”, но не продало ни одной сотки переделкинской земли, что подтвердили аудиторы Счётной палаты РФ, два месяца проверявшие летом 2010 г. финансовое положение Литфонда.

Но “МК” прав в том, что **“наследие” Литфонда действительно можно “выгодно продать”**, однако для этого его надо сначала приватизировать. Именно поэтому прежним руководством Литфонда была разработана схема “долгосрочных договоров аренды” с правом “передачи в собственность” переделкинского “наследия”, после чего более двадцати дачников-арендаторов принесли, кто в Литфонд, кто в суд, документы для осуществления этой аферы. И она состоялась бы, если бы на пути приватизаторов не встали стеной решения V конференции МЛФ и его новое руководство, остановившие “чубайсовскую революцию” в Переделкино. И мы благодарны Верховному Суду России, который не позволил Савёловскому суду завершить разграбление легендарного писательского посёлка.

Хотя, признаём, борьба эта без потерь не обошлась.

“Московский комсомолец” устами своего “Отдела культуры” сообщает о том, кто есть **“инициаторы борьбы с финансовыми нарушениями в Литфондах”**, и называет фамилии “бескорыстных борцов”: Е. Евтушенко, Ю. Поляков, Е. Сидоров, Г. Зайцев, А. Битов, Ф. Кузнецов.

В том же тексте Георгий Зайцев (который, по логике “МК”, “пишет очень хорошо”), самовольно воздвигнувший на литфондовской земле без всякого разрешения баньку, угрожает Верховному Суду РФ:

“Недавно председателю Верховного Суда В. М. Лебедеву было направлено открытое письмо писателей Д. Гранина, А. Битова, Е. Евтушенко, Е. Сидорова и трёх руководителей стран СНГ с требованием отменить определение судьи Е. С. Гетман”... Не устроило приватизаторов это определение, и они “требуют” “отменить” его, они судят Верховный Суд России и учат его уму-разуму.

Но зададим себе классический вопрос: А судьи — кто? Как они уважают закон и любят родной Литфонд, как берегут нашу общую писательскую

собственность, как выполняют свои обещания, данные литературному братству, как соблюдают заветы великой нашей литературы о чести, достоинстве и бескорыстии русского писателя?

В числе авторов кляузных писем в прессу, как правило, присутствует Е. Евтушенко, который, расширяя свою дачу, подписал в 2001 году договор с Литфондом, где был следующий пункт: **“После окончания работ пристройка и надстройка помещений передаются в собственность Международного Литфонда в качестве благотворительного взноса”**.

Однако через два года этот “благотворитель” с помощью Видновского городского суда втайне от руководства Литфонда присвоил себе и перестроенную дачу, и земельный участок, который по нынешней рыночной цене стоит не менее 2,5 миллиона долларов. Уж не это ли обстоятельство имеет в виду отдел культуры “МК”, когда пишет, что **“можно выгодно продать”** “наследие Литфонда СССР”? А теперь алчный поэт изображает себя бескорыстным защитником переделкинской собственности! Кстати, и Ю. Поляков в том же Видновском суде в том же 2003 году и в один день с Евтушенко провернул ту же комбинацию с дачным участком, пообещав впоследствии поставить свой новый особняк на баланс Литфонда, но как дал слово, так и взял его обратно. Рыночная стоимость отнятой Поляковым у писателей собственности скромнее: всего около одного миллиона долларов.

Да за такие деньги они оба будут насмерть бороться не то что с Переверзиным или с Верховным Судом – и на Божий Суд махнут рукой!

А петербуржцам Даниилу Гранину и Андрею Битову, прежде чем подписывать сомнительное письмо в адрес Верховного Суда, не мешало бы вспомнить, что их любимый Дом творчества в Комарово, вдрызг развалившийся и переставший работать при правлении прежнего председателя МЛФ Ф. Кузнецова, при новом руководстве, заработавшем 12 млн рублей на его ремонт, возрождён, восстановлен и открыт в конце 2009 года для жизни и работы писателей всей России.

Можно понять бывшего министра культуры Е. Сидорова, подписавшего письмо: он без разрешения Литфонда расширил площадь переделкинской дачи со 150 до 340 кв. м и страшится справедливого возмездия. Но почему требуют отмены решений Верховного Суда РФ отдельные иностранные граждане стран СНГ – Казахстана, Азербайджана и Киргизии?

Неужто они возомнили себя членами Европейского Страсбургского суда? К тому же двое из этих троих эсэнгэвских подписантов, выдающих себя за руководителей писательских Союзов Азербайджана и Киргизии, таковыми не являются.

Георгий Зайцев, один из разработчиков приватизационной переделкинской схемы и поставщик слухов и сплетен для “Московского комсомольца”, заявил в этой бульварной газете, что в Литфонде “очень много денег идёт ...на юридическую поддержку и сверхвысокие зарплаты Переверзину и Куняеву”. Но не надо сплетничать, не зная существа дела. Станислав Куняев, избранный председателем МЛФ на V конференции в апреле 2008 года, узнав о трудном финансовом положении организации, решил, что, в отличие от предыдущего председателя Ф. Ф. Кузнецова (получавшего в течение пяти лет более 100 тысяч рублей в месяц и появлявшегося в Литфонде только в дни зарплаты), ему будет выплачиваться зарплата вдвое меньше. В результате за истекший период бухгалтерия Литфонда сэкономила 878 тыс. рублей, которые пошли на юридические услуги и материальную помощь писателям. Кстати, И. Переверзин, следуя примеру Куняева, тоже принял решение о сокращении своей зарплаты вдвое.

Словом, куда ни ткни – везде текст “Московского комсомольца” нашпигован дезинформацией и подлогами.

Да что можно ждать от этой газеты, которая призывает нас к соблюдению финансовой честности и общественной морали, а в эпоху Ельцина и в эпоху Путина регулярно публиковала рекламу, адреса и телефоны домов свиданий и частных борделей с эротическими и сексуальными услугами. Ни в одной цивилизованной стране главного редактора такой газеты ни в какое государственное и общественное заведение на порог бы не пустили. А у нас он заседает в каких-то важных структурах, с президентом на этих заседаниях здороваются.

Да после таких рукопожатий руки мыть надо...

“Верховный Суд должен быть под двойным общественным контролем”, – грозно вещает жёлтая газета, чьи авторы прямо-таки жаждут, чтобы Верховный Суд стал игрушкой в руках продажных СМИ. Но вспомним урок, преподанный нашим президентом матерому западному журналисту в Давосе. На его бестактное предложение повлиять на процесс по делу Ходорковского президент России решительно заявил, что это и невозможно, и вредно для судопроизводства, поскольку такое вмешательство будет примером для разных сил, желающих диктовать судебной системе свою волю, что непоправимо повлияет на работу судов страны...

Другими словами, президент осудил всякое давление на судебные органы со стороны разнузданных и преследующих коррупционные интересы средств массовой информации. Как говорится, дай им палец, они всю руку откусят.

В своё время и городской Видновский, и Савёловский районный суды, и даже Мосгорсуд “прогнулись” под этим давлением и поддержали приватизаторов и коррупционеров из нашей писательской среды.

“Савёловский суд ещё в ноябре 2008 года и повторно при новом рассмотрении 16 июня 2010 г. признал V сепаратную конференцию МЛФ от 15 апреля 2008 г. незаконной – ...Московский городской суд эти решения оставил в силе”, – торжествующе докладывает журналистам “МК” Г. Зайцев.

На этом основании он возмущается тем, что судья Верховного Суда Е. С. Гетман своим определением приостановила **“решение Савёловского суда от 16 июня 2010 г., признавшего незаконной V конференцию МЛФ”.**

“Кстати, – продолжает негодовать Зайцев, – эта же судья ещё 3 февраля прошлого года своим определением преградила путь на президенту Верховного Суда нашей надзорной жалобе по V конференции МЛФ, то есть прошла двойная “заруба” по нашему делу... мы прямо написали в нашей жалобе на имя председателя Верховного Суда В. М. Лебедева, что, видимо, в этом деле были задействованы или телефонное право, или чья-то ангажированность” (“МК”, № 21, 2011 г.).

Но Зайцев сознательно лукавит. На самом деле объективная позиция судьи Е. С. Гетман базируется на основополагающем для нашего спора определении судебной коллегии Верховного Суда от 15 сентября 2009 г., прошедшей под председательством судьи В. В. Горшкова. Именно тогда по делу о V конференции по решению Савёловского суда было вынесено следующее определение:

“Не определив в установленном законом порядке совокупность обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора, и не установив с достоверностью юридически значимые факты, суд допустил существенные нарушения норм материального и процессуального права, что повлекло вынесение незаконного и необоснованного решения”.

“Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает, что решение Савёловского районного суда г. Москвы от 21 ноября 2008 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Мосгорсуда от 13 января 2009 г. нельзя признать законными и они подлежат отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции”.

Так что никакого отношения нынешняя позиция судьи Е. С. Гетман к “телефонному праву” и “ангажированности”, о чём разглагольствует в “МК” Г. Зайцев, не имеет. Верховный Суд остаётся верным своей чёткой юридической позиции и не “прогибается” перед диктатом жёлтой прессы и “указаниями” Георгия Зайцева, сознательно умолчавшего о решении коллегии Верховного Суда от 15 сентября 2009 г.

Что же касается суда Савёловского, то надо вспомнить, что его судья Клепикова, безоговорочно принявшая сторону переделкинских приватизаторов, летом 2010 года уволилась из состава суда в связи с коррупционным скандалом, разразившимся в Савёловском суде.

Дело савёловских судей-коррупционеров получило широкую огласку и выплеснулось на телеэкраны.

А теперь наши приватизаторы требуют от Верховного Суда признания клепиковских решений праведными и справедливыми! Ну не абсурд ли это?

Более того, они требуют от президента “**небольшого указа о совершенствовании судебной системы**” (“МК”, № 21, 2011 г.), не понимая в своём раже того, что прямое администрирование – это верный путь к окончательному развалу судебной системы.

В. Распутин – писатель, лауреат Государственной премии России; **В. Белов** – писатель, лауреат Государственной премии России; **В. Крупин** – писатель, лауреат Государственной премии России; **А. Крутов** – президент Международного фонда славянской письменности и культуры; **Р. Мухамадиев** – писатель, заслуженный работник культуры России, лауреат Государственной премии Татарстана, лауреат Государственной премии Турции в области литературы и искусства; **Касым Кашубеков** – писатель, директор Литфонда Республики Кыргызстан; **Н. Русу** – писатель, директор Литфонда Республики Молдова; **Мехмон Бахти** – писатель, председатель СП Таджикистана; **С. Василенко** – Первый секретарь Общероссийской общественной организации “Союз российских писателей”, лауреат многих российских и международных литературных премий; **Маквала Гонашвили** – председатель Правления СП Грузии; **Левон Блбулян** – поэт, переводчик, лауреат премии имени Ав. Исаакяна; **Л. Бородин** – писатель, лауреат премии имени Солженицына; **М. Ножкин** – народный артист России, лауреат многих Государственных премий; **В. Лихоносов** – писатель, лауреат Государственной премии России; **Ст. Куняев** – председатель президиума Международной общественной организации писателей “Международный Литературный фонд”, поэт, публицист, лауреат Государственной премии России; **И. Переверзин** – председатель Исполкома Международного союза общественных объединений “Международное сообщество писательских союзов”, председатель президиума ООП “Литературный фонд России”, заслуженный работник культуры Якутии, заслуженный работник культуры России, лауреат многих российских и международных литературных премий; **В. Бояринов** – председатель правления Региональной общественной организации “Московская городская организация Союза писателей России”, поэт, публицист, заслуженный работник культуры России, лауреат многих российских и международных литературных премий; **Л. Котюков** – председатель правления Региональной общественной организации “Московская областная организация Союза писателей России”, поэт, прозаик, публицист, заслуженный работник культуры России, лауреат многих российских и международных литературных премий; **Б. Орлов** – председатель правления Санкт-Петербургского отделения СП России; **И. Машбаш** – народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, лауреат Государственных премий СССР и России.